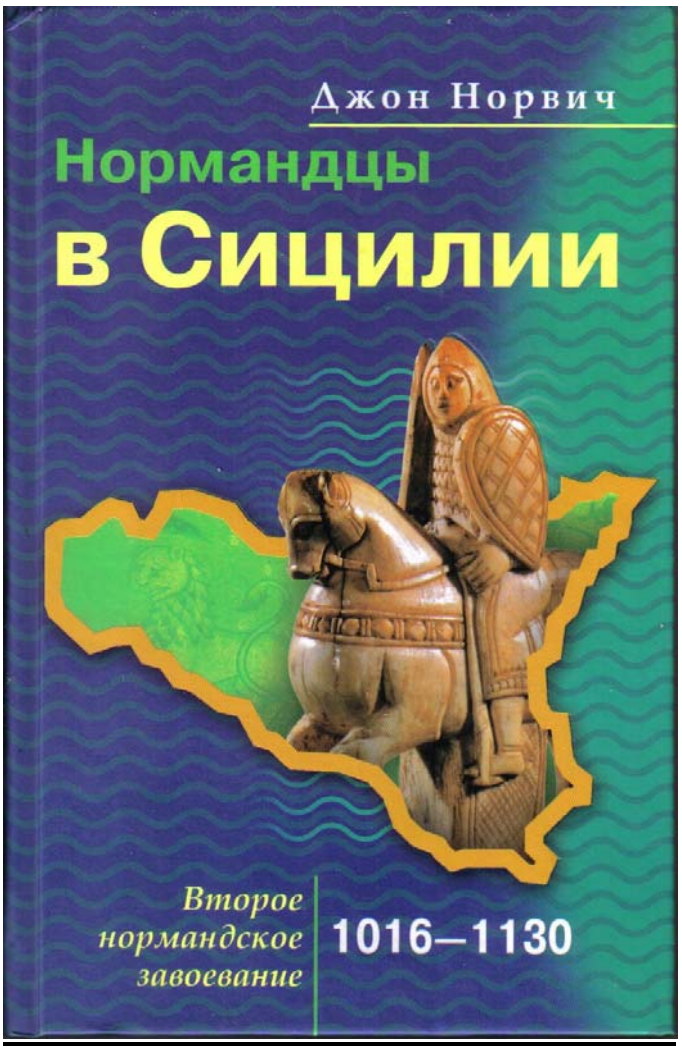
VISIT…



John J.Norvich

The Normans in the South

1016 – 1130

Джон Норвич

Нормандцы в Сицилии

Второе норманское завоевание
1016 – 1130

Москва
Центрполиграф
2005

Оформление художника И.А. Озерова

Норвич Джон
Н82 Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание. 1016 — ИЗО / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 367 с.
ISBN 5-9524-1751-5

В книге рассказывается о возвышении и недолгом величии дома Отвилей. О том, как за одно поколение сыновья Танкреда превратились из мелких землевладельцев в королей богатейшего острова. Северные авантюристы стали султанами в восточной столице. Пираты приобщились к культуре арабского двора. Мародеры, сжигавшие Рим, получили из рук папы митру и далматик — символы церковной власти.

ББК 63.3(0)4

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2005
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2005

OCR и вычитка – Aspar, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Часть первая
ЗАВОЕВАНИЕ

Глава 1. Начало
Глава 2. Прибытие
Глава 3. Укрепление позиций
Глава 4. Сицилия
Глава 5. Восстание
Глава 6. Новые поселенцы
Глава 7. Чивитате
Глава 8. Схизма
Глава 9. Объединение
Глава 10. Примирение
Глава 11. Вторжение
Глава 12. Завоевание
Глава 13. Палермо

Часть вторая
ПОСТРОЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА

Глава 14. Расхождение
Глава 15. Отлучения и инвеституры
Глава 16. Против Византии
Глава 17. От Рима до Венозы
Глава 18. Победители и побежденные
Глава 19. Великий граф
Глава 20. Аделаида
Глава 21. Годы становления

Глава 22. Воссоединение
Глава 23. Коронация

Заметки об основных источниках

Посвящается Энн

Введение

В октябре 1961 г. мы с женой проводили отпуск в Сицилии. Я имел смутное представление о том, что в Средние века там некоторое время правили нормандцы, но этим мои познания ограничивались. В любом случае, я не был готов к тому, что увидел. Там были соборы, церкви и дворцы, которые естественно и гармонично сочетали в себе все лучшие черты архитектуры трех ведущих цивилизаций того времени - североевропейской, византийской и сарацинской. Здесь, в древнем центре Средиземноморья, соединялись Север и Юг, Запад и Восток, латинский и тевтонский мир, христианство и потрясающий пример терпимости и просвещения на уровне, уникальном для средневековой Европы и редко достигавшимся даже в последующие века. Я был поражен и жаждал узнать больше. Вернувшись из отпуска, я отправился прямиком в Лондонскую библиотеку.

Там меня ждал печальный сюрприз. Несколько французских и немецких книг XIX в., написанных с педантичной ученой основательностью и невыносимо скучных, пылились на верхней полке; но для обычного английского читателя, желавшего узнать что-нибудь о нормандской Сицилии, не нашлось практически ничего. В первый момент я даже думал, не подвела ли меня одна из самых прославленных английских библиотек, я отлично знал, что это не так. Если Лондонская библиотека не располагала книгами, которые нужны, это означало, что ни одной такой книги нет. Так я впервые столкнулся с вопросом, на который и теперь, пять лет спустя, не могу дать ответ: почему одна из самых удивительных и романтических глав европейской истории между эпохами Юлия Цезаря и Наполеона практически не известна широкой публике. Даже во Франции любую попытку заговорить на эту тему встречают пустыми междометиями и несколько смущенным молчанием.

В Англии, которая пережила похожее, хотя и не столь блестящее нормандское завоевание, почти в то же самое время и впоследствии дала Сицилии несколько государственных деятелей и даже королеву, всеобщее недоумение читалось еще отчетливей. Г-н Фердинанд Шаландон, автор классического труда, посвященного этому периоду, включил в свою монументальную библиографию из более шестисот названий только одного английского автора - Гиббона. Хотя за шестьдесят прошедших лет в Англии появилось несколько блистательных ученых, во главе с мисс Ивилин Джэмисон, которые сумели пролить свет на этот темный период истории, до сего дня вышли только две неспециальные книги, рассказывающие о нормандском завоевании Сицилии более-менее подробно. Я имею в виду книгу Э. Кертиса "Рожер Сицилийский", написанную умело, хотя несколько тяжеловесно незадолго до Первой мировой войны, и труд Ван Вайка Осборна "Величайшие нормандские завоевания", где аккуратность и эрудиция ученого принесены в жертву его буйному воображению. Обе эти книги опубликованы в Нью-Йорке; обе вышли давно и не охватывают всего интересующего меня периода.

Вывод напрашивался сам собой: если я хочу полного изложения истории нормандской Сицилии для читателя-дилетанта, надо написать книгу самому. Вот почему я выношу сегодня на ваш суд - со страхом и робостью - первую из двух книг, вместе охватывающих всю историю от первого дня в 1016 г., когда группа нормандских паломников высадилась на берег у храма Архангела Михаила на горе Гаргано, до того

момента 178 лет спустя, когда самая блистательная корона Средиземноморья перешла к мрачнейшему из германских императоров. В этой книге рассказано о первых 114 годах, до Рождества 1130 г., когда Сицилия стала королевством, а Рожер II ее королем. Это были героические годы, годы тяжких трудов и завоеваний, в которых главную роль играли сыновья и внуки Танкреда де Отвиля, и прежде всего Роберт Гвискар, один из немногих гениальных военных авантюристов в истории, которые начали с нуля и умерли непобежденными. Потом настроения изменились, северная суровость подтаяла на солнце; и звон стали постепенно сменился шепотом фонтанов в тенистых патио и бренчанием струн.

Эта книга не претендует на научность. Помимо всего прочего, я не ученый. Несмотря на восемь лет того, что по-прежнему оптимистически называют классическим образованием, и недавний мучительный курс переподготовки, мои познания в латыни скромны, а в греческом - еще беднее. Хотя мне часто приходилось сражаться с древними источниками в оригинале, я всегда с благодарностью обращался к переводам, когда представлялась подобная возможность. Я старался прочитать как можно больше о рассматриваемом мной периоде, чтобы вписать свою историю в общеевропейский контекст, однако едва ли я раскопал какой-то новый материал или сделал оригинальные выводы. То же относится и к архивной работе. Я думаю, что посетил все важные места, упомянутые в книге (многие из них - в отвратительную погоду), но мои поиски в местных библиотеках и архивах - исключая Ватикан - были краткими и основном бесплодными. Но все это не имеет значения. Моя цель состояла, как я уже сказал, в том, чтобы дать читателю-неспециалисту такую книгу, о которой я мечтал во время первого посещения Сицилии, - книгу, где объяснялось бы, как нормандцы стали хозяевами этой земли, какое королевство они здесь создали и как они умудрились сформировать культуру одновременно такую красивую и необычную. Переведя дух, хочу сказать, что, надеюсь, я смог отдать им должное.

Часть первая
ЗАВОЕВАНИЕ

Глава 1.
НАЧАЛО

С отринутым забралом звездный шлем
Являл прекрасный мужественный лик
Архангела, как бы его черты
Недавние приметы юных лет утратили,
Висел огромный меч, - гроза погибельная сатаны,
На поясе подобном зодиаку блистательному при бедре
Копье в его руке.

Мильтон. Потерянный рай. Книга XI

Для путешественника, направляющегося от Фоджии на восток к морю, угрюмая тень горы Гаргано нависает над равниной как грозовая туча. Эта гора - темная масса известняка, поднимающаяся столь неожиданно над равнинами Апулии и вторгающаяся на сорок или около того миль в Адриатику, - выглядит необычно и немного пугающе. В течение веков ее называли "шпорой Италии" - название не слишком удачное даже исходя из зрительного образа, поскольку "шпора" находится слишком высоко на сапоге и кажется прикрепленной задом наперед. Гора Гаргано скорее напоминает большую жесткую мозоль, случайную и, главное, нежеланную. Даже местность здесь напоминает скорее Германию, чем Италию; жители этого сырого, продуваемого всеми ветрами края мрачны, одеваются в черное и стары (в противоположность остальной Апулии, где средний возраст горожан, судя по всему исключительно мужчин, похоже, не больше семи лет), что

подтверждает странную его чужеродность. Гора Гаргано - и для туристов, и для самих итальянцев - нечто постороннее. Она - сама по себе.

Это чувство всегда существовало у апулийцев, и они всегда относились к горе одинаково. С отдаленной древности аура святости витала над горой. Уже в античности на ней располагались по крайней мере два важных храма: один - посвященный Поладерию - древнему герою-воину, не слишком прославленному и еще менее занимательному, и посвященный Калхасу, предсказателю из Илиады: в этом храме, согласно Страбону, "те, кто советовался с оракулом, жертвовал его тени черного барана, а затем спал в его шкуре". С приходом христианства святилища продолжали существовать в ином качестве, претерпев минимальные изменения, чтобы соответствовать духу времени; однако к V в. после тысячи или более лет в роли священного места гора была готова для того, чтобы на ней произошло чудо. 5 мая 493 г. местный пастух, искавший прекрасного быка, которого он потерял, неожиданно обнаружил животное в темной глубокой пещере на склоне горы. Его попытки выманить быка наружу оказались безуспешными, владелец наконец в раздражении пустил стрелу в упрямую скотину. К удивлению пастуха, стрела на полпути остановилась, повернула назад и вонзилась ему в бедро, нанеся неприятную, хотя и неглубокую рану. Крестьянин поспешил домой и рассказал о случившемся Лаврентию, епископу Сипонто, который приказал своей епархии три дня поститься. На третий день Лаврентий сам посетил место, где произошло чудо. Едва он прибыл, появился архангел Михаил в полном вооружении и объявил, что пещера впредь будет храмом, посвященным ему и всем ангелам. Затем он исчез, оставив как знак свою большую железную шпору. Когда Лаврентий с помощниками несколькими днями позже снова приехали на гору, они обнаружили, что ангелы в его отсутствие не бездействовали - грот превратился в часовню. Ее стены были украшены пурпуром, повсюду разливался мягкий теплый свет.

Бормоча молитвы, епископ приказал, чтобы на скале над входом в пещеру была построена церковь, а четыре месяца спустя, 29 сентября, он освятил ее в честь архангела.

Церковь Лаврентия в маленьком городе Монте-Сан-Анджело давно исчезла, но архангел Михаил не забыт. У входа в его пещеру стоит теперь восьмигранная колокольня XIII в. и довольно тяжеловесный портик в романском стиле, построенный сто лет назад. Внутри длинная лестница уводит вас в недра скалы. Стены увешаны подношениями, принесенными по обету, - костыли, повязки, протезы; глаза, носы, ноги, груди, неумело наштампованные на оловянных пластинках; картины - подлинный крестьянский примитив - изображающие дорожные происшествия, работающих лошадей, перевернутые кастрюли и другие неприятные события, во время которых жертва была спасена благодаря чудесному вмешательству архангела. Наибольшее умиление вызывают костюмы, которые надевали на маленьких детей в честь архангела, благодаря его за оказанную услугу, - крошечные деревянные сабли, крылья из оловянной фольги и кирасы; рядом порой вешают фотографию ребенка - все это постепенно разрушается на темном сыром камне. Внизу за парой восхитительных бронзовых византийских дверей - подарок богача Амальфитана в 1076 г. - расположена сама пещера, почти такая же, какой оставил ее Лаврентий. Воздух внутри нее звенит от молитв и душен от ладана, курившегося на протяжении пятнадцати веков; вода сочится из камня и капает со сверкающего каменного свода, и верующие собирают ее в маленькие пластиковые чашки. Главный алтарь, залитый светом и увенчанный статуей архангела, занимает один из углов; в остальном пространстве властвуют крошащиеся колонны, заброшенные алтари в глубоких нишах, темнота и время.

Гора Сан-Анджело в свое время была одной из главных святынь Европы. Ее посещали Григорий Великий в VI в. и святой Франциск в середине XIII в. (он подал верующим плохой пример, вырезав инициалы на алтаре у входа), императоры - Оттон II, который в 981 г. прибыл туда с очаровательной молодой женой - византийской принцессой Феофано, и их меланхоличный, склонный к мистике сын Оттон III, который в порыве религиозного рвения прошел босиком весь путь из Рима; а также в 1016 г. группа

скромных нормандских паломников, чья беседа со странно одетым странником в этой самой пещере изменила курс истории и привела к основанию одного из самых мощных и блистательных королевств Средневековья.

К началу XI в. нормандцы фактически завершили тот путь, который меньше чем за сто лет привел их от варварства к цивилизации. Сборище безграмотных язычников превратилось в христианское, хотя не слишком разборчивое в средствах полунезависимое государство. Даже для энергичной и одаренной расы это было колоссальное достижение. Еще жили люди, чьи отцы могли помнить Ролло, светловолосого викинга, который провел свои длинные корабли вверх по Сене и в 911 г. получил от французского короля Карла Простоватого восточную часть современной Нормандии. В действительности Ролло не был первым из завоевателей-нормандцев, но он сумел объединить усилия и стремления своих соплеменников, для того чтобы обжить новую землю. Уже в 912 г. многие нормандцы, включая самого Ролло, приняли крещение. Некоторые, как пишет Гиббон, крестились по десять или двенадцать раз ради белых одежд, выдаваемых на церемонии; а тот факт, что во время похорон Ролло помимо даров монастырям за упокой его души принесли в жертву сотни пленников, заставляет предположить, что в эти ранние годы политическая выгода была не менее весомой причиной обращения, чем духовное просветление, и Тор с Одином не без борьбы уступили позиции Святому Духу. Но в пределах жизни одного или двух поколений, признает Гиббон, "народ в целом полностью изменился". То же справедливо по отношению к языку. К 940 г. древнескандинавский язык, на котором еще говорили в Байе и на побережье (где он продолжал жить за счет новых поселенцев), был уже забыт в Руане. До конца столетия он полностью и практически бесследно вымер. Последнее важное достижение оставалось перенять нормандцам для того, чтобы окончательно стать французами, - достижение, которое долгое время вызывало восхищение у них и их потомков и стало краеугольным камнем двух самых эффективных государственных систем, когда-либо виденных в мире. Речь идет о быстро строившемся величественном здании французского закона, который нормандцы приняли с распростертыми объятиями.

Интерес и уважение к закону были отличительными чертами большинства средневековых обществ Запада; но один из парадоксов нормандской истории заключается в том, что эти качества проявились в такой степени у народа, прославившегося своими беззакониями по всей Европе. Пиратство, нарушение клятв, грабеж, насилие, вымогательство, убийство - такие преступления совершались жизнерадостно и постоянно нормандскими королями, герцогами и баронами задолго до того, как Крестовые походы опустили еще ниже планку на шкале моральных норм цивилизованного мира. Объяснение состоит в том, что нормандцы были прежде всего прагматиками. Они видели в законе величественную и прочную структуру, на которой можно строить государство и которую можно использовать как оплот в любом предприятии. Как таковой, закон становился не их господином, но их рабом, и они стремились укрепить его просто потому, что сильный раб полезнее слабого. Такое отношение превалировало среди нормандских правителей на севере и на юге. Именно поэтому даже самые неразборчивые в средствах властители почти всегда умудрялись давать изобретательное законное оправдание всему, что они делали; и почему величайшие нормандские строители государственности, король Генрих II в Англии и король Рожер в Сицилии, сконцентрировали свои усилия прежде всего на построении развитой правовой системы в своих владениях. Никто из них никогда не рассматривал закон как абстрактный идеал и тем более не смешивал его с правосудием.

Прагматический подход и забота о внешних формах видны еще отчетливей в отношении нормандцев к религии. Они казались по-настоящему богобоязненными, как всякий человек в Средние века, и, как большинство людей, пребывали в убеждении, что главная цель религии - обеспечить человеку возможность после смерти избежать адского пламени и достичь небес как можно быстрее и безболезненнее. Благополучие в таком путешествии обеспечивается, как обычно верили, исполнением правил, предписанных

церковью, - регулярным присутствием на мессе, соблюдением постов, покаянием по необходимости, паломничеством при случае и щедрыми дарами церквам и монастырям. Пока эти формальные требования не нарушаются, человек волен в остальном поступать как хочет и его не следует судить строго. Также нет необходимости подчиняться диктату церкви в мирских делах. Как мы увидим, подлинные религиозные чувства Гвискара или Рожера никогда не мешали им драться зубами и когтями против того, что они считали недопустимым посягательством со стороны папства, так же как искренняя вера Генриха Плантагенета не предотвратила его столкновения с Беккетом. Отлучение от церкви было действительно суровым наказанием, применявшимся в особых случаях; однако западноевропейские правители подвергались ему довольно часто, и, по крайней мере если говорить о нормандцах, оно, по-видимому, не слишком влияло на их политику; обычно им удавалось добиться того, что отлучение вскоре снимали.

Материалистичные, сообразительные, восприимчивые, все еще сохранившие неистовую энергию и непоколебимую самоуверенность своих предков-викингов, первые нормандские авантюристы были прекрасно подготовлены к той роли, которую им предстояло играть. К этим качествам добавлялись еще два, может быть, недостойные похвалы сами по себе; однако без них великое королевство на юге не возникло бы никогда. Прежде всего нормандцы были необыкновенно плодовиты, что означало постоянный прирост населения. Поиски "жизненного пространства" привели первых завоевателей из Скандинавии в Европу, а два столетия спустя те же обстоятельства заставили их жадных до земли сыновей двигаться дальше на юг. Во-вторых, они были прирожденными бродягами - не только по необходимости, но также по темпераменту. Они не испытывали, как отмечает древний хронист, привязанности ни к одной стране, которую в тот или иной момент называли своей. Быстрины Севера, холмы Нормандии, прибрежные луга Англии, апельсиновые рощи Сицилии, пустыни Сирии поочередно были покинуты бесстрашными, легкими на подъем молодыми людьми, ищущими места, где поживы будет больше.

А что может послужить лучшим оправданием для таких поисков, чем паломничество? Нет ничего удивительного в том, что при наступлении второго тысячелетия, когда мир не пришел к предсказанному концу, и волна облегчения и благодарности прокатилась по Европе, среди тысяч людей, толпами двигавшихся к святым местам, оказалось столько нормандцев. Пункты назначения могли быть разными; четыре считались столь священными, что визита туда было достаточно, чтобы получить полное отпущение грехов, - Рим, Кампостелла, гора Гаргано и, разумеется, Святая земля. В тот период Иерусалим находился уже около четырехсот лет под владычеством мусульман, но христианских паломников там принимали - один из странноприимных домов был основан самим Карлом Великим, и подобное путешествие не вызывало особых затруднений у тех, кто имел достаточно времени и сил; а меньше всего - у молодых нормандцев, которые воспринимали его как приключение и испытание и, без сомнения, получали от него удовольствие, но на свой лад, совершенно независимо от абстрактной духовной цели - спасения собственной души. Дополнительная выгода состояла в том, что по возвращении из Палестины они могли высадиться в Бари или Бриндизи и оттуда проследовать вдоль берега до храма Архангела, ибо архангел Михаил не только был хранителем мореплавателей и уже потому заслуживал благодарности, но и занимал особое место в сердцах нормандцев как патрон их собственного большого аббатства на Мон-Сен-Мишель.

Таким путем, очевидно, следовали сорок с лишним нормандских паломников, которые нанесли свой судьбоносный визит на гору Сан-Анджело в 1016 г. По крайней мере, так свидетельствует Вильгельм из Апулии, написавший, по поручению папы Урбана II, "Историческую поэму о деяниях нормандцев в Сицилии, Апулии и Калабрии" в самом конце XI столетия. Рассказ Вильгельма, отлитый в изящные латинские строки, начинается

с описания того, как к паломникам приблизился в пещере странный человек, одетый на греческий манер в рясу и шапочку. Он им не очень понравился, а его одежду они сочли женоподобной; но его историю выслушали. Незнакомца, как выяснилось, звали Мелус; он был знатным лангобардом, отправившимся в изгнание после того, как возглавил неудачное восстание против Византийской империи, которая в то время держала под своей властью большую часть южной Италии. Он мечтал добиться независимости для своей родины, и этого, по его убеждению, нетрудно было достичь; все, что требовалось, - это помощь нескольких отважных молодых воинов, подобных его собеседникам. Против объединенной лангобардско-нормандской армии греки не выстоят, а лангобарды не забудут своих союзников.

Трудно представить, что жалость была главным чувством в сердцах паломников, когда они вышли на солнечный свет и поглядели на широкую долину Апулии, лежащую заманчиво у их ног. Они не могли тогда предвидеть, сколько великих деяний предстоит совершить и какие далеко идущие последствия это будет иметь; но они наверняка понимали, какие громадные возможности открываются за предложением Мелуса. Это был шанс, которого они ожидали, - богатая плодородная страна, в которую их приглашали, почти умоляли прийти, предоставляла неограниченный простор для того, чтобы проявить свою доблесть и достичь успеха. Более того, их действия были оправданы с точки зрения законной и религиозной, поскольку речь шла об освобождении покоренного народа от чужеземного угнетения и восстановлении на юге Италии римской церкви, вместо презренного константинопольского лжеучения. Должны были пройти годы, прежде чем эта жажда славы оформилась в ясные планы завоевания, и еще больше времени до того, как эти амбиции были столь блистательно осуществлены, а пока требовалось закрепиться в стране, а для этого призыв к борьбе за независимость Ломбардии был так же хорош, как всякий другой.

Итак, нормандцы обещали Мелусу, что окажут ему помощь, о которой он просит. Сейчас их слишком мало, и они пришли в Апулию как паломники, поэтому недостаточно экипированы, чтобы участвовать в военной кампании. Поэтому они должны вернуться в Нормандию, но только на время, которое необходимо, чтобы совершить подобающие приготовления и собрать соратников. В следующем году они вернутся, чтобы присоединиться к своим новым лангобардским друзьям и начать великое предприятие.

Патриотизм Мелуса тем более понятен, что лангобарды могли гордиться своей долгой и славной историей. Они явились как племя полуварварских завоевателей из северной Германии и расселились к середине VI в. на территории, которая до сих пор носит их имя, основав процветающее королевство со столицей в Павии. Одновременно их соплеменники продвинулись дальше на юг и основали полунезависимые герцогства в Сполетто и Беневенто. Двести лет все шло хорошо, но в 774 г. Карл Великий вступил в Италию, взял Павию и королевству пришел конец. Средоточием ломбардской культуры и традиций теперь стали герцогства, особенно Беневенто, которое вскоре превратилось в принципат и - хотя формально находилось под сюзеренитетом папы по дарственной Карла Великого - сохраняло старые лангобардские обычаи. Здесь, на перекрестке двух важнейших римских дорог на юг - Виа-Аппиа и Виа-Траяна, где стоит великолепная триумфальная арка Траяна, лангобардская аристократия постепенно копила богатства и укрепляла свое имущество, так что к 1000 г. три властителя из Беневенто, Капуи и Салерно числились самыми могучими правителями на полуострове. Их дворцы блистали византийской роскошью, а их основным занятием были бесконечные заговоры с целью достичь извечной мечты - единого и независимого лангобардского королевства на территории всей южной Италии. Имея в виду эту цель, они признавали верховное главенство то Латинской империи Запада, то Византийской империи Востока (Беневенто время от времени еще отвечал неискренними заверениями на притязания папы), чтобы настроить одних своих сюзеренов против других. И естественно, они никогда не упускали

возможности поддержать лангобардских сепаратистов на территории своих византийских соседей.

У Византийской империи долгое время были проблемы в Италии. Едва успели армии Юстиниана и его преемника изгнать остготов с полуострова в VI в., как обнаружилось, что его оккупировали прежние союзники Византии - ломбарды. Быстрые действия еще могли спасти ситуацию, но в тот момент Константинополь был занят дворцовыми интригами и ничего не предпринял. Между тем ломбарды наступали. В 751 г. у них хватило сил, чтобы изгнать византийского экзарха из Равенны, и с этого момента под греческим влиянием оставались только Калабрия, "пятка" Италии вокруг Отранто и несколько торговых городов на западном берегу, главными из которых были Неаполь, Гаэта и Амальфи. Вначале эти города представляли собой просто процветающие колонии империи, но со временем они превратились в наследственные герцогства, еще в основном греческие по языку и культуре, признающие византийский сюзеренитет и связанные с Константинополем тесными узами дружбы и торговли, но во всех практических делах независимые.

Карл Великий с его франками хоть и сокрушил ломбардов, 10 это не принесло никаких выгод грекам, а означало только появление соперника в борьбе за господство над южной Италией. Только в IX в., когда великая Македонская династия пришла к власти в Константинополе, Василий I и его преемник Лев VI Мудрый смогли приостановить упадок и частично восстановить позиции Византии в Италии. В результате их усилий Фемы Лангобардские, включающие Апулию, Калабрию и Отранто, или, как обычно называют эти земли, Капитаната, была к 1000 г. могущественной и процветающей провинцией империи, которая, в свою очередь, стала главенствовать на полуострове. Византия претендовала также на все земли, лежащие к югу от линии, соединяющей Террачину на западе и Термоли на Адриатике, и полностью отказывалась признать независимость греческих городов-государств и лангобардских княжеств.

У правителей Капитанаты было множество проблем. Прежде всего, их землю постоянно грабили сарацинские пираты из Северной Африки, которые теперь хозяйничали во всем Западном Средиземноморье. В 846 г. они совершили налет на Рим и ограбили собор Святого Петра, а двадцать лет спустя потребовался нелегкий и неприятный для обеих сторон союз между восточным и западным императорами для того, чтобы вытеснить сарацин из Бари. Монах по имени Бернард писал о том, что во время паломничества в Иерусалим в 870 г. видел, как пленных христиан тысячами сгоняли на галеры в Таранто, чтобы отправить их по морю в Африку как рабов. Еще через тридцать лет после того, как сарацины прибрали к рукам Сицилию, укрепив тем самым свои стратегические позиции, они уничтожили Реджо и вскоре стали такой серьезной угрозой, что византийский император согласился платить им ежегодно определенную сумму в качестве откупных. В 953 г., однако, эти выплаты были прекращены и грабежи возобновились. В последней четверти X в. едва ли год проходил без хотя бы одного крупного набега.

Кроме того, существовала Западная империя, за которой следовало наблюдать. Общий ее упадок, который последовал за смертью в 888 г. Карла Толстого, положившей конец династии Карла Великого, предоставил соперникам Западной империи долгожданный отдых; но со вступлением на трон Оттона Великого в 951 г. спор за земли южной Италии вспыхнул вновь с еще большей яростью. Оттон направил свою громадную энергию на освобождение Италии в равной степени и от греческой, и от сарацинской заразы, и почти на двадцать лет страна оказалась ввергнута в тяжелую и безрезультатную войну. Мир, как предполагалось, должен был воцариться в 970 г., когда дружбу между двумя империями формально скрепил брак сына Оттона - будущего Оттона II - и греческой принцессы Феофано; но это только дало молодому Оттону возможность по вступлении на престол требовать "реституции" всех византийских владений в Италии, как части приданого своей жены. На эти требования Византия, естественно, ответила отказом,

и война началась вновь. В 981 г. Оттон пошел войной на Апулию, его гнев в данном случае был направлен против сарацин. Византийский император Василий увидел в этом свой шанс: Оттон, по его мнению, представлял значительно большую опасность. Гонцы поспешили к сарацинским вождям, был заключен временный союз, в результате чего после первоначальных успехов Оттон потерпел сокрушительное поражение около Стило в Калабрии; только постыдное бегство, в переодетом виде, спасло его от плена. Он так и не оправился после пережитого унижения и умер в Риме в следующем году в возрасте двадцати восьми лег. Ему наследовал его трехлетний ребенок, и потому неудивительно, что Западная империя какое-то время не доставляла греческим властителям хлопот; но не стоило успокаиваться и терять бдительность надолго.

Оттон - единственный германский император, погребенный в Риме. Его могилу до сих пор можно увидеть в Гротте-Ватикане - кроме порфирной крышки, которая, будучи первоначально перенесена из мавзолея Адриана, ныне служит купелью в соборе Святого Петра.

В самой Капитанате существовали серьезные проблемы. Калабрии и на "пятке" положение византийских властителей было достаточно прочным, поскольку в этих областях влияние ломбардов ощущалось мало. Кроме того, они стали убежищем для большого числа греческих монахов, бежавших в VIII в. от эксцессов иконоборчества в Константинополе, а в X в. от грабежа сицилийских сарацин; в результате греческие обычаи и принципы главенствовали в политике, религии и культуре. Калабрия, в частности, и до времен Ренессанса оставалась одним из главных центров греческой учености. Но в Апулии ситуация была более сложной. Имперскому правителю - катапану - приходилось приглядывать за местным населением итало-ломбардского происхождения, поскольку оно пользовалось достаточной свободой. Сохранялась лангобардская система управления; лангобардские судьи и чиновники применяли ломбардские законы, греческая процедура была предписана только для случаев (гипотетического) убийства императора или (менее гипотетического) убийства катапана. Государственным языком считалась латынь. В большинстве областей церковью ведали латинские епископы, поставленные папой; только в нескольких городах с большой долей греческого населения были греческие епископы.

Такая автономия казалась беспрецедентной для Византийской империи, и все же лангобарды в Апулии не желали принимать греческое правление. У них уже выработалось сильное национальное самосознание - за пятьсот лет они так и не ассимилировались с итальянским населением - и патриотические чувства постоянно подогревались принципатами на севере и западе. Кроме того, византийские налоги были велики, и, что еще более важно, опыт последних лет показал, что даже при обязательной военной службе (всегда непопулярная мера) империя могла защитить апулийские города, особенно прибрежные, от сарацин. Ломбардскому населению этих городов ничего не оставалось делать, кроме как организовать самооборону. Соответственно появились постоянные военные отряды, многие из них имели в своем распоряжении корабли, чтобы преграждать путь пиратам до того, как они высадятся.

Эти вооруженные люди, в свою очередь, представляли серьезную опасность для византийских властей, но в сложившихся обстоятельствах их едва ли можно было распустить. Все это добавляло уверенности ломбардам, так что к концу X в. в Апулии возникло активное и хорошо вооруженное движение сопротивления. Небольшой мятеж произошел в Бари в 987 г., а десятилетием позже началось другое, гораздо более серьезное восстание, на подавление которого потребовалось три года. Во время этого бунта был убит важный византийский чиновник. Затем в 1009 г. поднял оружие Мелус. Вместе со своим шурином Даттусом и многочисленными последователями он быстро овладел Бари, а в 1010 г. захватил Асколи и Трани; но весной 1011 г. вновь назначенный катапан собрал все наличные силы для осады Бари и сумел подкупить нескольких греков, живших в городе, чтобы те открыли городские ворота. 11 июня Бари пал; Мелус спасся и бежал в

Салерно. Его жене и детям повезло меньше. Их захватили в плен и отослали как заложников в Константинополь.

Высоко на холме, возвышающемся над современной автострадой, которая соединяет Неаполь с Римом, расположен монастырь Монте-Кассино. На расстоянии он выглядит примерно так же, как, должно быть, смотрелся тысячу лет назад, это иллюзия: в отчаянной битве в феврале-марте 1944 г. фактически все аббатство было стерто с лица земли неустанными бомбардировками союзников, и существующие здания представляют собой послевоенную реконструкцию. Но все же жизнь в монастыре не замирала с 529 г., когда святой Бенедикт пришел на вершину этого холма и построил на руинах языческого храма Аполлона огромное аббатство, которое было первым из его начинаний и местом рождения Бенедиктинского ордена.

К истории нормандцев на юге Монте-Кассино имеет самое непосредственное отношение. Как величайший из итальянских монастырей он являлся одним из важнейших центров европейской учености в темные века. Он сохранил для потомства труды многих классических авторов, в том числе Апулея и Тацита; эти драгоценные книги как-то пережили разрушительный набег сарацин в 881 г., в ходе которого церковь и другие постройки были сильно разрушены. В те времена, когда начинается наш рассказ, монастырь вступал в свою золотую пору. В последующие двести лет его могущество достигло такого уровня, что он превратился почти в независимое государство. Он бросал вызов франкам, грекам, ломбардам, нормандцам, при случае даже самому папе; дважды настоятели Монте-Кассино, всегда считавшиеся одной из самых влиятельных фигур в латинской церковной иерархии, занимали престол святого Петра.

Во второй половине XI в. в Монте-Кассино жил монах по имени Аматус - или, как его иногда называют, Эмэ, - который примерно между 1075-м и 1080 гг. написал историю нормандцев на юге. В отличие от Вильгельма Апулийского, который, судя по всему, больше всего заботился о том, чтобы показать свое искусство в латинском стихосложении, Аматус писал несуетной прозой; он составил аккуратный и подробный отчет о событиях, современником, а часто, быть может, и свидетелем которых он был. К сожалению, подлинный латинский текст его сочинения утерян; все, чем мы располагаем, - перевод на итальянизированный старофранцузский, сделанный в XIV в. и сохранившейся в богато украшенной рукописи, которая теперь находится в Национальной библиотеке в Париже. У ученых, поскольку Аматус бесспорно наиболее надежный источник, относящийся к теме и периоду, потеря латинского текста вызывает большие сожаления; но для остальных это всего лишь означает, что важнейший труд, современных английских переводов которого не существует, освобожден от кошмарных хитросплетений средневековой латыни и является не только понятным, но также - благодаря своей живости, наивности и красоте каллиграфии - приятным чтением.

Аматус рассказывает другую историю о нормандских паломниках, которую интересно соотнести с изложенной Вильгельмом. По его словам, группа из примерно сорока молодых нормандцев, возвращаясь в 999 г. на корабле из Палестины, посетила Салерно, где их гостеприимно встретил князь Салерно Гвемар[1]. Их мирный отдых там был, однако, грубо прерван появлением сарацинских пиратов: местные жители так боялись их ужасной жестокости, что даже не пытались сопротивляться. Возмущенные их трусостью, нормандцы взялись за оружие и бросились на врага. Их пример придал мужества салернцам, многие из которых к ним присоединились; а сарацины, не ожидавшие противодействия, были все убиты или обратились в бегство. Восхищенный Гвемар сразу предложил доблестным героям богатое вознаграждение, если они останутся при его дворе. Нормандцы отказались: после долгого отсутствия они торопились вернуться домой. Однако они были вполне готовы поговорить со своими друзьями,

[1] Гвемар, который правил в Салерно с 999-го по 1027 г., иногда именуется Гвемаром III. Нумерация лангобардских герцогов и князей так и не была упорядочена, что вызывает постоянную путаницу.

многие из которых были бы безусловно заинтересованы таким предложением, а доблестью отнюдь не уступали им самим. После этого они уехали, нагруженные подарками от Гвемара, весьма привлекательными для бесстрашных северных воинов, - там были "лимоны, миндаль, соленые орехи, прекрасные одеяния, железные орудия, отделанные золотом; и все эти дары соблазняли приехать в южные земли, текущие молоком и медом, где можно найти такое множество красивых вещей".

В 1016 г., когда Мелус побывал на горе Сан-Анджело, сарацины нападали на Салерно, но нигде не упоминается о сарацинском набеге в 999 г., которым Аматус датирует свои рассказ. Может быть, даже если история в целом правдива, автор допустил здесь одну из своих редких хронологических ошибок и два визита паломников датируются примерно одним временем. Если это так, то не может ли быть, что речь идет не о двух группах паломников, а об одной и той же? Не могла ли встреча с Мелусом в храме, якобы случайная, быть умышленно подстроена им самим и Гвемаром, который незадолго до того предоставлял ему убежище и являлся одним из главных тайных покровителей лангобардских сепаратистов? Не исключено. Однако, как утверждает Э. Иорансон в своей книге "Начало нормандского владычества в Италии", оба рассказа легендарны и вполне вероятно, что первые нормандцы были в Италии просто изгнанниками, которых подговорил вмешаться в лангобардские дела папа Бенедикт VIII в качестве части своей антивизантийской политики. Мы этого никогда не узнаем. Но исходила ли инициатива от князя, патриота или папы и были ли те, к кому он обращался, беглецами или паломниками, в одном сомневаться не приходится: он достиг цели. Весной 1017 г. первые молодые нормандцы были уже в пути.

Глава 2.
ПРИБЫТИЕ

> И их народ чрезвычайно умножился, так что поля и леса не могли более давать им все необходимое... и тогда эти люди ушли, покинули то, что было скудным, в поисках изобилия. Но они не хотели, как многие, кто пускался по свету, служить другим; но, как древние рыцари порешили, что все будут им подчиняться, признавая их верховными правителями. И так они подняли оружие, оставили мирную жизнь и совершили великие деяния и рыцарские подвиги.
>
> *Аматус, I, 1. 2*

Возможно, лангобардские предводители не наводили никаких справок о воинах, чьей помощи они добивались, и единственным критерием отбора являлась мощная доблесть. Весть об этом приглашении быстро распространилась по городам и манорам Нормандии, и истории о южных прелестях, бессилии местных жителей и богатом вознаграждении, которое ожидает любого нормандца, готового совершить путешествие, без сомнения, не теряли ничего в пересказе. Эти истории придумывались в расчете на самую подвижную группу нормандского населения, поэтому первый отряд нормандских воинов в Италии если и походил внешне на «древних рыцарей» Аматуса, по сути имел мало общего с рыцарями каролингских легенд, чьи подвиги они хрипло воспевали. Основную массу составляли младшие сыновья рыцарей и землевладельцев, которые, не имея собственных наследственных земель, мало были привязаны к своему дому; к ним присоединилась значительно менее уважаемая группа профессиональных наемников, игроков и авантюристов, привлеченных легкими деньгами. По дороге, особенно в Бургундии и Провансе, к ним присоединился обычный сброд - беглые преступники, разбойники и прочие. Летом 1017 г. армия пересекла реку Гарильяно, по которой

проходила южная граница Папской области, и направилась в Капую. Там, возможно по предварительной договоренности, их с нетерпением поджидал Мелус с собственным войском в полной готовности и горевший желанием драться.

Для лангобардов единственный шанс на успех состоял в том, чтобы атаковать византийцев до того, как они успеют оценить возникшую ситуацию и вызовут подкрепление, поэтому Мелус был прав, внушая своим новым союзникам, что они не должны терять время. Он повел их через границу в Апулию, и они застали врага врасплох. С приходом зимы, когда военные кампании первого года завершились, бунтовщики могли похвастаться несколькими крупными победами и с полным правом отпускали шутки по поводу женоподобия греков; к сентябрю 1018 г. они изгнали византийцев из всех земель от Форторе на севере до Трани на юге. В октябре, однако, в войне наступил перелом.

На правом берегу реки Офанто, примерно в четырех милях от Адриатического моря, большая скала по-прежнему вздымается над равниной, где в 216 г. до н. э. карфагенская армия под командованием Ганнибала нанесла римлянам одно из самых кровавых и сокрушительных поражении за всю их историю. Здесь же, двенадцать веков и тридцать четыре года спустя, лангобардские и нормандские объединенные силы под командованием Мелуса потерпели еще большую катастрофическую неудачу в сражении с византийской имперской армией, ведомой величайшим из катапанов Василием Боиоаннесом. По настоянию Боиоаннеса император Василий II прислал из Константинополя большое подкрепление: Аматус пишет, что греки роились на поле, как пчелы, вылетавшие из улья, а их копья напоминали заросли тростника. Но здесь сыграло роль и другое немаловажное (если не главное) обстоятельство: Василий укрепил армии своими собственными северными воинами - отрядом варяжской гвардии, большим войском викингов, присланным ему тридцать лет назад от князя Владимира из Киева как выкуп за сестру. Лангобарды сражались храбро, но напрасно; почти все были перебиты, и с ними погибла последняя надежда Мелуса на независимость лангобардов в Апулии. Сам он сумел спастись и после месяцев бесцельных скитаний по герцогствам и папским владениям нашел приют при дворе императора Западной империи Генриха II в Бамберге. Там он умер двумя годами позже, сломленный и разочарованный. Генрих, как главный соперник Византии в борьбе за главенство в южной Италии, поддерживавший Мелуса в прошлом, почтил его пышными похоронами и великолепным надгробием в новом соборе; но ни искусство создателей памятника, ни пустой титул герцога Апулийского, дарованный ему Генрихом незадолго до смерти, не могли скрыть того факта, что Мелус проиграл и, что еще хуже, в своем стремлении принести свободу собственному народу он совершил нечто, сделавшее эту свободу вовсе недостижимой. Он привел в страну нормандцев.

Они тоже сражались храбро и понесли большие потери при Каннах. Их вождь, некий Жильбер, пал на поле битвы, и ряды войска сильно поредели. Но нормандцы перегруппировались после сражения и выбрали предводителем брата Жильбера - Райнульфа. Теперь, когда Мелус бежал, они должны были полагаться на самих себя, по крайней мере до тех пор, пока не найдут нового человека, который будет им платить. Обескураженные, они удалились в горы, чтобы найти какое-нибудь убежище, которое стало бы их постоянной штаб-квартирой и сборным пунктом для вновь прибывших воинов, которые все еще приезжали с севера. Первый выбор оказался неудачным; при строительстве крепости нормандцы потерпели поражение еще более плачевное, чем при Каннах. Вильгельм Апулийский рассказывает, что их постигло нашествие лягушек, которые появились в таком количестве, что невозможно было продолжать работу. После постыдного отступления перед квакающим хором воины нашли другое место, которое оказалось более подходящим. Благодаря постоянному притоку новых сторонников численность войска вскоре восстановилась и даже увеличилась. Кроме того, несмотря на первое жестокое поражение, их репутация как воинов не имела себе равных; и их услуги пользовались спросом.

Большой котел южной Италии никогда не переставал кипеть. В стране, у границ и в пределах которой постоянно сталкивались интересы четырех величайших держав того времени, раздираемой на части воинственными притязаниями четырех рас, трех религий и множества независимых, полунезависимых и мятежных государств и городов, сильная рука и острый меч никогда не оставались без применения. Многие молодые нормандцы примкнули к Гвемару из Салерно; другие обратились к его шурину и сопернику Пандульфу из Капуи - Волку из Абруццо, чья энергия и честолюбие доставляли много хлопот соседям. Некоторые предпочли Неаполь, Амальфи или Гаэту. Тем временем катапан Боиоаннес закрепил свою победу, построив новую крепость для защиты своей апулийской границы - укрепленный город Трою у входа в ущелье, ведущее через Апеннины на равнину. Ему, однако, требовались воины для укомплектования постоянного гарнизона - а поскольку варяги к тому времени с триумфом вернулись в Константинополь, приходилось искать где-то еще. Поскольку нормандцы были просто наемниками, а катапан узнавал хорошего воина с одного взгляда, нет ничего удивительного в том, что год спустя после Канн хорошо вооруженная армия нормандцев отправилась в Апулию защищать законные владения Византии от продолжающихся подлых атак лангобардских бунтовщиков.

Такая постоянная смена «хозяев» и союзников, казалось, вредила нормандским интересам. Безусловно, если они хотели увеличить свою мощь до такой степени, чтобы установить свое главенство на полуострове, им следовало выступать единым фронтом, а не рассредоточиваться бесцельно между бесчисленными группировками, которые искали их помощи. Но на этой стадии мысль о главенстве еще не сложилась и никакого единства, которое следовало беречь, просто не было. Каждый поступал исходя из собственных интересов; национальные чаяния были на втором плане, если вообще принимались в расчет. К счастью для нормандцев, личные и национальные интересы часто совпадали; и парадоксальным образом именно разъединенность подготовила завоевание. Если бы они действовали заодно, они непременно нарушили бы баланс сил в южной Италии, поскольку их было слишком мало, чтобы властвовать самим, и слишком много, чтобы не укрепить опасным образом любую группировку, к которой они примкнули бы. Но, разделяясь, меняя союзников и противников во всех мелких стычках, в которые они оказывались втянуты, и принимая почти неизменно сторону победителей, они не давали никому из соперников слишком усилиться; поддерживая всех, они добились того, что не поддерживали никого; продавая свой меч не тому, кто предлагал наивысшую цену, но любому покупателю, они сохраняли для себя свободу действии.

Не одним нормандцам пришлось пересмотреть свои позиции после Канн. Одним ударом Византия вернула себе власть в Апулии и укрепила свой авторитет во всей Италии. На лангобардские герцогства это произвело, как можно догадаться, большое впечатление. В начале 1019 г. Пандульф Капуанский откровенно принял сторону греков и дошел до того, что послал ключи от своей столицы в Константинополь. В Салерно Гвемар не делал столь широких жестов, но и не скрывал, к кому теперь обращены его симпатии. Наибольшее удивление - по крайней мере на первый взгляд - вызывает позиция Монте-Кассино. Этот монастырь всегда считался оплотом латинских интересов на юге Италии - а именно интересов папы и западного императора. В качестве такового он поддерживал Мелуса и даже предоставил его шурину Даттусу после Канн то же убежище, в котором он скрывался после предыдущего поражения лангобардов в 1011 г., - принадлежавшую монастырю укрепленную башню на берегу Гарильяно. Но несколько месяцев спустя настоятель монастыря высказался в поддержку притязания Константинополя. Только властитель Беневенто хранил верность Западной империи.

Все эти вести не порадовали императора Генриха, а еще менее - папу. Бенедикт VIII, человек прямой и порядочный[2], не был религиозным деятелем в полном смысле этого слова. Выходец из знатной тускуланской семьи, он, возможно, и вовсе не принадлежал к духовенству до момента своего избрания на папский престол в 1012 г. В течение двенадцати лет своего пребывания папой он проявил себя прежде всего политиком и человеком дела, чьи усилия были направлены на укрепление связей папства с Западной империей и освобождение Италии от всех других притязаний. В 1016 г. он лично вел армию против сарацин и всеми силами поддерживал Мелуса и Даттуса в их борьбе против греков, дважды договариваясь с настоятелем Монте-Кассино, чтобы он предоставил убежище Даттусу в башне Гарильяно. Теперь папа обнаружил, что все его усилия ничего не принесли, а позиции Византии неожиданно упрочились. Дезертирство Монте-Кассино было особенно серьезным ударом - хотя, возможно, наиболее объяснимым, если вспомнить, что аббат монастыря Атенульф был братом Пандульфа из Капуи и незадолго до того приобрел при загадочных обстоятельствах большое имение около Трани в византийской Апулии. Кроме того, существовала опасность продолжения греческой экспансии. После таких успехов византийцы могли не удовлетвориться Капитанатой. Балканские войны, которые так долго отвлекали на себя грозную силу Василия II и принесли ему титул Болгаробойца, теперь закончились. Папская область представляла собой лакомую добычу. Если бы Боиоаннес пересек реку Гарильяно, никаких преград не стояло бы между ним и воротами Рима; а коварное семейство Кресченти, давние враги графов Тускуланских, сумели бы извлечь выгоду из этой беды. Уже сто пятьдесят лет папы не посещали земель к северу от Альп, но, после того как новость об измене Монте-Кассино дошла до него, Бенедикт больше не колебался. В начале 1020 г. он отправился в Бамберг, чтобы обсудить ситуацию со старым другом и союзником Генрихом II.

Читая о Бенедикте и Генрихе, невозможно избавиться от мысли, что папе следовало быть императором, а императору - папой. Генрих Святой полностью заслужил прозвище, хотя едва ли заслуживал канонизации: поводом для нее стало главным образом унылое целомудрие, которое он соблюдал в отношениях со своей женой Кунигундой Люксембургской. Его набожность была щедро приправлена суевериями, но он был глубоко верующим человеком и имел две главные страсти в жизни - строительство церквей и религиозные реформы. Эти духовные занятия, однако, не избавляли его от необходимости управлять громадной империей. Невзирая на постоянное вмешательство Генриха в дела, церкви, он и Бенедикт были друзьями с 1012 г., когда Генрих, тогда еще только король Германии[3], поддержал Бенедикта на папских выборах против его соперников Кресченти. Их дружба укрепилась после того, как Бенедикт, в свою очередь, поддержал Генриха и в 1014 г. короновал их с Кунигундой имперской короной, позже основой этой дружбы были политические взгляды Бенедикта и религиозные - Генриха. Тогда еще ничто не предвещало той долгой и изнурительной борьбы между империей и папством, которая должна была вскоре начаться и достичь своего апогея при Фридрихе II, два столетия спустя; на тот момент обе силы находились в согласии. Угроза одной была угрозой другому.

Бенедикт прибыл в Бамберг накануне Пасхи 1020 г., и после пышных празднеств в новом кафедральном соборе Генриха они с императором перешли к делам. Вначале они попытались привлечь к сотрудничеству Мелуса, чье знание политической ситуации в южной Италии, а также сильных и слабых сторон византийской политики могло им

---

[2] Порядочный со своей точки зрения. Он ответственен за то, что отдал приказ о первом (увы, не последнем) официальном преследовании евреев в истории средневекового Рима - после землетрясения в 1020 г.

[3] Титул императора присваивался только после того, как избранный германский король был коронован папой в Риме. Генрих первым назвал себя королем римлян после того, как был избран императором.

пригодиться; но неделю спустя после приезда папы "герцог Апулийский" внезапно угас, и Генриху с Бенедиктом пришлось действовать самостоятельно. Для решительного Бенедикта план действий был ясен: Генрих сам должен повести крупные военные силы в Италию. Эта экспедиция, к которой в нужный момент присоединится сам папа, не преследовала цели полностью вытеснить Византию из Италии - для этого время еще не пришло, - но должна была продемонстрировать, что Западная империя и папство являются силами, с которыми следует считаться, и они готовы защищать свои права. Подобный шаг мог повлиять на маленькие города или мелких лангобардских баронов, которые еще не выбрали, на чью сторону встать, и одновременно убедить Боиоаннеса, что любое дальнейшее продвижение грозит ему гибелью.

Генрих, хотя в целом одобрил этот план, не был полностью убежден. Деликатность ситуации состояла в том, что греки фактически оставались на своей территории, даже если император формально этого факта не признавал. Последние действия Византии явились результатом лангобардского бунта и расцениваться как агрессия едва ли могли. Поведение лангобардских герцогств и Монте-Кассино действительно давало повод для гнева, но, как Генрих прекрасно знал, они слишком ценили свою независимость, чтобы стать сателлитами Византии. Ради них одних не стоило организовывать военную экспедицию такого масштаба, как предлагал Бенедикт. В результате папа вернулся в июне в Италию, так и не получив от императора конкретного ответа.

В течение года Генрих колебался, и в течение года все было спокойно. Затем в июне 1021 г. Боиоаннес нанес удар. По предварительному соглашению с Пандульфом греческое войско вступило на капуанскую территорию и спустилось по реке Гарильяно до башни, которую Даттус с группой своих соратников-лангобардов и небольшим отрядом все еще верных им нормандцев сделал к тому времени своей штаб-квартирой и в которой - полагаясь, вероятно, на защиту папы - он продолжал оставаться даже после измены Капуи и Монте-Кассино. (Никогда ни в это время, ни в какую другую пору своей жизни Даттус не проявлял признаков интеллекта.) Башня была построена для защиты от сарацин. Для этой цели она вполне подходила, но не могла выстоять против хорошо вооруженного греческого войска. Даттус и его люди доблестно сражались два дня, но на третий им пришлось сдаться. Нормандцев пощадили, но все лангобарды были казнены. Самого Даттуса доставили в Бари; там его в цепях провезли по улицам на осле, а вечером 15 июня 1021 г. зашили в мешок вместе с петухом, обезьяной и змеей и бросили в море.

Вести о случившемся быстро достигли Рима и Бамберга. Бенедикт, считавший Даттуса своим личным другом, был глубоко возмущен этим новым предательством со стороны Пандульфа и аббата Атенульфа, которые, по слухам, получили щедрое вознаграждение за то, что сдали в руки врагов своего соотечественника, последнего, кто мог поднять знамя борьбы за независимость лангобардов. Более того, именно папа посоветовал Даттусу укрыться в башне и договорился с монахами Монте-Кассино, чтобы ему предоставили это убежище. Была задета честь папства, а такого Бенедикт не мог простить. Тон его писем в Бамберг, которыми он забрасывал Генриха со времени своего возвращения в Италию, стал еще более резким. История с Даттусом была только началом; успех этой операции воодушевит греков и прибавит им дерзости. Следует предпринять решительные действия, пока не поздно. Генрих более не колебался. На рейхстаге в Ниймагене в июле 1021 г. было решено, что император должен вести армию в Италию быстро, как только возможно. Остаток лета и вся осень ушли на подготовку, и в следующем декабре огромное войско выступило в поход.

Экспедиция первоначально задумывалась как демонстрация силы, и именно таковой она и являлась. На марше армия была разбита на три подразделения, которыми по традиции командовали сам Генрих и два архиепископа Пильгрим Кельнский и Поппо Аквилейский. Первое подразделение под командованием Пильгрима получило приказ пройти по западным землям Италии через Папскую область в Монте-Кассино и Капую, чтобы арестовать там Атенульфа и Пандульфа от имени императора. Численность этого

войска, как указывается, - хотя ко всем таким цифрам мы должны относиться с подозрением - составляла двадцать тысяч человек. Поппо предстояло провести второе подразделение, насчитывающее одиннадцать тысяч воинов, через Ломбардию и Апеннины к границе Апулии, чтобы в условленном месте соединиться с основной частью армии под командованием Генриха - более многочисленной, чем два других подразделения, вместе взятые, которая следовала по восточной дороге вдоль побережья Адриатики. Объединенные силы должны были затем войти в Апулию, чтобы в назидание грекам осадить и уничтожить Трою, эту гордую новую византийскую крепость, построенную Боиоаннесом, в которой размещался нормандский гарнизон.

Пильгрим подошел к Монте-Кассино, как ему было приказано, но прибыл слишком поздно. Настоятель понимал, как велик гнев Бенедикта, и знал, что снисхождения не будет; услышав о приближении имперской армии, он бежал в Отранто и погрузился на судно, идущее в Константинополь. Но возмездие настигло его. Незадолго до его бегства из монастыря ему явился в видении святой Бенедикт, чтобы сообщить, что он навлек на себя недовольство небес, и напомнил о расплате за грехи. И действительно, едва судно вышло из гавани, начался страшный шторм. 30 марта 1022 г. корабль пошел ко дну и Атенульф утонул вместе со всеми. Тем временем Пильгрим проследовал в Капую. Пандульф не собирался сдаваться без боя и призвал жителей защищать городские стены, но подданные настолько его не любили, что он не мог рассчитывать на их верность. По наущению нормандцев из герцогского эскорта, которые также недолюбливали своего прежнего хозяина и правильно оценили, на чьей стороне сейчас преимущество, группа горожан тайком открыла ворота имперской армии. Пильгрим вошел в Капую и принял капитуляцию у ее рассерженного правителя.

По первоначальному плану Пильгрим должен был повернуть на восток, чтобы воссоединиться с остальной армией. Однако он решил по пути завернуть в Салерно, где Гвемар, хотя его поведение было менее предосудительным, чем у его шурина, все же продолжал открыто проявлять провизантийские симпатии и явно мог доставить беспокойство в будущем, если его не приструнить. Но Пильгрим вскоре обнаружил, что Салерно представляет собой нечто совсем иное, чем Капуя. Он был намного лучше укреплен, и защитники его держались мужественно, поскольку Гвемар был столь же популярен, сколь Пандульф ненавидим, а его нормандская гвардия не отступала перед войском архиепископа. Осада продолжалась в течение месяца, но Салерно, похоже, не собирался сдаваться. Между тем Пильгриму еще предстоял долгий тяжелый путь через горы на встречу с императором. В конце концов было заключено перемирие и Пильгрим согласился снять осаду в обмен на соответствующее количество заложников. Обезопасив таким образом свои тылы, он покинул Салерно и двинулся в глубь страны.

Генрих тоже шел быстро. Несмотря на громоздкость его армии и суровость альпийской зимы, он и архиепископ Поппо, чье путешествие обошлось практически без происшествий, соединились, как планировалось, в середине февраля 1022 г. Вместе они проследовали к условленному месту около Беневенто, где их ждал папа, и 3 марта Бенедикт и Генрих торжественно вступили в город. Там они оставались четыре недели, отдыхая и, вероятно, поджидая Пильгрима. Армия пока готовилась к новому военному походу. К концу месяца союзники решили не ждать больше архиепископа и отправились в Трою.

Боиоаннес, как всегда, выполнил свою работу хорошо. Имперской армии, спустившейся с перевала на равнину Апулии, могучий отрог, на котором стояла Троя, наверное, казался неприступным; и сам город, расположенный на границе между византийской территорией и герцогством Беневенто, выглядел зловеще. Но суровая решимость папы и набожная стойкость императора сделали свое дело, и 12 апреля осада началась. Осада тянулась примерно три месяца, и за это время погода становилась все более жаркой. Удручающая монотонность военных будней была нарушена прибытием Пильгрима с новостями из Кампании и Пандульфом (все еще кипящим негодованием) в

обозе. Весть о судьбе Атенульфа оставила Генриха равнодушным: по слухам, он только пробормотал стих из седьмого псалма[4] и отвернулся. Пандульфа император приговорил к смерти здесь же, на месте, но, благодаря заступничеству архиепископа, который привязался к своему пленнику за время путешествия через горы, приговор был смягчен. Пандульфа отправили в качестве пленника в земли по другую сторону Альп - жест милосердия, о котором многие в самом ближайшем будущем пожалели. Волка из Абруццо увезли в цепях, и осада продолжилась.

В отличие от своей прославленной анатолийской тезки, апулейская Троя держалась до конца. Некоторые прогермански настроенные хронисты утверждают, что Генрих сумел взять город штурмом; знаменитый своей безответственностью монах Радульф Глабер (чья безудержная фантазия соперничала с невоздержанностью в личной жизни, что позволило ему поставить своеобразный рекорд среди сочинителей XI в. по количеству монастырей, откуда его изгнали) рассказывает шаблонную малоправдоподобную историю о том, как сердце Генриха смягчилось при виде процессии из всех жителей города, возглавляемой старым отшельником, несущим крест. Но, если Троя действительно сдалась, непонятно, почему никаких упоминаний об этом нет в современных событиям южноитальянских источниках - и тем более маловероятно, чтобы Боиоаннес немедленно после этого даровал городу новые привилегии в награду, за верность.

Судя по всему, Генрих не дождался своего триумфа. Он не мог продолжать осаду бесконечно. Жара брала свое, и малярия, которая была бичом Апулии вплоть до XX в., подрывала силы имперской армии. В конце июня Генрих решил снять осаду. Лагерь был свернут, и император, который сильно страдал от желчных камней, медленно двинулся в горы во главе своего огромного, но павшего духом войска. Это был не первый случай, когда лето южной Италии победило могущественнейшую европейскую армию, и, как мы увидим, не последний. Генрих встретился с папой, отбывшим еще раньше, в Монте-Кассино, где они оставались несколько дней. Бенедикт вводил в должность нового настоятеля, а Генрих просил - успешно, как говорят - чудесного избавления от своих камней. Затем, после краткого визита в Капую, где другой Пандульф, граф Теанский, обосновался во дворце своего опального тезки, папа и император отправились через Рим в Павию, чтобы присутствовать на соборе, который Бенедикт созвал по поводу церковной реформы. Для Генриха посещение такого собрания представляло неодолимый соблазн, и только в августе он уехал в Германию.

Его военный поход оказался не слишком успешным. Пильгрим, правда, выполнил свою задачу хорошо; Пандульф и Атенульф сошли со сцены, соответственно, со стороны Капуи и Монте-Кассино не должно было грозить никаких неприятностей: заложники из Салерно и Неаполя гарантировали безопасность этой части побережья (Неаполь сам послал заложников, не дожидаясь осады архиепископской армии). Но апулийская кампания потерпела фиаско. Упрямая Троя выстояла, доказав всем редкостное бессилие имперской армии. Войско в шестьдесят тысяч человек оказалось неспособно покорить маленькую горную крепость, построенную за четыре года до этого. Еще хуже было то, что войско находилось под личным командованием императора, чьей репутации был таким образом нанесен жестокий удар - в то время как Боиоаннес, который выстроил Трою и укомплектовал ее гарнизон, снискал еще большую славу. Кроме того, катапан имел одно дополнительное преимущество, которое Генрих слишком хорошо сознавал: находясь в Апулии, он мог последовательно укреплять свои позиции и хвататься без промедления за любую возможность улучшить их. Западный император, напротив, мог действовать только через своих вассалов, которые, как показали недавние события, хранили верность только до тех пор, пока это им было выгодно. Когда император был здесь во всем своем блеске, держал двор, вершил суд и щедрой рукой раздавал дары, вассалы были вполне готовы повиноваться и служить ему. Стоило ему уехать, тут же находились недовольные

[4] Рыл ров и выкопал его и упал в яму, которую приготовил.

и смутьяны; законы попирались, требования морали не соблюдались, запреты забывались; Боиоаннес же не упускал шансов. Что в такой ситуации могло спасти всю с трудом восстановленную имперскую структуру от нового крушения?

Византийцы, наблюдавшие, как имперское войско уходит в горы, вероятно, испытали облегчение. Возьми Генрих Трою, вся Апулия легла бы у ног его милости. Из опыта прежних поражений следовало, что это означало бы уничтожение всего достигнутого за прошедшие четыре года. Даже при сложившейся ситуации многое требовалось строить заново; но благодаря Трое основы уцелели. Греческая дипломатия вновь могла приступить к делу. Неудивительно, что Боиоаннес так щедро наградил город.

Итак, для двух главных соперников кампания 1022 г. закончилась ничьей. Приобретения и потери распределялись практически поровну, и трудно было сказать, на чьей стороне преимущество. Что касается других участников противостояния, то Капуя потерпела жестокое поражение, а Салерно и Неаполь уступили и покорились. Только одной группе людей события этого года принесли бесспорную выгоду. Нормандцы, оборонявшие Трою, сохранили Апулию для греков и заслужили благодарность Боиоаннеса. На западе Генрих в качестве награды за "помощь" в покорении Капуи нанял большой отряд нормандцев, чтобы они охраняли и поддерживали Пандульфа Теанского. Император также разместил нормандские контингенты в крепостях вдоль византийской границы и в разных местах на побережье для защиты от сарацин. Нормандцы уже в совершенстве овладели искусством оказываться всегда на стороне победителя, обращая любую победу себе на пользу и при любых поражениях каким-то образом оказываясь ни при чем. В обеих частях полуострова они укрепили свои позиции и стали ценнейшими союзниками для обеих империй. Дела их поистине шли хорошо.

Глава 3.
УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ

Пять светлых братьев,
Которые захватили мир и разделили его между собой,
Пришли из Нормандии, из свежей зеленой страны
Пришли на эту землю разбитого мрамора.

Сэчверелл Ситуэлл.
Боэмунд, принц Антиохийский

Генрих Святой, вернувшись домой, не питал особых иллюзий по поводу своих возможностей влиять на ход событий в Италии, но даже он не мог предвидеть, насколько быстро будут сведены на нет результаты его трудов. Он потратил много сил и, должно быть, считал, что, по крайней мере на западе, ситуация относительно стабильна, Так, кстати, и было; но вмешалась некая случайность, которой император не мог предвидеть. Улучшение его здоровья, которое явилось результатом чудесного вмешательства святого Бенедикта в Монте-Кассино, оказалось, увы, столь же эфемерным, как и все, чего Генрих достиг в Италии. В июле 1024 г. он умер. Его похоронили рядом с Мелусом в Бамбергском соборе.

Генрих, как можно было ожидать, не оставил наследников; с ним Саксонская династия пришла к концу. Ему наследовал дальний родственник Конрад II Салический. Конрад по характеру и взглядам был непохож на Генриха - он совершенно не интересовался, например, делами церкви, если они не затрагивали его политических интересов, - и у него не было особых причин продолжать политику своего предшественника. Однако это не оправдывает той вопиющей глупости, которую он совершил. По просьбе Гвемара Салернского, приславшего ему льстивое поздравление и дары, новый император, только вступив на престол, освободил Пандульфа Капуанского от цепей и разрешил ему вернуться в Италию. Папа Бенедикт не позволил бы ему совершить подобную дурость; но папа Бенедикт умер. Он опередил Генриха на пути к могиле всего

на несколько недель, и ему наследовал с неподобающей поспешностью его брат Роман, который немедленно обосновался в Латеран-ском дворце под именем Иоанна XIX. Развращенный и исключительно своекорыстный, Иоанн не имел ни сил, ни желания возражать Конраду. Таким образом Волк из Абруц-цо вернулся домой и снова попытался оправдать свое имя.

Его первой целью было вернуть Капую и отомстить тем, кто его предал. Для этого ему требовались союзники. По прибытии в Италию он сразу обратился с просьбами о помощи к Гвемару в Салерно, к катапану Боиоаннесу и, наконец, нормандцу Райнульфу, которого он умолял прислать ему столько соотечественников, сколько найдется. Гвемар, который, как свойственник Пандульфа, безусловно выигрывал в случае, если тот восстановит свой статус-кво в Капуе, откликнулся сразу, и ему не составило труда уговорить Райнульфа, увидевшего новые широкие возможности для нормандского продвижения, присоединиться к заговору. Только греки ответили отказом, однако у них имелось веское оправдание. Император Василий готовил масштабную экспедицию против сарацин, которые к тому времени стали единовластными хозяевами Сицилии. К тому моменту, когда он получил послание от Пандульфа, основная часть его армии - греки, варяги, влахи и тюрки - уже прибыли в Калабрию, а Боиоаннес уже вел авангард войска через проливы, чтобы от имени императора оккупировать Мессину. Пандульфа не слишком опечалил отказ. Райнульф с внушительным отрядом нормандских воинов присоединился к армии Гвемара, и было не похоже, что Капуя окажет серьезное сопротивление. Кроме того, небольшое греческое подразделение, каким-то образом отставшее от основных экспедиционных сил, неожиданно появилось в последний момент и теперь ожидало приказаний. (Если Пандульф должен был вернуть себе трон, Боиоаннес не желал, чтобы это произошло без помощи византийцев.) Не было причин далее медлить. Соответственно в ноябре 1024 г. началась осада Капуи.

Она длилась значительно дольше, чем ожидал Пандульф. Река Волтурно надежно защищала город с трех сторон. Благодаря ей, а также необыкновенно мощным земляным валам с четвертой стороны и, без сомнения, благодаря решимости капуанцев отложить как можно дольше возвращение своего ненавистного владыки, крепость держалась восемнадцать месяцев, и продержалась бы дольше, если бы не несчастный случай 15 декабря 1025 г.: как раз в тот момент, когда он собрался отправиться из Константинополя в Сицилию, император Василий умер. Ему наследовал его шестидесятипятилетний брат Константин, выживший из ума сладострастник, который, несмотря на то что формально пятьдесят лет делил с Василием трон, совершенно не годился для того, чтобы воплощать в жизнь величественные замыслы Василия. Он отозвал войска из Италии в самый решающий момент, и Боиоаннес смог бросить всю свою огромную армию против Капуи.

Теперь у защитников Капуи не было никаких шансов. В мае 1026 г. граф Теанский решил, что капуанский трон становится для него слишком горячим, и принял предложение Боиоаннеса, обещавшего ему возможность благополучно уехать в Неаполь в обмен на сдачу. Ворота города были открыты, и через четыре года (почти день в день) после своего позорного поражения Волк опять водворился там, где, по крайней мере по его мнению, ему и надлежало быть. Хронисты не скупятся на детали, описывая месть Пандульфа капуанцам, многие из которых предпочли бы держаться до конца и пасть в бою. Нормандскому гарнизону, вероятно, больше повезло; победитель был многим обязан Райнульфу, а к тому времени уже стало традицией, что в любой битве, где нормандцы сражались с обеих сторон, те, кто был на победившей стороне, просили милосердия для своих менее удачливых соотечественников.

И все же Пандульф не был удовлетворен. Оставался, в частности, Неаполь. Герцог Сергий IV, хотя являлся номинально вассалом Византии, вел себя удивительно безалаберно во время военного похода архиепископа Пильгрима: он не оказал никакого сопротивления и предложил заложников, прежде чем ему начали угрожать. Сергий даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь Пандульфу вернуть себе свою вотчину, а теперь

приютил этого негодяя графа Теанского. Тот факт, что это было сделано с позволения Боиоаннеса, не останавливал Пандульфа; он подозревал, не без оснований, что это был продуманный шаг со стороны катапана, которому наличие соперничающих претендентов на трон в Капуе могло в будущем оказаться полезным. В любом случае, Сергий был соседом, не заслуживающим доверия, и с ним следовало обращаться соответственно. Единственным препятствием был Боиоаннес, который находился с Сергием в прекрасных отношениях и, конечно, пришел бы к нему на помощь, если бы возникла необходимость.

В 1027 г. катапана отозвали. Для Восточной империи это было такой же ошибкой, как для Конрада освобождение Пандульфа тремя годами раньше. В качестве наместника Василия в Италии Боиоаннес благодаря своему военному таланту и мастерству дипломата сумел восстановить господство Византии на юге и поднять ее авторитет на высоту, невиданную в последние триста лет. Теперь, в отсутствие императора и катапана, начался упадок. Он начался классически - с того, что неповиновение осталось безнаказанным.

Если бы Боиоаннес был в Италии или если бы Василий был жив, Пандульф никогда бы не рискнул напасть на Неаполь. Но в Капитанате не было правителя; а в Константинополе старый маразматик Константин интересовался только скачками. "Могучий волк", как его называет Аматус, ухватился за свой шанс. Зимой 1027/28 г. он обрушился на Неаполь, как всегда из-за предательства, овладел городом после очень недолгой борьбы. Сергий скрылся, а запуганный граф Теанский искал убежища в Риме, где вскоре умер.

Положение Пандульфа теперь казалось на редкость прочным. Он был хозяином не только в Капуе и Неаполе, но фактически и в Салерно, поскольку Гвемар умер в 1027 г. и его вдова, сестра Пандульфа, правила в качестве регентши своего шестнадцатилетнего сына. При том, что ни Западная, ни Восточная империи не пытались его остановить - Конрад несколькими месяцами раньше приезжал в Италию для собственной коронации и послушно принял вассальную клятву у Пандульфа как у князя Капуанского, а папа также бездействовал - он мог спокойно дать волю своим амбициям. Ему было только сорок два года; толика удачи и поддержка преданных нормандцев позволили бы ему без труда захватить Беневенто и другие города на побережье. Затем, если нынешняя апатия, охватившая Константинополь, не будет в ближайшее время преодолена, ничто не помешает ему пойти войной на Капитанату и старая мечта лангобардов о Южноитальянской империи наконец станет явью.

Такие перспективы, как можно ожидать, не слишком радовали жителей Амальфи, Гаэты и их меньших соседей.

Они ценили свою независимость и свои тесные коммерческие и культурные связи с Константинополем; при этом не питали особой привязанности к лангобардам и, как все остальные, очень не любили Пандульфа. Тем временем горожане Неаполя, которые едва ли когда-либо хотели видеть своим властителем правителя Капуи, успели пострадать от его грубости и алчности и стали подумывать о том, как от него избавиться.

Ключ к ситуации был в руках у Райнульфа. Из всех нормандских отрядов, разбросанных по полуострову, войско Райнульфа было самым большим и влиятельным и постоянно увеличивалось за счет того, что новые воины прибывали по его приглашению с севера. Если бы Пандульф мог заручиться поддержкой Райнульфа, у противников Капуи в южной Италии осталось бы мало надежды уцелеть. К счастью, нормандцу внезапное возвышение Капуи было так же не по душе, как и остальным. Прирожденный политик, он уже тогда сознавал, каковы размеры ставок в той игре, которую они ведут, и мог заглянуть достаточно далеко вперед, чтобы понять, что новые успехи Пандульфа входят в противоречие с интересами нормандцев. Он поддерживал правителя Капуи достаточно долго; теперь пришло время переменить хозяев. Он прекрасно знал, сколь много значит его поддержка для городов-государств, и, когда пришли посланники - а он знал, что они непременно придут из Неаполя от Сергия и от герцога Гаэтанского, - он был готов ставить свои условия.

Переговоры прошли успешно и закончились обсуждением плана действий; планы успешно претворились в действия, а действия успешно завершились тем, что в 1029 г., менее чем через два года после изгнания, Сергий вернулся в Неаполь, а Волк спрятался в своей капуанской берлоге, зализывая раны. Нормандцы снова победили. На сей раз они получили более весомую награду за свою службу. Произошло ли это по их настоянию или сам Сергий решил позаботиться о своей будущей безопасности, точно неизвестно; но, какова бы ни была причина, в начале 1030 г. Райнульф официально получил в дар город Аверсу со всеми принадлежащими к нему землями и как дополнительный знак благодарности и уважения - руку родной сестры Сергия, вдовы герцога Гаэтанского.

Для нормандцев это был величайший день со времени их прибытия в Италию. Спустя тринадцать лет у них, наконец, появился собственный феод. С этого момента они перестали быть сборищем чужеземцев - наемников или бродяг. Земля, на которой они жили, принадлежала им по праву, переданная по закону в соответствии с вековыми феодальными традициями. Они были держателями у собственного свободно избранного предводителя, своего сородича, вошедшего теперь в круг южно итальянской знати, зятя герцога Неаполитанского. Для людей, столь чувствительных к формальной стороне дела, такое повышение статуса имело большое значение... Поначалу их методы и тактика почти не изменились - они по-прежнему выступали то на одной стороне, то на другой, разжигали вражду между вздорными греческими аристократами или лангобардскими баронами и продавали свои мечи тем, кто купит. Но теперь они имели в виду как конечную цель приобретение собственных владений в Италии. Множество неприкаянных нормандцев все еще бродили в городах и по дорогам, ведя жизнь разбойников; однако начиная с 1030 г. все большее число их предводителей будет на манер Райнульфа оседать в постоянных домах-крепостях и направлять усилия на то, чтобы обзавестись собственными владениями. С момента, когда нормандцы стали землевладельцами, их отношение к соседям и к самой стране стало меняться. Италия больше не была для них полем битвы и вместилищем легкой добычи, предназначенным для грабежа и разорения; но территорией, которую следовало присваивать, развивать и обогащать. Она стала фактически их домом.

В течение некоторого времени Райнульф занимался исключительно наведением порядка в своих новых владениях. Аверса[5] лежит на открытой кампанской равнине между Капуей и Неаполем, а потому должна была в скором времени привлечь внимание Пандулъфа. Именно это и произошло, но не совсем так, как можно было ожидать. В 1034 г. жена Райнульфа, сестра герцога Сергия, внезапно умерла. У Пандульфа была племянница, отец которой недавно получил трон Амальфи, и он предложил ее в жены горюющему вдовцу. Перспективы, которые открывало подобное утешение, - союз с Пандульфом и неизбежное крушение Сергия, бывшего шурина и главного благодетеля, - выглядели слишком соблазнительно, чтобы Райнульф мог сопротивляться. Он согласился. Сергий только что потерял Сорренто, который по наущению Пандульфа восстал против своего господина и утвердился как независимый город-государство под покровительством Капуи. Теперь неаполитанскому герцогу предстояло пережить несравненно более тяжелый удар: потерю Аверсы и поддержки нормандцев, от которой он в значительной степени зависел. В личном плане крушение было еще более жестоким: сестра, которую он любил, умерла, зять, которому он доверял, предал его. Справедливость, благодарность,

[5] Долгое время бытовала легенда, возможно исходящая от английского хрониста Ордерика Виталия, согласно которой Аверса получила имя от латинского *adversa*, т. е. место для тех, кто враждебен (чужд) остальным жителям страны. Это объяснение, увы, неправильно. Название встречается в источниках, датируемых первыми годами XI столетия, а значит, существовало до того, как Райнульф и его спутники покинули Нормандию. Сейчас Аверса, хотя в архитектуре и убранстве ее собора заметны следы нормандского влияния, удивительно скучный город, известный главным образом как родина Чимарозы и место расположения огромного сумасшедшего дома.

верность оказались пустыми иллюзиями. Сергий не хотел более ничего. Духовно сломленный, он покинул Неаполь и ушел в монастырь, где вскоре умер.

Это было, вероятно, самое вероломное предательство в жизни Райнульфа, но, если он и испытывал угрызения совести, он этого не показывал. У него, как всегда, была одна цель - укрепление собственной позиции - и, преследуя ее, он принял с энтузиазмом новый союз. Так начался период, когда князь Капуи, поддерживаемый господином Аверсы и правителями Сорренто, Салерно и Амальфи, стал могущественнейшей силой страны. Всего несколько лет назад Райнульф направил все свои усилия на то, чтобы противостоять амбициям Пандульфа, но теперь ситуация изменилась. Сила Капуи, сколь бы велика она ни была, держалась на союзе с нормандцами, и в любом случае Райнульф теперь выступал не как наемник, а как потенциальный соперник.

На тот момент, однако, он был готов позволить Пандульфу наслаждаться своей славой. И князь Капуи с восторгом предавался этому занятию, когда первый из сыновей Танкреда де Отвиля отправился в Италию.

Примерно в восьми милях к северо-востоку от Кутанса в Нормандии лежит маленькая деревня Отвиль-ла-Гишар. Ничто, кроме имени, не напоминает теперь о связи этого места с удивительным талантливым родом, чья слава некогда гремела по всему цивилизованному миру от Лондона до Антиохии. В начале XX в., однако, еще можно было увидеть у реки остатки старого замка, и французский историк Готье дю Ли д'Арк, описывая свой визит в эти места в 1827 г., гордо цитирует слова одного из деревенских жителей: "Здесь, добрые господа, родились несравненный Танкред и Роберт Гвискар, разумный; они даровали бесчисленные сокровища нашему благословенному Готфриду, чтобы тот построил наш собор, дабы возблагодарить Бога за милость, которая принесла им победы в войнах в Сицилии и Египте".

На самого Танкреда бессмертная слава свалилась по счастливой случайности и совершенно незаслуженно. Не было ничего необычного в этом мелком провинциальном бароне, предводителе скромного отряда из десяти рыцарей в войске герцога Роберта Нормандского; ни один факт из того немногого, что мы о нем знаем, не кажется особенно замечательным - если не считать его плодовитости. Писавший на рубеже XII столетия Готфрид Малатерра, бенедиктинский монах, чья "История Сицилии" является основным источником сведений о начальном этапе в истории рода Отвилей, сообщает нам, что первая жена Танкреда, некая Мюриэлла, была дама "блестящего происхождения и несравненных достоинств", от которой он имел пятерых сыновей - Вильгельма, Дрого, Хэмфри, Готфрида и Серло. После ее смерти Танкред женился снова по причинам, которые Малатерра находит нужным объяснить в деталях:

"Поскольку он еще не был стар и не мог потому сохранять воздержание, но, будучи честным человеком, считал позорными случайные сношения, он взял себе вторую жену. Ибо, помня слова апостола: "чтобы избежать разврата, дозвольте каждому мужчине иметь свою жену" и далее: "но блудников и изменников Бог осудит", он предпочел довольствоваться одной законной женой, нежели осквернять себя объятиями наложниц".

Страстный Танкред женился на благородной деве по имени Фрессенда, "по благородству и достоинствам не уступавшей первой", которая подарила ему быстро и, по-видимому, без усилий семь сыновей - Роберта, Можера, второго Вильгельма, Обри, Танкреда, Умберта и Рожера - и по крайней мере трех дочерей. Для такого огромного выводка семейное имение явно было маловато. Райнульф же в своих призывах к добровольцам подробно расписывал богатые возможности, открывающиеся перед молодыми нормандцами в южной Италии, и примерно в 1035 г. первые трое юных Отвилей решили искать там своего счастья. Вильгельм, Дрого и Хэмфри перешли через Альпы и направились в Аверсу; вскоре они уже состояли на службе у князя Капуанского под непосредственным командованием Райнульфа.

Пандульф недолго пользовался лояльностью Отвилей. За год или два он, как можно было ожидать, настроил против себя всех своих союзников. Они были поражены его Двурушничеством, обижены его бесцеремонностью, взбунтовались против его жестокости. Даже по меркам XI в. его поведение было невыносимо, особенно по отношению к церкви. Еще ранее он заковал архиепископа Капуи в цепи и заменил его собственным незаконным сыном; а теперь и начал намеренно притеснять Монте-Кассино. Сразу после поспешного отъезда и смерти брата Пандульф затаил обиду на великий монастырь и решил подчинить его себе. Особенно он ненавидел преемника Атенульфа, аббата Теобальда. При первой возможности он заманил Теобальда в Капую и бросил его в тюрьму. Монахи избрали нового настоятеля, но Пандульф, не посчитавшись с ним, назначил одного из своих приспешников "главным управляющим", после чего установил контроль над всеми монастырскими доходами, а кроме того, отобрал у Монте-Кассино земли и наделил ими тех нормандцев, которые лучше всего ему служили. Бедные монахи были бессильны; они не могли ничего сделать, даже когда их любимые драгоценности и утварь вывозили в Капую. Они жили впроголодь - в день Успения Богородицы не нашлось даже вина, чтобы отслужить мессу, - и Аматус, который, судя по всему, находился в монастыре в это время, сообщает, что вскоре большинство братьев, включая настоятеля, покинули Монте-Кассино в отчаянии, а у оставшихся дела шли очень скверно.

Зачинщиком мятежа стал молодой князь Салерно Гвемар V (или IV), который теперь подрос и решил восстать против тирании своего дяди. Он был достойным противником. Этот Гвемар, как пишет Аматус, "был более мужественным человеком, чем его отец, более щедрым и любезным; поистине, он обладал всеми качествами, которые должен иметь мирянин, - исключая то, что он излишне увлекался женщинами". Последнее обстоятельство, однако, не смягчило гнев молодого Гвемара, когда в 1036 г. он услышал, что его племянница была изнасилована князем Капуи. Этот поступок переполнил чашу его терпения, но дал ему повод для нападения, которого он давно ожидал. Другие города и герцогства с радостью поддержали его; Райнульф перешел на его сторону с легкостью, порожденной долгой практикой, и через несколько недель вся страна была охвачена пламенем.

Пандульф мог рассчитывать на лояльность нескольких своих старых союзников, включая тех нормандцев, чью поддержку купил землями Монте-Кассино. Переход Райнульфа к Гвемару означал, что главную ударную силу на обеих сторонах теперь составляли нормандцы - чем и объясняется тот факт, что война шла с переменным успехом. Гвемар понимал, что должен доказать свою силу; но он также сознавал (с дальновидностью, редкой в его годы), что никакая победа не может быть прочной без поддержки со стороны империи. Оставалась одна проблема -- какую из империй выбрать? В прошедшие пятнадцать лет и Восточная и Западная империи посылали армии, чтобы утвердить свою власть в южной Италии; теперь появился шанс сыграть с одной из них против другой. Князь Салерно обратился к обоим императорам с просьбой вмешаться и выступить в роли судей, перечислив, в качестве оправдания своих действий, все преступления Пандульфа. Конрад II вполне представлял ситуацию, сложившуюся на юге Италии, в которой он сам был косвенно повинен - ведь это он двенадцать лет назад так неразумно освободил Пандульфа. За эти годы, однако, Конрад многому научился; за ним укрепилась репутация могущественного и, главное, справедливого властителя. Он не мог не откликнуться на призыв Гвемара - особенно после того, как услышал, что такое же обращение было отправлено в Константинополь. Следовало поддержать свой авторитет перед вассалами и ясно доказать всем обитателям полуострова превосходство Западной империи над Восточной. В первые месяцы 1038 г. Конрад во главе своей армии направился наводить в Италии порядок.

Он сразу двинулся к Монте-Кассино. Еще раньше несколько бывших монахов этого монастыря являлись к нему с жалобами, но по прибытии в Монте-Кассино император обнаружил, что дела обстоят даже хуже, чем он полагал. Он тотчас же

отправил гонцов к Пандульфу, повелев ему от своего имени вернуть все монастырские земли и собственность, которые он похитил, а также освободить политических узников, томившихся в капуанских тюрьмах.

Пандульф находился в безнадежно проигрышной позиции. У него не было ни сильных союзников, ни средств для противостояния императору. Сперва он попробовал изобразить раскаяние и предложил Конраду значительную сумму денег и собственных детей в качестве заложников, пообещав в будущем вести себя хорошо. Конрад согласился, но вскоре сын Пандульфа сбежал от своих стражей, и Волк опять принялся за свое. Надеясь переждать бурю и отсидеться где-нибудь до тех пор, пока император не вернется в Германию, он бежал в один из своих отдаленных замков в Сан-Аджато-деи-Готи (его развалины сохранились до сих пор) и спрятался там. Но это оказалось бесполезно. Император при поддержке Райнульфа и его нормандцев успешно справился с немногими оставшимися приверженцами Пандульфа, а затем вернулся в Капую, где торжественно возвел Гвемара на трон под аплодисменты местных жителей, щедро подкупленных салернским золотом. Игра закончилась - у Пандульфа оставался только один путь - к своим старым друзьям в Константинополь. Но даже здесь ему не повезло. По прибытии, к своему сильному удивлению и по непонятным для него причинам, он сразу же оказался в тюрьме.

Конрад тем же летом вернулся в Германию. Его военный поход был коротким, но вполне удачным. Он разделался с Пандульфом, вернул Монте-Кассино его земли и собственность и продемонстрировал еще раз силу и действенность императорского правосудия. Не менее важно, что Конрад оставил правителем южной Италии молодого, энергичного и мужественного человека, который его уважал и был многим ему обязан. В тот же год император умер в возрасте пятидесяти лет; но он оставил свои южные владения в положении гораздо более стабильном и благополучном, нежели его предшественник Генрих.

Истинный триумф выпал на долю Гвемара. На пороге зрелости он достиг большего успеха, чем когда-либо добивались его отец или дядя. При этом он не навлек на себя ничьей враждебности, не нарушил ни одного обещания. Он пользовался не только одобрением, но и активной поддержкой западного императора и снискал симпатии повсюду в Италии. Он обладал умом и здоровьем и был необыкновенно красив. Его действительно ожидало большое будущее.

Но нормандцы также не остались в проигрыше. Райнульф и его люди, как всегда, оказались под конец на победившей стороне. Они сражались за Гвемара и Конрада. Их потери были малы, численность войска даже увеличилась. Самое важное, Гвемар договорился, чтобы император, до того как покинуть Италию, утвердил право Райнульфа на Аверсу, даровав ему соответствующий титул и одновременно сделав его из неаполитанского вассала вассалом Салерно. В результате летом 1038 г. Конрад II официально вручил Райнульфу Нормандцу копье и знамя графства Аверсы. Когда новоиспеченный граф поднялся с колен, никто не знал лучше его, зачем проводилась эта церемония - просто потому, что в качестве вассала князя Капуи и Салерно он будет обязан защищать своего сюзерена от всех врагов. Но в тот момент это не имело значения. Главное, что Райнульф был теперь не только крупным землевладельцем, местным аристократом и одним из самых могущественных военных предводителей в Италии; он также принадлежал к имперской аристократии, владел титулом и правами, которые мог отнять у него только сам император. Еще один важный шаг был сделан к ныне уже отчетливо вырисовывающейся цели - главенству нормандцев на юге.

Что до трех юных Отвилей, их знакомство с итальянской политикой многому их научило. Они увидели, как нестабильна ситуация в стране, как быстро умный юноша может достичь вершин власти и как легко князь может быть низвергнут. Они также осознали, что при постоянном изменении баланса сил и в отсутствие прочных союзов дипломатия не менее важна, чем мужество, что острый меч ценен, но острый ум еще

ценнее. Они ощутили силу имперской власти, когда император непосредственно присутствует на месте, и ее беспомощность, когда император далеко. Также они видели перед собой пример военного вождя, который, тонко и тщательно разыгрывая свои карты, достиг за двадцать лет богатства, влияния и титула, и эти уроки они не забыли.

Глава 4
СИЦИЛИЯ

Есть например, Сицилия, отданная мне
И вновь отобранная через несколько лет.
Броунинг.
Король Виктор и король Карл

Призыв о помощи от князя Салерно, на который Конрад II откликнулся так быстро и действенно, в Константинополе был встречен молчанием. Со времени отставки Боиоаннеса в 1027 г. греческое влияние в Италии постепенно падало. Пандульф был не единственным, кто воспользовался слабостью Константина VIII. В Апулии лангобарды вновь подняли голову, а сарацины, которые увидели в смерти Василия II милость Аллаха, продолжили свои грабежи с удвоенной силой и жестокостью и добирались чуть ли не до окрестностей Константинополя.

Если бы Василий Болгаробойца оставил сына, все было бы хорошо. Но в существующих обстоятельствах проблема наследования все больше запутывалась. Константин умер в 1028 г., также не оставив сына - только трех дочерей, из которых старшую, сильно изуродованную оспой, давно отправили в монастырь. Две другие, Зоя и Феодора, были почти столь же несчастны, обе не замужем и уже не первой молодости. Очень характерно для Константина, что он ничего не сделал для исправления сложившейся ситуации, пока не оказался на смертном одре - тогда он призвал старого Романа Аргира и спешно женил его на Зое. Три дня спустя он умер, а Роман и Зоя наследовали трон. Роман, однако, недолго этим наслаждался. Вскоре он пал жертвой крайне неприятной болезни, от которой у него выпали волосы из головы и бороды: некоторые приписывали это воздействию возбуждающего, которое он напрасно принимал в надежде зачать сына с пятидесятилетней Зоей, а другие - медленному яду. Последнее более правдоподобно, поскольку императрица, дождавшись наконец радостей, которых долго была лишена, решила вознаградить себя за все потерянное время и завела любовника - красивого, молодого, хотя и эпилептичного пафлагонийского менялу по имени Михаил. Этот юноша был братом самого могущественного придворного евнуха Иоанна Орфанотропоса, который стал фактическим правителем империи и, твердо решив, что его семья должна основать императорскую династию (сам он, к сожалению, не имел возможности это сделать) намеренно свел Михаила и Зою. Его план удался: императрица обезумела от любви и вскоре перестала делать тайну из своего стремления избавиться от бесполезного мужа. В Страстную пятницу 1034 г. Роман задохнулся в ванне. В тот же вечер Михаил женился на своей престарелой любовнице и стал императором.

Подобное начало едва ли сулит успех царствованию, но Михаил IV благодаря своему брату правил заметно лучше, чем его предшественник. Вскоре он взялся за продолжение кампании по изгнанию сарацин из Сицилии, начатой Василием II. Их продолжающиеся рейды перестали быть только досадной неприятностью; они стали угрожать безопасности Византии. Не только прибрежные города страдали от их грабежей. Городские купцы жаловались, что моря наводнены пиратами, цены на привозные товары поднимаются и торговля страдает. Для всех греков Сицилия оставалась исконным владением Византии; там все еще сохранялась значительная часть греческого населения. Тот факт, что она находилась в руках нехристей, бросал вывоз национальной гордости. Арабы должны уйти.

Шансов на проведение успешной кампании у Михаила было даже больше, чем у Василия десять лет назад. Между арабскими правителями острова началась война. Эмир Палермо, аль-Акхаль, внезапно обнаружил, что на него движется армия под предводительством его брата Абу Хафза, усиленная шестью тысячами африканских воинов под командой Абдуллы, сына Зирида, калифа Кайруана. В 1035 г., видя, что Дела его плохи, он обратился за помощью к Византии. Михаил согласился - он понимал, что такая возможность может более не представиться. Но прежде, чем он смог послать войска, пришла весть об убийстве аль-Акхаля, и император лишился этого благовидного предлога для высадки на Сицилии. Однако смута быстро охватила всю Сицилию, и сарацины, безнадежно передравшиеся между собой, казалось, не смогут противостоять тщательно спланированному наступлению византийской армии. Кроме того, пиратский рейд на фракийском побережье поднял тревогу в столице, поэтому приготовления к военной экспедиции продолжались не столь интенсивно - поскольку время теперь работало на греков, - но со всем вниманием и тщательностью, на которые были способны император и его коварный, деятельный брат. Изменилась только официальная цель: вопрос об исполнении союзнических обязательств более не стоял. Греки готовились отвоевать Сицилию.

Таким образом, когда в 1036 г. Гвемар обратился в Константинополь с просьбой о помощи, оправданием для отказа (как и двенадцать лет назад, когда с подобной просьбой обращался Пандульф) послужила подготовка к походу на Сицилию. Даже не будь этого оправдания, Михаил едва ли предпринял бы решительные действия. Пандульф был в прошлом полезным союзником Византии, и его положение казалось не настолько безнадежным: с какой стати Восточная империя должна помогать в свержении человека, который двадцать лет был занозой в теле ее главной соперницы - Западной империи? Два года спустя ситуация изменилась. Пандульф потерпел сокрушительное поражение, и не оставалось никакой надежды на то, что он сумеет вернуть себе прежнее положение. Гвемар же был силен и честолюбив. Если бы он захотел выступить против Византии, он мог наделать много бед в Капитанате. Кроме того, имелась надежда на то, что князь Капуи и Салерно и его соправители, также страдавшие от сарацинских набегов, окажут помощь людьми и деньгами сицилийской экспедиции. Если бы у Пандульфа было время немного подумать, арест в Константинополе не отказался бы для него такой уж неожиданностью.

Войска, направлявшиеся на Сицилию, отплыли из Константинополя в начале лета 1038 г. Ими командовал величайший из византийских полководцев того времени - великан Георгий Маниак, уже прославившийся серией военных триумфов в Сирии шестью годами раньше. Характер и деяния Маниака, как и его физические данные, не укладывались в обычные человеческие рамки; он был одним из тех колоритных гениев, появляющихся периодически в истории, которые, кажется, должны завоевать мир, но теряют все из-за какого-то изъяна, обнаруживающегося в критический момент.

Историк Михаил Пселл оставил следующее поразительное описание: «Я сам видел этого человека и дивился ему; от природы он соединял в себе все качества, необходимые военному командиру. Его рост достигал чуть ли не трех метров, и, чтобы смотреть на него, людям приходилось закидывать головы, словно они глядели на вершину холма или высокую гору; его манеры не были мягкими или приятными, но напоминали о буре; его голос звучал как гром; а его руки, казалось, подходили для того, чтобы рушить стены или разбивать бронзовые двери. Он мог прыгать как лев, и его хмурый взгляд был ужасен. И все остальное в нем было чрезмерным. Те, кто его видел, обнаруживали, что любое описание его, которое они слышали, было преуменьшением».

Армия, которой должен был командовать этот удивительный великан, была, как всегда, разнородной. Ее сильнейшей составляющей был внушительный отряд варяжской гвардии под предводительством почти легендарного Харальда Хардрады, вернувшегося из паломничества в Иерусалим; слабейшей - подразделение, состоящее из лангобардов и

итальянцев из Апулии, которые не скрывали своего недовольства по поводу того, что их заставляют служить Византии. Основная масса войск Маниака состояла главным образом из греков и болгар. Для транспортировки армии использовался флот из галер под командованием некоего Стефана, бывшего конопатчика, заделывающего щели в кораблях и лодках, чья единственная заслуга состояла в том, что он много лет назад женился на сестре Орфанотропоса и в одно прекрасное утро проснулся зятем императора - это обстоятельство позволило ему быстро возвыситься и занимать ответственные посты, что намного превосходило его возможности[6].

Армия не отправилась сразу на Сицилию, но сперва завернула в Салерно, чтобы просить поддержки у Гвемара. Молодой князь предоставил помощь с величайшей готовностью. В результате его действий политическая обстановка в Италии стала непривычно стабильной и толпы нормандских авантюристов, надоедливых, хищных и совершенно беспринципных, ищущих приключений и не желавших жить мирной жизнью, стали для него большой помехой. Гвемар, конечно, оставил при себе графа Аверсы и его самых верных последователей, на тот случаи, если понадобится их помощь; но три сотни самых молодых и своевольных получили приказ отправиться в Сицилию и, подбадриваемые обещанием большого вознаграждения, погрузились вместе с итальянцами и лангобардами на корабли Стефана. Среди них были и Отвили.

Остров Сицилия - самый большой в Средиземном море. На протяжении веков он постоянно оказывался и самым несчастным. Перевалочный пункт по пути из Европы в Африку, ворота между Востоком и Западом, между латинским и греческим миром, одновременно крепость, наблюдательный пункт и расчетная палата, он был лакомым куском для всех великих держав, которые в разные времена стремились к господству в Центральном Средиземноморье. Сицилия принадлежала всем им по очереди - и по сути не принадлежала никому; множество самых разных завоевателей, мешая формированию собственной национальной индивидуальности у жителей острова, наделили эту землю таким калейдоскопическим наследием, что никакая ассимиляция стала невозможна. Даже сейчас, несмотря на красоту пейзажей, плодородие полей и постоянно благоприятный климат, там ощущается нечто мрачное, давящее - некая подспудная горечь, которую можно отнести на счет бедности, влияния церкви или власти, мафии; но реально то, другое и третье являются ее проявлениями, но не причиной. Эта горечь порождена долгим неудачным опытом, памятью об утраченных возможностях и невыполненных обещаниях; такова, может быть, горечь красивой женщины, которую слишком часто насиловали и предавали, так что она не годится теперь для брака по любви. Финикийцы, греки, карфагеняне, римляне, готы, византийцы, арабы, нормандцы, немцы, испанцы, французы - все оставили здесь свои следы. Ныне, через сто лет после того, как она обрела свой дом в Италии, Сицилия, наверное, стала счастливей, чем была в течение многих веков; но хотя она не кажется более брошенной, она по-прежнему одинока и ей недостает осознания себя, которое она никак не может обрести.

Греки впервые достигли Сицилии в VIII в. до н. э. Потеснив местных жителей и финикийцев, устроивших на острове несколько своих торговых баз, они привезли вино и оливы, и остров скоро превратился в процветающую колонию, в один из важных центров просвещенного греческого мира: здесь родился поэт Стесихор Гимерийский, которого боги поразили слепотой за то, что он оскорбительно отзывался о Елене Троянской, и философ Эмпидокл Агригентский, который написал ученый труд о переселении душ и, уже почти пройдя долгое и утомительное ученичество в качестве куста, внезапно оставил свое смертное тело ради высших целей, когда утром 440 г. другие научные исследования завели его слишком далеко в кратер Этны. Но золотой век длился недолго. Пелопоннесская война и знаменитая афинская военная экспедиция подготовили почву для

---

[6] Про Стефана Пселл пишет: "Я видел его после метаморфозы... Это было, как если бы пигмей хотел играть Геракла и старался заставить себя выглядеть полубогом. Чем больше такие люди стараются, тем больше их внешность их предает - одетый в львиную шкуру, но гнущийся под тяжестью дубины".

первого вторжения карфагенян, которые, вместе с различными греческими тиранами (из которых самый знаменитый - Дионисий Сиракузский) вплоть до III в. до н. э. использовали остров как военный плацдарм. Наконец, в 241 г. после Первой Пунической войны залитая кровью Сицилия сделалась римской провинцией.

В эпоху Республики Сицилия не могла ждать от римлян ничего хорошего. Ужасный комплекс неполноценности, который они испытывали, когда соприкасались с греческой культурой, заставлял их безжалостно разорять и жестоко эксплуатировать захваченные греческие земли. Несколько греческих городов смогли сохранить свою независимость, но на большей части острова обнаженные рабы трудились на полях, сея и собирая зерно для Рима. Время от времени серьезный мятеж рабов или скандал, подобный делу о взяточничестве Верреса, о котором нам известно из обличений Цицерона, привлекал ненадолго внимание к бедственному положению острова, но по большей части Сицилия переносила свои страдания молча. В период империи ситуация немного улучшилась; Адриан, этот неутомимый путешественник, посетил Сицилию в 126 г. н. э. и взобрался на Этну, но и тогда острову отводилась всего лишь роль главной житницы Рима. Соответственно к нему и относились. Никто не пытался принести на остров римскую цивилизацию, и, невзирая на некоторое количество латиноговорящих поселенцев, Сицилия оставалась в основном греческой по языку и обычаям.

К середине V столетия Римская империя на Западе оказалась на краю гибели, и все больше и больше провинций и колоний выскальзывало из ее хватки. В 440 г. н. э. Сицилия пала перед вандалами, которые вскоре передали ее по договору остготам, и некоторое время на острове хозяйничали готские вожди. К сицилийцам они относились неплохо, но те постоянно негодовали на то, что вынуждены подчиняться варварам. Жители острова с восторгом приветствовали «освободительное» войско Юстиниана. Готы отступили без сопротивления повсюду, за исключением Панорма - нынешнее Палермо, -- который тогда был всего лишь маленьким второсортным портом[7]. Здесь готский правитель попытался держать оборону; но Велизар, самый блестящий из генералов Юстиниана, приказал византийскому флоту войти в гавань и стать на рейд так близко к берегу, чтобы мачты кораблей возвышались над городскими стенами. Затем он велел воинам сесть в шлюпки и поднял их на реи, так что византийцы могли оттуда стрелять по защитникам города. Готы сдались.

Сицилия вновь стала имперской провинцией. Одно время она едва не превратилась в нечто большее. В середине VII в. византийский император Констанций II, справедливо беспокоясь о будущем своих западных провинций в условиях бурного распространения ислама, принял радикальное решение - сдвинуть центр империи на запад и, соответственно, перенести столицу. Первым в голову приходил, очевидно, Рим. Но после огорчительного двенадцатидневного визита туда в 663 г. - Констанций был первым императором за почти триста лет, посетившим Мать Городов, - он переменил свое мнение и остановил свой выбор на более «греческих» по атмосфере Сиракузах. Очень заманчиво попытаться представить себе, как развивалась бы история Европы, если бы столица Византийской империи осталась на Сицилии; но придворные не могли смириться с подобной переменой, и пять лет спустя один из них, обезумев от тоски, напал на императора в ванне и убил его мыльницей. К тому времени арабы обратили свои помыслы к Малой Азии и самому Константинополю, так что сыну и наследнику Констанция Константину IV Бородатому не оставалось ничего другого, кроме как вернуться на Босфор. Сицилию снова оставили в покое.

Жизнь на острове текла более-менее спокойно в продолжение VIII столетия; в этот период Сицилия, как и Калабрия, стала прибежищем для изгнанников, бежавших от

---

[7] Несмотря на превосходное географическое положение, Палермо стал столицей только при сарацинах. Это объясняет, почему в городе почти нет памятников классической древности, встречающихся в других местах на острове. Единственными исключениями являются мозаики с изображением Орфея со зверями и четырех времен года, хранящиеся в национальном музее.

эксцессов иконоборчества в Константинополе, но в IX в. мирному существованию пришел конец. Мусульмане ждали достаточно долго. Они к тому времени захватили все североафриканское побережье и тревожили остров неожиданными набегами. В 827 г. они использовали свой шанс захватить Сицилию. Византийский правитель Сицилии, по имени Ефим, был смещен со своего поста после неподобающего приключения с местной монахиней. Он в ответ взбунтовался, провозгласил себя императором и призвал на помощь арабов. Они высадились, быстро закрепились на острове, не обращая внимания на Ефима (который все равно вскоре был убит), а через три года взяли приступом Палермо, объявив город своей столицей. Последующее их продвижение происходило очень постепенно: Мессина пала в 843 г., а Сиракузы только в 878-м, после долгой и трудной осады, в течение которой защитники дошли до каннибализма. Но после этого византийцы признали поражение. Несколько крепостей в восточной части острова держались немного дольше: последняя, Рометта, просуществовала до середины X в. - но в том июне, когда знамя пророка взвилось над Сиракузами, Сицилия стала, по существу, частью мусульманского мира.

Когда война окончилась и в стране вновь воцарился порядок, жизнь большинства христиан продолжалась достаточно безбедно. Им предоставили полную свободу при условии уплаты ежегодной дани, которую многие предпочитали принудительной военной службе, требовавшейся при византийском правлении. Кроме того, сарацины проявили на Сицилии, как почти везде, редкую религиозную терпимость, которая позволяла церквам и монастырям, хранившим древние греческие учености, процветать, как и ранее[8]. В других отношениях остров также выгадал. Арабы принесли с собой целую новую систему земледелия, основанную на таких новшествах, как террасирование и сифонные акведуки для орошения. Они стали сажать хлопок и папирус, цитрусовые и финики, а также сахарный тростник, который через несколько лет стал важной статьей сицилийского экспорта. При византийцах Сицилия никогда не играла важной роли в средиземноморской торговле, но при сарацинах она стала одним из крупнейших торговых центров Средиземноморья и на базарах Палермо перекликались голоса христианских, мусульманских и иудейских купцов.

И все же среди многих благодеяний, оказанных Сицилии арабскими завоевателями, отсутствовало одно очень важное - гарантия стабильности. По мере того как связи эмира Палермо и верных ему военных вождей с Североафриканским калифатом слабели, рвалась единственная нить, связывающая самих эмиров; они все более отдалялись один от другого, и в результате остров вновь стал полем битвы противоборствующих группировок. Этот постепенный распад завершился вторжением Абдуллы, которое и привело греков - вместе с их нормандскими союзниками - на Сицилию.

Примерно в конце лета греческие войска высадились на острове. Они сметали все на своем пути. Лишенные единства сарацины при всей своей доблести не могли сдержать натиск. Мессина пала почти сразу, после тяжелой битвы ее участь разделила Рометта - крепость, защищающая перевал, соединяющий Мессину с северной прибрежной дорогой на Палермо. О дальнейшем ходе военной кампании мы знаем мало - хронисты молчат или излагают ход событий крайне неопределенно[9]. Представляется, однако, что византийское войско медленно продвигалось к Сиракузам, поскольку нам известно об осаде города в

[8] В конце X в. святой Нил, знаменитый калабрийский аббат, послал эмиру Палермо большую сумму денег в качестве выкупа за трех монахов, захваченных сарацинами. Он изложил свою просьбу также в письме, адресованному главному секретарю эмира, христианину. Эмир освободил монахов и вернул выкуп, а в письме обещал навсегда оградить монастырь от набегов, если настоятель попросит. Он даже пригласил аббата на Сицилию, посулив ему почести и уважение, которых он достоин.

[9] Одно из немногих оставшихся свидетельств - аббатство Святой Марии ди Маниаче около Малетто, построенное на месте одной из побед Маниакэ местным греческим населением вскоре после битвы, расширенное и отреставрированное графом Рожером I и графией Аделаидой в конце XI столетия. На базе этой церкви примерно в 1170 г. королева Маргарет основала большой и наделенный богатыми дарами бенедиктинский монастырь Маниаче, последнюю крупную нормандскую постройку в Сицилии.

1040 г. Мусульманский гарнизон яростно сопротивлялся и задержал осаждавших на время, достаточное для того, чтобы позволить Абдулле собрать войска в горах за Сиракузами с целью ударить в тыл Маниаку. Греки прознали о его планах как раз вовремя; Маниак неожиданно атаковал войско Абдуллы около Тройны. Мусульмане были наголову разбиты и бежали в беспорядке, а гарнизон Сиракуз, обнаружив, что они не могут рассчитывать на чью-либо помощь, без промедления сдался. Греческое население сразу же организовало благодарственные молебны и извлекло из потаенных мест все наиболее ценные реликвии, дабы воздать величайшие почести своим славным освободителям; однако они едва ли были очень довольны, когда Маниак вынул тело святой Лючии из гроба и, найдя, что оно (как описывает Аматус) «такое же цельное и благоуханное, как в первый день, когда его сюда положили», отослал его любезно императору.

Трудно сказать, насколько Маниак был обязан этими первыми успехами нормандскому контингенту в составе своей армии. Нормандские хронисты, от которых мы получаем большую часть сведений, так превозносят заслуги своих соотечественников, что получается, будто греки появлялись только для дележа добычи, когда битва была окончена. Безусловно, нормандцы сражались яростно и умело; и во время осады Сиракуз Вильгельм де Отвиль заметил грозного эмира города, когда тот отправился на разведку, неожиданно напал на него, сбросил его с лошади и убил. За этот подвиг он получил прозвище Железная Рука, а слава, которую он приобрел под стенами Сиракуз, сослужила ему хорошую службу по возвращении на материк.

Но все же основные заслуги вплоть до этого момента принадлежат Маниаку. Угроза внезапного тылового удара со стороны Абдуллы обернулась победой благодаря эффективности его разведки и его собственной решительности и энергии. Потери византийцев в ходе этой военной кампании были невелики (за исключением, может быть, штурма Рометты), и менее чем за два года они вернули себе восточную половину острова. Позорное возвращение Маниака в Константинополь стало трагедией не только для него, но и для веси Византийской империи.

Деморализация византийских войск и полный развал после победы под Сиракузами были столь внезапными и столь всеобъемлющими, что легко можно понять уверения сарацин, будто Аллах вмешался и помог своим верным слугам. Все сразу пошло вкривь и вкось. Ответственность за это по крайней мере отчасти лежит на Маниаке. Выдающийся военачальник, он отличался весьма неуживчивым характером. Маниак даже пытался скрывать свое презрение к Стефану, услышав, что после Тройны Адбулла сумел бежать, прорвавшись сквозь морскую блокаду, забылся до того, что поднял руку на адмирала, Стефан, для которого, учитывая телосложение нападавшего, эта экзекуция могла быть не только унизительной, но и весьма болезненной, решил отомстить и отправил своему царственному шурину срочное послание, в котором обвинял Маниака в измене. Маниака вызвали в столицу, даже не дав ему возможности ответить на предъявленные обвинения, бросили в тюрьму. Его преемник, евнух по имени Василий, оказался столь же бездарным воякой, как Стефан; греки упустили момент, утратили боевой дух и начали отступать.

Нормандцы со своей стороны были крайне недовольны, опять-таки по вине Маниака. Многие одаренные генералы вне поля битвы становились совершенно невыносимыми, а безусловная склонность Маниака к физическому насилию не могла не вызывать конфликты с подчиненными. Вскоре после взятия Сиракуз возник спор о распределении добычи, поскольку нормандцы решили, что они получили меньше, чем следовало. Их претензии, по всей видимости, были оправданными; греческий город, освобожденный греческой армией, явно не предназначался для грабежа и мародерства, и сомнительно, чтобы наглым наемникам выплатили большое вознаграждение за участие в двухлетней военной кампании. Во всяком случае, нормандцы настояли, чтобы предводитель салернского войска, лангобард по имени Ардуйн, от их имени заявил

Маниаку протест. Рассказанная Аматусом история о том, что Ардуйн отказался отдать главнокомандующему захваченную арабскую лошадь, может быть или не быть правдой; если нечто подобное имело место, этот факт, должно быть, еще больше разжег генеральский гнев. Так или иначе, но Ардуйна раздели и избили, после чего он вместе с нормандцами и их салернскими сотоварищами немедленно покинул греческую армию и вернулся на материк, прихватив с собой скандинавскую дружину.

С потерей самых боеспособных соединений и единственного талантливого военачальника грекам оставалось мало надежды на успех. Но главные неприятности ждали их впереди. Уже в течение нескольких лет росло недовольство в Апулии. Молодой Аргирус, сын Мелуса, который незадолго перед тем вернулся в Италию после долгого заключения в Константинополе, унаследовал мятежный дух своего отца; и ему не составило труда, особенно после того, как греки начали насильственную мобилизацию, поднять итальянцев и лангобардов в Апулии на восстание против византийских господ. В 1038 г. были убиты некоторые греческие чиновники; в 1039 г. обстановка накалялась, а в 1040 г. Аргирус дал сигнал к бунту. Мятежники убили катапана, к ним присоединились восставшие местные гарнизоны прибрежных городов, и поредевшие греческие войска (большая часть их была отведена в Сицилию) не могли сдержать натиск.

Глава 5
ВОССТАНИЕ

> И поутру нормандцы радостно поехали через луга и сады к Венозе, что неподалеку от Мельфи. Счастливые и довольные, они пустили коней вскачь, и горожане смотрели на этих неведомых всадников и дивились им и боялись их. И нормандцы вернулись с большой добычей и привезли ее в Мельфи... Оттуда они отправились в прекрасную Апулию, и то, что им нравилось, брали, а то, что не нравилось, оставляли...
>
> И они сделали своим графом Вильгельма, сына Танкреда, человека мужественного на войне и наделенного всеми достоинствами; красивого, благородного и молодого.
>
> *Аматус, II*

Когда вести о восстании достигли Константинополя, император Михаил угасал. Из-за его эпилепсии пришлось расположить трон таким образом, чтобы можно было задернуть пурпурные занавески в любой момент, если начнется неожиданный припадок. Свои последние силы император отдавал аскезе и благотворительности - в особенности приюту для раскаявшихся проституток, который он незадолго перед тем основал в столице. Его брат Орфанотропос, однако, действовал быстро и назначил катапаном способного молодого военачальника Михаила Дукеяна с приказом восстановить порядок в Апулии любой ценой. Дукеян сразу лее отправился в путь и, собрав всех имевшихся в наличии людей, сумел к концу 1040 г. притушить, но не погасить полностью пламя бунта. Он был энергичным и изобретательным человеком и, если бы не одна ошибка, мог бы восстановить власть Византии. Но из-за своей ошибки он навсегда лишил Византию такой возможности.

Вскоре по прибытии новый катапан решил нанести визит в Сицилию - вероятно, для того, чтобы ускорить отправку греческих соединений, чья помощь срочно требовалась в Апулии. На обратном пути - а он, вероятно, плыл на корабле, направлявшемся в Салерно, - он встретил Ардуйна, который возвращался вместе с нормандцами ко двору Гвемара. С самого начала между Ардуйном и Михаилом установились прекрасные

отношения. Ардуйн в совершенстве говорил по-гречески; он был опытным воином и мог привести с собой отряд нормандцев; его недавняя ссора с разжалованным Маниаком также свидетельствовала в его пользу. В результате катапан назначил Ардуйна, лангобарда, комендантом Мельфи, одной из главных горных крепостей на границе византийских владений.

Если бы Дукеян знал, что он делает! Его легковерие оказалось гибельным, но не стоит слишком осуждать его за это. В Мельфи требовался опытный и храбрый военачальник, а такого нелегко было найти среди итальянских греков. У Ардуйна имелся прекрасный послужной список, и в прошлом он доблестно сражался за дело Византии. Его отъезд с Сицилии нельзя было поставить ему в вину, естественно, что он не стал бы служить под началом Маниака после того, что произошло под Сиракузами. По языку и культуре он больше походил на грека, чем многие греки, а его лангобардское происхождение еще не давало повода сомневаться в его верности; лангобарды часто занимали высокие посты в Капитанате. Помимо всего прочего, положение было критическим, и Дукеян не мог слишком долго разбираться. Он не представлял себе, как жестоко его обманут.

О соображениях, которыми руководствовался Ардуйн, можно только догадываться. Честолюбие определенно играло главную роль. Он был лангобардом. Лангобарды бунтовали. Ему выпал шанс в этом поучаствовать, и он ухватился за него. Возможность командовать тремя сотнями бесстрашных нормандских рыцарей в победоносной военной кампании вскружила ему голову, и он знал, что эти рыцари, если дело будет для них стоящим, готовы вновь идти в бой под его командой. Его вмешательство в ход апулийского восстания могло оказаться решающим для судеб его соотечественников, томившихся под византийским игом. Кроме того, он еще не изжил обиду на Маниака и хотел отомстить грекам. Соответственно, оказавшись в Мельфи, он начал постепенно склонять местных жителей на свою сторону. Аматус пишет об этом с искренним восхищением:

"Он часто устраивал пиры, на которые приглашал на равных и благородных, и низкорожденных, предлагая им отборные мясные блюда; а пока они ели, говорил с ними по-доброму... сочувствуя тем горестям, которые им причиняли их греческие властители, и обидам, которые претерпели их жены... Ах, как хитроумно он настраивал знать и народ против тех, кто плохо с ними обращался!"

В марте 1041 г., заручившись поддержкой горожан, Ардуйн тайно отправился в Аверсу. Здесь с помощью Райнульфа он набрал три сотни нормандских воинов под командованием двенадцати вождей, в число которых входили Вильгельм и Дрого де Отвили. Его предложение было достаточно простым: он предоставляет нормандцам Мельфи в качестве опорного пункта, после чего лангобарды и нормандцы изгоняют греков из южной Италии раз и навсегда и делят освободившиеся земли поровну. Нормандцев не требовалось особо уговаривать, а увещевания Ардуйна, если Аматус передает их правильно, были на редкость искусны: он играл сперва на их гордости, затем - на их честолюбии, далее пробуждал в них презрение к врагу и под конец разжигал их алчность:

"Вы еще теснитесь на той земле, которую вам отвели, еще живете как мыши по щелям... настало время выступить, и я буду вашим вождем. Следуйте за мной. Я буду идти впереди, вы будете следовать за мной, и дайте мне сказать почему - потому что я поведу вас против мужчин, что подобны женщинам и живут в богатой и большой стране".

Комендант покинул свою крепость один под покровом ночи, а вернулся с армией. Жители Мельфи сперва заколебались, увидев их; но хорошо подвешенный язык Ардуйна убедил их, что эти люди принесут им освобождение. Горожане открыли ворота. Это было кардинальное решение. С этого дня Мельфи встал во главе мятежа. Этот город, укрепленный греками и почти неприступный благодаря своему местоположению, стал отличной горной базой, Оттуда нормандские рыцари, все еще разбойники в душе, могли

совершать набеги и грабежи для собственного удовольствия; туда они могли возвращаться с добычей, уверенные в безопасности[10].

Вскоре пала Веноза, затем Лавелло, затем Асколи. Катапан, жестоко виня себя в том, что произошло - хотя он еще не сознавал размеров катастрофы, - поспешно выступил из Бари со всеми наличными силами, и 16 марта в зоне его видимости оказался основной корпус нормандской армии, теперь пополнившейся большим количеством лангобардов. Войско бунтовщиков расположилось на берегу Оливенто, небольшой реки, протекающей около Венозы. Приказав своей армии остановиться, катапан послал гонца к ним, предложив выбор: или сегодня покинуть византийскую территорию мирно, или сражаться с его армией завтра.

Нормандцы слышали такие обращения и раньше, и у них имелся свой рецепт на этот случай. Пока вестник говорил, один из двенадцати вождей Гуго Тубо приблизился к лошади гонца и стал одобрительно ее похлопывать; когда гонец закончил, нормандец неожиданно повернулся и с такой силой ударил ее кулаком между глаз, что несчастное животное бездыханное свалилось на землю. После этого, как рассказывает Малатерра, гонец от ужаса упал в обморок; нормандцы с трудом привели его в чувство, дали ему новую лошадь, лучше прежней, и отправили его назад к катапану с известием, что они готовы драться.

Битва состоялась на следующее утро. Она закончилась полным поражением греков. Многие из них погибли, в том числе почти все варяги, которых Дукеян взял с собой из Бари; но еще больше людей утонуло при попытке пересечь разлившуюся реку Оливенто. Катапану пришлось отступить. Прежде чем встретиться с нормандцами в новом сражении, требовалось серьезно пополнить войско.

Вновь отряды вербовщиков рыскали по городам и селам Апулии. Они передвигались быстро, и к началу мая их работа была завершена. На сей раз враждующие армии сошлись на берегах Офанто, в Монтемаджоре, на том самом поле Канн, где греки, лангобарды и нормандцы проливали кровь двадцать три года тому назад. Хотя диспозиция была схожей, результат радикально отличался. Нормандцы по-прежнему уступали противникам в численности, но теперь поле битвы осталось за ними. Их войском командовал Вильгельм де Отвиль Железная Рука. Он страдал от сильной лихорадки и не собирался принимать участие в битве, а наблюдал за ходом сражения с ближнего холма. В какой-то момент соблазн стал слишком велик: соскочив с носилок, он бросился вниз по склону в гущу битвы и привел своих воинов к победе.

Вести об этих двух поражениях неприятно потрясли Константинополь. Дукеяна перевели в Сицилию, где ему поручили неблагодарную миссию по спасению остатков сицилийской экспедиции; на посту катапана его сменил другой Боиоаннес, сын великого катапана Василия. Но, если и существовали какие-то надежды, что этот молодой человек унаследовал блестящие способности своего отца, они скоро развеялись. Новый катапан не привел с собой подкрепления, поэтому справедливо решил избегать прямых военных столкновений с мятежниками, а осадить их в Мельфи. Покинув город прежде, чем подошла греческая армия, нормандцы и лангобарды разбили лагерь в Монте-Сироколо близ Монтепелозо. Здесь 3 сентября 1041 г. они в третий раз разбили незадачливых византийцев и взяли в плен катапана. Боиоаннеса передали в руки Атенульфа, брата правящего герцога Беневенто, который незадолго до того взял на себя формальное руководство восстанием. Катапана привязали к лошади и триумфально провезли по улицам города. Три победы лангобардов окончательно подорвали авторитет византийцев в Апулии; Бари, Монополи, Джовинаццо, Матера встали на сторону мятежников. Пожар бунта разгорался.

---

[10] На холме Мельфи до сих пор видны руины нормандского замка. Он был, однако, существенно перестроен в 1281 г. и сильно пострадал от землетрясения в 1851 г. Мало что от его первоначальной архитектуры сохранилось ныне.

Но теперь возникли разногласия. Лангобарды в Апулии не были готовы к тому, чтобы ими командовал Ардуйн, а также к тому, чтобы принять, пусть даже как формального руководителя, бесцветного Атенульфа Беневенто; они подозревали, и не без оснований, что тот и другой являются игрушками в руках нормандцев. Их настроения разделял Гвемар, с 1038 г. князь Капуи и Салерно и, безусловно, самый могущественный из лангобардских правителей. Его до глубины души возмутил тот факт, что предводителем восстания избрали Атенульфа. Похожий раскол произошел и среди нормандцев. Маленькая колония, обосновавшаяся в Трое двадцать лет назад, теперь, как и колония в Аверсе, разрослась и укрепилась, и ее предводители не понимали, с какой стати они должны слушать этих выскочек из Мельфи. Апулийские нормандцы присоединились к своим соседям - лангобардам и потребовали передать руководство восстанием молодому Аргирусу, который, кроме всего прочего, был зачинщиком бунта и, как сын Мелуса,

больше подходил на эту роль, нежели любой из беневентских герцогов... Напрасно Ардуйн или кто-то из его сторонников указывали, что это они, а не апулийцы приняли на себя основной удар; почва была выбита у них из-под ног самим Атенульфом, который, как выяснилось, отправил Боиоаннеса назад к грекам, а выплаченный за него выкуп взял себе. Пристыженная фракция Мельфи капитулировала. В феврале 1042 г. апулийские нормандцы и лангобарды провозгласили своим королем Аргируса и короновали его в церкви Святого Аполлинария в Бари.

История соперничества между Аргирусом и Атенульфом ясно свидетельствует о том, что, как бы ни настаивали на этом нормандские хронисты, в этот период вопрос о захвате власти самими нормандцами еще не стоял; речь шла о восстании лангобардов против византийцев, и именно так расценивались всеми происходящие события. Возможность избрать нормандца в качестве предводителя мятежа даже не рассматривалась, поскольку теоретически нормандцы были наемниками, сражавшимися за земли, но не за политическое главенство. Однако все было не так просто. Начиная примерно с 1040 г. общее отношение к нормандцам начало меняться. Авторитет нормандцев теперь держался не только на их воинских умениях; с их взглядами считались - и не только при решении вопросов, связанных со стратегией и военным делом, и они сами принимали решения, которые влияли не только на их собственное положение, но и на будущее всего полуострова. Они утвердились в Италии, а их отношение к этой стране стало почти собственническим. Будущее рисовалось им все более ясно, и они, казалось, ждали только вождя, который объединит их стремления и воплотит в действие.

Такой вождь не замедлил появиться.

Ссоры между лангобардами и нормандцами не идут ни в какое сравнение с событиями, происходившими в это время в Константинополе. 10 декабря 1041 г. Михаил IV умер. Орфанотропос был наготове. Следуя своей навязчивой идее, что его семья должна занять императорский трон, он уже уговорил Зою признать его племянника - сына адмирала Стефана - своим предполагаемым наследником. Здесь, однако, он просчитался. Михаил V, прозванный Калафат, Конопатчик, из-за прежней профессии его отца, едва получив власть, отправил дядю, которому всем был обязан, в отдаленную ссылку. Спустя несколько недель пришел черед самой Зои; старую императрицу побрили налысо и отправили оканчивать свои дни на одном из островов Мраморного моря. Изгнание Орфанотропоса никого не огорчило, но Зоя была помазанной императрицей великой македонской династии, и весть о ее ссылке вызвала в столице страшные беспорядки. Когда Михаил появился в императорском ложе на ипподроме, его забросали стрелами и камнями, а через несколько часов толпа направилась к дворцу. Зою спешно возвратили, она появилась на балконе и предстала перед подданными, но было поздно. Горожане, поддерживаемые церковью и аристократией, не желали больше терпеть правление пафлагонских выскочек. Младшая сестра Зои Феодора, которую заставили принять постриг и которая много лет вела жизнь затворницы, была в знак протеста привезена из

своего дома в Святую Софию и провозглашена императрицей; а Михаила, спрятавшегося в монастыре Студиона, нашли, вывели на городскую площадь и ослепили. Так Зоя и Феодора, всей душой ненавидевшие друг друга и явно неспособные к государственной деятельности, стали соправительницами Византийской империи.

Насильственно созданный тандем просуществовал недолго. Как позже писал Михаил Пселл, хорошо ее знавший, Зоя предпочла бы видеть на троне помощника конюха, нежели делить власть с сестрой; в течение двух месяцев она, хотя ей уже было шестьдесят четыре, с небывалым рвением искала себе третьего мужа и в итоге бросилась в объятия Константина Мономаха. Несчастная Феодора с радостью уступила свою часть трона этому покладистому и привлекательному повесе, коронованному под именем Константина IX. Кроме того, за исчезновением из столицы последнего из ужасной семьи Орфанотропосов немедленно последовало освобождение Маниака. Вновь обретя царственную милость, он немедленно получил должность катапана и отправился в Италию, дабы исправить сложившееся там бедственное положение. В пределах месяца после свержения Михаила V Маниак высадился в Таранто и обнаружил, что, за исключением Трани, вся Апулия к северу от линии Таранто - Бриндизи признала власть Аргируса.

Ужасное лето 1042 г. надолго запомнилось в Апулии. Маниак двигался маршем вдоль берега, величественный в своем гневе, сжигая города, убивая их жителей, мужчин и женщин, стариков и детей, монахов и монахинь. Некоторых повесили на деревьях, других, в том числе детей, сожгли заживо. Монополи, Матера, Джовинаццо (или то, что от них осталось) сдались и просили о пощаде.

Таким манером византийцы могли отвоевать всю Капитанату, но их опять подвела их собственная испорченность. Константин Мономах завел себе любовницу, брат которой, Роман Склерос, когда-то раньше соблазнил жену Маниака. С этого началась их вражда, и, когда Константин взошел на трон, Склеросу не составило труда организовать отставку катапана. Второй раз менее чем за два года Маниак пал жертвой дворцовых интриг, и на сей раз он не пожелал подчиняться. Отказавшись признать Константина, он любезно позволил своей армии провозгласить себя императором. Своего преемника на посту катапана он захватил сразу по прибытии его в Италию, набил ему уши, нос и рот навозом и замучил его до смерти, а затем, предоставив Капитанату ее судьбе, спешно пересек Адриатику (согласно Вильгельму из Апулии, он пытался усмирить бурное море человеческой жертвой). Двигаясь на Фессалонику, он встретил и разбил императорскую армию в Острово в Болгарии, но пал смертельно раненный на исходе победоносной битвы. Его голову отвезли в Константинополь и выставили на ипподроме. Это был, возможно, не самый неуместный конец для его славной, бурной и злосчастной жизни.

Тем временем лангобарды, как всегда при поддержке нормандцев, продолжали сражаться. К моменту второй отставки Маниака они осаждали Трани, единственный город в северной Апулии, который при всех перипетиях хранил верность Византии. Имея в своем распоряжении огромные деревянные осадные машины, самые большие, которые когда-либо видели в южной Италии, они не сомневались, что скоро заставят город сдаться. Так бы в действительности и произошло, но их постиг горький и неожиданный удар. Аргирус, их избранный предводитель, сын уважаемого Мелуса, живое воплощение ломбардской национальной идеи, перешел на сторону врага. Прежде чем это сделать, он поджег самую большую осадную башню, и его прежним соратникам ничего не оставалось, кроме как уйти из-под стен Трани в обиде и замешательстве.

Дезертирство Аргируса трудно объяснить. Определенно, он получил крупные взятки от греков; злополучный преемник Маниака привез ему письмо от Константина с обещаниями богатства и высокого титула в обмен на возвращение в подданство империи. Но почему он принял эти предложения? Аргирус жил, сражался и сидел в темнице за свои убеждения; его честность и искренность не вызывали сомнений, как и его патриотизм. После отставки Маниака шансы ломбардов на успех были велики как никогда, и в

качестве избранного предводителя восстания он мог получить много больше, чем предлагал Константин IX. Должно быть, существовали другие причины, о которых мы ничего не знаем. Возможно, он понял, что нормандцы представляют для лангобардов большую угрозу, чем греки. Нам остается только гадать и радоваться тому, что Мелусу, спящему под прекрасным надгробием в Бамберге, не довелось узнать о позорном деянии его сына.

Восставшие вновь оказались без предводителя. Из двух лангобардов, казалось бы подходивших на эту роль, один был замечен в злоупотреблениях, а второй совершил предательство; среди их деморализованных соотечественников больше не нашлось кандидатур нужного масштаба. Нормандцы, уставшие от двурушничества своих союзников, теперь решили избрать собственного вождя. Со времен побед в Сиракузах, Монтемаджоре и Монтепелозо на это место имелся явный претендент - Вильгельм Железная Рука; и вот в сентябре 1042 г. старший сын Танкреда де Отвиля был объявлен предводителем всех нормандцев в Апулии с титулом графа.

Но графы в те феодальные времена не могли существовать сами по себе. Им надлежало быть одним из звеньев в длинной цепи вассальных зависимостей, которая связывала императора через князей, герцогов и младших баронов с самым последним из крестьян. Вильгельм потому должен был найти себе сюзерена.

Сюзерен отыскался быстро: Гвемар из Салерно, который теперь желал присоединиться к восстанию, охотно согласился на предложение Вильгельма. В конце 1042 г. он отправился с Райнульфом из Аверсы в Мельфи, и там собравшиеся нормандцы провозгласили его герцогом Апулии и Калабрии. Отдав Вильгельму в залог дружбы в жены свою племянницу, дочь герцога Ги из Сорренто, Гвемар затем разделил между двенадцатью вождями все земли, завоеванные и те, что будут завоеваны в будущем. Таким образом герцог и нормандцы открыто объявили - борьба продолжится до тех пор, пока последний грек не будет изгнан с полуострова. Тем временем Вильгельм Железная Рука, утвержденный графом Апулийским при сюзеренитете Гвемара с правом основывать новые баронства по мере того, как будут завоеваны новые земли, взял себе в личное владение Асколи; его брат Дрого получил Венозу, а Райнульфу из Аверсы, не входившему в число двенадцати вождей, но слишком могущественному, чтобы его игнорировать, были переданы Сипонто и часть горы Гаргано. Сам Мельфи остался в общем владении всех нормандских предводителей в качестве их главной штаб-квартиры в Апулии и, по словам Гиббона, "столицы и оплота республики".

Весь облик южной Италии претерпел кардинальные изменения. С этих пор мы ничего не слышим о лангобардском патриотизме. В число подданных Гвемара, герцога Апулии и Калабрии, входили на равных и греки и лангобарды; в то время как в "освобожденной" Апулии реальная власть принадлежала исключительно нормандцам, их дерзания были утверждены в Мельфи, и они не собирались ни с кем делиться своими землями. Таким образом, нормандцы укрепились в Апулии даже прочнее, чем в Кампании, и намеревались там остаться. А что же стало с Ардуйном? В конце концов это он привел нормандцев в Апулию, предоставил им Мельфи и больше чем кто-либо другой содействовал их успеху. По условиям договора с нормандскими предводителями в Аверсе земли должны были делиться поровну между Ардуйном и ими. Из ранних источников только Аматус - без всяких пояснений - утверждает, что нормандцы сдержали слово. Ни в одной хронике о нем более не упоминается. Возможно, он умер, погиб в одной из первых битв и пал жертвой яростного гнева Маниака. Возможно, его, как и Аргируса, перекупили греки, но, скорее всего, нормандцы, опасаясь, что его присутствие будет создавать постоянный соблазн для патриотически настроенных лангобардов, просто выбросили его из своей жизни, как старый плащ, который сослужил службу и больше не нужен.

Глава 6

НОВЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ

Его прозвали Гвискар, ибо в лукавстве не могли сравниться с ним ни мудрый Цицерон, ни хитрый Улисс.

Вильгельм из Апулии, кн. II

По мере того как сила нормандцев в Италии росла, и новости об их триумфах достигали Франции, все новые рыцари хотели последовать их примеру. В 1046 г., примерно через три года после собрания в Мельфи, два молодых человека появились в южной Италии с разницей примерно в два месяца. И тому и другому предстояло на свой лад достичь величия; оба основали династии; и одному из них суждено было потрясти самые основы христианского мира, подчинить одного из могущественных римских пап и заставить императоров Запада и Востока содрогаться от одного звука его имени. Это были Ричард, сын Асклетина, позже ставший князем Капуи, и Роберт де Отвиль, вскоре завоевавший прозвище Гвискар Хитрец[11].

Оба изначально имели некоторые преимущества перед своими сотоварищами. Ричард был племянником Райнульфа из Аверсы. Его отец, младший брат Райнульфа Асклетин, получил в Мельфи титул графа Ачеренцо. Старший брат Ричарда, которого звали, как и отца, Асклетин, был одним из самых прославленных соратников Райнульфа и, когда Райнульф умер в 1045 г., некоторое время правил в Аверсе - до собственной смерти, последовавший через несколько месяцев. Ричард вырос в Нормандии, но, вступая на итальянскую землю в сопровождении внушительного отряда из сорока рыцарей, он не сомневался, что его ждет большое будущее, и надежда его не обманула. Аматус, может быть вспоминая о богатых пожертвованиях, которые Ричард позже делал его родному монастырю, оставил такое его описание: "В это время приехал Ричард, сын Асклетина, хорошо сложенный и статный, молодой, со свежим лицом и весь лучащийся красотой, так что все, кто его видел, не могли не полюбить его. Вместе с ним прибыло множество рыцарей и слуг. Он имел обыкновение ездить на низкорослых лошадках, так что его ноги почти касались земли"[12].

Роберт путешествовал один. Родившийся в 1016 г, шестой сын Танкреда, старший в его втором браке, он не имел возможности набрать себе воинов, рассчитывал только на щедрость сводных братьев. К несчастью для него, Вильгельм Железная Рука умер перед самым его приездом. Однако Вильгельму наследовал в качестве графа Апулии его брат Дрого, так у что Роберта были неплохие перспективы. На самом деле, как он вскоре понял, его твердая рука и гибкий ум, благодаря которому он заслужил свое прозвище, сослужили ему лучшую службу, чем все семейные связи.

Хронисты того времени оставили много описаний этого необыкновенного человека, "белокурого, голубоглазого великана, который был наверное, лучшим воином и государственным деятелем своей эпохи". Наиболее интересный его портрет рисует Анна Комнин, чей отец Алексей Комнин впоследствии занял имперский трон в Константинополе и вынужден был защищать город от наступающих армий Роберта. Следует помнить, что Анна писала через много лет после излагаемых нами сейчас событий, когда Гвискар достиг вершины власти, но был уже совсем не молод. В ее описании восхитительно сочетается презрение "рожденной в пурпуре" к выскочке, ненависть любящей дочери к злейшему врагу ее отца, преклонение умного и проницательного наблюдателя перед бесспорно великим человеком и толика сексуального влечения, которому Анна всю жизнь глубоко и не стыдясь поддавалась:

"Этот Роберт был нормандец по происхождению, незнатного рода и тиранического темперамента, наделенный лукавым и острым умом, храбрым в битве, искусный в умении

---

[11] Это прозвище, как говорят, дал Роберту племянник его жены, Жирар из Буональберго.

[12] "Краткая кембриджская история Средневековья".

отнимать богатство и собственность у магнатов и очень целеустремленный, ибо он никогда не допускал, чтобы обстоятельства помешали ему исполнить свое желание. Ростом он превосходил самых высоких людей, лицо его было румяное, волосы льняные, его глаза сверкали огнем; он был широк в плечах и в кости, плотного сложения там, где от природы это необходимо, и отточенно изящен там, где крепость сложения менее нужна. Этот человек был удивительно гармонично сложен с ног до головы, как я слышала от многих. Гомер говорит об Ахилле, что, когда тот кричал, слушателям казалось, что множество людей кричат в ужасе, но крик этого человека, говорят, обращал в бегство тысячи воинов. Столь щедро одаренный фортуной, телесно и духовно, он от природы неукротим и не подчиняется никому на свете. Считается, что могучие натуры всегда таковы, даже если происхождение их не слишком благородно"[13].

Двое молодых авантюристов нашли свою новую родину в состоянии беспрецедентного, даже по меркам средневековой Италии, политического хаоса. В Апулии шла война между нормандцами из Мельфи - которые, несмотря на формальный вассалитет по отношению к Гвемару, откровенно дрались за новые территории - и византийцами, обосновавшимися в Бари. Она то вспыхивала, то затихала без особых результатов и теперь охватила также греческую Калабрию. Перебежчик Агирус, который вскоре после своего предательства был назначен катапаном (единственным удовлетворительным объяснением служит то, что должность входила в состав взятки), за три года столь же решительно и умело боролся за греческое дело, как некогда боролся за лангобардскую независимость. Власть Византии в Италии была теперь повсюду в серьезной опасности, и греков везде теснили, но благодаря Аргирусу продвижение нормандцев шло очень медленно и обходилось дорого. На западе царило еще большее смятение. Император Михаил, решив наказать Гвемара за участие в восстании, незадолго до своего свержения выпустил Пандульфа Капуанского из тюрьмы. В начале 1042 г, старый Волк возвратился в гневе в Италию: он жаждал крови Гвемара и стремился доказать всем, что его клыки по-прежнему остры. Он умудрился привлечь на свою сторону некоторых старых соратников, но ни у него, ни у Гвемара не хватало сил, чтобы одержать окончательную победу.

В июне 1045 г. умер Райнульф из Аверсы. Нормандская экспансия в Италии была изначально его личным предприятием; природная проницательность помогла ему осознать масштабы того, что может быть достигнуто, а политическая мудрость и гибкость Райнульфа подвели его наиболее упорных соотечественников вплотную к реализации этого замысла. Хотя он без колебаний менял "хозяев", если того требовали интересы нормандцев, Гвемару он служил верой и правдой девять лет и оставался его верным вассалом до самой смерти. Несколько месяцев спустя, когда его преемник Асклетин безвременно последовал за ним в могилу, краткая и незначащая ссора по поводу наследника привела к тому, что нормандцы разорвали союз с князем Салерно и перешли на сторону Пандульфа; но в 1046 г. Гвемар утвердил Дрого де Отвиля в качестве графа Апулии и отдал ему руку своей дочери; Дрого стал посредником между Аверсой и Салерно; и прежнее согласие было восстановлено.

Но, даже став союзниками Гвемара, нормандцы не желали - и более того, не могли посвятить все силы борьбе с Пандульфом. У них имелись собственные более важные дела. В течение нескольких лет многие крупные и доходные замки и имения, принадлежавшие Монте-Кассино, находились в руках нормандцев: некоторые были незаконно получены от Пандульфа в награду за поддержку, другие переданы самим монастырем в надежде на то, что нормандцы впредь станут защищать их от врагов. В обоих случаях результаты оказались разрушительными. Нормандцы никогда не были желанными соседями; в качестве держателей монастырских земель они использовали свои владения как военные базы, покидая их только для того, чтобы разграбить окрестные поселения. На многие

[13] Алексиада, I, 10.

мили вокруг Монте-Кассино не осталось ни усадьбы, ни виноградника, ни двора, избежавшего их налетов, вся округа была истерзана и разорена. В какой-то момент ситуация накалилась настолько, что настоятель, прежде взывавший безуспешно к Гвемару, решил отправиться в Германию и пожаловаться самому императору. Он, без сомнения, сделал бы это, если б не попал в кораблекрушение в Остии. С возвращением Пандульфа дела пошли еще хуже: более чем когда-либо монахи желали приструнить этих нормандских разбойников в ожидании новых атак прежнего своего врага.

Тогда нормандцы впервые узнали, каково быть в роли проигравших. Монахи, крестьяне, жители городов и деревень открыто прибегали к насилию. Они были в отчаянии и не выбирали средств. Аматус рассказывает, как молодой нормандский барон по имени Родольф пришел однажды в монастырь с группой своих соратников. Они вошли в церковь помолиться, оставив, как требовал обычай, мечи за дверьми. Не успели они этого сделать, как монастырские слуги захватили оружие и лошадей, заперли двери церкви и начали что есть мочи звонить в колокола. Решив, что на монастырь напали, все, кто слышал отчаянный звон, поспешили на помощь, распахнули двери часовни и набросились на изумленных нормандцев, у которых при себе были только короткие кинжалы. Они сражались храбро, но вскоре, увидев, что надежды нет, сдались и просили пощадить их из уважения к дому Господа, но толпа не вняла их мольбам. Когда появились монахи, в живых оставался только Родольф, а пятнадцать его спутников лежали мертвыми на церковном полу. С этого дня нормандцы, жившие в окрестностях Монте-Кассино, стали доставлять меньше хлопот, хотя говорили, что Гвемар с трудом удержал рыцарей из Аверсы, желавших отомстить за своих соотечественников, от нападения на монастырь.

Женщина Суламита[14]
Имела трех мужей.
Король Генрих,
Наместник Всемогущего,
Разрушь этот брак,
Тройственный и сомнительный.
Послание Випрехта Отшельника Генриху III

Во времена, о которых мы рассказываем, сам институт папства в Риме переживал упадок, сравнимого с которым он не знал ни до, ни после. Трое людей крутились вокруг престола святого Петра, и никто не мог сказать, на чьей голове, собственно, надета тиара. Бенедикт IX, племянник Бенедикта VIII и Иоанна XIX, унаследовал кафедру после своих дядей в 1033 г. в результате массового подкупа. Некоторые утверждают, что к моменту избрания ему едва исполнилось двенадцать лет, другие источники это опровергают; определенно он был страшным распутником. Про его успех женщин говорили столько, что его вообще стали подозревать в колдовстве; в Риме его настолько презирали, что в 1044 г. горожане, которые однажды уже пытались убить его в алтаре, с собаками выгнали его из города и заставили отречься. Его место занял ставленник рода Кресченти, Сильвестр III. Меньше чем через два месяца Бенедикт сумел изгнать Сильвестра и вернуться на престол святого Петра, но ненадолго. Его дебоши были чересчур шокирующими даже для Рима XI в.; кроме того, он подумывал о женитьбе. В результате Бенедикт отрекся снова, на этот раз в пользу своего крестного отца Иоанна Грациана, который под именем Григория VI взялся со всем рвением за восстановление авторитета папства и церкви. На какое-то время дела пошли лучше; но вскоре Бенедикт, чьи

[14] Имя встречается в Песни песней (гл. 7): "Оглянись, оглянись, Суламита; оглянись, оглянись - и мы посмотрим на тебя". Ныне трудно поверить, что аллегорическое толкование насквозь эротичной Песни песней, согласно которому она описывает отношения между Иеговой и Израилем, или - расширительно - между Христом и Церковью, как отношения страстного любовника к женщине, было общепринятым со времени от ранних Отцов Церкви до XVI в. В тот период, когда жил Випрехт, оно ни у кого не вызывало сомнений.

женитьба расстроилась из-за понятного недовольства предполагаемого тестя, снова занял папскую кафедру, а Григорий, чьи выборы, при всех его реформистских устремлениях, сильно попахивали симонией, не посмел этому сопротивляться. Римские клирики, у которых теперь оказалось три папы (один в соборе Святого Петра, другой в Латеранском дворце и третий в церкви Святой Марии Маджиоре), обратились в отчаянии к Генриху III, королю Германии, сыну и наследнику императора Конрада.

Генриху было двадцать два года, когда Конрад умер в 1039 г., но он с детства готовился вступить на трон и был королем Германии с одиннадцатилетнего возраста. Он был серьезным и совестливым молодым человеком, ясно понимавшим свою ответственность как христианского правителя, и рассматривал грязные дрязги в Риме как оскорбление всему христианскому миру. Соответственно, осенью 1046 г. он отправился в Италию, где на двух отдельных синодах в Риме и Сутри все три соперничающих папы были низложены. На их место он назначил своего друга и земляка Судгера, епископа из Бамберга, который под именем Климента II короновал в день Рождества Генриха и его вторую жену Агнессу из Пуату[15] как властителей империи. Затем новоиспеченный император и новоиспеченный папа продолжили свое путешествие на юг.

Самый важный вопрос, который следовало уладить, касался будущего Капуи. 3 февраля 1047 г. Генрих собрал совет с участием Гвемара, Пандульфа, Дрого де Отвиля и Райнульфа II Триканокта, племянника старого Райнульфа, который был избран графом Аверсы. Возвышение Гвемара с некоторого времени стало вызывать беспокойство империи, и нет ничего особенно удивительного в том, что (особенно после того, как изрядная сумма денег перешла из одних рук в другие) Генрих вернул Капую торжествующему Пандульфу. Гнев князя Салерно, который правил в Капуе в течение девяти лет, также можно понять; и борьба, которую с таким трудом удалось приостановить, разгорелась вновь.

Другой важный результат встречи в Капуе не улучшил настроение Гвемара. С точки зрения империи его собственный титул и положение нормандцев были в равной степени незаконны. Его титул "герцог Апулии и Калабрии" был дан ему нормандцами и послужил тем единственным основанием, на котором он даровал Дрого и остальным их титулы и владения. Ни одна из сторон не имела никаких обоснований своего положения, кроме согласия другой стороны. Теперь Генриху предстояло привести ситуацию в соответствие с принятыми нормами. Он предоставил Дрого имперскую инвеституру в качестве "герцога Италии и графа нормандцев всей Апулии и Калабрии" и официально подтвердил права Райнульфа в его графстве Аверса. Гвемар, возможно, сохранил свой суверенитет, хотя и это точно неизвестно; но его герцогство было у него отнято, и он больше не использовал этого титула.

Далее император отправился в Беневенто, где его ждал неприятный сюрприз. Горожане закрыли ворота и отказались его впустить. Уже несколько лет - после замены Атенульфа Аргирусом на месте предводителя ломбардского восстания - Беневенто был в плохих отношениях с нормандцами и Гвемаром; кроме того, его жители чувствовали за собой вину, поскольку они крайне нелюбезно приняли тещу Генриха, возвращавшуюся из паломничества на Монте-Гаргано. Генрих не мог тратить время на осаду, его присутствие требовалось в Германии. Без лишних слов он передал герцогство Дрого и Райнульфу и приказал послушному Клименту отлучить непокорных горожан от церкви. Затем Генрих и Климент направились на север, предоставив нормандцам разбираться с Беневенто, как они сочтут нужным.

Во всех этих смутах Роберт и Ричард нашли применение своим мечам. Роберта при дворе его сводного брата поначалу встретили прохладно. Дрого был готов принять его в число своих воинов на равных с остальными молодыми нормандскими рыцарями, но он отказался дать ему титул или земли. Свободных земель в Апулии было не так много, как

[15] Генрих ранее был женат на Гунхильд, дочери конунга Кнута.

желающих их получить; должно быть, многие нормандские предводители, проведшие годы и годы в военных кампаниях, еще ждали обещанных владений, по их мнению честно заслуженных, которые из-за упорного сопротивления византийцев до сих пор оставались во вражеских руках. Единокровный брат Дрого Хэмфри и тот получил графство в Лавелло, только в 1045 г., после смерти предыдущего владельца; обделить кого-либо ради Роберта, молодого, неопытного и непроверенного, означало вызвать бунт. Разгневанный, Роберт отправился на поиски тех, кто оценит его по заслугам. Он сражался под разными знаменами в бесконечных стычках, заполнявших жизнь мелких феодалов того времени, пока в 1048 г. не присоединился к Пандульфу Капуанскому, который, несмотря на свои шестьдесят два года, вел яростную войну со своим старым врагом Гвемаром и, как обычно, истязал всех, кто попадал во все расширяющийся круг его влияния.

Роберт, безусловно, многому научился от Пандульфа, но служба его оказалась недолгой. Прав или нет Аматус в предположении, что они расстались после того, как Пандульф отказался отдать Роберту свою дочь и один из замков, мы не знаем. Но проблема представляет чисто академический интерес, поскольку в 1049 г. настал день, которого так долго ждали и так пламенно желали во всей Кампании. 19 февраля Пандульф Капуанский умер. Французский историк[16] пишет, что: "Если мы даже сделаем скидку на преувеличения и легендарные детали (в хрониках Монте-Кассино), по справедливости следует признать, что из всех гнусных разбойников одиннадцатого века Пандульф был самым коварным". С этим утверждением нельзя не согласиться. Только один раз Волк из Абруццо вновь появляется на страницах хроник: другой автор из Монте-Кассино, Лев из Остии, живший несколько позднее, рассказывает, как через некоторое время после смерти Пандульфа его призрак увидел в лесу некий Пифагор, паж герцога Неаполитанского. Возвращаясь один после охоты со своим господином, Пифагор встретил двух монахов очень почтенной наружности, которые провели к пруду, "самому грязному и ужасному на вид". Здесь они нашли Пандульфа, "недавно умершего, стоящего в пруду, скованного железными цепями и тонущего в грязи, так что над водой торчала только голова. Тем временем два очень черных духа, сплетя веревки из виноградных лоз, обвязали их вокруг шеи несчастного и стали макать его в пруд, а затем вытаскивать обратно"[17]. Образ, достойный Данте, хотя Лев из Остии писал за два столетия до того, как появился "Ад". Наказание, приготовленное для Пандульфа, было безусловно неприятным, но вполне заслуженным.

Роберт вернулся к Дрого, чтобы в ответ на новую просьбу получить очередной отказ. Дрого недавно вернулся из военного похода в Калабрию, где он оставил множество гарнизонов для охраны перевалов. Стремясь избавиться от своего настырного сводного брата, он назначил Роберта командиром одного из соединений - расквартированного в Скрибле около Козенцы. Калабрия была бесплодной страной, гористой, враждебной и явно непривлекательной. До того как Гвемар и Вильгельм Железная Рука возвели замок в Сквиллаче, нормандцы и лангобарды вовсе ею не интересовались. Формально она еще входила в состав Византийской империи, к которой те же жители, которые обладали какими-то политическими самосознанием - главным образом василианские монахи[18] и их ученики - теоретически хранили верность; но власть византийцев слабела по всей Италии, и Калабрия, при всей ее мрачности, казалось, предоставляла больше возможностей для честолюбивого молодого человека, чем Кампания или Апулия. Роберт согласился.

Скрибла была ужасной дырой. В этой крепости, расположенной в жаркой, душной и малярийной долине Крати, трудно было рассчитывать на долгую жизнь, не говоря уж о материальном благополучии. Роберт с группой соратников вскоре ее покинули и - по старой доброй нормандской традиции - устроили себе разбойничье логово на более

---

[16] Делярк О. Нормандцы в Италии.

[17] Лев из Остии, 11, 61.

[18] То есть монахи православного исповедания. Они носят это имя в честь святого Василия, основателя православных монастырей в IV в.

здоровой и менее доступной возвышенности Сан-Марко-Арджентано. Даже там им приходилось нелегко. Ближайшие города в основном группировались на побережье и после многочисленных сарацинских рейдов были слишком хорошо укреплены, чтобы Роберт и его спутники могли до них добраться. Оставалось только грабить сельские угодья. Разбросанные по округе усадьбы, монастыри и немногочисленные византийские поселения страдали по очереди, но и нормандцам приходилось не сладко. Аматус очень образно сравнивает их с народом израилевым, скитавшимся в пустыне, и пишет, что Роберт, вновь встретившись с Дрого, "признался в своей бедности, и то, что говорили его губы, подтверждала его наружность, ибо он был чрезвычайно худ".

Такая жизнь, однако, стала отличным испытанием для его ума, и именно в те времена Роберт получил прозвище, которое носил всю оставшуюся жизнь. Хронисты рассказывают множество историй о его надувательствах; все эти трюки свидетельствуют о его изобретательности, но не улучшают его репутации. Наверное, самую восхитительную, хотя, возможно, вымышленную историю записал Вильгельм из Апулии. Некий горный монастырь (возможно, Мальвито около горы Парета) очень понравился Гвискару тем, что располагался на вершине и казался практически неприступным. Однажды мрачная похоронная процессия остановилась у ворот монастыря; нормандцы несли покрытый тканью гроб и попросили настоятеля отслужить в часовне заупокойную мессу по их умершему соратнику. Их просьба была удовлетворена. Нормандцы, как положено, оставили оружие у входа, вошли в часовню и поставили гроб перед алтарем. Началась служба. Внезапно драпировки с гроба упали, "покойник" вскочил, и под ним оказалась груда мечей, а "безутешные друзья" схватили оружие и стали убивать изумленных монахов. Монастырь оказался в руках нормандцев - хотя Вильгельм из Апулии специально добавляет, что, водворившись там, Роберт позволил монахам жить в своих кельях.

Не стоит слишком доверять этому рассказу, поскольку подобные легенды, но относящиеся к другим персонажам, встречаются в разных вариантах в различных нормандских (и не только нормандских) источниках. Другая история, касающаяся некоего Петра, греческого правителя города Бизиньяно, подтверждается надежными свидетельствами и почти наверняка правдива. Однажды Роберт и Петр должны были встретиться для переговоров. Роберт, подъехав к назначенному месту, приказал своему эскорту остановиться и продолжал путь один. Петр, увидев это, сделал то же самое. Когда их кони поравнялись, Петр, приветствуя нормандца, слегка наклонился в седле. Роберт одним движением схватил его за шею и стащил на землю. Прежде чем греки успели прийти на помощь своему предводителю, Роберт отволок грека к ожидавшим наготове нормандцам, которые триумфально доставили Петра в Сан-Марко, а позже получили за него большой выкуп.

Анна Комнин рассказывает другую версию той же истории, но она спутала имена и посчитала, что жертвой Гвискара стал его тесть. Она добавляет от себя следующее характерное пояснение: "Когда тот оказался в его руках, он сначала выбил ему все зубы, требуя за каждый зуб крупный выкуп и спрашивая, где лежат деньги. Он не успокоился, пока не выбил их все".

Хотя Анна ошибается, упоминая тестя Роберта в качестве жертвы, Гвискар определенно заключил свой первый брак примерно в это время. Его женой стала некая Альберада, которая, как полагают, была тетей влиятельного апулийского барона Жирара из Буональберго, хотя в это время она, вероятно, едва вышла из детского возраста - Альберада, дважды овдовев, была еще жива семьдесят лет спустя, когда она сделала богатые пожертвования бенедиктинскому монастырю Ла-Кава около Салерно. В каком возрасте она умерла, мы не знаем, но в перестроенной церкви монастыря Пресвятой Троицы около Венозы до сих пор сохранилась ее могила.

В то время как Роберту приходилось полагаться только на свои храбрость и ум, Ричард успешно воплощал свои амбициозные планы. Первоначально в Аверсе его

встретили еще более холодно, чем Роберта в Мельфи. Райнульф II считал, что присутствие брата его предшественника представляет угрозу его собственной позиции, и думал только о том, чтобы поскорее избавиться от этой обузы. Ричард, соответственно, направился на восток в горы и после недолгой службы Хэмфри де Отвилю нашел себе сотоварища в лице другого праздношатающегося барона, Саруля из Джензано. С помощью Саруля он, не вполне благовидными способами, смог добиться могущества, достаточного, чтобы бросить вызов Райнульфу, который был вынужден откупиться от него, предоставив ему земли его брата Асклетина. Затем он схватился с Дрого, но здесь ему не повезло: Дрого взял его в плен и бросил в тюрьму. Судьба Ричарда была теперь полностью в руках Дрого, и спасло молодого нормандца только то, что в 1048 г. Райнульф умер, а его сын Герман по малолетству не мог править сам. Первый регент, неизвестный барон по имени Беллебуш, не оправдал надежд, и тогда выбор пал на Ричарда. Он еще томился в темнице у Дрого, но Гвемар добился его освобождения. Согласно Аматусу, Гвемар затем одел его в шелка и доставил в Аверсу, где собравшиеся нормандцы, ко всеобщему удовольствию, провозгласили его графом. Сначала Ричард, судя по всему, правил от имени Германа, но по прошествии двух лет это имя перестает упоминаться. Похоже, по некоему молчаливому согласию хронисты набрасывают покров тайны на то, что случилось с мальчиком. Нам предоставляется делать свои выводы.

Глава 7
ЧИВИТАТЕ

Когда бы вновь сошлись в крови увечий
Все, кто в Пуглийской роковой стране
Страдая изнемог в кровавой сече
От рук троян и в длительной войне,
Перстнями заплатившей дань гордыне,
Как пишет Ливий, истинный вполне,
И те, кто тщился дать отпор дружине,
Которую привел Руберт Гвискар...

Данте. Ад. XVIII

Папа Климент II скончался меньше чем через год. Его тело привезли из Италии в его старую епархию в Бамберг - он стал единственным папой, похороненным в Германии, - и ненавистный Бенедикт IX, о котором поговаривали, что он отравил Климента, вновь утвердился на восемь месяцев на папском престоле. В июле 1048 г. новый ставленник императора прибыл в Рим. Он правил под именем Дамаса II ровно двадцать три дня, до того, как умер в Палестине. То ли, как говорили, жара оказалась для него слишком сильной, то ли искусство Бенедикта достигло небывалых высот, неизвестно; но после его смерти для большинства церковных иерархов папский престол стал вовсе не той наградой, к которой следовало стремиться. Генрих, вынужденный в третий раз за два года искать подходящую кандидатуру, столкнулся с трудной проблемой. Наконец, на большом совете, собравшемся в Вормсе в декабре 1048 г., немецкие и итальянские епископы единодушно высказались за родственника императора, человека опытного и благочестивого - Бруно, епископа Тоульского.

Нежелание Бруно принять это предложение было непритворным и едва ли покажется удивительным. Он согласился только при условии, что его назначение будет одобрено духовенством и народом Рима по его прибытии, и соответственно отправился в Вечный город в январе 1049 г., одетый как простой паломник. Там его немедленно провозгласили и рукоположили под именем Льва IX. В течение шести лет, прошедших до его смерти в возрасте пятидесяти одного года, этот высокий рыжеволосый эльзасец воинственного вида (он командовал армией во время одной из карательных экспедиций Конрада II в Италию) зарекомендовал себя как один из величайших церковных деятелей

Средневековья. Подобно Иоанну XXIII в середине XX в., он не дожил до того, чтобы увидеть плоды той огромной работы, которую он начал. Но хотя другим, более прославленным папам предстояло ее довести до конца, о котором он мечтал, именно Лев IX первый развеял жуткие чары, которые так долго парализовывали и ввергали в упадок римскую церковь, и заложил основы реформированного и возрожденного папства - фундамент, на котором впоследствии святой Григорий VII и его наследники возвели столь величественное здание.

Едва Лев IX принял папство, его внимание обратилось к южной Италии. Нигде в христианском мире состояние церкви не было столь плачевным. Симония достигла такого размаха, что высшие церковные должности продавались и выставлялись на аукцион как товар. Запрет на браки исполнялся ровно настолько, чтобы не позволять священникам официально жениться на своих сожительницах, но не мешал им плодить детей и иметь семью. Церковная десятина не выплачивалась, и многие религиозные общины были счастливы хотя бы тем, что им удавалось сохранить свои собственные ценности и владения. Таково было содержание всех официальных донесений, которые Лев IX получал с юга; и эти доклады подтверждались бесчисленными письмами с жалобами от монахов, путешественников и даже простых паломников, для которых посещение Монте-Гаргано было теперь непосредственно связано с угрозой нападения, грабежа и плена со стороны нормандских разбойников. Монах Уильберт, первый биограф Льва IX, пишет, что нормандцы, "приглашенные как освободители, быстро превратились в угнетателей"; во многих отношениях они были хуже сарацин, которые по крайней мере ограничивались отдельными набегами, в то время как нормандцы держали в постоянном страхе всех, кто оказывался слабее, чем они. Виноградники были порублены, поля сожжены; а ответные действия местных жителей только увеличивали общее смятение. Иоанн, аббат из Фекампа, едва спасшийся во время недавнего паломничества, писал Льву IX: "Ненависть итальянцев к нормандцам столь велика, что почти невозможно для нормандца, даже если он - паломник, появляться в итальянских городах без риска оказаться похищенным, ограбленным, избитым или закованным в цепи, если только он не испустит дух в темнице".

Такое положение дел вполне оправдывало насильственные действия в южной Италии; но были другие, политические соображения, которые делали вмешательство Льва IX еще более необходимым. Нормандцы постепенно расширяли свои владения, продвигаясь все ближе к папским границам, и их позиции еще больше усилились, когда Генрих III двумя годами раньше не только принял их в качестве имперских вассалов, но также позволил гневу настолько затмить свой разум, что уступил им не принадлежащее ему герцогство Беневенто. Совершая этот шаг, он явно забыл - а папа Климент не позаботился ему напомнить, - что в течение двух с половиной столетий Беневенто являлось, по крайней мере формально, папской территорией. Хотя престол святого Петра так и не сумел утверждаться там в качестве полноценной светской власти, Лев IX не мог допустить, чтобы Беневенто попало в руки нормандцев.

Никто не поддерживал его в этом столь искренне, как сами жители Беневенто. Из-за слабости правителей власть и влияние княжества неуклонно падали с начала века, и они знали, что не смогут защитить себя от натиска нормандцев, которые уже заняли ключевые позиции на горных перевалах, завладев крепостями Бовино и Троя. Но к кому обратиться за помощью? Определенно не к Генриху и не к Гвемару, чье собственное положение теперь полностью зависело от продолжения союза с нормандцами. Византийцы отчаянно боролись за собственное выживание. Единственной надеждой был Рим, и беневентские послы, которые явились, чтобы поздравить Льва IX с восшествием на папскую кафедру и просить его снять отлучение, наложенное его предшественником Климентом, заодно намекнули, что город не прочь при определенных обстоятельствах перейти под покровительство папы.

До того как принять окончательное решение, Лев IX решил изучить обстановку самостоятельно. В течение нескольких месяцев в 1049 г. и в 1050-м он путешествовал по полуострову, посещал крупные города и монастыри. Официальным предлогом для его первого визита послужило паломничество в Монте-Гаргано, а насчет второго было сказано, что папа путешествует по "делам церкви", но крупнейший специалист по этому периоду[19] намекает, что при посещении Италии Лев IX отчасти имел в виду политические цели и это ни для кого не являлось тайной. Он нашел, что дела обстоят даже хуже, чем он полагал. На основании увиденного он первым делом отправил послание императору Константину и высказал сожаление по поводу того, что нормандцы с беспощадностью, превосходящей деяния язычников, поднялись против церкви Божьей, принуждал христиан страдать от новых и безобразных пыток, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков, не делая разницы между святым и мирским, разоряя церкви, сжигая их и повергая в руины. Жесткие меры должны были быть приняты, и немедленно, против нормандцев, если думать о сохранении церкви в южной Италии и всех папских владений.

Зимой 1050/51 г. Лев IX поехал в Германию обсудить дела с западным императором, а по возвращении в Рим в марте обнаружил ожидавшую его новую делегацию из Беневенто с вестью, что знатные люди города изгнали своих прежних правителей с тем, чтобы передать себя полностью в руки наместника святого Петра. Подобного предложения папа давно ждал и не стал отказываться. Необходимость присутствовать на синоде в Риме помешала ему немедленно отправиться в Беневенто, но он прибыл туда в начале июля и принял от местных жителей заверения в полной покорности Святому престолу. Следующей проблемой было закрепить покровительство официально, и с этой целью Лев IX пригласил на совет Дрого и Гвемара. Они явились тотчас и легко дали папе гарантии, в которых он нуждался, - слишком легко, как оказалось. Власть Дрого как графа Апулии не была непререкаемой, и, едва он покинул Беневенто, чтобы вернуться в Мельфи, как в Салерно, где папа оставался с Гвемаром, прибыли гонцы с вестью о том, что нормандцы продолжают свои атаки Беневенто. Лев IX пришел в ярость и не успокоился даже после уверений Гвемара, что Дрого сделал все возможно, но еще не успел приструнить своих непокорных соотечественников. Все еще кипя гневом, папа продиктовал письмо к Дрого с требованием немедленного вмешательства, восстановления порядка и выплаты компенсации в размере, указанном самими беневентцами.

Письмо не прибыло по назначению, поскольку гонец, которому оно было доверено, по дороге услышал новость, которая заставила его немедля вернуться в Салерно. Дрого де Отвиль был убит.

По мере того как возмущение против нормандцев росло, оппозиционно настроенные силы группировались по трем отдельным фракциям - провизантийская, поддерживаемая и субсидируемая Аргирусом и стремившаяся к восстановлению греческого владычества на полуострове; папистская, представителям которой хотелось бы, чтобы весь регион последовал примеру Беневенто; и фракция независимых, которые не видели причин, почему бы южной Италии не существовать самой по себе под властью старой итало-лангобардской аристократии с ее пятивековым опытом. Хотя основные подозрения падают на провизантийскую партию, мы не можем сказать с уверенностью, какая из трех фракций ответственная за смерть Дрого. Мы только знаем, как это произошло: в День святого Лаврентия, 10 августа 1051 г., граф Апулийский отправился в часовню своего замка в Монте-Иларо (ныне Монтелла), чтобы присутствовать на праздничной службе. Как только он вошел в здание, некий Рисус, прежде прятавшийся за дверью, набросился на него и убил. Рисус, предположительно, был не один, поскольку известно, что несколько спутников Дрого погибли вместе с ним. Поскольку некоторые

[19] *Шаландон Ф.* История нормандского господства.

другие нормандские вожди в Апулии встретили смерть в тот же день и при подобных же обстоятельствах, можно предположить, что убийство Дрого было частью широкого заговора, организаторы которого стремились раз и навсегда избавить страну от угнетателей.

Если такой заговор имел место, он потерпел неудачу. Влияние нормандцев не ослабело, а гнев и жестокость возросли. Более того, потеряв вождя, они не торопились выбирать нового и могли, ни на кого не оглядываясь, вершить свою месть. Дрого был уравновешенным человеком, богобоязненным и в целом порядочным; и хотя не представилось серьезных поводов для того, чтобы железной рукой утвердить свою власть, он хорошо понимал необходимость дисциплины. Даже без учета последних событий в Беневенто его смерть утяжеляла ситуацию, по крайней мере с точки зрения Льва IX. Дрого по крайней мере был готов обсуждать дела разумно и честно и показал себя сговорчивым собеседником, хотя ему не всегда удавалось исполнить обещанное. Теперь не осталось никого, кто мог бы выступать от имени всех нормандцев, и страна катилась к анархии. Для того чтобы восстановить порядок и спокойствие, требовалось применить силу. Папа отслужил в день Вознесения мессу за упокой души Дрого и начал собирать армию.

Задача оказалась более трудной, чем он ожидал. Генрих III, хоть он частично нес ответственность за создавшуюся ситуацию, еще злился на папу за то, что тот прибрал к рукам Беневенто; кроме того, война с Венгрией и внутренние проблемы не оставляли сил ни на что другое. Он отказал папе в какой-либо военной поддержке. Так же поступил и король Франции, которому хватило хлопот с нормандцами у себя дома. Помощь пришла с той стороны, откуда Лев IX меньше всего ее ожидал, - из Константинополя. Аргирус, пожалованный за верную службу ничего не значащим титулом герцога Италии, Калабрии, Сицилии и - как ни странно - Пафлагонии, по-прежнему оставался главным экспертом и советником у императора в делах итальянской политики; во время недавнего визита в столицу он сумел убедить Константина - несмотря на яростные протесты греческого патриарха - в необходимости союза с латининами. Нормандцы, утверждал он, представляют большую угрозу для византийских интересов, нежели западный император, лангобарды и папа, а другого способа сокрушить их владычество на полуострове нет. Лангобардское происхождение самого Аргируса, наверное, придавало дополнительную страстность его речи; император принял совет, и еще до конца 1051 г. Аргирус договорился со Львом IX о совместных военных действиях.

В самой Италии большинство мелких баронов на юге и в центре с готовностью откликнулись на призыв папы. Многие из них уже пострадали от нормандских набегов и начали бояться за собственную жизнь и благополучие, в то время как другие просто видели надвигающийся смерч и были озабочены тем, чтобы остановить его, пока есть время. Однако, когда Лев IX обратился к Гвемару (которого он специально оставил напоследок), его ждал категорический отказ. Едва ли папа сильно удивился. Дрого был женат на сестре Гвемара; нормандско-салернианский союз существовал уже в течение пятнадцати лет к неизменной выгоде обеих сторон. Если бы Гвемар теперь предал своих союзников - ив некоторых случаях вассалов, - они могли бы сбросить с трона, прежде чем Лев IX или кто-то другой успеют вмешаться. Более того, если бы план папы удался, и нормандцы были бы изгнаны из Италии, князь Салерно оказался бы лицом к лицу с победоносным византийско-папским альянсом; а прошлое Гвемара едва ли внушало ему любовь к грекам. Потому он отправил Льву IX послание, вежливое, но твердое, указывая, что он не станет присоединяться к лиге против нормандцев, кроме того, он считает себя не вправе стоять в стороне, если кто-то будет на них нападать.

Вторая часть послания явилась для папы неприятной неожиданностью. Хотя он не рассчитывал на поддержку Гвемара, но все же полагал, что тот будет соблюдать нейтралитет. Тем временем князь Салерно позаботился о том, чтобы его послание было обнародовано как можно шире, и известие о позиции, занятой самым могущественным из

южных правителей, произвело опасное деморализующее воздействие на итальянские и лангобардские подразделения папской армии. Общее уныние еще усиливалось из-за страшных историй, распространявшихся салернскими агентами, в которых расписывались военные умения нормандцев и рисовались картины ужасной мести, ожидающей тех, кто осмелится поднять на них оружие, после неизбежной нормандской победы.

Однако среди всех этих баек небеса посылали более серьезные и мрачные предзнаменования. Аматус подробно сообщает о "чудесных знаках", которые являлись в Салерно, а также в Иерусалиме. Чудовищный ребенок родился с одним глазом в середине лба и с бычьими копытами и хвостом. Другой появился на свет с двумя головами. Река - не сказано какая - бежала красная от крови, а масляный светильник в церкви Святого Бенедикта оказался полным молока. Все это, уверяет Аматус, предсказывало смерть Гвемара.

И действительно, пришел черед князю Салерно принять жестокую смерть. Провизантийская партия пришла к власти в Амальфи, и город тотчас восстал против господства Салерно, отказавшись платить установленную дань. Мятежники сумели каким-то образом заручиться поддержкой некоторых домашних Гвемара; и 2 июня 1052 г. Гвемар Салернский был убит в столичной гавани. Убийцами стали четыре его шурина, сыновья графа Теанского, старший из которых провозгласил себя преемником Гвемара. Два главных врага Византии были убиты в течение года, и, хотя греки едва были ответственными за эту смерть в той же мере, как за смерть Дрого, трудно полностью отрицать их вину.

Из близких родичей Гвемара, оставшихся ему верными, только один сумел ускользнуть от мятежников и избежать тюрьмы. Это был брат князя, герцог Ги из Сорренто, который тотчас помчался звать на помощь своих нормандских друзей. Для них ситуация представлялась столь же серьезной, как и для Салерно. Гвемар был их единственным союзником; если Салерно бы подпал под византийское влияние, они оказались бы в полностью враждебном окружении и, учитывая настроения Льва IX, неизбежно погибли бы. К большой своей радости, Ги встретил уже готовое к бою нормандское войско на полпути между Мельфи и Беневенто. Кроме того, он узнал, что после года анархии они наконец выбрали себе предводителя - и им стал муж его собственной сестры Хэмфри де Отвиль. Характерно, что нормандцы, прежде чем согласились помочь, потребовали от Ги высокую плату за участие в деле; но обезумевший герцог был согласен на все, и через четыре дня после смерти Гвемара нормандская армия встала лагерем под стенами Салерно.

У четырех братьев Теанских не было надежды выстоять против объединенного нормандского войска. Захватив с собой младшего сына Гвемара - Гизульфа, они заперлись в цитадели, но, поскольку их собственные семьи попали в руки нормандцев, Ги сумел договориться, чтобы они отпустили его племянника, законного наследника Гвемара, которому он немедленно принес вассальную клятву. Нормандцы в такое время предпочли бы видеть на троне Салерно самого Ги, но его самоотверженность произвела на них впечатление. Они тоже принесли клятву Гизульфу, который подтвердил их права на все имеющиеся у них владения. Осталось только разделаться с бунтовщиками, и те в течение дня вынуждены были капитулировать. Гизульф и Ги вновь проявили моральные качества, редкие для их эпохи и положения, пообещав пощадить мятежников; но как только пленники покинули цитадель, нормандцы, полагая, что они-то ничего не обещали, набросились на них. Они убили не только четырех главарей, но и еще тридцать шесть их сторонников - по одному за каждую рану, обнаруженную на теле Гвемара.

Гвемар V Салернский был последним из великих лангобардских правителей юга Италии. На вершине его могущества его владения охватывали Капую, Сорренто, Амальфи и Гаэту, а нормандцы Аверсы и Апулии были его вассалами. Влияние Гвемара распространялось на весь полуостров, что он доказал, когда почти без усилий сорвал военные приготовления папы римского. Ему только исполнилось шестнадцать, когда он

вступил на трон, и всю свою жизнь он вынужден был противостоять амбициями Пандульфа из Капуи, с одной стороны, и беспринципным притязаниям нормандцев - с другой, но он сумел обуздать и того и других, и сделал это, ни разу не нарушив слова и не предав ничьего доверия. Его честность и верность ни у кого не вызывали сомнений. Когда он погиб, ему было сорок один год. Княжество Салерно просуществовало на протяжении жизни еще одного поколения при его сыне Гизульфе, но так и не достигло былой славы, а в 1075 г. оно потеряло независимость навсегда. Об этом позаботились нормандцы.

Для Льва IX, наблюдавшего за происходящим из Бе-невенто, исход всех этих событий оказался малоутешительным. Убийство Гвемара, при всей отвратительной жестокости, моментально усилило его позицию; но далее нормандцы и салернцы со всей наглядностью продемонстрировали, как быстро, жестко и слаженно они могут действовать, и встревоженные папские войска приняли это к сведению. Многие благоразумно дезертировали, а оставшиеся подразделения, прежде чем бросать их в бой, следовало пополнить и укрепить. Снова Лев IX отправился в Германию, чтобы обратиться со вторым, более настоятельным призывом к Генриху III. Его поездка принесла кое-какие результаты: во время празднования Рождества 1052 г. с Генрихом в Вормсе он сумел добиться от него формального признания прав папского престола на Беневенто и некоторые другие южноитальянские территории. Но из-за махинации старого папы Льва, епископа Гебхарда Айхштадского, военные силы, которые Генрих наконец неохотно предоставил, были отозваны раньше, чем достигли границ Италии, и у папы не осталось другого выбора, кроме как набирать армию самостоятельно. К счастью, при нем был его секретарь и библиотекарь Фредерик, брат герцога Лотарингского; и этот воинственный священник - позже ставший папой Стефаном IX - смог призвать под папские знамена семьсот обученных швабских пехотинцев, которые стали основой будущего войска. Вокруг этого прочного ядра быстро собралось разношерстное и плохо управляемое скопище наемников и авантюристов: большинству их, как пишет французский историк Шаландон, просто хотелось покинуть Германию вследствие "некоторых затруднений".

На пути через Италию весной 1053 г. армия продолжала расти как снежный ком. Гиббон пишет:

"Во время долгого перехода из Мантуи в Беневенто множество низких и распущенных итальянцев было призвано под святые знамена: священник и грабитель спали в одной палатке, а воинственный святой повторял уроки своей юности по построению войска на марше, постановке лагеря и ведению сражения"[20].

Хотя немногие из вновь присоединившихся могли похвастаться незапятнанной репутацией, Гиббон все же преувеличивает; едва ли в папском войске проходимцев и бандитов было больше, чем в других средневековых армиях. Ко времени, когда в начале июня войска достигли Беневенто, они намного превосходили по численности любую армию, которую могли бы выставить нормандцы, и почти все ненормандские бароны южной Италии вновь встали под знамена Льва IX. Среди них были герцог Гаэты, графы Аквино и Теан, Петр, архиепископ Амальфи, подразделения из Рима и с Сабинских холмов, из Кампании и Апулии, из Марке, Анконы и Сполетто. Всех их поддерживало присутствие других, и всех воодушевлял пример их святого, одетого в белое предводителя, который теперь принял командование армией и внушал им мужество своей спокойной уверенностью.

Лев IX в течение всего марша на юг обменивался посланиями с Аргирусом, его армия должна была соединиться с византийской около Сипонто в северной Апулии. Но поскольку главную дорогу на восток из Беневенто контролировали крепости Троя и Бовине, находившиеся в руках нормандцев, Лев IX повел свое войска окружным путем - на север через долину Биферно и затем на восток за Монте-Гаргано. Нормандцы внимательно следили за его продвижением. Они понимали, что их положение сейчас

[20] Гиббон, гл. LVI.

более критическое, чем оно было когда-либо с тех пор, как первые их соплеменники прибыли в Италию тридцать шесть лет назад. От исхода предстоящей схватки зависело их будущее на полуострове; если они проиграют, второй возможности не представится. А шансов на победу было меньше, чем в 1052 г. Они сильно уступали противнику в численности, и у них не было союзников; даже салернцы, которым нормандцы сохранили город, а может быть, и жизнь, оставили их в час их беды. Им противостояли не только две армии, папская и византийская, но также все жители Any-лии, которые смотрели на них с нескрываемым отвращением и готовились сделать все возможное, чтобы обеспечить их крушение. На стороне нормандцев были только их грозная военная репутация, мужество, сплоченность и дисциплина, а еще их острые мечи.

Ричард из Аверсы уже присоединился к Хэмфри со всеми воинами, которых мог собрать; Роберт Гвискар прибыл на Калабрии со значительными силами; и объединенная армия, которая, наверное, включала в себя кроме нескольких особых соединений все взрослое мужское нормандское население южной Италии, двинулась через горы к апулийской равнине. Их первой задачей было помешать Льву IX соединиться с византийцами. Соответственно, они повернули от Трои на север и 17 июня 1053 г. на берегу реки Форторе, около Чивитате, встретились с папской армией.

Из всей истории нормандцев на юге о битве при Чивитате имеется больше всего надежных свидетельств. Во всех главные нормандских источниках она описана в деталях, и эти описания сходятся. Поразительно, что эти рассказы нормандских хронистов подтверждаются немецкими и ватиканскими источниками - включая письмо к императору Константину от самого Льва IX. Естественно, следует делать скидку на личные и политические пристрастия; но в целом разные версии так похожи, что мы можем составить ясное и точное представление о ходе событий, вплоть до деталей.

Ни одна из сторон не желала сражаться немедленно. Папа хотел дождаться прибытия византийцев, в то время как нормандцы, которых при всей их беспринципности в мирских делах отнюдь не радовала перспектива обнажить мечи против наместника Христа на земле, надеялись уладить дело миром. Разбив лагерь, они направили ко Льву IX послов, смиренно изложивших ему суть проблемы и предложивших ему от лица нормандцев вассальную службу. Вильгельм Апулийский добавляет, что нормандцы признали свои прошлые ошибки и обещали лояльность и покорность. Но все было бесполезно.

"Высокие длинноволосые тевтоны глумились над более приземистыми нормандцами... Они окружили папу и надменно заявили ему: "Прикажите нормандцам покинуть Италию, сложить здесь оружие и вернуться в ту землю, откуда они пришли". Нормандцы ушли огорченные, что им не удалось заключить мир, под оскорбительные выкрики немцев"[21].

И следующим утром на небольшой равнине у слияния Форторе и ее притока Стайны разыгралась битва. Папа Лев утверждает - ив его словах нельзя сомневаться, - что первая яростная атака нормандцев последовала еще до окончания переговоров; но следует помнить, что он сознательно тянул время, надеясь на прибытие Аргируса, в то время как нормандцы, тоже знавшие о приближении греческой армии, стремились начать битву - раз уж ей суждено начаться - как можно быстрее. У них была другая, даже более веская причина спешить: они голодали. Местные крестьяне не давали им провизии и, чтобы лишить их последней возможности себя обеспечить, стали собирать урожай, хотя колосья еще не поспели. Часто весь дневной рацион нормандских воинов составляла пара пригоршней зерна, подсушенного на огне. Внезапная атака была единственным возможным выходом в подобной ситуации.

[21] Вильгельм из Апулии, II, 80.

Наступление началось на правом фланге нормандцев, и возглавлял его Ричард из Аверсы. Перед ним располагались итальянцы и лангобарды из папской армии. Вильгельм Апулийский пишет, что это разношерстное подразделение построилось без всякого намека на военный порядок, солдаты не имели никакого представления о том, как надо стоять в боевом строю, и Ришар прошел сквозь них как сквозь масло. После первого столкновения они растерялись и без дальнейших церемоний бежали с поля битвы, преследуемые графом Аверсы и его людьми. Однако Хэмфри де Отвиль, который командовал центром, встретил достойного противника - швабов Льва IX. Атаки нормандцев разбивались об их нерушимый строй, а в ближнем бою они пускали в ход свои двуручные мечи с таким мужеством и решительностью, которых нормандцы не встречали с тех пор, как прибыли в Италию.

Левым крылом нормандской армии командовал Роберт Гвискар, и оно включало отряд, который он привел с собой из Калабрии. Они должны были оставаться в резерве и затем вступить в бой в любом месте, где потребуется подкрепление. Приведем строки Вильгельма из Апулии в переводе, автор которого попытался, не отступая от смысла оригинала, отчасти воспроизвести своеобразие латинского гекзаметра:

Роберт в то время, увидев, что брат его начал суровую сечу,
Окруженный врагами упорными, что перед ним не отступят,
Войско Жирара призвал, союзника верною из Буональберго,
И тех, кто ему самому подчинялся, жестокие рати,
Доблесть и силу великую бросил он в битву.
Копье его гибель несло; и падали головы в сече,
Столкнувшись с востренным мечом, - на руках его раны горели,
Но все же копье в левой длани сжимал он, меч - в правой, как ярая молния быстрый,
Разил наступающих недругов справа и слева.
Трижды он падал с коня, трижды вновь поднимал ногу в стремя;
Огнь в его сердце пылал, указуя путь к славной победе,
Подобно свирепому льву, что ярится и в бешенстве кружит,
Если видит, что жертва ему непокорство являет,
Восстает, в своем гневе и мощи, и не разбирая дороги несется,
В клочки раздирая любого, кто случайно окажется рядом.
Вот и Роберт великий нес смерть швабским ордам, противникам стойким.
Разил так и эдак, здесь ноги срубал по ступни у героев.
Там руки и головы прочь отсекал, или торс многомощный
Разрубал от груди сверху донизу, или под ребра копье
В ярости, сечной вонзал безголовому телу.
Так высокие воины, членов лишившись, сравнялись размерами с теми,
Кто был ниже ростом, дабы все могли видеть, что пальмой ветви победной
Достойны не только гиганты.

Однако окончательно решило исход сражения не столько мужество Роберта и Хэмфри, сколько появление Ричарда из Аверсы, вернувшегося после жестокого преследования итальянцев и лангобардов. Он и его соратники снова бросились в бой, и прибытие этого неожиданного подкрепления разрушило последние надежды папистов. Но даже теперь немецкий контингент отказывался сдаться; те самые высокие длинноволосые тевтоны, которые смеялись над приземистостью нормандцев и настаивали, чтобы папа отказался от их мирных предложений, продолжали сражаться и были убиты до последнего.

Стоя высоко на крепостных валах Чивитате, папа Лев наблюдал за битвой. Он видел, что половина его армии позорно бежала, а другая половина была безжалостно вырезана. Его византийские союзники его оставили; если бы они прибыли вовремя, битва могла бы окончиться совсем по-другому, но они никогда не осмелятся напасть на нормандцев в одиночку. И теперь ему предстояло пережить еще одно унижение: жители

города, пытаясь войти в доверие к нормандцам, отказались предоставить ему убежище и выдали его врагам. Но нормандцы, хотя и победили, не могли наслаждаться своим триумфом. В последние несколько часов они были слишком заняты швабами, чтобы помнить о своем главном противнике; теперь, глядя на гордого печального человека, стоящего перед ними, они почувствовали себя побежденными. Упав на колени, они умоляли папу простить их. Через два дня, торжественно похоронив павших, которые были погребены здесь же, на поле битвы, нормандцы сопроводили папу в Беневенто.

Лев IX оказался в двусмысленном положении. Он не был в прямом смысле слова пленником. Вопреки ожиданиям, с ним и его приближенными обращались почтительно и любезно. Как указывает Аматус: "Папа был испуган, а клирики дрожали. Но победоносные нормандцы подбодрили их, дав папе гарантии неприкосновенности, доставили его со всей свитой в Беневенто, снабжая его по дороге хлебом и вином и всем, в чем он мог нуждаться" (III, 38). С другой стороны, хотя он мог исполнять свои обязанности папы, он не был совершенно свободен в действиях, ибо вскоре понял, что нормандцы, при всей их учтивости, не позволят ему покинуть Беневенто прежде, чем будет выработан приемлемый для них модус вивенди.

Переговоры тянулись девять месяцев. Они и не могли быть легкими. Поначалу Лев IX не желал идти на уступки. Еще в январе 1054 г. в письме к императору Константину (о котором будет рассказано подробнее в следующей главе) он дал понять, что в той мере, в какой это касается его, борьба будет продолжаться. "Мы должны быть верны нашей миссии защиты христианства, и мы сложим оружие, только когда опасность минует", - писал он, мечтая о том дне, когда совместными усилиями западного и восточного императоров "этот вражеский народ будет изгнан из Христовой церкви, христианство окажется отомщено". Но месяцы шли, здоровье папы ухудшалось; а поскольку Генрих, чьего военного вмешательства он наивно ожидал, не выказывал ни малейшего желания прийти ему на помощь, Лев IX понял, что у него нет иного выбора, кроме как заключить с нормандцами соглашение. Мы не можем сказать, каковы были в точности его условия; не сохранилось ни одной папской буллы, подтверждающей права и титулы, но мы смело можем предположить, что Лев IX признал де-факто все нормандские завоевания, включая, очень возможно, некоторые территории в пределах княжества Беневенто - хотя не сам город, который оставался в папском подданстве. Как только соглашение было достигнуто, никто больше не препятствовал возвращению папы в Рим, и он уехал 12 марта 1054 г. Хэмфри, как всегда любезный, сопровождал его до Капуи.

Для несчастного папы, занимавшего кафедру пять тяжелых лет и проведшего большую часть этого времени в поездках по Германии и Италии, это было последнее путешествие. Человека, привыкшего ежедневно помногу часов проводить в седле, теперь внесли в город на носилках. Уставший от постоянных трудов, обиженный предательством своего императора и родственника, сломленный жестоким поражением при Чивитате и глубоко задетый выпадами Петра Дамиани и клириков, которые приписывали это поражение Божьему гневу на воинственного папу, он за долгие месяцы душевных терзаний в Беневенто заработал изнурительную болезнь, которая причиняла ему постоянные страдания[22]. Приехав в Латеранский дворец, он уже знал, что его конец близок. Он повелел, чтобы ему приготовили могилу в соборе Святого Петра и чтобы его носилки поставили рядом с ней; и здесь 19 апреля 1054 г., в день, предсказанный им самим, он умер, в окружении клириков и горожан Рима. Его кончина была спокойной и мирной, но омрачена сознанием своего полного поражения. Ни один папа не трудился столь ревностно для преобразования церкви в Италии; и мало кто из пытавшихся это делать потерпел столь полный крах. В свои последние дни Лев IX, как говорят, узрел

[22] Нет причин верить слухам, что Лев IX, как два ею предшественника, пал жертвой медленно действующего яда, который ему подсыпали по наущению Бенедикта II. Такие слухи теперь были не более как привычной реакцией на смерть папы; главный сторонник этой версии, кардинал Бенно, доходит до того, что обвиняет неисправимого Бенедикта в убийстве шести пап за тринадцать лет.

несколько небесных видений, но едва ли он мог видеть, как успешно труды, которые он начал, будут продолжены после него, как скоро посеянные им семена взойдут и дадут плоды. Менее всего он мог подозревать, что не пройдет и тридцати лет после его смерти, и те самые нормандцы, в борьбу с которыми он вложил все и проиграл, станут единственными друзьями и хранителями обновленного папства.

Тем временем для нормандцев началась новая глава в их великой итальянской авантюре. Битва при Чивитате стала для них поворотным моментом истории, каким тринадцать лет спустя стала для их братьев и кузенов битва при Гастингсе. Никогда больше их права в южной Италии не ставились под сомнение; никто отныне не пытался изгнать их с полуострова. Они показали, что являются не просто еще одним ингредиентом в итальянском месиве или удобным напарником для неаполитанцев, капуанцев и нерешительных византийских провинциалов, оттачивающих свои воинские навыки. На этот раз они одни, без союзников вступили в бой с наместником Христа и лучшими немецкими и итальянскими воинами, которых он привел с собой. И победили. Их права на итальянские владения, уже подтвержденные императором, теперь были утверждены папой. За ними закрепилась репутация непобедимых воинов. В отношении к ним внешнего мира теперь сквозило уважение.

Все это и многое другое, о чем еше даже не мечталось, было выиграно за несколько ужасных часов на берегах реки Форторе. Редко кто из туристов посещает эти края, но те, кто окажется здесь, могут еще видеть в миле или двух к северо-западу от современной деревни Сан-Паоло-ди-Чивитате развалины старого собора и пройтись по земляным валам, с которых папа Лев IX наблюдал крушение своей армии и своих надежд. От самого города, который так предательски с ним обошелся, ничего не осталось; можно подумать, что божественное возмездие, хотя и с запозданием, настигло его - он был стерт с лица земли в начале XV в. При раскопках в этих местах в 1820 г. было найдено множество скелетов. Все были мужские, на всех них обнаружились следы ужасных ран, и многие из их бывших владельцев имели рост более шести футов.

Глава 8
СХИЗМА

> Михаилу, новообращенцу и ложному патриарху, которого только смертельный страх заставил усвоить монашеские обычаи, прославленному своими ужасными преступлениями; Льву, так называемому епископу Охридскому; Константину, секретарю вышеназванного Михаила, который публично топтал латинскую литургию ногами; и всем, кто следует им в их заблуждения и гордыне, если только они не раскаются, всем им анафема, как симонитам, валезианам, арианам, донатистам, николаитам, северианам, пневматомахам, манихеям, назареянам, как всем еретикам и, наконец, дьяволу и всем его слугам. Аминь, аминь, аминь!
>
> *Последний параграф буллы Гумберта об отлучении*

Во время своего почетного плена в Беневенто Лев IX принялся изучать греческий. Его биограф Уиберт предполагает, что он сделал это, потому что хотел читать на греческом Священное Писание. Такое достойное желание достойно могло само по себе быть достаточным стимулом; но, судя по всему, реально папа стремился обрести большую уверенность в отношениях с Константинополем, которые становились постепенно более сложными.

Папе, Аргирусу, а благодаря Аргирусу и императору Константину было совершенно ясно, что папско-византийский альянс необходим, если они хотят когда-нибудь вытеснить нормандцев из Италии. Даже после разгромного сражения в Чивитате - которое вполне могло кончиться иначе, если бы две армии смогли соединиться, как планировалось, - еще можно было воспрепятствовать неуклонному росту нормандского влияния. Вместо этого спустя тринадцать месяцев после битвы произошел внезапный и болезненный разрыв, сопровождавшийся массой взаимных обвинений и оскорблений; и к концу десятилетия папство уже открыто поддерживало нормандскую экспансию. Причины столь резкой перемены нетрудно увидеть; они кроются в величайшем бедствии, постигшем христианство, - схизме Западной и Восточной церквей. Оглядываясь из своего настоящего на эту давнюю историю, мы понимаем, что этот раскол рано или поздно должен был произойти; но тот факт, что он произошел именно тогда, в значительной степени связан с напряженной ситуацией, возникшей в результате нормандского присутствия на юге Италии. На протяжении многих веков две церкви постепенно отдалялись друг от друга. Их медленное отстранение было в основе своей отражением старого соперничества между латинским и греческим, Римом и Константинополем; и первая и основная причина схизмы заключалась во все возрастающей власти римского понтифика, которая порождала высокомерие с одной стороны и обиду с другой. Исконная любовь греков к дискуссиям и теологическим спекуляциям входила в противоречие с догматическим и легалистским мышлением Рима и вызывала недоумение. В то же время для византийцев, чей император носил титул равноапостольного и по мнению которых вопросы догматики могли решаться только Святым Духом, изъяснявшимся через Вселенский собор, папа был только первым из равных среди патриархов и его претензии на роль высшего авторитета казались неоправданной гордыней. Еще в IX в. дело чуть не дошло до полного разрыва; начав с чисто административного спора по поводу сиракузской епархии, противники вскоре перешли на личности (когда папа Николай I поставил вопрос о том, подходит ли византийский патриарх Фотий для своей должности), а затем обратились к проблемам догмы. Фотий публично (и справедливо) заявил, что римский епископ Формоз из Порто, будучи в Болгарии, яростно нападал на православную церковь и настаивал на включении пункта "филиокве" в Никейское кредо. Утверждение, что Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына, постепенно стало общепризнанным на Западе, однако с точки зрения теологии считалось не слишком значимым. Византийцы, со своей стороны, полагали его разрушительным для всего учения о Троице, столь тщательно сформулированного Отцами Церкви в Никее более пяти столетий назад, и яростно порицали гордыню Рима, осмелившегося исправлять слово Божие, открытое собору после смерти папы Николая, усилиями его преемников и самого Фотия, дружеские отношения восстановились; но проблема осталась нерешенной, "филиокве" продолжало завоевывать сторонников на Западе, а в Константинополе император настаивал на том, что он как наместник Христа на земле. Новый конфликт был неизбежен.

Папско-византийский альянс, на который Лев IX и Аргирус возлагали столько надежд, с самого начала встретил открытое противодействие со стороны Михаила Керулария, патриарха Константинопольского. В прошлом государственный служащий, скорее чиновник, чем клирик, он в 1043 г. приказал ослепить в тюрьме Иоанна Орфонатропоса; упрямый, честолюбивый и ограниченный, он и не любил латинян и не доверял им; но наибольшее неприятие у него вызывала идея верховного авторитета папы. Он не сумел помешать созданию союза, поскольку Аргирус обладал большим влиянием, однако всеми возможными способами сеял раздоры между его участниками. Первая возможность представилась, когда он узнал, что нормандцы, с одобрения папы, насаждают латинские обряды - в частности, употребление пресного хлеба для причастия - в греческих церквях южной Италии. Он немедля приказал латинским церквям в Константинополе соблюдать греческие обряды, а когда они отказались, закрыл их.

Следующий его шаг привел к еще более гибельным последствиям: Михаил настоял, чтобы глава болгарской церкви, архиепископ Лев из Охрид, написал православному епископу Иоанну из Трани в Апулии письмо с резким осуждением ряда обычаев западной церкви, которые он полагал грешным и "иудейскими".

В этом обращении Иоанну также предписывалось довести содержание послания до сведения "всех епископов франков, монахов и народа и самого достопочтенного папы". Письмо пришло в Трани летом 1053 г. - как раз когда главный секретарь папы Гумберт из Муармутье, кардинал Сильва Кандида проезжал через Апулию, чтобы присоединиться ко Льву IX в его заточении. Иоанн тотчас же вручил письмо Гумберту, который сделал примерный перевод послания на латынь, и по приезде в Беневенто положил оба документа перед папой. Для Льва IX, который уже был обижен, что византийская армия не поддержала его войско в критический момент, это незаслуженное оскорбление стало последней каплей. Разгневанный, он приказал Гумберту составить подробный отчет, в котором излагались бы доводы в пользу главенства папы и оправдывались все латинские обряды, о которых шла речь. Гумберт не стеснялся в выражениях; оба - папа и кардинал - хотели ответить ударом на удар - сама форма обращения, которую они выбрали: "Михаилу из Константинополя и Льву из Орхид, епископам", явно рассчитана на то, чтобы больно задеть патриарха. Возможно, еще до того, как письмо было отправлено, в Беневенто пришло послание, на этот раз подписанное пурпурным росчерком самого императора Константина. Он явно пришел в ужас, узнав - увы, с опозданием! - о махинациях патриарха, и теперь делал все возможное, чтобы исправить положение. Его письмо не сохранилось, но едва ли оно содержало что-то замечательное; судя по ответу Льва IX, в нем император выражал папе свои соболезнования по поводу поражения у Чивитате и предлагал всевозможные меры для дальнейшего укрепления союза. Гораздо более удивительным кажется второе письмо, доставленное одновременно с императорским. Оно, если не считать двух или трех неуместных фраз, излучало добрую волю и миролюбие; в нем говорилось о необходимости более тесного сотрудничества между двумя церквями и не содержалось никаких нападок на латинские обряды. Под ним стояла подпись Михаила Керулария, патриарха Константинопольского.

Керуларий, которому император или, что более вероятно, епископ Иоанн из Трани смогли наконец объяснить, как много поставлено на карту, казалось, согласился, пусть нехотя, положить конец ссоре. Льву IX следовало бы оставить без внимания тот факт, что к нему обращаются "брат", а не "отец", и другие подобные булавочные уколы и забыть о случившемся. Но он был устал и болен; поддерживаемый кардиналом Гумбертом, который в последующих событиях выказал себя таким же злобным фанатиком, как патриарх, он не принял извинений. Лев IX решил, что следует отправить папских легатов в Константинополь, чтобы разрешить все вопросы раз и навсегда, и позволил Гумберту составить два письма от своего имени, чтобы отправить их с легатами. Первое, адресованное к Керуларию, с обращением к нему как архиепископу, было вежливее, чем предыдущее, но столь же агрессивно. В нем меньше внимания уделялось защите латинских обычаев, как таковой, и больше - нападкам на патриарха за его попытки обсуждать их. В нем также порицались притязания патриарха на экуменическую власть - что, возможно, проистекало из ошибочного перевода - и утверждалось (совершенно неоправданно), что его избрание противоречиво нормам канонического права. Второе письмо Льва IX, адресованное императору, полностью посвящено политическим делам, в частности, папа пишет в нем о своей решимости продолжать войну против нормандцев. Однако и оно содержало толику яда; в последних строках желчно говорилось о "неумеренных претензиях" православного патриарха, "...которые, если, сохрани Небеса, он будет в них упорствовать, помешают ему принять наши миротворческие взгляды". Вероятно, желая смягчить впечатление от этой завуалированной угрозы, папа в заключение расхваливает легатов, которых он посылает в Константинополь, и выражает

надежду, что им будет оказана всяческая помощь в их миссии и что они найдут патриарха раскаявшимся.

Это была серьезная ошибка. Если папа ценил союз с Византией - а византийцы являлись, в конце концов, единственными его союзниками в борьбе против нормандцев, - глупо было отказываться от возможности примирения с православной церковью; а если бы он был немного лучше осведомлен о константинопольских делах, он бы знал, что император при всем своем желании никогда не сможет пойти против патриарха, который не только обладал более сильным характером, чем Константин - к тому времени больной человек, почти разбитый параличом, - но имел за своей спиной всю силу общественного мнения. Наконец, едва ли стоило отправлять в качестве легатов для такой деликатной миссии самого Гумберта, узколобого и ярого греконенавистника, и двух других - папского секретаря Фридриха Лотарингского и архиепископа Петра из Амальфи, сражавшихся при Чивитате и, очевидно, обиженных на византийцев за то, что те покинули их в беде.

Трое легатов отправились в путь ранней весной 1054 г. и прибыли в Константинополь в начале апреля. С самого начала дела пошли плохо. Они явились сперва к патриарху, но, обиженные тем приемом, который им оказали, покинули дворец безо всяких обычных любезностей, оставив письмо папы. Их гнев, однако, не идет ни в какое сравнение с гневом Керулария, прочитавшего послание. Оно подтвердило его худшие опасения. Поступившись своими принципами, он сделал шаг к примирению, а ему плюнули в лицо. Но худшее было еще впереди: легаты, которых император принял с его обычной любезностью, настолько воспрянули духом после этого приема, что решили обнародовать в греческом переводе полный текст первого, так и не отправленного письма папы к патриарху и Льву из Орхиды, вместе с детальными разъяснениями по поводу спорных обрядов.

Для патриарха это стало последним ударом. Хотя первое письмо было адресовано, пусть без должного почтения, ему, он даже не подозревал о его существовании, пока его не начали гневно обсуждать по всему городу. Тем временем после более тщательного изучения второго письма - которое ему по крайней мере вручили - обнаружилось, что печати на нем поддельные. Патриарх сразу подумал о своем старом враге Аргирусе. Не может ли быть так, что Гумберт и его друзья посетили по пути в Константинополь его штаб-квартиру Апули и показали ему письмо? Более того, что, если он изменил текст? Забыв в гневе, что в интересах Аргируса было скорее загасить ссору между двумя церквями, нежели ее разжигать, Керуларий решил, что так называемые легаты не только нелюбезны, но и бесчестны. Он отказался признать за ними какие-либо полномочия и вести с ними переговоры.

Ситуация, в которой официальные папские легаты, сердечно принятые императором, полностью игнорируются патриархом, не могла сохраняться долго; к счастью для Керулария, весть о смерти папы Льва, достигшая Константинополя спустя несколько недель после прибытия легатов, в какой-то мере избавила его от необходимости решать эту проблему. Гумберт и его коллеги были личными представителями Льва IX; его смерть, таким образом, лишала их официального статуса. Легко себе представить мрачное удовлетворение, испытанное патриархом от такого развития событий, хотя отчасти его сводил на нет тот факт, что легатов, казалось, сложившие обстоятельства нисколько не смущали. Они вовсе не выглядели растерянными, а, напротив, держались надменней, чем обычно. Обнародование ответа Льву из Орхиды вызвало отповедь некоего Никиты Стефата, монаха из монастыря в Студие, критиковавшего прежде всего употребление латинянами пресного хлеба при причастии, их обычай поститься по субботам и попытки ввести обет безбрачия для священников. Это послание, откровенное и не всегда складное, было, тем не менее, выдержано в вежливом и уважительном тоне; однако Гумберт, вместо разумного ответа, разразился потоком крикливой, почти истерической брани. В пышных многостраничных тирадах он обзывает Стефата "тлетворным сводником и учеником зловещего Магомета", утверждает, что ему место в театре или в публичном доме, а не в

монастыре, и в итоге предает анафеме его и всех, кто разделяет его "порочную доктрину", которую, однако, он даже не попытался опровергнуть. Эти обличения могли только убедить среднего византийца в том, что римская церковь (как он и думал) представляет собой сборище грубых варваров, с которыми никакое соглашение невозможно.

Керуларий с радостью наблюдал за тем, как его враги не только потеряли свой официальный статус, но и сами делают глупость за глупостью, и спокойно выжидал. Даже когда император, теперь опасавшийся (и не без оснований) за будущее альянса с папой, стоившего ему стольких усилий, заставил незадачливого Стефата отречься и извиниться перед легатами; когда Гумберт в беседе с Константином поднял вопрос о "филиокве", неприятие которого стало теперь краеугольным камнем византийской теологии, ни одного слова не донеслось из патриаршего дворца. Ни один поступок не говорил о том, что высшие православные власти обращают внимание на недостойные ссоры, о которых судачил весь город. В конце концов - Керуларий знал, что рано или поздно это произойдет, - его невозмутимость произвела свое действие. Гумберт потерял терпение. В три часа пополудни в субботу 16 июля 1054 г. в присутствии всего духовенства, собравшегося для причастия, три бывших легата Рима, кардинал, архиепископ и папский секретарь, в парадном облачении вошли в церковь Святой Софии, широкими шагами приблизились к алтарю и положили на него официальную буллу об отлучении. После этого они развернулись и покинули здание, остановившись только для того, чтобы демонстративно отряхнуть ноги. Через два дня они отбыли в Рим.

Даже отвлекаясь от того, что легаты утратили свои полномочия и потому булла не имела силы по всем законам канонического права, она является поразительным документом. Вот что пишет по этому поводу сэр Генри Рансимэн: "Мало найдется документов, в которых столько очевидных ошибок. Просто поразительно, что ученый человек уровня Гумберта мог написать столь жалкое заявление. Оно начинается с отказа Керуларию, лично и как епископу Константинополя, в титуле патриарха. Далее говорится, что против жителей империи и Константинополя в целом не выдвинуто никаких обвинений, но все, кто поддерживает Керулария, повинны в симонии (которая, как Гумберт отлично знал, была основным грехом его собственной церкви), в одобрении кастрации (практика, которой также следовали в Риме), в том, что они настаивают на повторном крещении латинян (что в те времена было неправдой), разрешают священникам жениться (что было неверно; женатый человек мог стать священником, но человек, уже принявший духовный сан, не мог жениться), крестят рожающих женщин, даже если они умирают (очень древний христианский обычай), не признают Моисеевых законов (что было неправдой), не допускают к причастию мужчин, сбривших бороду (что тоже было неправдой, хотя греки порицали бритых священников), и, наконец, выбрасывают слова из Символа веры (хотя именно византийцы реально сохраняли подлинный текст). После таких обвинений претензии по поводу закрытия латинских церквей в Константинополе и неподчинения папству уже ничего не меняли" [23].

В Константинополе, где Гумберта и его спутников уже сильно недолюбливали за их узколобое высокомерие, известие об отлучении распространилось быстро. Демонстрации в поддержку патриарха прошли по всему городу. Сначала основное возмущение было направлено против латинян, но вскоре толпа нашла новую жертву - императора, потакавшего легатам и тем самым подтолкнувшего их к столь радикальным действиям. К счастью для Константина, у него нашелся козел отпущения. Сам Аргирус находился в Италии и, все еще оставаясь в неведении относительно того, что произошло, трудился над созданием альянса; но те члены его семьи, которые оказались в столице, были немедленно арестованы. Это несколько успокоило чувства толпы, но только когда булла была публично сожжена, а трех легатов официально предали анафеме, мир вернулся в столицу.

---

[23] Восточная схизма.

Такова была последовательность событий, случившихся в Константинополе в начале лета 1054 г., приведших к окончательному разделению Восточной и Западной церквей. Это печальная и грязная история, поскольку, при всей неизбежности расхождений, всех этих событий можно и нужно было избежать. Прояви умирающий папа или старый император больше силы воли, окажись амбициозный патриарх или тупоголовый кардинал не такими фанатиками, и раскола не случилось бы. Роковой удар нанесли утратившие полномочия легаты умершего папы, представлявшие лишенную главы церковь, поскольку новый понтифик еще не был избран, способом незаконным и бесчестным. И латинское, и греческое отлучения были направлены персонально на церковных иерархов, а не на церкви, которые они представляли; оба могли быть позже отменены, поскольку никто в то время не воспринимал происшедший раскол как окончательный и постоянный. На самом деле он таким и не являлся, ибо дважды в последующие века - в XIII в. в Лионе и в XV в. во Флоренции - Восточная церковь по политическим соображениям признавала главенство Рима. Но, хотя временная повязка может прикрыть открытую рану, она не способна ее излечить; и, несмотря на бальзам экуменистского конгресса 1965 г., рана, нанесенная христианской церкви кардиналом Гумбертом и патриархом Керуларием почти десять столетий назад, продолжает кровоточить.

Глава 9
ОБЪЕДИНЕНИЕ

> Рожер, младший из братьев, которого молодость и сыновья преданность прежде удерживали дома, теперь последовал за своими братьями в Апулию, и Гвискар очень обрадовался его прибытию и принял его с подобающими почестями, ибо он был прекрасным юношей, высокого роста и изящного сложения... Он всегда был дружелюбным и жизнерадостным, сильным и доблестным в битве, и благодаря этим достоинствам он вскоре снискал всеобщее расположение.
>
> *Малатерра, I, 19*

В общем возбуждении, последовавшем за их победой при Чивитате, нормандцы недооценили значение событий в Константинополе, поводом для которых они невольно послужили, и тем самым, возможно, спасли себя от гибели.

Но при этом они полностью сознавали тот факт, что, нанеся поражение папской армии, они безмерно повысили свой авторитет. Многие местные жители верили, что нормандцы непобедимы, поскольку заключили союз с силами тьмы. Но даже те, кто продолжал подозревать, что они могут уступить более могучему противнику, были вынуждены признать, что в данный момент такого противника, очевидно, не существовало. Подобные пораженческие настроения давали нормандцам дополнительное преимущество, которое их предводители быстро уловили; и события следующих нескольких лет, описанные в хрониках, представляют собой череду легких побед, поскольку города один за другим сдавались при их атаках почти без борьбы. Их главной целью было завоевание того, что осталось от византийской Апулии, где деморализованные греки, лишенные поддержки папы, не преуспевшие в попытках переговоров с Генрихом III и в скором времени потерявшие Аргируса как своего предводителя, оказались неспособны к длительному сопротивлению. К концу 1055 г. Ория, Нардо и Лечче капитулировали; в то время как Роберт Гвискар прошел победоносным маршем "пятку" Италии, взяв Минервино, Отранто и Галлиполи, поднял

свою власть и авторитет на такую высоту, что граф Хэмфри, увидев угрозу собственному положению, поспешно отправил его назад в Калабрию.

К тому времени Роберт собрал множество приверженцев, и второе его пребывание в Сан-Марко принесло больше бед местным жителям, чем первое. К счастью для них, он оставался там недолго. Очень удачная военная экспедиция в южной части владений Гизульфа Салернского, во время которой Козенца и некоторые соседние города пали перед нормандцами, заняла несколько месяцев, а вскоре после возвращения к Роберту прибыли гонцы со срочным извещением, что он должен приехать в Мельфи. Граф Хэмфри умирал. Два сводных брата никогда не были близки - Вильгельм из Апулии рассказывает, что однажды Роберт настолько рассердил графа, что оказался в темнице, - но Хэмфри, по всей видимости, понял, что другого возможного преемника нет, и назначил Роберта опекуном своего маленького сына Абеляра и управителем всех его земель, до тех пор пока Абеляр не сможет вступить в права владения. Затем, весной 1057 г., он умер. Хэмфри был тяжелым, ревнивым, мстительным человеком, склонным к жестокости, что проявилось в мучительных пытках, которым он подверг убийц своего брата Дрого и нескольких вождей, не поддержавших его при Чивитате; но, хотя он лишен великодушия Дрого и яркости Вильгельма Железной Руки и перед смертью уже ощущал, что его затмевает своим блеском молодой Гвискар, он все лее проявил себя сильным и могущественным предводителем, наделенным всеми качествами, которые уже тогда прославили имя Отвилей на пол-Европы.

Когда Хэмфри упокоился в могиле рядом с Вильгельмом и Дрого в монастыре Пресвятой Троицы в Венозе, Роберт, вероятно, пролил не много слез. Готфрид, единственный оставшийся в живых из его старших братьев в Италии, ничем особенным не отличался; два младших брата - Вильгельм, граф Принчипате, и Можер, граф Капитанаты, - недавно прибыли в Италию и позаботились о себе сами, особенно Вильгельм, который уже отнял у князя Салерно замок в Сан-Никандро около Эболи. Но ни они, ни другие нормандские бароны не могли сравниться с Гвискаром могуществом и авторитетом. Как и предвидел Хэмфри, он был бесспорным кандидатом на роль предводителя. Еще до избрания он захватил земли своего племянника и подопечного Абеляра и присоединил их к собственным обширным владениям; и когда в августе 1057 г. нормандцы, собравшиеся в Мельфи, формально провозгласили его преемником его брата и все собственные владения Хэмфри перешли к нему, он стал крупнейшим землевладельцем и самой могущественной фигурой на юге Италии. На это ему потребовалось одиннадцать лет.

Но, хотя Роберт Гвискар был теперь главным, его основной соперник Ричард из Аверсы не сильно отставал. Нормандцы из Мельфи и Аверсы по-прежнему представляли собой два отдельных сообщества, и Ричард, соответственно, не мог считаться претендентом на апулийское наследство - у него хватало других забот. Молодой Гизульф из Салерно, несмотря на то, что его дядя Ги из Салерно всеми силами старался сдержать его, с момента вступления на трон настаивал на противостоянии нормандцам любыми возможными способами. Это было недальновидно, поскольку, особенно после Чивитате (где салернцы демонстративно не присутствовали), у лангобардских правителей южной Италии не осталось надежды выстоять под нормандским натиском. Политика сотрудничества, которую столь успешно проводил его отец Гвемар, была теперь жизненно необходима, если он хотел сохранить независимость Салерно. Однако Гизульф вступил в вооруженный конфликт с Ричардом из Аверсы и сумел сохранить свои трон только благодаря недолгому союзу с Амальфи; при этом Ричард на севере, а Роберт и Вильгельм де Отвили на юге опустошали его приграничные территории, урезая понемногу его владения почти до пределов города.

Дни Салерно были сочтены, но не это лангобардское княжество первым попало в руки нормандцев, С 1052 г. Ричард положил глаз на Капую, где правил молодой князь Пандульф, сын Волка из Абруццо, не унаследовавший ни военной доблести, ни политического мышления от своего одиозного отца. Граф Аверсы однажды уже разбил

капуанцев, поставил их на колени и вынудил выплатить семь тысяч золотых безантов, чтобы сохранить свободу; а когда в 1057 г. Пандульф умер, Ричард нанес новый удар. За несколько дней он окружил Капую укреплениями, отрезав горожан от полей и сельских хозяйств, от которых зависело их существование. Капуанцы защищались героически: "женщины подносили мужчинам камни и заботились о мужьях, отцы учили дочерей искусству войны, и так они сражались бок о бок, помогая друг другу"[24]. Но Капуя не была готова к осаде, и вскоре угроза голода заставила горожан просить мира. На этот раз вопрос о выкупе не стоял: Ричард хотел завладеть городом. Единственная уступка, на которую он пошел, состояла в том, что ключи от городских ворот и цитадели формально находились в руках капуанцев, и так продолжалось еще четыре года. Но лангобардская династия, правившая более двух веков, полностью утратила права на власть, и князем Капуи стал Ричард Нормандец.

Положение Салерно теперь стало еще более безнадежным, но Ричард не спешил разыгрывать эту карту, при том что более легкие и немедленные приобретения сыпались на него отовсюду. В соседней Гаэте он сговорился о брачном союзе своей дочери с сыном герцога Атенульфа, но мальчик умер осенью 1058 г., незадолго до намеченной свадьбы. Печальное событие должно было вызвать сочувствие у предполагаемого тестя; вместо этого новый князь Капуи напомнил герцогу Атенульфу о том, что, согласно лангобардским законам, четверть состояния мужа становилась собственностью жены после свадьбы. Притязания Ричарда были совершенно необоснованными: как явствует из самого названия этой выплаты - "моргенгаб" (утренняя плата), она могла быть выдана только на следующий день после свадьбы, как знак успешно прошедшей брачной ночи[25]. Атенульф, естественно, отказал и тем самым дал Ричарду требовавшийся ему повод. Среди скромных владений Гаэты в это время числилось небольшое графство Аквино, неподалеку от северных гор; в течение нескольких дней этот невинный, ни о чем не подозревающий город оказался в осаде, а окрестные угодья и деревни испытали на себе ярость нормандцев, сжигавших и разорявших все на своем пути.

Это - типичный пример нормандской тактики в худшем ее проявлении: сфабриковать какое-то законное оправдание, пусть шаткое, свалить вину на намеченную жертву, а затем атаковать ее превосходящими силами без оглядки на приличия или гуманность. Такие приемы слишком хорошо знакомы в наши дни; более характерен для описываемого нами для народа и времени тот факт, что, когда осада Аквино еше продолжалась, граф Капуи счел возможным нанести свой первый официальный визит в Монте-Кассино, расположенный всего в нескольких милях от осажденного города, и был принят там как герой. Монастырь, который всегда составлял часть капуанской территории, как мы видели, страдал долго и жестоко от предшественников Ричарда; а последний из Пандульфов, хотя и был во многих отношениях только бледной тенью отца, продолжал по старой традиции угнетать и преследовать монахов с неослабной энергией. Любой завоеватель, даже нормандец, который избавил бы Монте-Кассино от этого ненавистного правителя, мог рассчитывать на радостный прием. Аматус оставил описание сцены, свидетелем которой он, вероятно, был:

"И затем князь с несколькими своими людьми поднялся в Монте-Кассино, чтобы вознести благодарности святому Бенедикту. Его приняли с королевской пышностью; церковь была украшена как на Пасху, светильники горели, а монахи пели и звонили в колокола в честь князя... И аббат собственными руками омыл его ноги и возложил на него заботу о монастыре и его оборону... И он поклялся, что никогда не заключит мира с теми, кто попытается лишить церковь ее достояния"[26].

---

[24] Аматус, IV, 28.

[25] "Этот знаменитый дар, вознаграждение за девственность, равнялся четвертой части состояния мужа. Некоторые предусмотрительные девушки, однако, оговаривали досрочное вручение подарка, которого, как им хорошо известно, они не заслуживали" (Гиббон, гл. XXXI).

[26] Аматус, IV, 13.

Но имелась другая, более глубокая причина для столь радушного приема, оказанного князю Капуи. Вплоть до весны 1058 г. монастырь находился в руках Фридриха Лотарингского, ветерана Чивитате и участника рокового посольства в Константинополь, сохранявшего свои антинормандские настроения. Он был назначен аббатом Монте-Кассино в предыдущем году и сохранял формально этот пост в течение восьми месяцев, пока занимал папскую кафедру под именем Стефана IX[27]. Но 29 марта 1058 г. папа Стефан умер, и монахи избрали настоятелем тридцатиоднолетнего Дезидерия из Беневенто. Карьера Дезидерия является блестящей иллюстрацией истины "положение обязывает", в том виде, в котором она воспринималась в Италии XI в. Член правящей династии Беневенто, Дезидерий видел, как его отца убили во время одной из стычек 1047 г., и решил после этого удалиться от мира. Для лангобардского князя это было нелегко. Дважды до того, как ему исполнилось двадцать пять лет, он спасался в монастырской келье, и дважды его извлекали оттуда и насильно возвращали в Беневенто.

После того как его семью выдворили из города в 1050 г., ситуация упростилась, и он бежал вновь, сначала на остров Тремити в Адриатическом море, а позже в отшельнический приют в Маджелле, но вскоре его опять вернули в мир. На сей раз это сделал папа Лев IX, который принял под свою руку Беневенто и понимал, что получит в руки верный козырь против сторонников прежнего правления, если юный князь, который был к тому времени принят в бенедектинский орден, войдет в папское окружение. Дезидерий верно служил Льву, но жизнь в курии не привлекала его, и, как только папа умер, он обосновался в Монте-Кассино, чтобы жить, он надеялся, вдали от мирских забот. В продолжение четырех лет ему это удавалось, но в начале 1058 г. его назначили членом нового посольства папы в Константинополь. Он избавился от этой напасти благодаря тому, что в Бари послов ожидала весть о кончине папы Стефана. Роберт Гвискар подарил ему трех лошадей и вручил охранную грамоту, так что Дезидерий смог через нормандские владения вернуться прямиком в Монте-Кассино, и там на другой день после прибытия его назначили настоятелем.

Волей-неволей Дезидерию пришлось в последующие четверть века постоянно брать на себя важную роль в государственных и церковных делах, и в конце концов он сам стал папой под именем Виктора III. Вскоре после Чивитате и определенно раньше других высших церковных иерархов он принял как неопровержимый факт южноитальянской политики, что нормандцы обосновались в Италии и что любые попытки противодействия им являются не только тщетными, но и разрушительными. Только добиваясь их благорасположения всеми возможными способами, монастырь мог уцелеть. Реальная жизнь доказала его правоту. Аматус упоминает о том, что князь Капуи - несомненно, в результате радушного приема, оказанного ему Дезидерием, - принял на себя обязательство защищать монастырскую собственность, и в ближайшие две недели это обещание было подкреплено официальной грамотой, подтверждавшей права аббатства на все принадлежавшие ему земли и владения.

Однако при всей дальновидности новой политики Дезидерия тот факт, что он обратился к ней впервые, когда соседний Аквино боролся против превосходящих сил нормандцев, смахивает на бессердечное предательство. Возможно, желание оказать какую-то поддержку Аквино заставило его, воспользовавшись присутствием Ричарда и его благодушным настроением, попытаться убедить нормандца умерить свои требования "утренней выплаты" и просить у герцога Атенульфа четыре тысячи, вместо пяти, "поскольку он беден". В этом князь Капуи пошел на уступки, и несчастный Атенульф

---

[27] Среди историков имеются расхождения по поводу нумерации Стефанов, занимавших папский трон, в зависимости от того, признают ли они сомнительного Стефана II, который был избран в преемники папы Захария в 752 г., но умер четырьмя днями позже, до рукоположения. По этой причине Фридриха Лотарингского иногда именуют Стефаном X. Большинство авторов, однако, предпочитают называть его Стефаном IX; более того, это имя значится в надписи на его надгробии, заказанном его братом Годфридом Бородатым - а уж кому, как не ему, было звать правду.

после еще нескольких недель отчаянного сопротивления, в результате которого в Аквино начался голод, вынужден был заплатить.

Жителям южной Италии, наверное, казалось, что потомству старого Танкреда де Отвиля нет числа. Уже семь его сыновей обрели свои владения на полуострове, четверо достигли вершин власти, а оставшиеся трое занимали видное место среди нормандских баронов. И однако, этот удивительный источник не иссякал, поскольку теперь на сцене появился восьмой брат, Рожер[28]. Ему к тому времени исполнилось двадцать шесть лет, но, хотя и младший из Отвилей, он оказался под стать любому; а если иметь в виду историю нормандского королевства в Сицилии, то он превзошел их всех.

Как большинство молодых нормандцев по прибытии в Италию, Рожер прямиком направился в Мельфи, но едва ли оставался там долго, поскольку уже осенью 1057 г. мы обнаруживаем его в Калабрии вместе с Робертом Гвискаром, который вернулся туда сразу после избрания. Новый князь Апулии, очевидно, не видел никакого противоречия между своей привычной жизнью грабителя и полученными титулами и с готовностью приобщил к этому рискованному, но выгодному занятию младшего брата. Рожер оказался способным учеником. Расположившись на вершине самой высокой горы в округе, так что местные жители до поры до времени не догадывались о его присутствии и не боялись, он со своими людьми подчинил большую часть западной Калабрии. Рожер настолько преуспел, что, когда несколько месяцев спустя Гвискару пришлось вернуться в Апулию, чтобы подавить вспыхнувший там мятеж - подобные выступления в ближайшие годы стали частью повседневной жизни, - он без малейших колебаний оставил вместо себя своего брата. Когда бунт, несмотря на его усилия, принял такой размах, что даже крепость Мельфи была захвачена и власть Роберта оказалась под угрозой, именно к Рожеру он обратился за помощью. Прибытие Рожера решило дело, и бунт был подавлен.

Этот удачный тандем просуществовал недолго. Разрыв, по-видимому, произошел по вине Роберта. Он славился своей щедростью, но во взаимоотношениях с братом неожиданно проявил скупость, столь же последовательную, сколь и нехарактерную - вплоть до того, что Рожер, который в первые месяцы сотрудничества преданно доставил Роберту в Апулию большую часть добычи, полученной в первой калабрийской кампании, теперь не имел средств, чтобы расплатиться со своими людьми. Так по крайней мере утверждает Малатерра. Он писал свою хронику через несколько лет по заказу Рожера и может быть пристрастен, но у нас нет оснований полностью отвергать его свидетельство. Не проявилась ли здесь впервые новая сторона натуры Гвискара - ревность к брату, который был много моложе и отличался амбициями и достоинствами не меньшими, чем у него самого? Могла ли Италия вместить их обоих?

Так или иначе, в начале 1058 г. Рожер в гневе покинул Роберта Гвискара. Одним из его важных преимуществ было то, что у него имелось много братьев, уже хорошо устроенных, к которым он мог обратиться. Он принял приглашение Вильгельма де Отвиля, графа Принчипате, который за четыре года, проведенные в Италии, успел захватить половину территории Салерно к югу от самого города и направил Рожеру послание, обещав делить с ним поровну все, чем он владеет, "за исключением, - как тщательно отмечает Малатерра, - жены и детей". Вскоре Рожер обосновался в замке, воздвигнутом на скале над морем в Скалеа, откуда очень удобно было совершать грабительские набеги на земли Гвискара. Это было, вероятно, весьма выгодное занятие; Малатерра рассказывает о нападении на группу богатых купцов на дороге в Амальфи, позволившем Рожеру за счет добычи и выкупа нанять еще сотню солдат в свою постоянно растущую армию.

---

[28] Рожера иногда называют Боссо. Но это прозвище не слишком благозвучно и встречается редко, поэтому мы не станем его использовать. Кроме того, оно может породить путаницу, поскольку племянник и тезка Рожера носил прозвище Борса. С ним мы еще встретимся.

Но судьба готовила молодого человека к более серьезной миссии, чем жизнь грабителя, и, рассматривая его путь в исторической перспективе, мы можем видеть, что решительный поворот произошел в 1058 г., когда в Калабрии начался чудовищный голод. Нормандцы сами навлекли на себя эту беду; следуя своей стратегии выжженной земли, они не оставили на огромном пространстве ни единого оливкового дерева, ни одного пшеничного поля.

"Даже те, у кого был деньги, обнаруживали, что покупать нечего, другим приходилось продавать в рабство собственных детей... Те, у кого не было вина, пили воду, что приводило к распространению дизентерии и плохо влияло на селезенку. Другие, напротив, поддерживали силы непомерным потреблением вина, но достигали этим только повышения температуры тела, губительно воздействовавшей на сердце, уже ослабленное нехваткой хлеба, и таким образом еще усиливавшей возбуждение. Великий пост, столь тщательно соблюдавшийся святыми отцами, был отменен, так что многие ели не только молоко и сыр, но даже мясо - и это были в том числе люди, претендующие на благочестие".

Из последнего замечания Малатерры следует, что в начале года положение не было отчаянным, ситуация постоянно ухудшалась и несчастные калабрийцы вскоре оказались перед лицом жестоких испытаний.

"Они вынуждены были печь хлеб с речными водорослями, с древесной корой, с каштанами или желудями, которыми обычно кормили свиней; их сперва высушивали, а затем дробили и смешивали с небольшим количеством проса. Некоторые жевали сырые корни, с небольшой добавкой соли, но это угнетало жизненные силы, порождая бледность лица и вздутие желудка, так что заботливые матери предпочитали вырвать такую еду изо рта у своих детей, нежели позволить им ее съесть".

После нескольких месяцев такой жизни, за которыми последовал урожай столь же скудный, как в предыдущем году, отчаявшееся население восстало против своих нормандских угнетателей. Бунт начался с отказа от уплаты налогов и военной службы и продолжился полным вырезанием нормандского гарнизона из шестидесяти человек в Никастро, после чего пламя охватило всю Калабрию. Роберт Гвискар, слишком жадно расширявший, но все еще отчаянно цеплявшийся за свои апулийские владения, привык к местным восстаниям, но обычно речь шла о небольших группах недовольной знати. Теперь, когда все местное население поднялось с оружием, и мятеж охватывал все новые территории, угроза была более серьезной. Ясно, что он не мог больше позволить себе затевать мелкие междоусобицы, которые не только подрывали его силы, но, как показали события в Калабрии и других областях, подталкивали его подданных к неповиновению. Посланцы поспешили в Скалеа: и на сей раз Рожер не мог сетовать на то, что его брат недостаточно щедр. По условиям, которые ему предлагались, Рожер за подавление калабрийского восстания получал половину затронутых бунтом территорий плюс все земли между Сквиллаче и Реджо, которые еще предстояло завоевать. Он и Роберт будут пользоваться равными правами в больших и малых городах.

Для графа Апулии это был единственный возможный путь. Он откусил больше, чем мог прожевать. В столь дикой и гористой стране, с таким беспокойным населением и ненадежными коммуникациями, ни один правитель, как бы он ни был силен, не мог сохранять свою власть в одиночку. Рожер ухватился за свой шанс. Он двинулся вдоль побережья со всеми воинами, имевшимися в его распоряжении. Сумел ли он уменьшить тяготы своих будущих подданных, неизвестно; мы даже не знаем, пытался ли он это сделать. Не говорят нам хронисты и о мерах, которые он принял против мятежников, но они больше не упоминают о калабрийском восстании.

В то время как младший брат улаживал дела на юге, Роберт Гвискар подумывал - без особой охоты, как можно подозревать, - об объединении. Его стремления были всегда направлены больше не приобретение, нежели на удержание того, что он уже приобрел, а его честолюбивые помыслы были сосредоточены, как всегда, на увеличении владений и

завоеваниях. Но он ясно понимал, что не сможет расширять свои владения, пока не приберет к рукам своих апулийских вассалов. Лангобарды, например, хотя и не представляли угрозы для его власти, служили постоянным источником смуты и тормозом для его дальнейших завоеваний. По мере того как их политическое влияние убывало, их национальная солидарность, казалось, росла. Посчитав - с полным основанием, - что нормандцы, их давние союзники, обманули их доверие, они сделались угрюмы, и несговорчивы и даже не пытались скрывать свое возмущение.

Следовал принять какие-то меры, чтобы примирить лангобардов, хотя бы частично, с нормандскими правлением. Традиционным методом решения подобных проблем был брак, но тут возникали трудности. Во всей Италии осталась только одна достаточно уважаемая и прославленная лангобардская династия - правящий дом Салерно. У князя Гизульфа была сестра Сишельгаита, но, к сожалению, единственный сын графа Апулии Боэмунд от его жены Альберады из Буональберго едва вышел из пеленок и даже по средневековым меркам не достиг брачного возраста. Вариантов, таким образом, не оставалось. Но Роберт Гвискар никогда не боялся сделать решительный шаг. Он вдруг обнаружил, к большому своему сожалению, что их союз с Альберадой недействителен, поскольку по церковным законам при их степени родства заключение брака запрещено. Соответственно, он формально считался холостым, а Боэмунд был его побочным сыном. Почему бы тогда ему самому не жениться на Сишельгаите, объединив, таким образом, нормандскую и лангобардскую правящие династии[29]?

Гизульфа не слишком вдохновила эта идея. Он ненавидел нормандцев, которые отняли у него почти все его владения и которых он и его соотечественники, согласно Вильгельму из Апулии, считали "диким, варварским и ужасным народом". С другой стороны, папа Стефан, на которого он надеялся и от которого ждал активной поддержки, умер; Гизульфу отчаянно требовались союзники, которые держали бы в узде Ричарда из Капуи и Вильгельма де Отвиля. Если уже Гвискар не сумеет унять своего брата, значит, это не под силу никому. Поэтому князь Салерно неохотно дал согласие на брак, при условии, что Вильгельм предварительно уберется из его земель. Роберту ничего другого не требовалось. Он обиделся на Вильгельма за то, что тот сманил к себе Рожера и поддерживал его в набегах из Скалеа, и был не прочь отомстить. Когда его рыцари и вассалы собрались на свадебные торжества, он призвал их присоединиться к карательному походу на юг. Воины, как всегда, откликнулись почти единодушно. "Ни один из нормандских рыцарей не отказался сопровождать его, кроме Ричарда (из Капуи), поскольку гармония любви, прежде царившей между Робертом и Ричардом, была нарушена"[30].

Вильгельма поставили на место, и Гизульф более не стал возражать против предполагаемого брака. Те из читателей, кто знаком с романом Вальтера Скотта "Граф Робер Парижский", возможно, помнят отвратительную графиню Бремхильду, прообразом которой послужила новая графиня Апулии. Но то, что мы видим в книге, - злая и несправедливая карикатура. Сишельгаита - персонаж в духе Вагнера и должна оцениваться как таковая. Перед нами реальная историческая фигура, максимально близко стоящая к валькирии. Женщина могучего сложения и колоссальной физической силы, она оказалась прекрасной женой для Роберта и со дня свадьбы до его смерти всегда была рядом с ним, в том числе и в битвах, которые доставляли ей истинное удовольствие. Анна

---

[29] И Деляр и Осборн утверждают, что Роберт женился на Сишельгаите уже после совета в Мельфи в 1059 г. Правда, что папа Николай II ужесточил ограничения на степень родства, допускающую вступления в брак, в апреле 1059 г. и Роберт получил отличное оправдание для своих действий. Если его первый брак формально оказался недействительным, становится понятно, почему Альберада не питала к нему злобы, после его смерти заказала мессу о его душе и была похоронена рядом с ним в Венозе. Но это противоречит тому факту, что вскоре после аннуляции первого брака она вышла замуж за племянника Роберта Гвискара, сына Дрого. Более того, Малатерра и Аматус утверждают, что салернский брак был заключен в 1058 г. По всей видимости, мы должны прислушаться к их мнению.

[30] Аматус, IV, 20.

Комнин, которая, как пишет Гиббон, восхищалась с некоторой долей ужаса ее мужскими доблестями, рассказывает, что "в полном военном облачении эта женщина имела устрашающий вид"[31]. Мы еще увидим, как много лет спустя в битве при Дурресе она в опасной, если не отчаянной, ситуации спасла положение благодаря своему мужеству. Когда Сишельгаита неслась в битву с длинными волосами, струящимися из-под шлема, оглушая нормандских воинов своими боевыми кличами или проклятиями, она, должно быть, выглядела как истинная дочь Водена, достойная занять место рядом с Кримхильдой или самой Брунгильдой...

Но хотя Роберту пришлось очень кстати будоражащая ярость его жены в бою, он женился на Сишельгаите по соображениям скорее дипломатическим, нежели военным, и в этом отношении брак принес ему более серьезные выгоды. Гвискар теперь приобрел в глазах лангобардов авторитет, которого не могли ему снискать даже его необыкновенные природные способности. Как пишет Вильгельм из Апулии, "союз с такой знатной семьей придал дополнительный блеск уже прославленному имени Роберта. Те, кто до сих пор подчинялся ему только по принуждению, теперь делали это из уважения к древним обычаям, помня, что лангобарды издавна подчинялась предкам Сишельгаиты".

Роберт, несомненно, рассчитывал, что знатные лангобардское происхождение со стороны матери сослужит хорошую службу и его наследникам. То, что этого не случилось, - не вина Сишельгаиты. С течением времени она подарила Роберту по крайней мере десять детей, в том числе трех сыновей; но ни один, тем не менее, не обладал в сколько-нибудь заметной степени качествами, которые обеспечили их родителям место на страницах истории. Лангобардская кровь разбавила нормандскую, и единственным из потомства Роберта, кто проявивший себя как истинный сын своего отца, был юный Боэмунд - отринутый вместе со своей матерью Альберадой, объявленный незаконнорожденным и лишенный права на наследство. Ему предстояло позже прославиться в Крестовых походах и стать первым франкским правителем королевства, основанного крестоносцами за морем. Законный наследник и преемник Гвискара проявлял в течение всей жизни слабость и робость, которые его отец презирал и последствия которых отчасти исправлял его дядя Рожер, нормандец до мозга костей.

Глава 10
ПРИМИРЕНИЕ

> Приобретение Робером Гвискаром герцогского титула - великолепное и темное дело.
>
> *Гиббон, LVI*

Смерть Льва IX в апреле 1054 г. вновь ввергла церковь в состояние хаоса. Как бы ни были решительны его реформы, они не успели укрепиться в каменной римской почве; вынужденное отсутствие папы, пока он оставался в Беневенто, позволило старым аристократическим семьям перегруппироваться, и к моменту, когда он умер, графы Тускуланские, Кресценти и остальные вернулись к прежним интригам. Партия реформ имела достаточно сил, чтобы предотвратить голосование экспромтом - которое почти наверняка привело бы к власти наиболее реакционных кандидатов, - но два ее самых сильных лидера, кардинал Гумберт и архидьякон Гильдебранд, находились за границей и нуждались в поддержке кого-то из власть имущих для того, чтобы победить.

Междуцарствие длилось год. В конце концов, когда обе стороны обратились за решением к Генриху III, реформаторы взяли верх, и Генрих назвал кандидату своего главного советника Гебгарда, епископа Айштадского, который 13 апреля 1055 г. взошел на престол святого Петра под именем папы Виктора II. Трудно поверить, что какой-либо

[31] Алексиада, I, 15.

непосредственный преемник папы Льва - не говоря о таком способном и опытном политике, как Гебгард, - придя к власти менее чем через два года после Чивитате, мог не интересоваться "нормандским вопросом", однако реальность именно такова. Ранее в Германии он упорно сопротивлялся всем попыткам папы Льва собрать армию; и последующие события, по-видимому, ничуть не повлияли на его взгляды. Его мысли были заняты церковными и имперскими делами, и, прибыв в Рим, он вовсе не собирался заниматься южноитальянской проблемой. Но к весне 1056 г. поток новых жалоб на бесчинства нормандцев заставил его признать тот факт, что он недооценил серьезность ситуации. Лев IX был прав, проблему следовало решать незамедлительно. В августе Виктор II отправился назад в Германию посоветоваться с Генрихом - возможно, не без смущения - о том, какие действия предпринять. Император верил своему старому советнику безоговорочно: если папа считает, что требуется военная кампания, она состоится. Но, как это часто случалось, когда дело касалось нормандцев, судьба пришла им на помощь. Генриху было 39 лет, и за всю жизнь он ни разу всерьез не болел. В конце сентября его свалила лихорадка, и спустя неделю он умер.

К счастью для империи, папа Виктор был в это время в Германии. Генриху наследовал в качестве короля пятилетний сын Генрих IV при формальном регентстве матери, императрицы Агнессы из Пуату; но, поскольку никто из придворных советников не мог сравниться с Виктором II в опыте и знании имперских дел, он в следующие полгода держал в руках не только папство, но и бразды правления Западной империи. На него навалилось множество более неотложных проблем, чем вопрос о нормандцах, и он о нем забыл. Только весной 1057 г. он вернулся в Италию и, прежде чем несчастья юга смогли привлечь его внимание, тоже пал жертвой лихорадки. 28 июля он умер в Ареццо. На эскорт, сопровождавший его тело в Германию, в Равенне напали разбойники, и папу спешно похоронили в мавзолее Теодориха, к тому времени превращенном в церковь.

На сей раз вопрос о преемнике легко разрешился. Императора не было, королю Германии едва исполнилось шесть лет, а архидьякон Гильдебранд, самый сильный и влиятельный член курии, находился Риме и не терял времени даром. Это он настоял на том, чтобы Генрих III два года назад назвал в качестве кандидата Виктора, и теперь ему не составило труда навязать кардиналам своего ставленника - Фридриха Лотарингского, некогда главного помощника папы Льва, а в то время настоятеля Монте-Кассино, вскоре принявшего тиару как папа Стефан IX. Для нормандцев избрание Стефана могло обернуться катастрофой. Много раньше он хвастался папе Льву, что с сотней рыцарей истребит их всех; но они доказали при Чивитате, что он ошибался, и Фридрих им этого не простил. Они знали нового папу как своего непримиримого врага; знали также, что его старший брат герцог Годфрид Бородатый Лотарингский недавно женился на овдовевшей маркизе Беатрисе Тосканской и таким образом получил в свои руки самую могущественную державу северной Италии; и наверняка до них доходили слухи о том, что папа Стефан рассчитывал, воспользовавшись малолетством Генриха IV, отнять имперскую корону у франконийской династии и передать ее лотарингскому дому. Если бы Годфрид стал императором, и совместные имперские и папские силы обрушились бы всей своей мощью на южную Италию, у нормандцев было бы мало шансов выстоять. Первые действия папы после избрания, казалось, подтверждали худшие опасения. Он все еще сохранял за собой должность настоятеля Монте-Кассино и повелел монахам прислать ему все золотые и серебряные блюда, обещая позже расплатиться с ними. (Монахи уступили, но с такой неохотой, что Стефан в конце концов с сожалением отказался от своей затеи.) Затем, как мы уже говорили, он решил отправить новое посольство в Константинополь с повелением снова поднять деликатный вопрос о союзе.

При таких обстоятельствах неудивительно, что, когда Стефан умер, меньше чем. восемь месяцев пробыв на троне святого Петра, некоторая доля подозрений пала на нормандских предводителей. Мотивы у них определенно были. Но они не обладали опытом запутанных интриг, которые являлись сносным занятием многих жителей

Вечного города, и сомнительно, что на этом этапе в их распоряжении имелись средства или связи, необходимые для убийства такого размаха. Позже в Сицилии они не уступали своим восточным подданным в скользком ремесле тайных заговоров; но в тот момент они во многом еще оставались людьми севера, и яд не входил в арсенал их оружия. С большим основанием можно подозревать - если заговор вообще имел место - как всегда, римскую знать, которая предпочитала отдаленную и туманную власть империи перспективе главенства более близкой и, предположительно, более могущественной лотарингской династии. Но Стефан долго болел, и самым правдоподобным (хотя и не столь романтичным) выглядит предположение, что он, как большинство людей, даже в Средние века, умер естественной смертью. Она настигла его во Флоренции в конце 1058 г., и, как только папа испустил дух, нормандцы вздохнули свободней.

Реформистских лидеров опять не оказалось в Риме - Гумберт находился во Флоренции, а Гильдебранд еще не вернулся из Германии, куда он отправился с запозданием, чтобы сообщить об избрании папы Стефана; и у реакционеров снова появился шанс. Опыт последних лет научил их, что в таких случаях все зависит от скорости. Тускуланско-кресчентианский альянс действовал быстро, и в течение нескольких дней Джованни Минчио, епископ Веллетри, был возведен на папский престол под зловещим именем Бенедикт X. С точки зрения Гильдебранда и его сторонников, это был не самый плохой вариант; новый папа, возможно, не отличался решительностью, но Лев IX сделал его кардиналом, а Стефан рассматривал его в качестве запасного варианта, на тот случай, если сам он не будет избран. Они не могли, однако, согласиться с его избранием, поскольку считали саму процедуру противоречащей каноническому праву. В результате партия реформ в полном составе покинула Рим, встретилась с Гильдебрандом в Тоскане и решила избрать папу для себя.

Выбор пал на Жерара, епископа Флорентийского, бургун-дца с безупречной репутацией, который в декабре 1058 г., с одобрения императрицы Агнессы и - что было в равной степени важно - герцога Гофрида Лотарингского, принял папский титул под именем Николая II. Он и его кардиналы, поддерживаемые герцогом Годфридом, с небольшим военным отрядом двинулись на Рим, где их сторонники, возглавляемые неким крещеным евреем по имени Лео ди Бенедикто Крис-тиано, открыли Трастеверианские ворота. Они быстро заняли Тибрский остров и сделали его своей штаб-квартирой. Последовал несколько дней уличных боев, но в конце концов Латеранский дворец был взят штурмом, а Бенедикт едва успел бежать в Галерию[32].

Партия реформ вновь победила, но заплатила за это высокую цену. Бенедикт по-прежнему оставался на свободе и имел немало верных сторонников; многие римляне, которых заставляли приносить клятву Николаю, поднимали для этого левую руку в знак того, что правой они уже клялись его сопернику. Самым неприятным было сознание, что даже теперь победа была достигнута только благодаря военной поддержке герцога Годфрида. Короче, после всех усилий прошедшего десятилетия папство находилось в том же состоянии, в каком его застал папа Лев, - разрываемое на части римской аристократией и империей, способное иногда натравить одних на других, но недостаточно сильное, чтобы утвердить свою независимость от обоих. В таких условиях ни о каких реформах не могло идти речи. Церковь должна была каким-то образом стать на ноги.

Прежде всего возникла проблема Бенедикта. Тринадцать лет назад его одиозный тезка продемонстрировал, сколько вреда может причинить отступник-антипапа; Бенедикт X пользовался гораздо большей популярностью, чем Бенедикт IX, и в этот раз под рукой не было императора, готового обрушиться на Италию и восстановить порядок, как это сделал Генрих III. Герцог Годфрид вернулся в Тоскану - хотя это было, наверное, хорошо, поскольку он неожиданно проявил непонятную неискренность, которая заставляла подозревать его в секретных интригах с римлянами. И тогда церковные иерархи

[32] Город Галерия был заброшен в 1809 г., но его развалины до сих пор можно видеть на дороге, ведущей в Витербо, примерно в двадцати милях от Рима.

совершили поразительный и крайне значимый шаг. Они обратились за помощью к нормандцам.

Окончательное решение наверняка принял Гильдебранд, возможно посоветовавшись предварительно с аббатом Дезидерием. Ни один из членов курии, даже сам папа Николай, не обладал мужеством и достойным авторитетом, чтобы это сделать. Жители Италии, и прежде всего римское духовенство, все еще рассматривали нормандцев - и не без оснований - как сборище разбойников, немногим лучше сарацин, терроризировавших южную Италию раньше. У многих кардиналов мысль о союзе с такими людьми, печально знаменитыми своими кощунствами и святотатствами, пять лет назад дерзнувшими поднять оружие против самого Святого Отца и державшими его девять месяцев в плену, должна была вызывать гораздо больший ужас, нежели соглашение с римской знатью и даже с самим Бенедиктом. Но этот невзрачный маленький тосканец, темного, возможно еврейского, происхождения, уступавший в образованности большинству своих коллег, знал, что он прав. Папа и кардиналы склонились, как почти всегда бывало, перед его волей; и в феврале 1059 г. он лично отправился в Капую.

Ричард из Капуи, естественно, обрадовался появлению Гильдебранда и радушно его принял. За год до того папа Стефан, казалось, угрожал ему и его соотечественникам уничтожением; теперь преемник Стефана послал своего самого выдающегося кардинала просить помощи у нормандцев. Судя по всему, недавний почетный прием, устроенный ему в Монте-Кассино, не был, как он опасался, случайностью, а свидетельствовал о радикальных переменах в настроениях папства. Такая перемена казалась многообещающей. Ричард немедленно передал триста воинов в распоряжение Гильдебранда, и кардинал вернулся в Рим с новым эскортом. В середине марта он и Николай расположились лагерем под стенами Галерии, наблюдая, как их армии осаждают город. Нормандцы, применяя свою обычную тактику, произвели ужасные опустошения, по всей округе чиня поджоги и грабежи; галерианцы сопротивлялись с большим мужеством, так что все попытки штурмовать городские стены закончились неудачей, но в итоге горожанам пришлось сдаться. Бенедикта взяли в плен, лишили духовного сана и заточили в церкви Святой Агнессы в Риме. Так начался период папско-нормандской дружбы.

Судьба Бенедикта X потрясла всех членов реакционной группировки в Риме. Они не ожидали, что кардиналы столь решительно и единодушно воспротивятся его избранию и приложат столько усилий, чтобы его сместить. Прежде чем они успели опомниться, Гильдебранд нанес им еще один удар, даже более серьезный по своим последствиям. Процедура выбора папы не была четко установлена; в то время она основывалась на указе императора Лотаря I, изданном в 824 г. и подтвержденном в следующем тысячелетии Оттоком Великим, согласно которому выборы осуществлялись всем духовенством и знатью римского народа, но рукоположение нового понтифика происходило только после того, как он приносил клятву императору. Эта процедура, изначально достаточно гибкая и еще больше утратившая определенность, после того как ее толковали по-всякому в течение более чем двух столетий, неизбежно порождала злоупотребления. Помимо того что указ отдавал власть над папством в руки римской аристократии, он подразумевал зависимость от империи, которая, хотя и уравновешивалась необходимостью для каждого императора принять папскую коронацию в Риме, не согласовывалась с идеей Гильдебранда о верховенстве папы. Теперь, когда в Риме царило смятение, в Германии на троне сидел ребенок, а папа имел за своей спиной военную мощь нормандцев, настал момент положить конец прежней порочной практике.

В апреле 1059 г. папа Николай собрал синод в Латеранском дворце, и там в присутствии 113 епископов (Гильдебранд, как всегда, находился рядом) провозгласил декрет, который с одним или двумя позднейшими дополнениями по сей день определяет процедуру выбора папы. Прежде всего, ответственность за избрание нового папы теперь возлагалась на кардиналов, при этом кардиналы-епископы должны были следить за

выборами, чтобы предотвратить симонию. Только после избрания кардиналами кандидатура нового понтифика утверждалась остальным духовенством и народом Рима. На словах признавалась связь с имперской властью, отраженная в нарочито туманном требовании, что избирающие должны относиться "с надлежащим почтением к Генриху, ныне королю и, надеемся, будущему императору", и тем его преемникам, которые лично получат подобные права от Святого престола; но смысл этого заявления не вызывал сомнений: в дальнейшем церковь будет сама решать свои проблемы и не станет слушать ничьих приказов.

Это был смелый шаг, и даже Гильдебранд не отважился бы на него, если бы не нормандцы. И империя, и римская знать получили пощечины, хотя и в дипломатической форме, и обе могли попытаться сейчас или позднее вернуть свои прежние привилегии с помощью вооруженной силы. Но переговоры Гильдебранда с князем Капуи, не говоря уж о недавних событиях в Галерии, придали ему - а через него церкви в целом - уверенность. Все три сотни нормандцев из Капуи заставили его главных врагов отступить в замешательстве; сколько же можно было сделать, если призвать все нормандские силы из Апулии и Калабрии под папские замена? Такая поддержка позволила бы церкви избавиться от последних тенет политической зависимости и провести самые смелые реформы, не опасаясь за последствия. Кроме того, после событий 1054 г. взаимоотношения между Римом и Константинополем не оставляли надежды на быстрое разрешение теологических споров; потому, чем быстрее извращенное учение греков окончательно утратит свои позиции на юге Италии, тем лучше. Нормандцы, установившие наконец терпимые отношения со своими ломбардскими подданными, вытеснили византийцев отовсюду, кроме нескольких городов в Апулии - в частности, Бари - и "пальца" Калабрии. Предоставленные сами себе, они быстро довершили бы дело, а затем, вероятно, принялись бы за неверных в Сицилии. Нормандцы были самым деятельным народом на полуострове и, при всех грехах, латинянами. Разве не следовало поддерживать их, вместо того чтобы им противодействовать?

Ричард и Роберт со своей стороны хотели союза с римской церковью. Они и их соплеменники могли в прошлом причинять зло отдельным церквям и монастырским общинам, но всегда - даже у Чивитате - выказывали уважение к папе и взялись за оружие только для самозащиты, когда все их попытки решить дело миром провалились. Они были не настолько сильны, чтобы отказываться от возможности отвести раз и навсегда угрозу совместного наступления империи и папства или заручиться поддержкой папы в войне против любого другого врага - византийцев, тосканцев или сарацин. Но при этом их могущества вполне хватило, чтобы беседовать с папой на равных. Их сердца были полны самых радужных надежд, когда Николай II покинул Рим в июне 1059 г- с внушительной свитой кардиналов, епископов и других клириков, чтобы - возможно, по приглашению Роберта Гвискара - посетить Мельфи.

Медленно и величественно папская процессия проследовала через Кампанию. Она остановилась в Монте-Кассино, где к ней присоединился Дезидерий, ныне официальный представитель папы на юге и, таким образом, фактически его посол у нормандцев; она пересекла горы и вышла к Беневенто, где Николай собрал синод; далее папа проследовал к Венозе, где освятил новую церковь Пресвятой Троицы, место погребения старших Огвилей и, соответственно, главную святыню нормандцев в Италии. В конце августа папа со своей свитой прибыл в Мельфи. У городских ворот его ожидала внушительная толпа, состоящая из нормандских баронов во главе с Ричардом из Капуи и Робертом Гвискаром, поспешно вернувшимся из калабрийской кампании, чтобы приветствовать блистательного гостя.

Синод в Мельфи, который послужил формальным поводом для папского визита, не оставил следа в истории. Его основной целью было восстановить целомудрие или по крайней мере навязать целибат среди духовенства южной Италии, и с этой точки зрения - несмотря на то, что епископ Транийский был публично лишен сана в присутствии сотни

равных ему по званию, - судя по свидетельствам более поздних источников, он не принес никаких результатов. Но визит Николая II в Мельфи имел историческое значение и для нормандцев, и для папства, ибо за ним последовало их формальное примирение. Для начала папа подтвердил права Ричарда на титул князя Капуи, а затем официально признал Роберта герцогом Апулии, Калабрии и, хотя до сих пор нога Гвискара не ступала на остров, Сицилии.

На каком основании папа столь щедро даровал нормандцам земли, на которые никогда не претендовали ни он, ни его предшественники, - остается неясным. Если говорить о материковой Италии, он, судя по документам, исходил из того факта, что Карл Великий двумя столетиями раньше даровал папству герцогство Беневенто. Границы княжества тогда не были четко определены и с той поры несколько раз сдвигались, возможно, в какой-то момент (хотя в XI в. это было не так) оно включало в себя все территории к югу от города. Однако всего двенадцатью годами раньше Генрих III в присутствии папы Климента вернул Капую Пандульфу и тем самым ясно дал понять, что считает это княжество имперским владением. Действия папы Николая II в отношении Сицилии представляются еще менее обоснованными; остров никогда не входил в число папских владений, и единственным основанием для того, чтобы заявлять какие-то права на него, мог служить так называемый Константинов дар - документ, согласно которому император Константин I якобы передал папе Сильвестру I и его преемникам светскую власть в "Риме и всех провинциях, местностях и городах Италии и западных областях". Этот документ служил главным аргументом в пользу всех притязаний престола святого Петра вплоть до XV в., когда, к великому замешательству клириков, было доказано, что он является подделкой, бесстыдно состряпанной в папской курии семью веками ранее[33].

Но никто не собравшихся в Мельфи в тот августовский день не задавался подобными каверзными вопросами. Папа Николай мог проявить щедрость, ибо она окупалась сторицей. Конечно, он от лица папства поддержал наиболее опасную и потенциально разрушительную силу в южной Италии; но, подтвердив права обоих предводителей, чьи отношения, как он знал, были натянутыми, он обеспечил все гарантии того, что эта сила никогда не сможет полностью объединиться. Более того, Ричард из Капуи и Роберт Гвискар принесли ему клятвы, в результате чего положение папства коренным образом изменилось. По счастливой случайности, в библиотеке Ватикана сохранился полный текст клятвы Роберта - один из наиболее древних дошедших до нас текстов такого рода. Первая часть, касающаяся ежегодной ренты, которая должна уплачиваться Риму и составляет двенадцать павийских монет за каждую упряжку быков, имеющуюся в его владениях, не очень интересна; но вторая заключает в себе многое:

"Я, Роберт, милостию Божией и святого Петра герцог Апулии и Калабрии и, если кто-то из них поможет мне, в будущем герцог Сицилии, буду с этого времени и впредь верен римской церкви и Вам, папа Николай, мой господин. Никогда я не приму участия в заговоре или другом начинании, в результате которого Вы можете лишиться жизни, или Вашему телу будет причинен вред, или Ваша будет свобода отнята у Вас. Я также не открою ни одному человеку секрета, который Вы поведаете мне, повелев его хранить, если только это не причинит Вам вреда. Везде и против всех врагов я останусь, насколько это будет в моих силах, союзником святой римской церкви, дабы она могла сохранять и приумножать владения святого Петра. Я предоставлю Вам любую помощь, какая потребуется, чтобы Вы могли нанимать в почете и в безопасности папский престол в Риме. Что до владений святого Петра и княжества (Беневенто), я не сделаю попыток вторгнуться в них или даже разорить их (sic) без Вашего дозволения или дозволения Ваших преемников, облеченных доверием блаженного Петра. Я буду честно выплачивать, каждый год, римской церкви условленную ренту за земли святого Петра, которыми я владею или буду владеть. Я отдам Вам церкви, которые ныне находятся в моих руках, со

[33] Самая древняя из существующих копий этого документа находится в Национальной библиотеке в Париже и датируется IX в.

всем их имуществом, и сохраню их в подчинении святой римской церкви. Если Вы или кто-то из Ваших преемников расстанется с этой жизнью прежде меня, я буду, по совету главных кардиналов, а также духовенства и мирян Рима, трудиться для того, чтобы папа был избран и утвержден с почестями, достойными святого Петра. Я буду верно соблюдать в отношении римской церкви и Вас обязательства, которые я сейчас принял, и буду поступать подобным образом в отношении Ваших преемников, которые взойдут на престол во славу благословенного Петра и которые подтвердят права и титулы, которые даровали мне Вы. Да поможет мне Бог и Его святое Евангелие".

Церемонии закончились, папа Николай вернулся в Рим со своей свитой, которая теперь пополнилась большим отрядом нормандцев. Ричард, чья клятва, предположительно, напоминала клятву Роберта, двинулся в Капую, в то время как Роберт поспешил присоединиться к своей армии в Калабрии, осаждавшей небольшой город Кариати. Все трое, наверное, были довольны тем, что они сделали.

Другие, однако, не разделяли их удовлетворения. Гизульф из Салерно пережил новый удар, задевавший его права и гордость. Его отчаянная надежда получить поддержку папы в войне против ненавистных нормандцев рухнула, и перед ним маячили только мрачные перспективы постепенного ослабления его власти во все уменьшающихся владениях; постоянной зависимости от милостей князя Капуи и весьма ненадежной поддержки своего зятя Роберта Гвискара.

Римские аристократы, озлобленные и напуганные, вернулись в свои затхлые дворцы. Византийцы поняли, что потеряли последний шанс сохранить то, что осталось от их итальянских владений. А Западная империя, урезанная в своих правах при выборах папы, столкнулась с новым альянсом, столь же грозным в военном отношении, как и в политическом; а теперь в довершение всего вынуждена была наблюдать в бессильном молчании, как огромные территории, принадлежащие империи, переходят в руки нормандских разбойников. Реакция имперских властей на действия папы Николая в описании не нуждается. К счастью для Италии, Генрих IV еще оставался ребенком; будь он на несколько лет старше, он не стал бы терпеть подобное отношение. Имя папы с тех пор демонстративно опускалось в молитвах во всех церквях империи, но едва ли Николая - или Гильдебранда - это очень заботило.

Глава 11
ВТОРЖЕНИЕ

Италия без Сицилии немыслима: она - ключ ко всему.

Гете. Письмо из Палермо.
Апрель 1787 г.

Инвеститура Роберта Гвискара в Мельфи и его последующая клятва папе Николаю не оставляли никаких сомнений в том, на что будут отныне направлены его честолюбивые замыслы. Сицилия, зеленая и плодородная, лежащая едва ли в трех или четырех милях от материка, была не только очевидной целью и естественным продолжением того великого продвижения на юг, которое привело нормандцев из Аверсы к южным границам Калабрии; она являлась логовом сарацинских пиратов, чьи набеги, с недавних пор ставшие менее дерзкими и хорошо организованными из-за постоянных междоусобных войн на острове, все же постоянно угрожали прибрежным городам юга и запада. Пока Сицилия оставалась в руках язычников, как мог герцог Апулии обеспечить безопасность своих вновь утвержденных владений? Кроме того, он был теперь верным слугой папы, и разве не сам Николай возложил на него ответственность за очистку папских территорий от гнета неверных? Как и большинство его соотечественников, Роберт был в душе глубоко верующим человеком; и среди других, менее похвальных стремлений дух крестоносцев жил в его сердце, когда он отправился на юг через Калабрию и высокую

гряду Аспромонте, с которой можно было увидеть за синеющим проливом Сицилию, теплую и гостеприимную, в лучах сентябрьского солнца, со снежной шапкой Этны, белеющей на горизонте.

Но прежде, чем Гвискар смог развернуть карту Сицилии, он должен был свернуть карту Калабрии. В паре городов еще оставались греческие гарнизоны; если не выкурить их оттуда, они могли создать серьезные проблемы на линиях коммуникаций и снабжения в самый разгар сицилийской кампании. Роберт поскакал прямиком в Кариати. Его люди безуспешно осаждали крепость много недель, но с его появлением она сразу сдалась. Прежде чем Роберт вернулся на зиму в Апулию, Россано и Джераче также покорились, и теперь в руках византийцев находился только Реджо. В начале 1060 г. после краткого похода на юго-восток, во время которого греки были изгнаны из Таранто и Бриндизи, Гвискар вновь подошел со своей армией под стены этого города. Там его встретил Рожер, которого он оставлял командовать на время своего отсутствия. Тот провел зиму с пользой, строя огромные осадные машины. В первый раз с момента своего появления в Италии нормандцы использовали оружие такого типа (прежде его применяли только их союзники - лангобарды), но Реджо являлся столицей византийской Калабрии, и можно было ожидать, что греки продадут его дорого. Так оно и произошло в действительности. Но в конце концов осажденным пришлось сдаться, и герцог Апулии проехал с триумфальной процессией через весь город вдоль длинного ряда мраморных вилл и дворцов, составлявших гордость Реджо. Воины греческого гарнизона, которым Роберт великодушно даровал жизнь и свободу, укрылись в ближайшей крепости на скале Сцилла[34], где продержались еще какое-то время; но потом, поняв, что их дело безнадежно, в одну безлунную летнюю ночь отплыли тайно в Константинополь. Этой ночью правление греков в Калабрии окончилось. Оно не вернулось никогда.

Теперь, наконец, Роберт и Рожер могли отправиться на Сицилию. Греки были изгнаны из всей Италии, за исключением города Бари, оттуда их не удавалось выдворить, но где их оказалось легко удерживать; кроме того, Бари находился далеко. Во всех других местах название "Великая Греция", так долго употреблявшееся для обозначения византийской Италии, стало принадлежностью истории. Папа благословил экспедицию. Западная империя не могла вмешаться. Даже обстановка на самой Сицилии казалась относительно благоприятной. Во многих областях население еще оставалось в большинстве христианским, и можно было рассчитывать на то, что в этих местах нормандцев встретят как освободителей и, если потребуется, окажут им необходимую помощь и поддержку. Что до сарацин, они справедливо считались храбрыми воинами, но теперь оказались разобщены и едва ли могли успешно противостоять сплоченной и дисциплинированной нормандской армии. За власть над островом дрались три эмира. Первым был некий Ибн ат-Тимнах, который контролировал большую часть юго-восточной территории и держал большие гарнизоны в Катании и Сиракузах; второй, Абдулла Ибн Хаукаль, правил северо-западной частью из своих дворцов в Трапани и Мацаре. Наконец, между владениями двух соперников втиснулся эмир Ибн аль-Хавас, чья резиденция помещалась в Энне[35]. Все три государя отреклись от своего прежнего господина - калифа Зирида из Кайруана, который сам был изгнан из своей столицы за год-два до этого и теперь боролся за жизнь в огне межплеменных войн в Северной Африке; и все эти группировки враждовали друг с другом. Казалось, завоевание нормандцами Сицилии не займет много времени.

---

[34] Напротив легендарной Харибды, расположенной на сицилийском берегу. Шаландон переводит название Sallaium, использованное Малтеррой, как Сквилачче, но он, безусловно, не прав. Чтобы достичь Сквилачче, который находится примерно в семидесяти милях от Реджо по прямой, грекам пришлось бы пересечь весь Аспромонтский горный массив, двигаясь все время по нормандской территории.

[35] Вплоть до 1927 г. Этот город-крепость назывался Кастроджованни, искаженное арабское имя Кастр Джанни. В 1927 г. Муссолини вернул ему исконное древнее имя Энна.

На самом деле оно заняло тридцать один год: немногие нормандцы провели столько лет в Италии, и немногие дожили до окончательной победы. Нормандцы не учли Апулии, где вечные враги Роберта Гвискара упорно отказывались смириться, отвлекая его внимание и - что еще более важно - его ресурсы в то время, когда они отчаянно требовались для сицилийской кампании. Подробности войн Гвискара в Апулии против новой византийской армии и его собственных мятежных подданных не представляют для нас особого интереса; важно только то влияние, которое они оказали на ход событий в Сицилии. Его нельзя счесть полностью отрицательным. Постоянная необходимость сражаться на два фронта привела к тому, что сицилийская военная кампания оказалась куда более длительной и трудной, осуществление ее потребовало больше мужества и средств, чем это было бы в другом случае, - эта мысль в разъяснении не нуждается; нормандские войска хронически испытывали недостаток живой силы и припасов, иногда становившийся катастрофическим. И все же парадоксальным образом, благодаря тому что ситуация в Апулии в этот период требовала присутствия Гвискара, Сицилия смогла стать тем блестящим, прекрасно обустроенным королевством, каким она была позднее. Поскольку Роберт по необходимости проводил все больше и больше времени, сражаясь со своими врагами на континенте, сицилийская армия, формально находившаяся под его командой, фактически перешла в руки Рожера, и в итоге младший брат принял на себя роль предводителя. Это, как мы увидим в дальнейшем, привело к разделу владений Робера и позволило Рожеру, свободному от всех обязательств перед Апулией, посвятить острову столько внимания, сколько он заслуживал.

Рожер наверняка понимал, что по условиям, объявленным в Мельфи, вся Сицилия, когда она будет завоевана, отойдет Роберту; каковы бы ни были его собственные заслуги, он может рассчитывать только на вознаграждение, которое его своенравный брат решит ему предоставить. Однако не исключено, что он в какой-то мере предвидел дальнейшее развитие событий и подозревал, что его шансы могут оказаться большими, чем теперь кажется. Определенно он с самого начала проявлял решимость и воодушевление в той же степени, что и сам герцог Апулии. Через несколько недель после взятия Реджо он совершил пробную вылазку через пролив: высадился как-то ночью с полусотней отборных воинов в окрестностях Мессины и двинулся к городу; но сарацины были начеку и оттеснили налетчиков обратно к их судам. Одновременно начались приготовления к полномасштабному вторжению.

Они продвигались мучительно медленно. Апулия волновалась, и Роберту в октябре 1060 г. срочно пришлось возвращаться туда. Император Константин X Дукас, который за год до того занял трон в Константинополе, отправил новую армию в Италию в последней попытке спасти то, что осталось от его Лангобардских Фим. Войско было не очень большим, но нападение застало нормандцев врасплох; Гвискар находился в Калабрии, и вначале греки встретили мало сопротивления. Даже когда Роберт и его брат Можер появились с поспешно собранной армией, они не смогли сразу сдержать продвижение греков, и к концу года большая часть восточного берега была отвоевана и сам Мельфи оказался в осаде. К январю 1061 г. положение стало настолько серьезным, что Гвискар призвал на помощь Рожера с оставшимися в Калабрии войсками. Сицилийская операция, казалось, откладывается на неопределенное время...

Но Рожер не был склонен откладывать поход. К середине февраля он вновь появился в Калабрии, как раз вовремя, чтобы использовать новую возможность, которая внезапно и неожиданно представилась. Долгие распри между двумя сицилийскими эмирами, Ибн ат-Тимнахом и Ибн аль-Хавасом, теперь вылились в открытое военное столкновение. Некоторое время назад, в безнадежной попытке уладить ссору, Ибн ат-Тимнах женился на сестре Ибн аль-Хаваса, но последний теперь держал ее в своей горной крепости в Энне и отказывался вернуть ее мужу. Его нежелание легко объяснимо и, несомненно, разделялось самой дамой, поскольку у нее незадолго до того вышел спор с Ибн ат-Тимнахом, в ходе которого он, охваченный гневом, вызвал слуг и приказал им

вскрыть ей вены; к счастью, ее сын вовремя вызвал докторов и спас ее жизнь. Вскоре после ее бегства Ибн ат-Тимнах, возможно более стремившийся сохранить самоуважение, нежели брак, пошел на Энну, чтобы вернуть свою законную собственность; но он не смог ничего поделать с самой неприступной крепостью в Сицилии, а вместо этого потерпел бесславное поражение в долине под ее стенами. Вместе с остатками армии он отступил в беспорядке в Катанию, и там его соглядатаи вскоре донесли, что Ибн аль-Хавас готовит карательную экспедицию и открыто поклялся покончить с Ибн ат-Тимнахом раз и навсегда.

Рожер находился в Милето, когда на вторую неделю февраля 1061 г. Ибн ат-Тимнах прибыл собственной персоной просить его помощи и предложил нормандцу - по словам арабского историка Ибн аль-Атхира - в награду за уничтожение своего врага ни более ни менее как владение всей Сицилией. От такого предложения трудно было отказаться. Рожер быстро собрал войско из ста шестидесяти рыцарей и нескольких сот пеших солдат и маленький флот под командованием Годфрида Риделя, одного из самых способных командиров Гвискара, и спустя несколько дней высадился в северо-восточной оконечности острова. Прежний опыт Рожера предостерегал его от того, чтобы беспокоить гарнизон Мессины; его план, одобренный Ибн ат-Тимнахом, который находился при войске, состоял в том, чтобы проследовать по северному берегу до Милаццо, совершая по возможности вылазки во внутренние области и разоряя как можно больше территорий Ибн Хаваса по пути. Затем, хотя никто из хронистов этого ясно не пишет, в его намерения, по-видимому, входило захватить мыс Милаццо и превратить его в постоянный нормандский плацдарм в Сицилии, который мог быть использован для выгрузки дополнительных припасов, а также для высадки подкреплений и, в конечном итоге, основных частей армии[36]. Вначале все шло хорошо: Милаццо был взят, затем почти без борьбы сдалась Рометта. Нормандцы захватили добычу - она включала, по-видимому, большое количество скота - и для того, чтобы обеспечить ее благополучную доставку в Реджо, вся армия вернулась на мыс Фаро, где стоял на якоре флот. Тем временем в Мессине поднялась тревога. Гарнизон крепости поспешил к берегу и встал лагерем на склоне холма, так что его не было видно с побережья. Более осмотрительные на сей раз, поскольку нынешнее нормандское войско намного превосходило тот отряд, который они без усилий отбросили за год до этого, - сарацины собирались подождать момента, когда погрузка будет в полном разгаре, и напасть на нормандцев, курсирующих небольшими группами между берегом и кораблями. Это хорошая идея могла "иметь успех, но, к счастью для нормандцев, противные ветры затрудняли погрузку, и прежде чем работа началась, Рожер узнал о присутствии врага. Его сводный брат Серло - один из четырех Отвилей, которые не стали искать удачи в Италии, - имел сына с тем же именем; юноша недавно присоединился к своему дяде в Калабрии и подавал большие надежды. Рожер отправил его атаковать сарацин с фланга, велев ему прежде всего помешать им отступить по узкой прибрежной полосе назад в Мессину. План сработал, и арабы вместо того, чтобы захватить нормандцев врасплох, неожиданно сами оказались в окружении. Немногие из них уцелели.

Рожер поспешил закрепить свой успех, полагая, что Мессина теперь осталась без защитников. Он со своими людьми подошел к городу в тот же вечер, и на рассвете следующего дня началась атака. Но теперь настал черед удивляться нормандцам. Несмотря на потери, жители Мессины, мужчины и женщины, вышли защищать свой город. Рожер понял, что просчитался. Легкой победы ждать не приходилось, а его крошечная армия запросто могла погибнуть вся, если Ибн Хавас надумает послать войско на помощь обороняющимся. Рожер приказал отступать. Это дало сарацинам надежду, в которой они так нуждались, и окончательно изменило ход битвы. Всего через несколько минут отступление нормандцев превратилось в бегство от яростно преследовавших их

[36] Союзники использовали таким же образом Шербургский при высадке в Нормандии в 1944 г.

мессинцев. Рожер потерпел поражение, но худшее ожидало его впереди. Противные ветры предыдущего дня были прелюдией к сильному шторму, который обрушился на корабли у Фаро. Погрузка, которая перед тем представляла трудности, теперь стала невозможной. Три дня нормандцы ждали на открытом берегу, отрезанные сарацинами от любого убежища, и отбивали, как могли, их постоянные атаки. Как откровенно сообщает Аматус, "замерзшие и испуганные, они были в самом жалком состоянии". Наконец, море успокоилось, и нормандцы смогли уплыть, но вскоре их перехватил сарацинский флот из Мессины, и последовавшее морское сражение продолжалось до самого входа в гавань Реджо. Один нормандский корабль затонул; другие, побитые, но все еще державшиеся на плаву, прорвались в порт, чтобы выгрузить своих измученных и дрожащих пассажиров. Экспедиция, начавшаяся столь многообещающе, окончилась чем-то напоминающим фиаско.

Вина полностью ложилась на Рожера. При всей его храбрости, ему еще не хватало опыта, чтобы знать, что в военном искусстве осторожность - столь же ценное качество, как смелость. Своими успехами в последние сорок лет нормандцы были во многом обязаны тому факту, что они, за исключением некоторых случаев в пору своего наемничества, никогда не искали битвы, если не были твердо уверены в победе; также, поскольку возможность пополнять войско до сих пор обеспечивалась в основном притоком свежих сил из Нормандии, они никогда не рисковали зря жизнью своих людей. Рожер за прошедший год дважды совершил и то и другое. Судьба экспедиции Маниака в 1040 г. - в которой принимали, вероятно, участие несколько старых рыцарей из его окружения, - должна была напомнить ему, что сарацины, разобщенные или нет, будут сражаться упорно и яростно, чтобы сохранить свой остров; и этот самоочевидный факт подтверждался опытом самого Рожера, который он получил годом раньше. Пускаться еще в одну сумасбродную эскападу, не спланировав и не подготовив соответствующим образом экспедицию, собрать войско за несколько дней, чтобы выступить на стороне неуравновешенного и коварного эмира, представлялось верхом безответственности, и последствия этого шага были полностью заслуженными.

Надо надеяться, Роберт Гвискар поговорил серьезно со своим братом, когда присоединился к Рожеру в Калабрии в следующем мае. Он привел с собой все военные силы, которые без риска мог отозвать из Апулии. Весенняя военная кампания прошла успешно, осада с Мельфи была снята, Бриндизи и Ория отбиты. Несколько городов на "каблуке" еще оставались в руках византийцев, но основная масса греческой армии отступила в Бари, и было непохоже, что они задумывают в ближайшее время новое нападение. Шести месяцев ясной погоды, подходящей для военных экспедиций, вполне могло хватить, чтобы захватить Сицилию прежде, чем на нее опустится зима. Имелись и другие причины - кроме естественного нетерпения, - которые заставляли Роберта начать вторжение на остров так быстро, как только возможно. Ибн аль-Хавас, полностью осведомленный о намерениях нормандцев, уже усилил гарнизон Мессины восемьюстами всадниками, а ее флот - двадцатью четырьмя кораблями, и было ясно, что, чем дольше нормандцы прождут, тем более жестокое сопротивление они встретят. Роберт беспокоился также о своих апулийских вассалах. Византийское вторжение заняло их на несколько прошедших месяцев, но теперь, когда греки отступили, в рядах нормандцев вновь возникло брожение. Требовалось предложить им какую-то долгосрочную программу, дерзкий и вдохновляющий план новых завоеваний, который заставил бы их объединиться под командой своего предводителя для войны против общего врага, Рожер тоже рвался в бой. Прежние неудачи ничуть не обескуражили его, и он всю весну разрабатывал планы и занимался подготовкой главной экспедиции. Если основные силы не выступят в поход, он мог опять пуститься во все тяжкие на свой страх и риск.

Уже через несколько дней после прибытия Гвискара в Реджо войска приготовились к отплытию. Даже по меркам того времени армия была не очень большой - ее общая, как единодушно уверяют все источники, численность составляла около двух тысяч человек, с

рыцарями и пешими воинами примерно в равных пропорциях. В действительности Роберт изначально рассчитывал на большее, но ситуация в Апулии не позволяла надеяться на то, что он в обозримом будущем сможет радикально увеличить численность своей армии. При хорошем командовании и такого войска вполне достаточно. После февральского краха стало ясно одно. Никакая армия не добьется успеха без обеспечения надежных связей с материком. Это означало контроль над проливами, что, в свою очередь, требовало овладения Мессиной. Печальный опыт Рожера доказывал, что задача эта не из легких, но выбора у нормандцев не было, особенно теперь, когда сарацинский флот получил такое мощное подкрепление. Лучшим козырем в подобных обстоятельствах оказывалась внезапность.

В середине мая 1061 г. ночи были темными и тихими. Новая луна народилась в двадцатых числах. Вероятно, 18 мая или около того безлунной ночью нормандский авангард из примерно двухсот семидесяти рыцарей под предводительством Рожера де Отвиля на тридцати кораблях незаметно покинул гавань Санта-Мария-дель-Фаро и спустя несколько часов высадился на пустынном побережье примерно в пяти милях южнее Мессины[37]. Их морской переход был сравнительно долгим - на десять миль длиннее, чем он оказался бы, выбери Роберт Гвискар кратчайший путь через пролив, но события подтвердили правильность его решения. Сарацины ожидали вторжения и полагали, что флот захватчиков двинется напрямик через пролив с тем, чтобы высадиться, как это сделал Рожер в феврале, несколько севернее Мессины; соответственно их наземные и морские патрули непрестанно обшаривали береговую линию между Мессиной и мысом Фаро. В результате южный участок остался совершенно без защиты; Рожер и его люди спокойно высадились, и еще до рассвета флот вернулся в Калабрию, готовый принять на борт новую партию воинов.

В задачи передового отряда входила прежде всего разведка, но Рожер никогда не отличался осторожностью. Едва забрезжил рассвет, он двинулся с побережья к Мессине и почти сразу наткнулся на сарацинский караван, который вез деньги и припасы для мессинского гарнизона. Это был настоящий подарок судьбы. Застигнутые врасплох, сарацины в течение нескольких минут оказались перебиты все до единого; и едва нормандцы успели перегруппироваться, как появление белых парусов у берега возвестило о прибытии новой группы захватнических войск.

В распоряжении Рожера теперь находилось примерно пятьсот человек - немногим больше, чем было у него в столь неудачной предыдущей экспедиции. Но теперь он знал, что еще 1500 воинов под командой Роберта Гвискара скоро прибудут сюда. Более того, сарацины из Мессины, судя по всему, до сих пор не знали о высадке нормандцев; и это давало Рожеру хороший шанс застать их врасплох. До Мессины оставалась пара миль, солнце только что взошло. Нормандцы, соблюдая величайшую осторожность, двинулись к городу. Под стенами они остановились, присматриваясь. На крепостных валах, которые горожане так героически обороняли три месяца назад, теперь не было ни души. Второй раз в то утро само Провидение поддерживало нормандцев. Какой смысл ждать Роберта? Рожер мог провести операцию сам. Он повел свое войско в атаку.

Штурм закончился, даже толком не начавшись. Задолго до того, как герцог Апулии отплыл с основной массой армии по дружелюбному и спокойному морю в свои новые владения, Мессина оказалась в руках нормандцев. Сарацины пали жертвой собственной осторожности. В своем желании преградить путь нормандцам на подступах к острову они оставили не только южные подходы к Мессине, но даже сам город открытым. Когда гарнизон, патрулировавший берег на севере, узнал о том, что произошло, делать что-либо

---

[37] В интересной статье "Общевойсковые операции в Сицилии в 1060-1078 гг." Д. П. Уоли предполагает, что нормандцы научились перевозить лошадей на кораблях у византийцев и что опыт, полученный в 1061 г., пригодился пять лет спустя на Гастингсе, поскольку известно, что в войске Вильгельма присутствовали рыцари из южной Италии и Сицилии.

было уже поздно, поэтому воины, справедливо сочтя, что возвращение равносильно сдаче в плен, бежали вглубь острова. Те, кто был на кораблях, оказались в подобной же ситуации: поскольку порт Мессины был во вражеских руках, плыть на юг в узкий пролив означало накликать беду. Развернув свои корабли, они поспешно обогнули мыс Фаро и направились на запад за спасением.

По прибытии герцог Апулии с триумфом проехал по опустошенному городу. Были неизбежные грабежи, но крови пролилось сравнительно мало. Малатерра рассказывает с изумлением и восхищением о молодом знатном сарацине, который зарубил саблей свою любимую сестру, чтобы не позволить ей попасть в похотливые лапы неверных; но большинству мусульман без особых трудностей удалось бежать во внутренние земли. Гвискару доставляло удовольствие смотреть, как они уходят. Прежде всего он заботился о безопасности Мессины; и чем меньше останется в городе ненадежных людей - тем лучше. Соответственно, в Мессине остались только христиане, в основном греки, которые смущенно и настороженно приветствовали Роберта и отслужили по его повелению благодарственный молебен в своих церквях. Роберт теперь всячески старался представить сицилийскую экспедицию как боговдохновенное деяние; он не только убедился в этом сам - а обстоятельства взятия города ясно свидетельствовали о благоволении небес, - но и видел немалую выгоду в том, чтобы местные христиане оценивали нормандское вторжение исключительно с религиозной точки зрения.

Следующей задачей Роберта было превратить Мессину в хорошо защищенный плацдарм, который был ему необходим. Неделю без передышки днем и ночью его армия совершенствовала городские укрепления. Нормандцы отремонтировали и расширили крепостные стены, надсыпали валы, перестроили башни и вырыли ров. Когда все было готово, отряд кавалерии был водворен в крепости как постоянный гарнизон. Это сильно ослабило действующую армию, но, когда речь шла о Мессине, Роберт не мог рисковать. В скором времени на сцене вновь появляется зловещая фигура Ибн ат-Тимнаха, как всегда стремившегося использовать амбиции нормандцев в своих интересах. Он начал с того, что попытался опять войти к ним в доверие. Когда предыдущая экспедиция Рожера столкнулась с трудностями, он удалился от греха подальше в свой замок в Катании; теперь еще более любезный и покорный, он был охотно принят самим Гвискаром. Его предложения не изменились: если нормандцы помогут ему против Ибн Хаваса, верховная власть над Сицилией перейдет к ним.

Каковы бы ни были личные чувства Роберта по отношению к Ибн ат-Тимнаху, он не мог упустить такую возможность. Этот человек был, вместе с Ибн аль-Хавасом, самым могущественным из сицилийских эмиров. Теперь, после захвата Мессины, его дружба обеспечила бы нормандцам контроль над восточной Сицилией, в том числе над жизненно важным для них восточным побережьем, обращенным к материку. Ат-Тимнах мог предоставить в их распоряжение проводников, переводчиков, оружие, припасы, а также знания и опыт, которых европейцам в мусульманских странах катастрофически недоставало. Его прибытие можно было счесть очередным проявлением Божьей милости - хотя Роберт, вероятно, подумал, что Всемогущий избрал крайне неподходящее орудие для исполнения своей воли. Итак, спустя неделю после того, как работы по укреплению Мессины успешно завершились, Гвискар вместе с Рожером и Ибн ат-Тимнахом повел свою армию вперед, начался новый этап сицилийской авантюры.

Из Мессины было два пути к владениям Ибн Хаваса. Кратчайший вел вдоль берега на юг примерно до Таормины, а оттуда в глубь острова, по долине Алькантары вдоль северных склонов Этны на центральное плато. Ибн ат-Тимнах предпочел, однако, повести своих нормандских друзей другой дорогой, пройдя через те земли, жители которых, хотя формально оставались его подданными, в последнее время стали проявлять непокорство. Им, несомненно, полезно было посмотреть на нормандскую армию вблизи. Кроме того, Роберт мог по пути принять официальные изъявления лояльности от Рометты, без которой

нельзя было держать горные перевалы и тем самым контролировать западные подходы к Мессине.

Рометта была тогда, как и сейчас, отлично защищена самой природой; вдобавок сарацины как следует ее укрепили. Для Георгия Маниака в 1038 г. она оказалась крепким орешком; она могла стать серьезным препятствием и для Роберта Гвискара в 1061 г.; к счастью, однако, ее командующий хранил верность Ибн ат-Тимнаху. Во второй раз за четыре месяца он приветствовал нормандцев с радостью. Явившись без промедления в нормандский лагерь, он преклонил колени у ног Гвискара, поклялся ему в верности на Коране и преподнес ему среди прочих даров ключи городских ворот и цитадели. Рометта стала последним элементом в той системе оборонительных сооружений, которой Гвискар окружил Мессину, и теперь, наконец, он обрел требовавшуюся свободу действий.

Хотя и раздраженный, как всегда, медлительностью пехоты - Аматус сообщает, что Роберт со своими рыцарями всегда мчался галопом впереди войска и затем должен был ждать, когда его догонят пешие воины, - герцог продвигался вперед с удивительной скоростью. За два дня путешествий он добрался из Рометты в Фаццано, к подножию перевала, ведущего к так называемому peanura di Maniace, плато, на котором гигант Георгий и первый из молодых Отвилей встретились за двадцать один год до того. Здесь Роберт дал отдых своей замученной армии, До сих пор нормандцы не встретили серьезного противодействия; население областей, через которые они шли, было в основном христианским, и местные жители приветствовали воинов с искренним - хотя, как им вскоре предстояло понять, напрасным - воодушевлением. Но, перейдя реку Симето, нормандцы оказывались на вражеской территории; и соглядатаи уже донесли о большой армии, которую Ибн аль-Хавас собирал против них в Энне. Марш продолжался, но теперь Гвискар был более осмотрителен. В Чентурипе он столкнулся с первым препятствием. Его атака на город встретилась с сильным сопротивлением, и, чтобы не рисковать потерями, которых он не мог себе позволить, Роберт снял осаду почти сразу же, оставив город невзятым. Короткая вылазка на восток оказалась более удачной: Патерно сдался без борьбы, мусульмане при приближении нормандцев, как пишет Аматус, растаяли, "словно воск на огне". А затем, поскольку хваленая сарацинская армия все еще находилась где-то за много миль и не спешила показываться, Роберт свернул вправо и повел свое войско по долине Диттайно, углубляясь все дальше во вражеские земли, пока не разбил лагерь среди водяных мельниц непосредственно под скалой Энны.

Из всех горных крепостей Сицилии Энна располагалась на самой большой высоте и была самой грозной. Двумя веками раньше сарацины сумели отбить ее у греков, только взобравшись один за другим по сточной трубе. Штурмовать Энну, очевидно, не имело смысла, и Роберт, понимавший, что у него нет времени до того момента, когда зима заставит его отступить, не хотел начинать осаду. Поэтому он сознательно вел себя крайне вызывающе: расположившись под самым носом Ибн аль-Хаваса, он всячески провоцировал его выйти и преподать нормандцам тот суровый урок, который, по слухам, для них приготовили. Все же сарацины сдерживались; в течение четырех дней разочарование нормандцев постепенно росло; они ждали, разоряя окрестности и стараясь причинить как можно больший ущерб, чтобы вынудить эмира к действиям. На пятый день они преуспели.

Невозможно (как часто бывает, когда речь идет об этом историческом периоде) правильно оценить численность участников сражения. Мы знаем от Малатерры, что сарацинская армия насчитывала пятнадцать тысяч человек; возможно, он преувеличивает, но ничего неправдоподобного в его утверждении нет. Во всяком случае, ясно, что нормандцы во много раз уступали противнику в численности. Войско Роберта Гвискара вначале насчитывало около двух тысяч человек. Он оставил сильный гарнизон в Мессине и, возможно, другие в Рометте и еще где-то. Ибн ат-Тимнах мог усилить нормандскую армию некоторым количеством сарацинских ренегатов, но не похоже, что их было много,

поскольку о них не упоминается ни в одной из хроник. Вероятно, Малатерра, оценивающий силы Роберта примерно в семь сотен воинов, недалек от истины.

И все же битва при Энне закончилась ошеломительной победой нормандцев. География, как и арифметика, была против них: у них не было ни крепости, куда они могли бы отступить для отдыха или перегруппировки сил, ни запасов оружия и провианта. Но мужество имелось у них в избытке, а главное, они хорошо знали, что такое дисциплина - причем в той ее разновидности, с которой сарацины раньше никогда не сталкивались. К этим двум факторам добавился новый и мощный религиозный подъем. Христианский пыл вел их вперед, когда, исповедовавшиеся и причастившиеся, еще слыша мысленно великолепную речь Роберта, они бросились в битву. В итоге первое большое сражение на сицилийской земле и вообще в истории между нормандцами и сарацинами окончилось разгромом сарацин. Пять тысяч воинов Ибн Хаваса укрылись в своей крепости; остальные к наступлению ночи лежали мертвые или умирающие на берегу реки. Потери нормандцев были ничтожны.

Не считая добычи, эта победа не принесла никаких ощутимых результатов. Ибн аль-Хавас с остатками своей армии - И) вероятно, с женой Ибн ат-Тимнаха - находились в безопасности в своей цитадели, и у нормандцев, как и ранее, не было никакой возможности вытеснить их оттуда; и хотя Роберт взял крепость в осаду даже прежде, чем раненых нормандцев вынесли с поля битвы, все понимали, что это - занятие трудное и долгое. Тем временем, однако, вести о битве быстро распространились по близлежащим долинам, и мало кто из местных вождей разделял решимость своего эмира. Вскоре первый из них появился в лагере Гвискара, и в последующие недели они приходили во множестве, со склоненными головами, с руками, скрещенными на груди, ведя с собой мулов, нагруженных подарками и данью. Их стремление официально подтвердить свою покорность едва ли может удивлять; они были теперь беззащитны, в то время как нормандцы, верные своей привычной осадной тактике, совершали ежедневные набеги, грабя и разоряя всю округу и терроризируя местное население всеми возможными способами. Приближалось время урожая, но мусульманские крестьяне надеялись получить много от своих сожженных полей и опустошенных виноградников. Ибн аль-Хавас, всматриваясь в темноту летней ночи из-за своей осажденной твердыни, наверное, видел пламя от горящих дворов и усадеб, пылающее далее ярче, чем огни нормандского лагеря прямо под скалой. Едва ли это зрелище увеличивало его отчаяние, ибо он уже потерял гораздо больше. Но он, вероятно, догадывался, что для него и его народа это начало конца: Сицилия никогда не будет такой, как прежде.

Но пока время работало на эмира. Роберт Гвискар не мог в существующих обстоятельствах предпринимать зимнюю кампанию; он зашел в своих притязаниях слишком далеко, а ему еще нужно было объединить и упорядочить вновь обретенные владения, чтобы спокойно вернуться на материк. После двух месяцев осады в условиях безжалостного сицилийского лета Энна оставалась столь же неприступной и непоколебимой, и нормандцы начали терять терпение. Непоседливый Рожер устал от бездействия и умчался с тремя сотнями людей в очередную так называемую разведывательную экспедицию, разграбив и разорив все, что попалось ему на пути, вплоть до самого Агридженто, и вернулся с добычей, которой хватило бы на целую армию. Это, безусловно, было ценным утешением, но Роберту стало ясно, что осаду пора снимать. В июле или в начале августа Гвискар дал сигнал и, к облегчению и осаждавших, и осажденных, повел своих людей вниз по долине - туда, откуда они пришли.

С такой небольшой армией, при том что многие из его людей ныне хотели вернуться в свои апулийские дома, Гвискар не мог надеяться удержать хотя бы часть территорий аль-Хаваса. Но дальше на север лежала "ничья земля", которая, хотя формально принадлежала Ибн ат-Тимнаху, постоянно страдала от вторжений его соперника. Местные христиане-греки умоляли Роберта оставить у них постоянный гарнизон и без особого труда уговорили некоторых самых бедных нормандских рыцарей

осесть на сицилийской земле. И таким образом, осенью 1061 г. неподалеку от развалин древнего Алунтия, в нескольких милях от северного побережья, была построена первая в Сицилии нормандская крепость. Расположенная в предгорьях Неброди, она охраняла перевал, который являлся наиболее вероятным направлением сарацинских атак, и представляла для местных жителей одновременно эффективную защиту и ежедневное напоминание о силе нормандцев. В последующие годы эта крепость превратилась в преуспевающий городок, каковым она остается и сегодня. О подвигах Роберта Гвискара здесь напоминают не только руины замка, но и имя - Сан-Марко-д'Алунцио, которое он дал крепости в память о другом Сан-Марко, в Калабрии, где всего пятнадцать лет назад начался его путь.

Вернувшись в Мессину, Роберт Гвискар застал там Сишельгаиту, которая после недолгой инспекционной поездки по новым владениям мужа с триумфом препроводила его в Апулию праздновать Рождество. Рожер сопровождал их до Милето в Калабрии, где располагалась его главная материковая резиденция, но он не мог отдыхать... Сицилия влекла его к себе. Там было так много работы - или, точнее, так много неиспользованных возможностей. К началу декабря он снова высадился на острове с двумя с половиной сотнями соратников. Они во второй раз пронеслись ураганом по землям Агридженто и свернули на север, к Тройне, еще более неприступной и могучей крепости, нежели Энна. К счастью, там жили в основном греки, и они сразу открыли ворота армии Рожера. Здесь он провел Рождество и здесь же узнал, к своей радости, что его возлюбленная, сохранившая чувства к нему с юных лет, когда он еще жил в Нормандии, приехала в Калабрию, где она ждет его возвращения и надеется, как надеялась всегда, стать его женой.

Юдифь из Эвро была дочерью двоюродного брата Вильгельма Завоевателя. Когда она и Рожер встретились впервые, о браке между нею и младшим и беднейшим представителем весьма скромного рода Отвилей не могло быть и речи; но с тех пор многое изменилось. Между герцогом Вильгельмом и Робертом де Гранменилем, сводным братом и опекуном Юдифь, настоятелем крупного нормандского монастыря Сент-Эвро, вспыхнула жестокая вражда. В результате Роберт бежал с Юдифь, ее братом и сестрой и одиннадцатью верными монахами сперва в Рим, где он пытался искать справедливости у папы, а затем к своим землякам на юг. Роберт Гвискар принял их хорошо. В стремлении ослабить власть греческих монастырей в Калабрии он поощрял создание латинских монашеских общин везде, где это было возможно, и сразу же основал с большими пожертвованиями аббатство Святой Ефимии в Калабрии, хранившее и продолжавшее прославленные литургические и музыкальные традиции[38]. Но у Рожера были свои планы. К этому времени он стал второй по значимости и богатстве фигурой после самого Гвискара. Лишь немногие аристократические семьи Европы сочли бы его теперь неподходящим женихом. Узнав о приезде Юдифь, он немедленно помчался в Калабрию и обнаружил, что она ждет его в маленьком городе Сан-Мартино-д'Агри. Они обвенчались сразу же. Рожер затем отвез ее в Милето, где торжественно отпраздновал свое бракосочетание - при участии в лучших традициях Сент-Эвро большого количества музыкантов. Этот союз, без сомнения, заключался по любви, молодые были очень счастливы, но их медовый месяц оказался коротким. Рожера ждали важные дела, и в начале нового года, "не тронутый слезными мольбами жены", он оставил ее в Милето и вернулся на Сицилию.

1062 г. начинался хорошо, но не оправдал возлагавшихся на него надежд. После военной кампании, длившейся более месяца и прибавившей к нормандским владениям только город Петралию, Рожер вернулся на материк, решив разрешить раз и навсегда некую семейную проблему, которая уже довольно долго его беспокоила. Герцог Апулии

[38] Это аббатство, в свою очередь, имело много дочерних монастырей в Сицилии, в том числе монастырь Святой Агаты в Катании, ныне преобразованный в кафедральный собор.

вернулся к своим старым трюкам. В 1058 г. он собирался поровну разделить отвоеванные калабрийские земли с братом; с тех пор, однако, обеспокоенный растущим влиянием Рожера и боясь за собственный статус, он отказался выполнить свои обещания. Пока внимание Рожера было сосредоточено на Сицилии, он неохотно, но принимал деньги, которые Роберт предлагал взамен полагавшихся ему владений, но теперь, после свадьбы, обстоятельства изменились. Традиция "утренней выплаты", которая оказалась столь полезной для князя Капуи несколько лет назад, соблюдалась везде в нормандской Италии, и никто не мог помыслить, чтобы важный барон, тем более Отвиль, оказался неспособен вознаградить свою жену и ее семью в соответствии с их рангом и положением. Соответственно, гонцы отправились к герцогу в Мельфи с официальным перечнем требований Рожера и неофициальным предупреждением, что, если брат не пойдет ему навстречу в течение сорока дней, он вынужден будет применить силу.

Так во второй раз за четыре года продвижение нормандцев остановилось, поскольку два их главных предводителя поссорились из-за добычи. Как и в предыдущем случае, причиной раздора послужили не столько амбиции младшего брата, сколько ревность старшего. Рожер разделял слишком многие качества Отвилей, чтобы быть удобным вассалом, но и в 1058-м, и в 1062 г. его требования представлялись вполне обоснованными. Ошибку допустил Роберт. При том что чутье умелого политика в большинстве случаев подсказывало ему верное решение, он терял способность мыслить и действовать здраво, когда ему казалось, что младший брат копает под него или оспаривает его власть. В существующих обстоятельствах в особенности он не должен был ссориться с Рожером. Византийская армия по-прежнему оставалась в Бари и, без сомнения, готовила новое наступление: если Роберт собирался сдерживать ее и одновременно закрепить успех, достигнутый в Сицилии, ему требовался помощник, на чье мужество и твердость он мог бы положиться. Мало того, положение в Сицилии теперь стало еще более серьезным, ибо еще до истечения сорока дней, которые Рожер отпустил для своего ультиматума, пришла весть, что Ибн ат-Тимнах, который вел самостоятельно военные действия на северном побережье, попал в засаду и погиб. Его смерть воодушевила врагов настолько, что нормандские гарнизоны в Петралии и Тройне в страхе оставили свои посты и бежали в панике в Мессину.

В этот момент у герцога Апулии все еще оставалась возможность вспомнить о своих обязанностях и, пока не поздно, положить конец ссоре. Вместо этого он в ярости отправился в Калабрию и осадил Рожера в Милето. События, которые за этим последовали, достойны того, чтобы стать сюжетом для музыкальной комедии или мелодрамы. Эта история подробно изложена у Малатерры и заслуживает того, чтобы пересказать ее здесь. Она ценна не столько тем, что сообщает какие-то важные исторические факты, сколько тем, что она проливает свет на характеры двух необыкновенных людей и показывает, в какой мере девять столетий назад решение вопросов государственной важности зависело от случайностей.

Однажды ночью во время осады Милето Рожер выскользнул тайно из города, чтобы просить помощи в соседнем городке Джераче. Гвискар заметил его и погнался за ним. Жители Джераче, верные Рожеру, закрыли ворота перед герцогом; но позже он, закрыв лицо капюшоном, сумел пробраться в город. Там он направился в дом некоего Василия, верного ему человека, чтобы обсудить с ним, как ему приструнить непокорных. Василий и его жена Мелита, хотя это было очень рискованно, все же попросили своего знатного гостя остаться на обед, но, к несчастью для Роберта, слуга, накрывавший на стол, узнал его и поднял тревогу. В одну минуту у дома собралась разгневанная толпа. Василий в панике попытался спрятаться в ближайшей церкви, но его схватили и растерзали; Мелиту постигла еще более ужасная судьба: ее посадили на кол, и она умерла в мучениях. Роберт, из-за которого случились все беды, остался жив. Он велел людям замолчать, и они послушались его, а когда он заговорил, его дар красноречия проявился в полной мере, благо положение было безвыходным. Своим врагам, объявил он, он хотел бы дать один

совет: ради собственного блага не обольщайтесь, что герцог Апулии сейчас находится в ваших руках. Сегодня фортуна отвернулась от него, но все в этом мире происходит по воле Божией, и завтра они могут поменяться местами. Он, Роберт, пришел сюда добровольно, по собственному почину и без злого умысла; а они, со своей стороны, некогда клялись ему в верности, и он никогда не нарушал своих обещаний. Воистину постыдно, если целый город, пренебрегши клятвой, бросится теперь на одного безоружного человека. Они должны помнить также, что, убив его, навлекут на себя ненависть нормандцев, чьим расположением они до сих пор пользовались. Его соратники жестоко отомстят за его гибель, и гнев их будет столь же ужасен, сколь велик позор, который падет на горожан и их детей, если они убьют своего невинного, любимого и преданного предводителя.

Жители Джераче едва ли поверили Роберту. В течение пятнадцати лет одного звука его имени было достаточно, чтобы заставить крестьян бросить свои поля и запираться в домах, а монахов - спускаться в потайные подземелья, чтобы спрятать сокровища и утварь; поздновато было строить из себя невинную овечку. И все лее его слова произвели впечатление. По мере того как он говорил, толпа постепенно успокаивалась. Наверное, торопиться действительно не стоило. Герцога отвели в безопасное место, и горожане стали думать, как с ним поступить.

Сторонники Роберта, ожидавшие за стенами города, скоро узнали, что произошло. Выбора у них не было. Смирив свою гордость, они отправились к Рожеру и обратились к нему за помощью. Рожеру такая ситуация, безусловно, понравилась. Он знал, что теперь может не беспокоиться о своей безопасности. Жизнь его брата была в его руках, и он мог ставить какие угодно условия. Естественно, он не хотел, чтобы Роберту причинили какой-то вред. При всех их ссорах, он по-своему его любил, уважал его дарования и, главное, нуждался в нем для сицилийской военной кампании. Но он не видел причин, почему бы ему не извлечь все возможные выгоды из создавшегося положения. Торжественно прискакав в Джераче, Рожер повелел всем городским старейшинам собраться на открытом месте за воротами. Старейшины пришли и увидели, что Рожер красен от гнева. Почему, вопрошал он, город не передал его брата немедленно в его руки? Это он, а не они пострадал от двуличия Гвискара, и только он имеет право избрать наказание, которого такое поведение заслуживает. Пусть так называемого герцога передадут ему, иначе горожанам Джераче придется проститься со своим городом и со всеми дворами и виноградниками в округе, ибо наутро все это сровняют с землей.

Бедные горожане были только рады исполнить его повеление. Угроза Рожера позволяла им разрешить неразрешимую ситуацию. Они привели Роберта и быстро передали его в руки брата. Все, затаив дыхание, ждали, что за этим последует. Но Рожер оставил свой показной гнев и бросился к брату с распростертыми объятиями. Они обнялись, как "Иосиф и Веньямин" (фраза Малатерры), проливая слезы радости по поводу своего примирения. Роберт немедленно пообещал удовлетворить все территориальные притязания Рожера, и братья поскакали вместе в Милето. Как показали последующие события, ссора даже теперь не закончилась полностью: герцог, вернувшись к жене и своим воинам, начал жалеть о данном обещании и вскоре борьба возобновилась; но душа его больше к этому не лежала, и вскоре двое величайших Отвилей вновь стали друзьями.

Каким образом Роберт и Рожер поделили Калабрию после этой некрасивой ссоры, до сих пор не ясно. По-видимому, согласно договоренности, все города и замки делились на две сферы влияния, чтобы ни один из братьев не мог использовать их в борьбе против другого. Подобный способ деления свидетельствует о том, что полного взаимного доверия между братьями по-прежнему не было, но разработанная система столь сложна и громоздка, что можно только удивляться, как она вообще работала. И однако, оба брата остались довольны. Определенно, Рожер получил возможность каким-то образом предоставить Юдифь "утреннюю выплату", по праву ей полагавшуюся, а ее родным

имения, соответствующие их новому достоинству. Роберт Гвискар получил урок, за который было заплачено дорогой ценой, но он хорошо его усвоил.

Рожеру ссора с братом также обошлась дорого. Она стоила ему нескольких ценных месяцев для военной камлании, которые следовало бы провести в Сицилии; ибо он смог вернуться на остров только в середине лета 1062 г. В этот раз, вспомнив, как плакала Юдифь, когда он оставлял ее весной, Рожер взял жену с собой. Они сошли на берег вместе с армией из трехсот человек в начале августа и направились сразу к Тройне. Несмотря на позорное бегство нормандского гарнизона после убийства Ибн ат-Тимнаха, город избежал нападения сарацин, и, если Рожер заметил, что греки приветствовали его и его молодую жену более холодно, чем в первый раз, он не придал особого значения этому факту. Все выглядело вполне мирно. Около двух недель Рожер приводил в порядок городские укрепления, после чего оставил Юдифь на попечение нового гарнизона и отправился, наконец, в военный поход, который он так долго откладывал.

Именно этого момента греки Тройны и ждали. Они на своем опыте познали то, что поняли многие их соотечественники и единоверцы на материке в первые годы нормандского владычества: новые хозяева зачастую оказываются хуже старых. Они были более жадны, чем сарацины, и менее разборчивы в средствах. Даже их христианская вера вызывала недоумение: их обряды казались грубыми, язык богослужений - варварским, а молва об их фривольном обращении с местными женщинами разнеслась по всему острову. Жителей Тройны особенно задевало это последнее обстоятельство. Поспешное отбытие первого нормандского гарнизона они восприняли как избавление, но теперь прежний отряд заменили новым, более многочисленным, греки тщательно продумали свой план, и, как только Рожер и его армия удалились на достаточное расстояние, они восстали. Первоначально они хотели захватить Юдифь и, используя ее в качестве заложницы, добиться, чтобы нормандцы покинули город. Но они упустили из вида новый гарнизон, который, в отличие от своих предшественников, сопротивлялся со всем мужеством и решимостью. Целый день на крутых узких улочках города шел бой, а посланцы уже спешили к Рожеру с тревожной вестью.

Рожер, который осаждал Никозию, во весь опор помчался к Тройне, но по прибытии обнаружил, что дела обстоят еще хуже, чем он думал. Увидев возможность избавиться навсегда от нормандских угнетателей, несколько тысяч сарацин из окрестных сел явились в Тройну и присоединились к грекам. При таком количестве врагов у нормандцев не было надежды удержать весь город; Рожер сразу приказал своим воинам отступить и занять несколько улиц, непосредственно примыкающих к цитадели. Нормандцы поспешно возвели баррикады, избрали точки наблюдения, организовали аванпосты. Теперь пришла их очередь выдерживать осаду. И они выдерживали ее четыре месяца - это был, наверное, самый тяжелый период во всей истории нормандцев в Сицилии. Их захватили врасплох, провизии было удручающе мало, и, что хуже всего, на Сицилию вскоре обрушилась зима - самая ранняя и суровая на памяти живших. Тройна расположена на высоте примерно четырех тысяч футов над уровнем моря, у нормандцев не было ни теплой одежды, ни одеял, а в той части города, которая находилась позади их грубо и наспех сработанных укреплений, трудно было найти хоть что-то, годившееся на дрова. Тем не менее они не теряли присутствия духа; Малатерра сообщает, что, несмотря на голод, тяжелый труд и недостаток сна, осажденные всячески подбадривали друг друга, "скрывая печаль и изображая показную веселость в облике и речах". Бедная Юдифь делила с мужем один шерстяной плащ днем и прижималась к нему под тем же плащом ночью, и пыталась, по возможности, держаться; и все же "у нее были только слезы, чтобы утолить жажду, только сон, чтобы заглушить терзавший ее голод". Похоже, при всем ее мужестве, она не была Сишельгаитой.

В начале 1063 г. Рожер понял, что силы осажденных на исходе. Провизии почти не осталось, и его воины были слишком измучены, чтобы переносить холод так же стоически, как вначале. К счастью, сарацины, которые несли ночную стражу у баррикад,

тоже страдали от холода. Правда, у них имелось на этот случай надежное средство, которого так недоставало нормандцам, - терпкое красное вино местного изготовления, запрещенное пророком, но ныне ставшее священным в глазах мусульман из-за своей способности дарить тепло. Оно действительно согревало, но, как донесли нормандские дозоры, сарацины употребляли его во все больших и больших количествах, с другим, более серьезным результатом. Рожер увидел свой шанс. Январской ночью, когда холодный ветер гулял по узким улицам, он подготовил своих людей к решительной атаке. Дождавшись, когда на сарацинских наблюдательных постах воцарится тишина, он тихо перелез через баррикады. Все было так, как он подозревал. Часовые, поддавшись воздействию вина, спали как дети. Рожер быстро позвал своих соратников. Звук их шагов по глубокому снегу не был слышен; греческие и сарацинские передовые позиции были взяты раньше, чем их защитники сообразили, что произошло, и к утру Тройна вновь оказалась в руках нормандцев.

Месть Рожера последовала незамедлительно. Предводителей восстания он повесил сразу, а их соучастников едва ли ожидала лучшая участь. Малатерра не вдается в подробности, предпочитая говорить о том большом празднике, которым нормандцы отметили конец своих мучений. На долю Рожера, Юдифь и их соратников выпали более тяжелые испытания, чем те, что пришлось пережить кому-либо из нормандских предводителей, с тех пор как первые наемники появились на юге. Они выдержали их с честью, благодаря своему мужеству, решительности, и, прежде всего, своей выносливости. Однако они также убедились, сколь ненадежным все еще остается их сицилийский плацдарм.

Глава 12
ЗАВОЕВАНИЕ

Десница Божья дала мне мужество.
Десница Божья меня возвысила.
Девиз Рожера, начертанный на его щите, после битвы при Черами

Всем стало ясно: завоевание Сицилии оказалось более трудной задачей, чем Рожер - или кто-то другой - мог ожидать. Основная проблема Рожера была та же, что и всегда: хроническая нехватка людей. Это не сказывалось в открытом бою; нормандцы показали при Энне и во многих других случаях, что, по крайней мере в гористой местности, их превосходная дисциплина и военное искусство легко компенсируют недостаток численности. Но несколько сот человек не могут находиться везде одновременно, и результаты военных побед вскоре сводились к нулю, если нормандцам не удавалось утвердить политическое господство. К тому времени их сил не хватало даже на то, чтобы контролировать северо-восточную часть острова. Более того, к этому времени прошло около двух лет с начала сицилийской кампании, и элемент внезапности, одно из самых ценных орудий численно меньшей армии, был давно утрачен. Нормандское присутствие в Сицилии поневоле оказывало воздействие на сарацин, и те, избавясь от зловещего влияния Ибн ат-Тимнаха, оставили раздоры перед лицом общего врага. Султан Тимин отправил два войска под командованием своих сыновей Аюба и Али, чтобы помочь сицилийским собратьям сдержать натиск христиан. Пока Рожер боролся за жизнь в Тройне, два молодых принца высадились один в Палермо, другой - в Агридженто и сразу стали готовиться к совместному наступлению.

У Рожера оставалось всего три или четыре сотни воинов, и было не похоже, что Роберт Гвискар, чье внимание было приковано к византийской армии в Апулии, сможет прислать ему большое подкрепление. Еще хуже было то, что нормандцы потеряли в Тройне всех своих лошадей - кони, возможно, составляли основу их рациона в течение четырех месяцев - и теперь Рожеру предстояло в спешном порядке отправиться на

материк за заменой. Наглядным свидетельством того, что Рожер не пожалел усилий, расправляясь с бунтовщиками, служит тот факт, что он решился опять оставить Юдифь в городе в свое отсутствие. Впрочем, она многому выучилась за прошедшие несколько месяцев, и Малатерра с одобрением пишет о том, как она распоряжалась обороной, совершая дневные и ночные обходы всех укреплений, дабы убедиться, что воины бодрствуют и не теряют бдительности. С нашей стороны было бы не по-рыцарски предположить теперь, девять столетий спустя, что причиной этих обходов являлась скорее нервозность, нежели сознательная забота об обороне; но, принимая во внимание предшествующие события, трудно осуждать бедную девочку за то, что она себя чувствовала не очень спокойно.

Ее муж, однако, вскоре вернулся с лошадьми и большим запасом провизии - однако с очень малым количеством людей. Весной 1063 г. Рожер и его племянник Серло - теперь один из способнейших его военачальников и Отвиль до кончиков пальцев, - используя в качестве базы Тройну, вступали в мелкие стычки с сарацинами на всем пространстве от Бутеры на юге до Кальтавутуро на севере. Добыча была хороша, и кладовые Тройны вновь наполнились; но только в середине лета нормандцам представилась возможность помериться силой с основной сарацинской армией, которой теперь командовали недавно прибывшие африканцы. Это войско выступило в Палермо и теперь направлялось на восток под зеленым знаменем пророка на штурм христианских твердынь.

В восьми милях или около того к западу от Тройны в лощине над рекой, носящей то же имя, лежит небольшой город Черами. Реки, казалось, приносили нормандцам счастье; на материке Оливенто, Офанто и Форторе стали красными от крови их врагов, а на Сицилии Диттайно уже видела их триумф. После событий предыдущей зимы Рожер всячески желал избежать новой осады; Черами, с другой стороны, представлял собой восхитительный сборный пункт для его маленькой армии, а также множество удобных наблюдательных позиций, с которых можно было следить за передвижениями врагов в горах напротив. Снова, как при Энне, нормандцы сильно, казалось безнадежно, уступали противнику в численности. Размеры сарацинской армии неизвестны. Малатерра оценивает их в "тридцать тысяч, не считая пеших солдат, которых было неисчислимое множество". Как всегда, он преувеличивает, но армия, собранная по всей Сицилии и усиленная крупными подразделениями из Северной Африки, действительно могла насчитывать несколько тысяч воинов. Против них Рожер мог выставить всего сотню рыцарей и еще тридцать под командованием Серло; если добавить пропорциональное количество пехоты, численность нормандской армии не превышала пяти-шести сотен.

Три дня нормандцы и сарацины наблюдали друг за другом; на четвертый, пишет Малатерра, "наши люди не могли более терпеть столь близкое присутствие врага, не атакуя его, смиренно исповедовались, а затем, веря в милосердие Божие и уверенные, что Он не оставит их, ринулись в битву. Услышав, что сарацины уже атаковали Мерами, Рожер спешно отправил Серло с его тридцатью рыцарями удерживать город сколько возможно, и снова его талантливый племянник блестяще исполнил возложенную на него задачу. Когда чуть позднее Рожер подошел к городу с основной частью войска, он обнаружил, что первый натиск сарацин отбит, и они бегут. Мерами выстоял.

Все это, как хорошо знал Рожер, было только началом. Враг перегруппировался для решающей атаки, и у нормандцев едва хватило времени, чтобы выстроиться в боевой порядок, до того как сарацинская армия пошла в наступление. Не обращая внимания на Серло на фланге, они ударили в центр, где командовал сам Рожер, рассчитывая в стремительной массированной атаке смести нормандцев просто за счет своего численного превосходства. Они в этом почти преуспели, но кое-где нормандцы выстояли. Тем временем Серло поспешил на помощь дяде. Битва длилась целый день, все поле сражения было усеяно изуродованными мертвыми телами. Затем, внезапно, когда опустился вечер, сарацины обратились в бегство; Рожер и его люди неотступно преследовали их до самого

их лагеря. "Нагруженные добычей нормандцы ворвались в шатры магометан, захватили их верблюдов и прочие вещи, обнаруженные в лагере. Затем утром они отправились на поиски двух тысяч пеших воинов, которые искали убежища в горах. Многих из них нормандцы убили, остальных взяли в плен и продали в рабство, запросив за каждого высокую цену. Но вскоре поветрие, распространившееся от гниющих на поле битвы трупов, заставило их вернуться в Тройну"[39].

Для Рожера битва при Мерами имела решающее значение. Теперь нормандцы стали хозяевами во всех землях между Тройной и Мессиной. Хотя в отдельных местностях время от времени вспыхивали бунты, их господство всерьез никогда не оспаривалось. Вновь нормандское войско нанесло сокрушительное поражение сарацинской армии, во много раз превосходившей его по численности.

Но на этот раз битва была более кровопролитной и имела последствия более значимые, чем сражение при Энне за два года до того. Превосходство нормандцев определялось теми же причинами, что и всегда, - сочетанием мужества и воинской дисциплины, неведомой тогда мусульманскому миру, подкрепленным религиозным воодушевлением, которое порождалось их крепнущей верой в то, их ведет сам Господь. К этому моменту они уверовали в свою высокую миссию настолько, что Малатерра смог написать без всякого удивления, что, когда нормандцы скакали на битву при Мерами, к ним присоединился прекрасный юный рыцарь на белом коне, закованный в латы, на его копье развевался белый флажок с сияющим крестом. Вскоре воины поняли, что это святой Георгий явился собственной персоной, чтобы повести воинов Христа к победе; а позднее многие рыцари говорили, что в разгар битвы видели его флажок, развевавшийся на конце копья самого Рожера. После всех этих знамений Рожер повелел отправить богатые дары папе Александру II; и спустя пару недель после битвы римские горожане глазели, разинув рот, на процессию из четырех верблюдов - лучших ездовых животных сарацин, - медленно выступавших по улицам.

Папа Александр II, наверное, порадовался подарку; помимо того что верблюды были экзотикой и зоологической диковиной, они являлись живым доказательством того, что Рожер на его стороне и что он может обращаться к Отвилям за помощью в любой момент, когда это потребуется. У папы было много забот. Новая процедура выбора папы, предложенная Николаем II, дала результат прямо противоположный тому, которого он стремился достичь. Она делала споры по поводу передачи папской кафедры неизбежными, ибо как могла императрица-регентша Агнесса принять любого кандидата, избранного по новым правилам в Риме, не одобрив предварительно саму процедуру. Таким образом, смерть Николая в 1061 г. создала ситуацию еще более запутанную, чем обычно. Снова было два папы, борющихся за престол святого Петра. Притязания Александра выглядели более обоснованными, поскольку его избрание кардиналами-епископами, как всегда, под руководством Гильдебранда произошло в полном соответствии с правилами. Но его соперник, антипапа Гонорий II, избранный Агнессой и поддерживаемый лангобардскими епископами, который, как сурово замечает святой Петр Дамиани, отличался скорее склонностью к женской красоте, нежели качествами, необходимыми для папы, однако имел влиятельных сторонников в Риме и много денег, чтобы подогревать их энтузиазм, и только благодаря военной поддержке Ричарда из Капуи - оказанной по просьбе Гильдебранда - Александр смог занять папскую кафедру. Но и после этого Гонорий не сдался. В мае 1063 г., уже после того, как Агнессу сместили, а имперский совет высказался в пользу его соперника, он сумел на короткое время занять Ватикан и, хотя на следующий год его формально отстранили, держался за свои притязания до самой смерти. В течение этого периода Александр отчаянно нуждался в любой поддержке. В благодарность за верблюдов он послал Рожеру папское знамя, чтобы оно вдохновляло его воинов в будущих кампаниях. Кроме того, он обещал отпущение

[39] Малатерра, II, 53.

грехов всем, кто присоединится к Роберу и Рожеру в их священной войне за освобождение христианской земли от власти язычников. С тех пор не только для нормандцев, но и в глазах всего христианского мира завоевание Сицилии обрело статус крестового похода.

Войны обычно затягиваются на значительно более долгий срок, чем ожидают те, кто их начал. Рожер и его люди, скользя по спокойным водам Мессианского пролива безлунной ночью в мае 1061 г., были не первыми и не последними из воинов, которые, вступая на свои военные корабли, надеялись, что все закончится к Рождеству. Как мы видели, к Рождеству этого года они отвоевали только плацдарм, конец 1062 г., проведенный в бедственном положении в Тройне, отнюдь не располагал к празднованиям. 1063 г. ознаменовался некоторыми успехами, но с приближением третьей осени после начала экспедиции Рожер начал ощущать упаднические настроения, постепенно распространявшиеся среди его соплеменников. За три года военных кампаний они овладели едва ли четвертью острова, и даже этот скромный успех был достигнут в силу необычного везения, сопутствовавшего им в начале похода, и уникального стечения обстоятельств, которые могли никогда не повториться. Если бы они не застали жителей Мессины врасплох, вряд ли осада города дала бы больше результатов, чем попытки взять Энну м Агридженто. Большую часть среди отошедших к нормандцам земель составляли христианские территории, где завоевателей встречали чаще посольства с теплыми приветствиями, а не вооруженные отряды, и, кроме того, нормандцы пользовались покровительством Ибн ат-Тимнаха, который мог им гарантировать отсутствие атак с юга и юго-востока, пока они продвигались во внутренние земли. Незавоеванные территории, напротив, были сплошь мусульманскими. Ибн ат-Тимнах умер; его враг Ибн аль-Хавас, несмотря на тяжелые потери, удерживал Энну, а сарацины сумели - впервые за столетие - наконец объединиться. По мере того как нормандцы уходили в глубь острова, их коммуникации становились длиннее и уязвимее, а недавний опыт доказал, что даже христианам нельзя верить, когда поворачиваешься к ним спиной. Наконец, как обычно, их было очень мало - это обстоятельство приносило им славу в их победах, но с практической точки зрения грозило бедами в будущем. При такой численности они могли завоевывать остров, но никогда не сумели бы утвердить свою власть.

Когда прошло ликование по поводу Черами, Рожер, вероятно, предался этим мрачным размышлениям, и именно они, помимо всех прочих соображений, заставили его категорически отклонить очередное неожиданное предложение. Оно исходило, как ни странно, из Пизы. То ли пизанцам просто надоели постоянные набеги сарацинских пиратов, обосновавшихся на Сицилии, то ли их безошибочное умение держать нос по ветру заставляло их искать сближения с нормандцами в ожидании их неминуемой победы, неизвестно. Пизанские источники того времени, однако, подтверждают рассказ Малатерры, что в августе 1063 г. город послал флот на Сицилию и предложил Рожеру объединиться и совместными силами атаковать с моря и с суши Палермо. Ответ Рожера разочаровал послов. У него были сейчас другие неоконченные дела, и он не мог принять на себя дополнительных обязательств. Не исключено, что позднее нечто подобное можно будет предпринять, но в данный момент пусть пизанцы подождут. Пизанский адмирал попытался уговорить Рожера, но напрасно: Рожер только повторял, что он не готов и что в существующих обстоятельствах он не может рисковать своими людьми. В конце концов, отчаявшись получить помощь от нормандцев, адмирал отплыл с негодованием, чтобы напасть на Палермо самостоятельно. Без поддержки с суши эта попытка была обречена на провал, и пизанцам еще повезло, что они сумели бежать практически без потерь. По словам Малатерры, их единственным трофеем стала цепь, которой палермцы перекрыли вход в гавань. Захватив ее, они, "веря, как истинные пизанцы, что совершили великое дело, немедленно вернулись на родину"[40].

[40] Согласно надписи в Пизанском кафедральном соборе, небольшой отряд пизанцев на самом деле смог высадиться в устье Орето и разорить усадьбы и сады по соседству. Также говорится, что они захватили

Не с легкой душой Рожер отказался от представившейся возможности. Он не питал особой любви к пизанцам, и их попытка вмешаться в его дела, вероятно, ему не понравилась; в то же время возможность получить в свое распоряжение для такой операции хорошо снаряженный флот представляла большой соблазн для честолюбивого и нетерпеливого военачальника. Но к тому времени Рожер, по всей видимости, уже знал о новой кампании, которую Роберт Гвискар планировал на следующий год.

Обстановка в Апулии улучшилась. Бриндизи, Ория и Таранто вновь оказались в руках нормандцев, и герцог получил возможность подумать о Сицилии. Зная это, Рожер, естественно, не хотел рисковать своей небольшой армией в интересах Пизы; значительно лучше было сберечь силы для подготовки к новому массированному наступлению вместе с братом.

В начале 1064 г. Роберт появился в Калабрии с армией примерно в пятьсот рыцарей и тысячу с лишним пеших воинов. Рожер встретился с ним в Козенце, чтобы обсудить будущую военную кампанию. На этот раз они выработали другую стратегию: тратя силы на Энну или внутренние области, отправиться вдоль северного побережья острова к Палермо. Если они овладеют столицей, остальное, даже в такой децентрализованной стране, как Сицилия, приложится. Как всегда, когда командовали Отвили, армия двигалась быстро. Не встретив никакого противодействия, войско Роберта уже через несколько дней после того, как они высадились на сицилийском берегу, добрались до места, которое Гвискар выбрал для лагеря, - на вершине одного из холмов, окружавших Палермо. Его выбор едва не оказался роковым. Сорок шесть лет назад воинам первой нормандской армии в Италии, уцелевшим после битвы при Каннах, пришлось покинуть оборудованный лагерь из-за нашествия лягушек. Это было унизительно, но никому не причинило вреда. Новая напасть, кроме всего прочего, таила в себе угрозу.

Паук-тарантул являлся настоящим бичом южной Италии, особенно в окрестностях Таранто, от которого он и получил имя; но нигде не водились в таком количестве эти злобные твари, как на холме, куда привел свою армию Роберт Гвискар. Укусы сицилийской разновидности тарантула, к счастью, не вызывали того бешеного неконтролируемого телесного возбуждения, которое является основным симптомом отравления, и единственное средство от их яда нашло свое отражение в тарантелле, европейском танце, преследующем чисто медицинские цели. Тем не менее, как указывает Малатерра, последствия были достаточно неприятными.

"Эта таранта - червь, имеющий вид паука, но обладающий жестоким и ядовитым жалом; те, на кого он нападет, мгновенно наполняются ядовитыми газами. Их страдания продолжаются до тех пор, пока газы, которых они не могут далее вмещать, не выходят шумно и неделикатно из их задов, так что, если только не применить горячий компресс или более сильное согревающее средство сразу же, говорят, что самая их жизнь оказывается в опасности".

Подобное начало не предвещало ничего хорошего. Лагерь поспешно перенесли в более спокойное место, но нормандцы получили встряску. Воодушевление их угасло. Конка-д'Оро, могучий горный хребет, обрамляющий Палермо, великолепно защищал город от любого нападения с суши. Каждое перемещение атакующей армии отлично просматривалось из фортов и сторожевых башен, и, даже когда Роберт подошел вплотную к городским стенам, он не сумел найти никакой лазейки. Безнадежная осада продолжалась три месяца. Сарацинские суда спокойно заходили в городскую гавань, и жители Палермо

шесть сарацинских кораблей, пять из которых были, однако, сожжены. Все это может быть правдой. В распоряжении Малатерры, вероятно, не было сведений, полученных от очевидцев событий, и он постарался приуменьшить заслуги пизанцев. Очевидная ложь содержится в Пизанской хронике, где говорится, что пизанцы взяли Палермо и вернулись с такой добычей, что смогли начать строить свой кафедральный собор. Строительство собора действительно началось в 1063 г., но Палермо был взят нормандцами девять лет спустя.

едва ли испытывали хоть какие-то неудобства. Это слишком напоминало ситуацию с Энной, только на этот раз не произошло даже сражения, чтобы утешить гордость нормандцев. В результате Гвискару пришлось второй раз за три года возвращаться со своими обескураженными воинами в Италию, где ситуация в его отсутствие вновь ухудшилась. Он никогда не мог покинуть свои владения надолго. Не считая взятия одного непримечательного города Бугамо, ныне давно несуществующего, поход не дал ничего; даже Агридженто, который Роберт уже без энтузиазма пытался захватить на обратном пути, устоял перед его натиском. Он теперь вынужден был признать, что в лице мусульман западной Сицилии нашел более сильных и решительных противников, нежели все те, с кем он или члены его семьи сталкивались до сих пор - будь то лангобарды, франки или византийцы. В конце 1064 г. стало казаться, что нормандская экспансия достигла своих естественных пределов.

В течение четырех лет нормандская армия в Сицилии походила на корабль, попавший в штиль, - одинокий и лишенный всех движущих сил. Никаких значимых сражений, никаких новых завоеваний, никаких заметных продвижений. Если мы хотим рассказать о достижениях нормандцев в это время, нам следует обратить свой взгляд на север Европы, на побережье Кента и поле Гастингса. Что касается нормандцев в Сицилии, период около 1066 г. - скучнейший в их истории.

Рожер, вероятно, пережил безумное разочарование. Он никогда не переставал теснить врага; но при такой миниатюрной армии, как у него, единственно возможной тактикой явилась тактика коротких вылазок, целью которых было измотать сарацин, заставить их жить в постоянном напряжении, в ожидании внезапного налета или засады. С этой целью он перенес свою временную столицу в Петралию. Этот город нормандцы захватили в 1062 г., и теперь, после того как Рожер перестроил и отремонтировал его каменные укрепления, он идеально подходил на роль военной базы для военных вылазок в окрестности Палермо.

Совершая рейды на север, юг и запад, Рожер заставлял сарацин постоянно быть настороже, но и только. Лишь одно утешало - его противники вновь безнадежно перегрызлись. Ибн аль-Хавас вначале приветствовал прибытие североафриканских армий под командованием Люба и Али, но вскоре после Черами он стал ревниво поглядывать на растущее могущество молодых принцев, и последовавший раздор быстро перерос во всеобщую смуту. При том что у самого Рожера не было сил, чтобы причинить сарацинам серьезный ущерб, он мог, по крайней мере, с удовольствием наблюдать, как они делают все возможное, чтобы уничтожить друг друга.

Для Роберта Гвискара это тоже были бесполезные годы. Он высадился на берег Калабрии после неудавшейся экспедиции в 1064 г. только для того, чтобы разбираться с новым бунтом своих апулийских вассалов. Этот мятеж, более серьезный, чем те выступления, которые ему до сих пор приходилось подавлять, возглавляли Жоселин, властитель Мольфетты, и три его собственных племянника, Гофри из Конверсано и Роберт из Монтескальозо и их кузен Абеляр, которого Гвискар семь лет назад после смерти герцога Хэмфри, его отца, нагло лишил наследства. Эти три молодых человека, сговорившись с византийцами при посредничестве Переноса, герцога Дуррацо, - который щедро снабжал их деньгами и оружием, доставлявшимися через Адриатику, - восстали в апреле 1064 г. вскоре после отбытия Гвискара на Сицилию и за месяцы его отсутствия сметали все на своем пути. Роберт вернулся поздним летом и остановил их продвижение, но, несмотря на все его усилия, бунт продолжал распространяться. В 1066 г. мятежники получили поддержку в лице варягов из Константинополя, и к концу этого года не только Бари, но еще два важных апулийских порта, Бриндизи и Таранто, оказались в руках греков.

В 1067 г. и в Апулии и в Сицилии ситуация, казалось, зашла в тупик. Затем в 1068 г. почти одновременно для Роберта и Рожера появился просвет. По крайней мере для

Гвискара обстоятельства изменились самым неожиданным образом. В течение нескольких лет Византийская империя наблюдала с возрастающим беспокойством за постепенным продвижением на запад турок-сельджуков. В течение жизни одного поколения эти племена, явившиеся из-за Амударьи, покорили Персию и Месопотамию. Багдад, столица Арабского халифата, пал перед турками в 1055 г., та же участь постигла Армению и Киликию, а теперь они двигались неуклонно через Малую Азию к Константинополю. После смерти Константина X в 1067 г. византийцы остались без императора; власть в империи перешла к его вдове, императрице Евдокии. Все, однако, понимали, что перед лицом сельджукской угрозы во главе империи должен стоять военный вождь, поэтому Евдокию спешно и против ее желания заставили выйти замуж за некоего Романа Диогена - если верить Вильгельму из Апулии, получившему это прозвище из-за своей раздвоенной бороды, опытного и храброго каппадокийского военачальника. 1 января 1068 г. Романа провозгласили императором. Новый император направил все усилия на борьбу с турками, полностью забросив итальянские дела. Лишившись внезапно всякой внешней поддержки, взбунтовавшиеся вассалы растерялись и один за другим сдались. К середине февраля только Годфри из Конверсано продолжал сопротивляться. Окопавшись в своей горной крепости Монтепелозо, он держался несколько месяцев, оставленный прежними союзниками - и греками, и нормандцами. Но в июне Гвискар подкупил одного из приближенных Годфри, пообещав ему фьеф, и тот тайно открыл ворота. Армия Гвискара ворвалась в крепость, Годфри, застигнутому врасплох, оставалось только сдаться, предатель получил свой фьеф, и бунт был подавлен.

Удовлетворение, которое должен был испытать Роберт Гвискар, осознав, что апулийская оппозиция подавлена, а его собственная власть восстановлена, было бы еще больше, если бы он знал, что в то время, когда он осаждал Монтепелозо, его брат нанес последний смертельный удар по всему организованному военному сопротивлению в Сицилии. Годом раньше сарацины вновь объединились. Войско под командованием Аюба в конце концов сошлось в жестокой битве с армией Ибн аль-Хаваса, и в этом сражении грозный старый эмир был убит. Аюб объявил себя его наследником и был признан в Агридженто, Энне и Палермо. Это дало ему статус, необходимый для того, чтобы принять командование всеми сарацинскими военными силами. Теперь, когда междоусобицы не нарушали более единство сарацин, Аюб решил при первой удобной возможности спровоцировать нормандцев на открытое столкновение, которого после поражения под Мерами он сам и его соотечественники всячески старались избегать. Летним утром 1068 г. нормандская армия отправилась в очередной набег - в этот раз на земли к югу от Палермо, но около города Мисилмери[41] ей неожиданно преградило путь большое войско сарацин.

Рожера, наверно, удивила столь радикальная перемена в тактике его противников, но не похоже, что он растерялся. Малатерра пересказывает речь, с которой он обратился к своим воинам перед битвой. Улыбаясь, он заявил, что бояться нечего, это те же враги, которых они уже несколько раз побеждали раньше. Что из того, что у сарацин сменился вождь? Их Бог остался прежним, и, если они будут полагаться на Него, как полагались раньше, Он дарует им победу. Впрочем, нормандцам вряд ли нужны были эти ободряющие слова. Военная тактика сарацин вызывала у них презрение, сами они были, в конце концов, Божьими воинами, исполняющими Его замысел, и добыча вновь обещала быть великолепной. Они ждали только сигнала Рожера к атаке.

Все быстро закончилось. Согласно Малатерре, вряд ли хоть один сарацин остался в живых, чтобы принести страшную весть в Палермо. В данной ситуации, однако, этого и не требовалось. Среди боевых трофеев нашелся один, заинтересовавший Рожера не меньше, чем верблюды, захваченные под Черами. Это были корзины с почтовыми голубями. Почтовые голуби широко применялись в классической древности, но подобная практика была забыта в "темные века", и ее, как многие древние искусства и науки,

[41] Во времена арабского владычества город носил имя Менсил-эль-Эмир - "село эмира".

вернули к жизни сарацины. Непохоже, что у Рожера когда-либо раньше были почтовые голуби, но искушение воспользоваться ими в собственных целях было слишком велико. Он приказал, чтобы к лапке каждой птицы привязали лоскут материи, намоченный кровью сарацин, после чего голубей отпустили, чтобы они летели назад в Палермо со своим мрачным грузом. Это была своего рода кульминация той психологической войны, которую Рожер вел на протяжении четырех лет. Результат превзошел все его ожидания. "Воздух, - пишет Малатерра, - оглашали стенания женщин и плач детей, и печаль царила среди них, пока нормандцы радовались своей победе".

Битва при Мисилмери сломила сарацинское сопротивление на Сицилии. Аюб рискнул не только своей армией, но всей своей политической и военной репутацией и проиграл. Собрав своих оставшихся в живых соратников, он вернулся в Африку, чтобы больше не возвращаться. На острове царил хаос, мусульман охватило глубокое отчаяние. Их армия была разбита, вожди погибли или бежали, и у них не осталось никакой надежды противостоять натиску нормандцев. Палермо находился всего в десяти милях от Мисилмери; конечно, они будут защищать его как могут, но надо смотреть правде в глаза - их столица обречена. А когда она падет перед христианами, немногие арабские крепости, оставшиеся на острове, разделят ее участь.

Но Рожер не был готов к тому, чтобы штурмовать столицу. Он не рассчитывал, что горожане сдадутся без борьбы, а его собственное войско, хотя и побеждало в открытых сражениях, едва ли годилось для того, чтобы вести осаду. Кроме того, взятие Палермо означало подчинение всего острова, что, в свою очередь, влекло за собой проблемы контроля и управления, которые он, имея в своем распоряжении несколько сотен людей, не мог разрешить. К счастью, спешить и не требовалось: сарацины были слишком деморализованы, чтобы быстро перегруппироваться. Лучше подождать с дальнейшими наступательными операциями до того момента, когда Роберт наведет порядок в Апулии. И тогда уж они вдвоем возьмутся за сицилийскую проблему всерьез.

Подавив восстание, Роберт Гвискар обошелся со своими взбунтовавшимися вассалами на редкость милосердно. У некоторых были отняты их владения, но большинство - включая Годфри из Конверсано, одного из зачинщиков бунта, остались безнаказанными. Как всегда, у Гвискара имелись на это свои причины: он нуждался в любых союзниках, чтобы нанести последний решительный удар грекам. Византия была озабочена сельджукской угрозой, и это давало Гвискару великолепную и долгожданную возможность уничтожить последние оплоты имперской власти на полуострове. Ныне, когда его собственные затруднения были преодолены, он мог воспользоваться представившимся случаем. Первым делом он призвал всех нормандцев и лангобардов в Италии присоединиться к нему: греки прочно утвердились на полуострове за пять веков оккупации, и даже без поддержки из Константинополя вытеснить их будет не так просто. Затем, не дожидаясь, пока кто-то откликнется на призыв, он со своей армией отправился в Бари.

Столица византийской Лангобардии, штаб-квартира греческой армии на полуострове, самый богатый и неприступный апулийский город, именно Бари должен был стать объектом того решительного удара, который задумал Гвискар. Но герцог Апулии прекрасно понимал, что успешная осада такого города представляет собой серьезную военную операцию, крупнейшую из всех, в каких принимали участие нормандцы за пятьдесят лет своего пребывания в Италии. Старый город стоял на узком мысу, выдающемся на север в Адриатическом море: Роберту предстоял штурм массивных городских стен на суше и полная блокада города с моря. В этом состояла главная сложность. Нормандцы не имели опыта морских сражений. Те суда, которые у них были, использовались главным образом как транспорт, но даже в этих случаях команды кораблей обычно состояли из калабрийских греков. Для греческого населения Апулии море было неотъемлемой частью их жизни. От него зависело их благополучие, оно давало

пищу, защищало, обеспечивало развитие их торговых связей, языка и культуры; и именно поэтому они прославились по всему Средиземноморью как умелые и надежные мореходы. В Бари имелись корабли всех видов, и Перенос из Дураццо при необходимости мог пополнить его флот. Зная за собой такое преимущество, горожане не слишком тревожились.

И всячески это показывали. Прохаживаясь взад-вперед по крепостной стене, они подбрасывали в воздух разные драгоценные вещи из городской сокровищницы, с помощью золотых и серебряных блюд пускали солнечные зайчики в глаза нормандцам, неловко столпившимся в свежевырытых рвах внизу, и смеялись над общеизвестной жадностью Гвискара, приглашая его подняться и взять себе то, что он видит. Но Роберт, рассказывает Малатерра, не оставался в долгу и радостно выкрикивал слова благодарности добрым горожанам за то, что они так хорошо сберегли для него его собственность, уверял, что скоро избавит от этой обузы.

Герцога Апулийского часто недооценивали, ему обычно удавалось быстро развеять это заблуждение. Первой неожиданностью для барийцев стало появление у их берегов нормандских кораблей. Сицилийский опыт и в особенности неудачная попытка осады Палермо, предпринятая четырьмя годами раньше, убедили Роберта в необходимости и важности поддержки с моря. Сразу по возвращении он стал собирать корабли по всему Адриатическому побережью, и, хотя сначала флот предназначался скорее для борьбы против сарацин, нежели против греков, теперь Роберт привел все имевшиеся в его распоряжении суда в Бари. Тогда его морские силы не шли ни в какое сравнение с тем флотом, которым он обладал через несколько лет, но они сделали свое дело. Выстроив корабли в ряд и соединив их большой железной цепью, скованной специально для этого случая, Роберт обнес заграждениями весь мыс, на котором стоял город. Корабли, располагавшиеся на концах шеренги, были пришвартованы к хорошо защищенному пирсу, таким образом воины могли взойти на эти корабли и, переходя с судна на судно, добраться до того звена в цепочке, на которое будет направлена атака. Тем временем нормандская армия расположилась вдоль стен и перекрыла все подходы к городу с суши. К немалому удивлению его жителей, город оказался в кольце. Никакие насмешки больше не доносились с крепостных стен. 5 августа 1068 г. началась знаменитая осада Бари.

Она была долгой и дорого обошлась обеим сторонам. Греческий военачальник Византии сумел каким-то образом проскользнуть через ряды нормандцев и спастись от преследования; он благополучно добрался до Константинополя и убедил императрицу организовать спасательную экспедицию. (Ему повезло, что он прибыл уже после отъезда императора в Малую Азию: Роман, которого нормандцы, находившиеся на расстоянии в семьсот миль, заботили гораздо меньше, чем сельджукские орды у дверей, запросто мог отказать). В начале 1069 г. греческие корабли появились в Адриатике. Нормандцы их перехватили и после первых неудачных попыток все же потопили двенадцать грузовых судов у Монополи; но кордон вокруг Бари не выдержал прямого удара, и несколько кораблей, включая тот, на котором плыл Византии вместе с новым катапаном и выдающимся военачальником Стефаном Патераном, прорвались в гавань, доставив оружие и припасы осажденному городу. Случившееся не только задело гордость нормандцев, но и порождало мрачные сомнения; ведь если они не в состоянии обеспечить полную блокаду, Бари может стоять вечно. Но герцог Апулийский не отступал. Осада продолжалась весь 1069 г. и, несмотря на убийство Византия в июле, весь 1070 г. тоже, Однажды осенью Патеран, забеспокоившись из-за угрозы голода, а также из-за того, что некоторые горожане стали открыто выражать свои пронормандские настроения, задумал, в свою очередь, убить Гвискара. Однажды вечером, когда Роберт обедал в лачуге из бревен и прутьев, которую построили для него у крепостной стены, наемный убийца подкрался и метнул в него отравленное копье через щель в стене. Если верить Вильгельму из Апулии, только жестокая простуда, донимавшая Роберта, которая заставила его в этот самый момент наклонить голову под стол, чтобы откашляться, спасла ему жизнь.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств он остался цел и невредим, но на следующее утро нормандцы начали строить здание из камня, без щелей, чтобы в дальнейшем уберечь своего предводителя от подобных инцидентов.

Зима 1070/71 г. была тяжелой и для осажденных, и для осаждающих - физически и морально. Патовая ситуация сохранялась уже два с половиной года без всякой надежды на скорые перемены. Город получил помощь и мог получить ее вновь; но сейчас съестных припасов оставалось мало. Патеран решил обратиться к Византии с последним отчаянным призывом. Турецкая угроза была, как он знал, все еще велика. Но сам он пользовался некоторым авторитетом в столице, и была надежда, что он сумеет убедить императора Романа, добившегося определенных успехов в последней кампании, выделить часть своих ресурсов для спасения Апулии, пока еще имелась возможность это сделать. Нормандская морская блокада вновь оказалась недейственной: вскоре Патеран спешил в Константинополь.

Роберт Гвискар также хотел сдвинуться с мертвой точки. Его кордон, хотя и выглядел грозно, был практически бесполезен, а на суше городские стены оставались непреодолимым препятствием для его армии. Более того, его огромные осадные башни с удручающей регулярностью оказывались сожжены, всякий раз, как их выкатывали на позицию. Гвискар, судя по всему, преуспел в дипломатии, его главный агент Аргириццо, используя регулярные субсидии из нормандских денег, организовывал бесплатные раздачи пищи беднякам и тем самым (а также всевозможными другими способами) склонил большинство негреческого населения к пронормандским симпатиям; даже греки начинали чувствовать, что дальнейшее сопротивление бесполезно и пора приступить к переговорам. Но подобные суждения не находили отклика у правителей города; они продолжали упорствовать, а помощь из Византии, если бы удалось ее получить, воскресила бы боевой дух. Роберт также нуждался в притоке свежей крови, свежем взгляде и новых идеях для того, чтобы восстановить боеспособность своей армии. Он послал за Рожером.

Рожер прибыл с Сицилии, взяв максимально возможное количество людей и кораблей, в начале 1071 г. Он появился на редкость вовремя. Император Роман, хотя и был занят сельджуками, внял призыву Патерана, и по его приказу в Дураццо немедля стало собираться войско под командованием заклятого врага Гвискара Джоселина, нормандского правителя Мольфетты и главного зачинщика недавнего восстания. Он впоследствии нашел убежище в имперских владениях, где ему даровали титул герцога Коринфского. Патеран возвратился в Бари с этими вестями и велел горожанам внимательно наблюдать за морем и, как только они увидят приближающиеся византийские суда, зажечь сигнальные огни на стенах города, чтобы их спасители могли безопасно и быстро войти в гавань. Но надежда на освобождение от столь долгой осады ударила барийцам в голову. Как напоминает Малатерра, "ничто не приходит достаточно быстро для того, кто ждет", и в ту же ночь, хотя горизонт оставался темным, в воздухе звенели радостные голоса и шум празднеств, а крепостные стены казались охваченными огнем из-за горящих факелов. Осаждавшие сразу поняли, что происходит, и Рожер немедленно увеличил число дозорных, наблюдавших за морем. Так прошло некоторое время, и вот однажды ночью часовые доложили, что видели свет многих фонарей, "сияющих на верхушках матч, подобно звездам". Тотчас Рожер дал приказ своим воинам погрузиться на корабли, и они вышли в море навстречу врагу.

Малатерра уверяет - хотя это кажется неправдоподобным, - что греки приняли нормандские корабли за корабли своих соотечественников, которые вышли, чтобы их приветствовать, и были застигнуты врасплох. Так или иначе, шансы были неравные. Даже большое несчастье, постигшее нормандцев, когда сто пятьдесят воинов, все в тяжелых доспехах, столпились у одного борта корабля, перевернули судно и утонули, не помогло византийцам. Основной удар нормандцы направили на флагманский корабль - его легко было отличить по двум фонарям на мачте, - и вскоре несчастный Жоселин оказался

пленником на судне Рожера, спешившего назад в нормандский лагерь, где его поджидал Роберт Гвискар. Роберт, пишет далее Малатерра, "очень волновался за Рожера... и, когда он услышал, что граф вернулся невредимым и с победой, он не мог в это поверить, пока не увидел его собственными глазами, но затем он разрыдался от радости, убедившись, что его брату не причинено никакого вреда. Рожер тогда нарядил Жоселина в роскошные греческие одежды и передал его в качестве пленника герцогу".

Нормандцы дорого заплатили за свою первую морскую победу, но она была решительной и полной. Из двадцати византийских кораблей, в ней участвовавших, девять было потоплено и ни один не смог проникнуть в залив Бари. Спустя несколько недель, в течение которых горожане постепенно приходили в отчаяние, военачальники, руководившие обороной, поняли, что они не могут держаться дальше. Арджириццо и его последователи захватили одну из главных башен и, не вняв мольбам тех горожан, которые боялись мести нормандцев больше, чем голода, сдали ее Роберту Гвискару; 16 апреля 1071 г. герцог вместе с Рожером проехал триумфально по улицам Бари. К большому удивлению барийцев, с ними обошлись милосердно. Мир был заключен на разумных условиях, и Роберт даже возвратил горожанам часть земель в окрестностях города, ранее захваченных нормандцами. Впрочем, он мог позволить себе проявлять великодушие. Со временем Юстиниана Бари был греческим - иногда столицей большой и процветающей провинции, иногда последним оплотом, чьи византийские знамена реяли в гордом одиночестве над беспокойной и враждебной страной. Но в этот день, в субботу накануне Вербного воскресенья, знамена взвились в последний раз.

Глава 13
ПАЛЕРМО

Восплачьте кровавыми слезами,
О, могила арабского величия.
Некогда эту землю насеяли люди пустыни
И океан был ристалищем для их судов
О, Сицилия - ты слава океана...
Ты была колыбелью мудрости этого народа,
Чей огонь, словно красота, воспламенял мир;
Саади, соловей Шираза, оплакал разрушение Багдада,
Дэг лил кровавые слезы, когда пал Дели,
Когда небеса обрушились на Гранаду,
Печальное сердце Ибн Бадруна рыдало над нею;
Несчастному Икбалу суждено писать элегию о тебе...
Поведай мне о своих горестях, я тоже горюю,
Я пыль того каравана, что направлялся к тебе.
Рацветьте картины минувшего и покажите мне;
Заставьте меня плакать, рассказывая повести ушедших дней.

Икбал Банг-и-Дара

Основное ядро нормандской армии к этому моменту сражалось без передышки более трех лет. Сразу после взятия Монтепелозо, ознаменовавшего конец бунта в Апулии, в Бари начался последний победный раунд борьбы против византийцев. Теперь, после тяжелейшей в итальянской истории осады, завершившейся капитуляцией их старейшего и упорнейшего врага, нормандские воины могли рассчитывать на передышку. Если так, их ждало разочарование. Приближалось лето, а лето для Роберта Гвискара всегда было временем походов и завоеваний. Ему удалось, наконец, восстановить мир в южной Италии, теперь он мог, наконец, заняться Сицилией. Нормандцы разделались с греками, теперь пришла очередь сарацин.

Одним из главных дарований Роберта была способность заражать тех, кто находился под его командованием, собственной энергией и энтузиазмом. Приготовления к

походу начались сразу. Они разительно отличались по масштабу и содержанию от тех, которые предпринимал Роберт, готовя предыдущую сицилийскую экспедицию семью годами ранее, поскольку за это время у нормандцев появился флот. Любопытно было бы проследить за тем, как их предки, жившие в предшествующем столетии, в процессе превращения из викингов во французы полностью и очень быстро предали забвению скандинавские традиции кораблестроения и мореходства. Даже в Нормандии, похоже, не представляли себе те возможности, которые дает сильный флот; а те, кто обосновался в Италии, добирались туда через горы - пешком или верхом – и в течение первых пятидесяти лет на новой родине, похоже, вовсе не выходили в море. Внезапно все изменилось. В Сицилии Роберт и Рожер поняли, что без мощного флота, не уступающего в умениях и дисциплине нормандской сухопутной армии, дальнейшие завоевания невозможны. Опыт Бари доказал, что, имея флот, можно совершить деяния, прежде казавшиеся немыслимыми. В осознании этого факта и новых широких перспективах, которые предоставлял флот, лежит основа величия Сицилийского королевства, которое вскоре было основано.

После взятия Бари Роберт сразу отправил брата в Сицилию, а сам поскакал на юг, в Отранто, где уже начал собираться его флот. Сведения об этом вызвали панику на противоположном берегу Адриатического моря, герцог Перенос в Дураццо стал спешно готовиться к отражению атаки с моря. Но в конце июля пятьдесят восемь полностью снаряженных кораблей, ведомые, как всегда, греками, отплыли в Калабрию. Гвискар со своей армией шел по суше, чтобы по дороге загасить искру бунта в Сквиллаче. Он встретил свой флот неделей позже в Реджо, и оттуда в первые дни августа 1071 г. объединенное войско отправилось в Сицилию.

Рожер поджидал брата в Мессине, чтобы обсудить планы. Первейшая цель нормандцев заключалась, естественно, в том, чтобы с суши и с моря атаковать Палермо, но у Рожера возникла одна побочная идея, которая, как он думал, заинтересует его брата. Речь шла о Катании. В силу своего расположения почти посередине восточного побережья она представляла собой стратегически важный порт, находившийся в пределах досягаемости от Мессины; кроме того, она до недавнего времени была резиденцией Ибн ат-Тимнаха, и ее жители, возможно, все еще сохраняли пронормандские симпатии, так что нормандцы могли рассчитывать на то, чтобы получить ее в свои руки без особых усилий. План Рожера был прост. Он отправится в Катанию, где ему наверняка окажут радушный прием, и попросит разрешения для нескольких нормандских судов зайти в гавань по пути на Мальту. В такой просьбе катанцы вряд ли ему откажут. Роберт приведет флот, который без помех войдет в гавань. А уж после этого захватить город не составит труда.

Это было, наверное, не очень честно, но Рожер знал, что подобное предложение вдохновит Гвискара. План сработал. Катанцы были захвачены врасплох и поняли, что их обманули, только когда сопротивляться было совершенно бесполезно. Они сражались доблестно, но спустя четыре дня вынуждены были сдаться. Нормандцы укрепили Катанию и, оставив там сильный гарнизон, чтобы гарантировать на будущее покорность горожан, двинулись к Палермо. Рожер, которому хотелось увидеться с Юдифь в Тройне, путешествовал по суше с основной частью армии. Роберт не пошел с ним. Хотя он был силен и энергичен, как всегда, ему перевалило за пятьдесят, а путь из Катании в Палермо был долгим и тяжелым, особенно в разгар сицилийского лета. Воспоминания о прошлом наступлении на Палермо все же причиняли боль. Вдобавок кто-то должен был командовать новым флотом. На сей раз он решил странствовать морем.

В середине XI столетия Палермо являлся одним из крупнейших торговых и культурных центров мусульманского мира. Каир, несомненно, превосходил его по размерам, Кордова затмевала его величием; но по красоте окружающего ландшафта, приятности климата и разнообразию всевозможных удовольствий, которые составляют арабский идеал "сладкой жизни", с Палермо не мог сравниться ни один другой город. У нас нет детального описания города, каким он был ко времени взятия его нормандцами, но

в Средние века все менялось медленно, и мы можем положиться на описание, оставленное арабским географом Ибн Хакалем, который посетил Палермо столетием раньше. Он рисует картину оживленного торгового города, гордящегося по меньшей мере тремя сотнями мечетей - самая большая из них прежде была христианским храмом, и в нем, по слухам, находились бренные останки Аристотеля, подвешенные в гробу под крышей, - бесчисленными рынками, меняльными лавками, улицами мастеров и ремесленников и одной из первых бумажных фабрик в Европе[42]. Вокруг раскинулись парки и сады с журчащими фонтанами и бегущими ручьями. У нас нет точных сведений о количестве населения, но усердный аббат Деярк, основываясь на утверждении Ибн Хакаля, что в гильдию мясников входило семь тысяч человек, оценивает численность населения Палермо XI в. примерно в четверть миллиона.

Примерно в середине августа Рожер с основными силами нормандской армии подошел к столице. На всем пути он не встретил серьезных препятствий из Катаньи и теперь разбил лагерь в паре миль от города, там, где маленькая речка Орето впадает в море. В этих местах располагались богатые дворцы и увеселительные заведения; здесь, среди садов и апельсиновых рощ, богатые купцы искали отдохновения после жары, шума столицы - и вся обстановка разительно отличалась от кишащей тарантулами вершины холма, где нормандцы расположились семью годами раньше. По-прежнему не встречая никакого противодействия, Рожер и его люди просто брали, что им было нужно, и Аматус с удовольствием описывает, как они поделили "дворцы и все, что нашли в окрестностях города, и отдали самым знатным фруктовые сады, наполненные журчанием ручьев, и даже простые рыцари были одарены по-королевски в этом краю, что являет собой поистине земной рай" (VI, 16).

Нормандским воинам, однако, не пришлось долго наслаждаться этой идиллией. Им довелось вкусить от тех удовольствий, которые ожидали их в будущем и служили стимулом к дальнейшим усилиям, но пока их ждала работа, которую предстояло сделать. Роберт Гвискар с флотом должен был прибыть со дня на день, следовало подыскать удобное место для высадки и обеспечить его безопасность. В устье Орето стояла маленькая крепость, известная как замок Яхьи, которая прикрывала подходы к Палермо с востока и преграждала путь вражеским кораблям, пытавшимся войти в Орето. Она не доставила нормандцам много хлопот. Воины гарнизона, распаленные ядовитыми насмешками Рожера, вышли на бой, и в считанные минуты пятнадцать человек были убиты и еще тридцать взяты в плен. Замок, получивший новое имя - замок святого Иоанна, стал нормандской крепостью, а вскоре Рожер в качестве благодарственного подношения превратил его в церковь[43].

Герцог Апулийский благополучно привел свой флот и дал приказ о немедленном наступлении. Суда должны были перекрыть вход в гавань; сухопутное войско образовало огромную дугу - Рожер на левом фланге шел маршем на северо-восток, а Роберт на правом двигался на запад, вдоль побережья - медленно наступая на бастионы города. Палермцы были готовы. К тому времени у них практически не осталось надежды на победу, но они знали, что от их доблести зависит все будущее ислама в Сицилии. Они сражались не за Палермо, но во славу пророка, и, если они погибнут в этих боях, неужели он не вознаградит их пребыванием в раю? Они долго ждали этого момента, укрепляя городские стены и перекрыв все ворота, за исключением двух или трех. На авангард нормандского войска, приблизившийся к укреплениям, обрушился дождь камней и стрел.

---

[42] Бумага была изобретена в Китае в IV в. н. э. Арабы усвоили технику ее изготовления после захвата Самарканда в 707 г., а в первой половине XI п. мавры принесли это знание в Испанию. Отсюда оно пошло на Сицилию. Указ, подписанный Рожером в 1102 г., - старейший датированный бумажный документ в Европе.

[43] В 1150 г. она стала приютом для прокаженных. Ныне она известна как церковь Санта-Джованни-ди-Леббрози, и в саду на восток от нее можно видеть останки старой сарацинской крепости.

В результате не прошло и четырех месяцев после падения Бари, как нормандцам пришлось вести новую осаду - на сей раз ставки были неизмеримо выше. Осада была богаче событиями, сарацины - более мужественные и отчаянные, чем греки, постоянно совершали вылазки или специально открывали ворота, чтобы втянуть осаждавших в ближний бой. Но их мужество им не помогало. Не преуспели они и на море. Роберт Гвискар отказался от старой идеи выстраивать постоянное заграждение из кораблей, перекрывая проход в гавань, поскольку она показала свою непрактичность в Бари; кроме того, в силу топографических особенностей реализовать ее здесь, в Палермо, не представлялось возможным. Вместо этого он сосредоточил большую часть своего флота в устье Орето, повелев капитанам оставаться в полной боевой готовности. Это оказалось мудрым решением. Вильгельм из Апулии рассказывает своим тяжеловесным гекзаметром о том, как однажды - это было поздней осенью 1071 г. - объединенный сицилийский и африканский флот отплыл из Палермо. Роберт сразу приказал всем, кто был под его командованием: нормандцам, калабрийцам, барийцам и пленным грекам - принять Святое Причастие, и только после этого они двинулись навстречу врагу. Сперва битва складывалась не в их пользу, казалось даже, что мусульмане, которые натянули над своими кораблями полотнища красного войлока для защиты от копий и стрел, добьются на море победы, которая на суше всегда ускользала от них. Однако нормандцы постепенно сумели склонить чашу весов на свою сторону, в конце дня уцелевшие сарацинские суда отступили к Палермо со всей скоростью, на которую были способны их уставшие гребцы. Палермцы натянули новую огромную цепь - взамен той, которую пизанцы забрали с собой восемь лет назад, - загородив вход в гавань, но Гвискар не удовольствовался таким трофеем. Каким-то образом нормандские корабли прорвались в порт, и их поджигатели завершили уничтожение сицилийского флота.

В Средние века величайшей опасностью для любого города, оказавшегося в длительной осаде, был голод, и в Палермо он начался быстро. Горы Конка-д'Оро, которые в прошлом часто защищали столицу, теперь выступали в противоположном качестве: они позволяли нормандской армии - большей, чем все прежние, но, вероятно, насчитывавшей менее десяти тысяч воинов - держать под контролем большую территорию, чем было возможно в любом другом случае. Все подходы к Палермо с юга и с востока были перекрыты войсками Рожера, а с западной стороны его патрули, в чьи обязанности входило пресекать любые попытки подвезти к городу припасы, действовали столь же результативно, как и шлюпки Робера на северных рейдах. При таких обстоятельствах нормандцы могли бы спокойно ожидать неизбежной капитуляции города, но у них имелись свои сложности. В декабре прибыли гонцы с убийственной для Роберта новостью: его вассалы опять его предали. Племянник Роберта Абеляр, все еще пестовавший давнюю обиду, воспользовался длительным отсутствием Гвискара, чтобы восстать во второй раз, при содействии своего младшего брата Германа и сеньоров Джовинаццо и Трани, Они получили поддержку Ричарда Капуанского, находившегося тогда в зените власти, Гизульфа из Салерно и, вполне возможно, византийцев. Восстание, начавшееся в Апулии, перекинулось также в Калабрию. Роберт оказался перед жестоким выбором: вернуться сразу, позволив Палермо вновь выскользнуть из его рук, или он должен был остаться на Сицилии до того момента, когда город сдастся и будет заключен мир, рискуя своими итальянскими владениями. Он решил остаться, но не дожидаться, пока болезни и голод в осажденном городе лишат его возможности сопротивляться. Надо было как-то ускорить ход событий.

В центре старого города Палермо лежит квартал Аль-Каср[44] - "Крепость". Он представляет собой скопление базаров и лавочек, теснящихся вокруг большой Пятничной мечети и обнесенных своей собственной стеной с девятью воротами. На рассвете 5 января 1072 г. пехота Рожера атаковала Аль-Каср. Последовавшая битва была долгой и кровавой.

[44] Аль-Каср занимал территорию между нынешними Палаццо-Реал Куаттро-Канти, ограниченную Виз-Порто-ди-Кастро с одной стороны и Виа-дель-Чальзо с другой.

Со всей решимостью отчаяния защитники выбежали из ворот и сами обрушились на нападавших. Вначале благодаря своему большому численному перевесу и боевой ярости они обратили нормандцев в бегство, но в этот момент подоспел Роберт Гвискар со своей кавалерией и спас ситуацию. Теперь уже сарацины обратились в бегство, преследуемые нормандцами. Они могли бы укрыться в городе, но стражи, видя, что не смогут впустить своих воинов, не пропустив их преследователей, захлопнули перед ними ворота. Так храбрейшие из защитников Палермо оказались зажатыми между нормандской кавалерией и неприступными бастионами собственного города. Они сражались, пока не погибли все до одного.

Теперь к стенам подтащили семь огромных осадных лестниц. Нормандцам, толпившимся внизу и уже узнавшим твердость сарацинской стали, они казались дорогами к верной смерти, и никто не хотел идти первым. Наконец, вдохновленный красноречием Роберта, некий Архифред начал взбираться на стену. Двое других воинов последовали за ним. Они благополучно добрались до верха, но в последующей битве на бастионе их щиты были разбиты и они не могли продвинуться далее. Зато им удалось целыми и невредимыми спуститься к подножию стены, чтобы насладиться своей славой. Архифред, по крайней мере, начертал свое имя где-то в уголке на скрижалях истории. Но Аль-Каср так и не был взят.

Гвискар понял, что надо сменить тактику. По числу фигур в тюрбанах, стоявших на крепостных стенах, он понял, что в городе не хватает людей для обороны. Велев Рожеру не ослаблять натиск, он с тремя сотнями отборных воинов отправился на северо-восток. Здесь, между Аль-Касром и морем, располагался новый квартал Аль-Халеса, административный центр Палермо, состоявший главным образом из общественных зданий; здесь находились арсенал, тюрьма, здание, где собирался совет; дворец эмира важно возвышался посередине. Этот квартал также был укреплен, но хуже, чем соседние[45]; теперь, как и предвидел Гвискар, он остался практически без защиты. Снова пошли в ход лестницы, и вскоре нормандские верхолазы, бодрые, хотя и залитые кровью, проникли в город и открыли ворота Роберту и остальным его людям[46]. Но до победы было еще далеко. Защитники крепости, охваченные паникой при известии о вторжении и разгневанные оттого, что дали себя провести, бросились в бой. Началась еще одна жестокая битва; сарацины были бессильны против нормандских мечей, но только в сумерках последние уцелевшие воины отступили по узким устланным телами улочкам, к все еще неприступной темной громаде Аль-Касра.

В эту ночь защитники Палермо поняли, что они проиграли. Некоторые даже теперь хотели продолжать борьбу во имя своей веры, но благоразумие взяло верх, и ранним утром следующего дня делегация знатных горожан явилась к герцогу Апулийскому, чтобы обсудить условия сдачи города. Снова Роберт показал себя великодушным победителем. Он обещал удержать своих воинов от мести и дальнейших грабежей, сохранив горожанам их жизни и собственность. Сам он желал их дружбы и требовал от города только лояльности и выплаты ежегодной дани; в обмен на это нормандцы воздержатся от вмешательства в дела мусульманской религии и не будут препятствовать соблюдению исламских законов.

Невзирая на крестоносный характер всей сицилийской экспедиции - который Гвискар подчеркивал с самого начала, - его терпимость не должна нас удивлять. Он не желал пробуждать в сарацинах враждебность к их новым повелителям. Кроме того, ему нужно было как можно скорее вернуться на материк, и он не хотел затягивать переговоры.

---

[45] Стены проходили по периметру квадрата, ныне образуемого пьяцца дель Калса (все еще сохранившей старое арабское имя), Порта-Феличе, церковью Святого Франциска Ассизского и пьяцца Маджионе.

[46] До недавнего времени ворота, в которые, по свидетельствам источников, вошел Роберт, еще стояли. Они находились за первым алтарем справа в маленькой церкви Святой Марии делла Виттория, прямо на пьяцца дель Спазимо. Но церковь - по непонятным причинам - теперь снесена.

Аль-Каср до сих пор не сдался и грозил доставить нормандцам немало хлопот в течение ближайших дней и даже недель. Кроме того, Роберт не был мстителен по натуре - Годфри из Конверсано и все греческое население Бари могли это подтвердить - и предоставил теперь мусульманам те же права, которыми пользовались христианские общины при господстве мусульман. Тем не менее такая терпимость становилась все более редкой - двадцать семь лет спустя воины Первого крестового похода, войдя в Иерусалим, перерезали всех мусульман, а евреев сожгли в главной синагоге - так что сарацины, вероятно, ожидали более сурового обращения. С тем большим облегчением они, проведя для вида переговоры в течение пары дней, приняли условия нормандцев. Тогда ни они, ни Роберт Гвискар не понимали всей важности заключенного соглашения. Для сарацин Сицилии оно означало потерю политической независимости, но также начало эпохи порядка и мира при твердом, но гуманном и щедром правлении, которого они сами никогда не могли создать; в эти спокойные времена артистические и научные дарования поощрялись и расцветали, как никогда прежде. Для нормандцев оно стало краеугольным камнем их новой политической философии, позволившей им построить государство, которое в следующее столетие являло всему миру пример высокой культуры и просвещения и давшее им мудрость и широту взгляда, которые вызвали зависть цивилизованной Европы.

В январе 1072 г. состоялась официальная церемония вступления герцога Апулийского в Палермо. Его сопровождали брат Рожер, жена Сишельгаита, шурин Ги Салернский, а также все нормандские предводители, которые сражались вместе с ним в военной кампании. Они проехали через город до древней базилики Святой Марии, поспешно освященной, после того как она двести сорок лет использовалась в качестве мечети[47]. Там архиепископ Палермо - который, как пишет убежденный латинянин Малатерра, "будучи пугливым греком, сохранял приверженность христианской религии, насколько мог" - отслужил благодарственный молебен по греческому обряду, и, если верить Аматусу, сами ангелы небесные присоединили свои голоса к голосам паствы.

Главная цель была достигнута, у нормандцев имелись все поводы для радости, тем более что весть о падении Палермо привела к спонтанной капитуляции многих других городов и областей, наиболее важной из которых являлась Мазара на юго-западе. Но покорение острова еще не завершилось: Трапани и Сиракузы продолжали отстаивать свою независимость, не говоря уж о Энне, где молодой Серло в течение шести месяцев изматывали местных властителей постоянными набегами и вылазками, мешая им послать войско на помощь Палермо. Но теперь окончательное примирение стало только вопросом времени. Пока же предстояло решить вопрос о владениях. Это не вызвало особых затруднений. Роберт Гвискар, которому папа Николай уже даровал титул герцога Сицилии тринадцатью годами раньше, провозгласил себя верховным властителем всего острова. Он оставил, однако, под своим непосредственным правлением только Палермо, половину Мессины и половину Валь-Демоне - гористой области на северо-востоке, в завоевании которой он сам принимал участие. Остальные земли были переданы в держание Рожеру, ставшему теперь великим графом Сицилийским, ему же отходило все, что он захватит в будущем; то же правило действовало в отношении двух его главных военачальников Серло де Отвиля и Арисгота Поццуольского.

Серло, увы, не смог воспользоваться данными ему правами. Однажды летом 1072 г. он с горсткой рыцарей попал в засаду около Никозии, у слияния рек Мерами и Сальсо. Сарацинские всадники во много раз превосходили их числом, и Серло понимал, что он сам и его соратники обречены, но они, взобравшись на большой камень, храбро сражались до конца и дорого продали свои жизни. Малатерра утверждает, что сарацины, убившие Серло, вырвали его сердце и съели, надеясь, что к ним перейдет его доблесть, а его голову

[47] Фрагменты этой оригинальной постройки до сих пор можно видеть в часовне для коронаций, примыкающей к нынешнему кафедральному собору.

послали в дар "африканскому царю", дабы засвидетельствовать свою преданность. Когда печальная весть достигла Палермо, Рожер, который знал своего племянника лучше всех и столько раз сражался с ним бок о бок, был неутешен, Роберт, как нам сообщают, "сдерживал слезы, не желая усиливать горе своего брата". Серло был самым любимым и самым храбрым из молодых нормандских рыцарей. Он не успел полностью раскрыть свои блестящие дарования, и даже память его теперь незаслуженно оскорблена. Когда эта книга готовилась к печати (60-е гг. XX в.), бригада наемных рабочих методически разбивала камень, на котором он погиб, - Пьетра-Ди-Серлоне (камень Серло). На поверхности этого камня вырезан большой крест; он возвышался над окружающей его равниной девять веков как монумент храброму рыцарю.

Роберт Гвискар вернулся на материк только осенью. Наиболее правдоподобное объяснение этого факта заключается в том, что, согласно свежим сведениям, поступившим из Апулии и Калабрии, ситуация там была менее серьезной, чем он ранее предполагал, и, похоже, стабилизировалась - подобное предположение кажется наиболее вероятным, если учесть, с какой быстротой он навел порядок в своих владениях в начале следующего года. Во всяком случае, Роберт оставался в Палермо все лето 1072 г., трудясь вместе с братом над постройкой цитаделей - одной в Аль-Касре и другой, меньшей, защищающей вход в гавань в Аль-Халесе, - и формированием нормандской администрации в дополнение к уже существующей сарацинской. Ее главой должен был стать наместник Роберта в Палермо, один из его ближайших соратников, взявший титул эмира. Здесь мы впервые сталкиваемся с примером того, насколько легко нормандцы, обосновавшиеся в Сицилии, принимали местные обычаи, что порождало тот легкий эклектизм, который в итоге придал их новой стране такое своеобразие и силу.

За несколько дней до отъезда герцог собрал всю сарацинскую знать. Осада и взятие Палермо были, сказал он, долгим и дорогим предприятием, которое стоило ему многих денег, а особенно большого количества лошадей. Слушатели поняли направление его мыслей. Не дожидаясь конкретных повелений, которые, как они знали, последуют за этой речью, они преподнесли Роберту свои дары: в том числе золото и лошадей, которые ему требовались; некоторые пошли даже дальше, отправили с ним своих сыновей, чтобы они жили при герцогском дворе в доказательство верности и благорасположения отцов. Итак, в конце 1072 г. нагруженный богатыми подношениями своих новых подданных, в сопровождении своей победоносной армии, которая уже включала представителей всех народов Южной Европы, а теперь пополнилась самыми знатными и благородными из сарацинских юношей, Роберт Гвискар направился назад в Италию. Из всех его достижений завоевание Сицилии было, наверное, самым великим. С первой половины IX в. Сицилия находилась полностью или по большей части в руках мусульман и являлась форпостом ислама, откуда участники набегов, пираты, военные силы постоянно вели наступление на южные бастионы христианства. Задача покорения сарацинской Сицилии, которую не сумели решить две величайшие империи мира по отдельности и совместно за двести пятьдесят лет, была возложена на него, и он ее выполнил, не считая двух последних очагов сопротивления, которые его беспокоили мало, а Европу вовсе не беспокоили, - с горсткой людей едва за десять лет. Наверняка Роберт был доволен, но его радость и гордость стали бы еще больше, если б он мог заглянуть в будущее и оценить, какой важный вклад в историю он внес. Ибо завоевание Сицилии было, вместе с начавшейся реконкистой в Испании, первым предвестьем того мощного наступления христиан на мусульманские владения в Южном Средиземноморье - наступления, которое было одним из отличительных признаков позднего Средневековья и которое вскоре вылилось в колоссальную и в конечном счете пустую эпопею Крестовых походов.

Часть вторая
ПОСТРОЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА

Глава 14
РАСХОЖДЕНИЕ

> Восточная церковь отпала от веры и со всех сторон одолеваема неверными. Я же, куда ни обращу взор... вижу епископов, которые выполняют службу нерегулярно, чья жизнь и речи противны их священническому сану... Нет больше государей, для которых воздать честь Господу важнее собственных целей... а народы, среди которых я живу, - римляне, лангобарды и нормандцы - как я часто им говорю, хуже евреев и язычников.
>
> *Письмо Григория VII Гуго из Клюни*
> *22 января 1075 г.*

Роберт Гвискар больше не вернулся на Сицилию. По призванию он был скорее воин, чем правитель, и, когда территория оказывалась в его руках, он, похоже, терял к ней интерес. В действительности до полного подчинения острова, когда Роберт его покинул в конце 1072 г., было еще очень далеко. Сарацинские эмиры в Трапани на западе и Таормине на востоке и не думали сдаваться, смерть Серло дала новый толчок к сопротивлению во внутренних землях, в то время как южнее линии, соединяющей Агридженто и Катанию, нормандцы еще практически не заходили. Но для Роберта подобные соображения мало что значили. Палермо принадлежал ему: он теперь являлся герцогом Сицилийским не только по титулу, но и на деле. Пришло время вернуться на континент, навести порядок в своих владениях и занять соответствующее его положению место в европейской политике. К счастью, Рожер, кажется, рад был остаться на острове. Он мог на досуге довершить завоевание. Это его займет на какое-то время.

Рожер ничего лучшего не желал. Хотя он не обладал великолепной яркостью Гвискара, он был если не умнее, то по крайней мере чувствительнее брата. Сицилия поразила его воображение с самого начала и в течение десяти лет продолжала его восхищать. Вероятно, он поддался чарам, которыми мусульманский мир часто сковывает нечего не подозревающих северян, но в его восхищении было и нечто большее. Роберт воспринимал Сицилию как еще одну сияющую жемчужину в своей короне, территориальное продолжение итальянского полуострова, к сожалению отделенное полоской воды. Рожер разглядел иные горизонты. Узкие проливы, изолирующие остров от постоянных раздоров южной Италии, предоставляли Сицилии возможность достичь величия гораздо большего, чем все то, чего можно было достигнуть на материке, и давали лично ему, Рожеру, шанс выйти раз и навсегда из-под влияния брата.

Из всех стоявших перед Рожером задач важнейшей была распространить власть нормандцев на весь остров. Это, как он понимал, потребует времени. После отъезда Гвискара у него было совсем мало людей; с несколькими сотнями рыцарей Рожер мог разве что объединить и удерживать уже отвоеванные территории. Ему оставалось полагаться только на собственные дипломатические дарования, чтобы подрывать боевой дух сарацин до тех пор, пока он не иссякнет сам или не ослабеет настолько, что с ним можно будет справиться военными методами. Другими словами, следовало всеми возможными методами поощрять мусульман к тому, чтобы они добровольно приняли новые порядки. К ним следовало относиться терпимо и с пониманием. И подобная политика проводилась в жизнь. Норман Дуглас в "Старой Калабрии" ужасающе клевещет на своих тезок, утверждая, что "сразу после оккупации страны они сровняли с землей тысячи арабских храмов и святилищ. Из нескольких сотен мечетей Палермо ни одна не уцелела". Действия Роберта ничего общего не имели с этой мрачной картиной. Хотя с

первых дней завоевания он старался привлечь на остров итальянцев и лангобардов с материка, сарацин среди его подданных все еще было во много раз больше, чем христиан, и он повел бы себя крайне глупо, если бы стал задевать их без необходимости. Кроме того, поступай он так, как описывает Норман Дуглас, его преемники никогда не сумели бы создать на острове ту атмосферу гармонии и взаимного уважения между представителями разных народов и религий, которая установилась в Сицилийском королевстве в следующем столетии.

Естественно, обеспечение безопасности стояло на первом месте. Налоги были высокими и для христиан и для мусульман и собирались более тщательно, чем в прежние времена. Рожер также ввел, стремясь укрепить свою армию, годичную воинскую повинность, и эта мера едва ли нашла большую поддержку у сицилийцев, чем она находила у обитателей других стран. В отдаленных поселениях и деревнях встречались неприятные прецеденты, когда местные правители в разной степени третировали людей, оказавшихся в их власти. Но как правило - особенно в Палермо и крупных городах - сарацинам, по-видимому, не на что было жаловаться. Те мечети, которые изначально строились как христианские церкви, заново освящались, но остальные оставались открытыми для молящихся правоверных. Исламский закон все еще действовал на уровне местных судов. Арабский признавался как официальный язык наравне с латынью, греческим и нормандским диалектом французского языка. Многие провинциальные эмиры остались на своих постах. Потенциальные смутьяны были смущены, но часто получали "утешительный приз", например в виде земельных владений, чтобы переселить их в другую часть острова, где они не найдут столько последователей. Нигде в Сицилии нормандцы не выказывали такой жестокости, какую они проявляли с такой неприглядной очевидностью при завоевании Англии в тот же период. В результате угрюмое неприятие со стороны сарацин, столь отчетливо ощущавшееся в первые дни после падения Палермо, исчезало по мере того, как Рожер завоевывал их доверие; многие из тех, кто бежал в Африку или Испанию, через пару лет вернулись на Сицилию и продолжали там жить.

Новые христианские подданные также создавали графу проблемы, хотя иного рода. Здесь он столкнулся с глубоким и все более крепнущим разочарованием. Энтузиазм сицилийских греков, поначалу приветствовавших нормандцев как освободителей острова от неверных, быстро угас. Франкские рыцари могли украшать крестом знамена, но многие из них оказались гораздо более грубыми и невежественными, чем мусульмане. Кроме того, они придерживались презренной латинской литургии, крестились слева направо четырьмя пальцами, и, что хуже всего, после захвата Палермо Сицилию наводнили толпы латинских священников и монахов, которые даже приспосабливали некоторые вновь освященные греческие церкви для своих нужд. По всей Европе давнее взаимное неприятие греков и латинян теперь обострилось из-за схизмы, но на Сицилии вражда приняла беспрецедентные и зловещие размеры.

Рожер ясно сознавал опасность. Он не забыл ужасной зимы в Тройне десять лет назад, когда греки выступали заодно с сарацинами против его войска, а он и Юдифь чуть не умерли от голода и холода. Этот жестокий урок научил его, что греческим заверениям в преданности нельзя верить. Он уже дал грекам полные гарантии того, что к их языку, культуре и традициям станут относиться с уважением, но этого оказалось недостаточно. Он должен был помочь им, в том числе и материально, в восстановлении их церкви. Если не считать престарелого архиепископа Палермского, который после изгнания из столицы продолжал исполнять свои обязанности (насколько позволяли его скромные возможности), обосновавшись в соседней деревне Санта-Чириака, православных клириков высшего ранга в Сицилии не осталось. Уцелевшие монастыри увядали и страдали от безденежья.

Со своей обычной проницательностью Рожер понял, каким именно способом проще всего снискать расположение греков. Он выделил средства для ремонта православных церквей и лично сделал богатые пожертвования новому василианскому

монастырю - первому из четырнадцати, которые он основал или восстановил в течение своей жизни. Набрать монахов в новые обители не составило труда. В Калабрии, где Гвискар, папа и сам Рожер (в тех областях, которые принадлежали ему) активно насаждали латинские обряды, греческим клирикам жилось все хуже. Многие из них, без сомнения, были только рады переселиться на Сицилию, где их радушно встречали не только их братья по вере, но и властители, поскольку таким образом увеличивалось число христиан среди их подданных. Рожер ставил только одно условие: сицилийские греки не должны рассматривать в качестве высшей церковной власти патриарха Константинопольского или считать себя подданными императора Византии. В административных вопросах они должны были подчиняться институтам латинской иерархии, которые быстро сформировались на острове. Хотя реально никаких связей между Сицилией и Константинополем давно уже не существовало, признание римского главенства показалось многим грекам горькой пилюлей, однако Рожер старался ее подсластить, щедро раздавая пожалования и привилегии - в некоторых случаях освобождая монастыри и церкви от власти местных епископов[48], - и греческие клирики вскоре смирились с неизбежностью.

Итак, с самых первых дней, как только Роберт Гвискар поручил ему управление всеми нормандскими территориями на Сицилии, Рожер начал закладывать основы многонационального государства, в котором нормандцы, греки и сарацины, в условиях жесткого централизованного правления, могли свободно и мирно жить, следуя своим культурным традициям. В данных обстоятельствах такая политическая линия являлась единственно возможной, но те замечательные успехи, которых Рожер добился на этом пути, обусловлены редким сочетанием выдающихся организаторских способностей с широтой взглядов и многогранностью восприятия, удивительными для человека XI столетия. Он искренне восхищался достижениями мусульманской цивилизации, особенно исламской архитектурой, а его очевидный интерес к греческой церкви одно время заставлял новых православных епископов всерьез подумывать об обращении Рожера в свою веру. Сицилии повезло, и в критический момент своей истории она обрела правителя, чьи личные склонности полностью соответствовали ее нуждам.

Столь удачное совпадение, безусловно, упрощало задачу Рожера, но имелись другие факторы, которые делали ее бесконечно более сложной. Одним из них были постоянные стычки на границах нормандской территории, раздражающие напоминания о том, что ни о каком прочном мире или стабильном процветании не может идти речи, пока добрая треть острова не подчиняется власти нормандского правителя. Другой помехой являлся Роберт Гвискар. Его возможности, сколь бы обширными они ни были, никогда не поспевали за его амбициями, и в последующие годы Рожеру много раз приходилось откладывать свои дела на Сицилии и спешить через пролив на помощь брату.

Как мы говорили, герцог Апулии не торопился возвращаться на материк. Бунт его племянников и их союзников оказался не столь опасным, как он подумал сначала, и Роберт не сомневался, что сумеет его подавить. Последующие события подтвердили его правоту. Он поскакал прямо в Мельфи, где его должны были ждать все верные вассалы, а затем, в начале 1073 г., повел свою армию на восток, к Адриатическому побережью. Трани пал 2 февраля, Корато, Джовинаццо, Бишея и Андрия вскоре разделили его участь, предводители мятежников - Герман и Петр из Трани - попали в плен и были брошены в темницу. В марте Роберт занялся маленьким городом Чистернино. Поначалу герцог натолкнулся на серьезное сопротивление, но он спешил. Чистернино принадлежал его племяннику Петру из Трани. Люди герцога изготовили большой шит из прутьев и привязали несчастного Петра к нему, после чего под прикрытием этого щита двинулись к

[48] Подобная привилегия широко использовалась в православном мире. Монастырь на горе Афон, например, был первоначально независим от патриарха Константинопольского и подчинялся только самому императору, а монастырь Святой Екатерины на горе Синай впоследствии получил статус отдельной, автокефальной церкви.

воротам. Защитники города не могли обороняться, не убив своего сеньора, и сам Петр кричал им, чтобы они сдались. Горожане послушались.

После взятия Чистернино апулийское восстание фактически закончилось. На его подавление ушло три месяца. Последний мятежный гарнизон засел в Канзе[49], где его оставил сам Ричард Капуанский, когда подошла армия Роберта, но в городе уже кончалась вода, гарнизон сдался почти без сопротивления. После триумфального возвращения в Трани Гвискар опять выказал то щедрое великодушие, которое являлось одним из самых подкупающих его качеств. Он не испытывал угрызений совести из-за того, что он сделал с Петром из Трани в Чистернино: его действия дали желаемый результат, а для него цель всегда оправдывала средства. Но он, видимо, счел, что несчастный пленник достаточно пострадал, и вернул Петру все земли и замки, кроме самого Трани.

Милосердие Робера, однако, не распространялось на всех его давних врагов. По отношению к мелкому апулийскому барону он мог проявить великодушие, но Ричард Капуанский представлял серьезную и давнюю угрозу его власти. В течение четырнадцати лет с тех пор, как два предводителя одновременно получили от папы подтверждение своих прав, Ричард расширял и укреплял свою власть в западных областях. Он стал верховным властителем в Кампании и далее далеко на севере, в самом Риме, с ним считались, поскольку он в критической ситуации поддержал папу Александра и Гильдебранда в их соперничестве с антипапой Гонорием. С тех пор, однако, он нарушил свою вассальную присягу и в 1066 г. отправился в поход на Рим, и, хотя тогда тосканская армия вынудила его отступить, он, как было всем известно, по-прежнему поглядывал на городской патрициат. Как и у герцога Апулии, у него возникали трения с вассалами, и годом ранее дело зашло столь далеко, что он обратился к своему сопернику за помощью в подавлении бунта. Роберту пришлось послать ему на подмогу отряд, при том что он не позволял себе разбрасываться людьми. Чуть позднее Гвискар попросил Ричарда о поддержке в палермской экспедиции, тот пообещал прислать сто пятьдесят рыцарей, но они не пришли - вероятно, вместо этого они были посланы на подмогу апулийским мятежникам. По-видимому, он столь своеобразным способом отплатил свойственнику за его былую доброту. Князь Капуи был слишком силен, слишком коварен и слишком опасен. С ним следовало разобраться.

Но удачи последних трех месяцев не могли продолжаться вечно. Занятый в Трани подготовкой к военному походу на Капую, Роберт - чье могучее тело обычно не поддавалось никаким недугам - серьезно заболел. В надежде, что перемена климата исцелит его, он переехал в Бари, но его состояние неуклонно ухудшалось. Сишельгаита, находившаяся, как всегда, при муже, уже не надеялась, что Роберт выживет. Она спешно собрала его вассалов и всех нормандских рыцарей, оказавшихся в ее досягаемости, и заставила их избрать преемником Гвискара своего старшего сына Рожера, прозванного Борса (Кошелек) из-за его привычки считать и пересчитывать деньги. Этот слабый и нерешительный тринадцатилетний мальчик производил такое впечатление, словно детство, проведенное с Робертом и Сишельгаитой, оказалось ему не по силам. Это ощущение было вполне понятным, но не делало его достойным претендентом на титул герцога Апулии, особенно с учетом того, что его старший сводный брат Боэмунд - сын Гвискара от его первой отвергнутой жены Альберады из Буональберго - уже отличился в сражениях и единственный из сыновей Роберта унаследовал все качества Отвилей. Однако Боэмунда не было в Бари, а Сишельгаита была. Ее сын, утверждала она, наполовину лангобард, и лангобарды Апулии охотнее признают властителем его, чем любого чистокровного нормандца. Сишельгаита не слушала никаких возражений, и Рожер Борса был избран при одном голосе против - этот голос принадлежал его кузену Абеляру, все еще помнившему давнюю обиду и заявившему, что он, как сын герцога Хэмфри, должен по праву унаследовать герцогство. Когда вассалы, выполнив свой долг, оставили

[49] Канзу-ди-Пуглиа, расположенную между Мельфи и Барлеттой, не следует путать с Каноссой в Тоскане, которая вскоре займет свое место на скрижалях истории.

могучего вождя, с которым они так долго сражались вместе, не все одинаково горевали, но каждый ясно понимал, что теперь все пойдет по-другому и Апулии суждено занять более скромное место в европейских делах.

И действительно, через несколько дней после их возвращения по домам по всему полуострову, как пожар, разнеслась весть: Роберт Гвискар умер.

Известие достигло Рима к концу апреля, как раз когда город оплакивал другую смерть - смерть папы Александра. На этот раз, по крайней мере, не возникло проблемы с преемником: выбор был слишком очевиден. Архидьякон Гильденбранд почти двадцать лет занимал видные позиции в курии и долгое время был фактически (хотя не формально) ее главой. Когда по тщательно разработанному плану толпа схватила Гильдербранда во время заупокойной службы по Александру, доставила в церковь Святого Петра в Винкуле и там с ликованием провозгласила его папой, это было лишь подтверждением уже существующего положения вещей, а последующие выборы в коллегии кардиналов являлись чистейшей формальностью. Гильдебранда спешно рукоположили в священники - желательное условие для того, чтобы стать папой, которое, видимо, не учли на более ранних этапах его продвижения, - и сразу после этого возвели на престол святого Петра под именем Григория VII.

Из трех великих пап XI в. (Лев IX, Григорий VII и Урбан II) Григорий одновременно наименее привлекательная и наиболее значимая фигура. В то время как два других были аристократами и обладали всеми преимуществами, которые могут дать благородное происхождение и первоклассное образование, Григорий VII происходил из семьи тосканского крестьянина и каждые слово и жест его выдавали скромное происхождение[50].

Лев и Урбан получили папский сан почти без усилий, Гильдебранд достиг высокого положения после долгих и тяжких - хотя со временем все более плодотворных - трудов в курии только благодаря своим необыкновенным способностям и силе воли. Лев и Урбан оба были высокими и очень благообразной наружности, Григорий был низкорослым, смуглым, с брюшком и говорил настолько тихо, что даже римские кардиналы, привыкшие к его сильному местному акценту, подчас с трудом его понимали. У него не было ни святости Льва, ни политического инстинкта и дипломатического чутья Урбана. Григорий не был ни ученым, ни теологом. И все же было в его характере нечто, что позволяло ему неизменно главенствовать невольно и без усилий в любом сообществе, членом которого он являлся.

Его сила заключалась, кроме всего прочего, в целеустремленности. В течение всей жизни его вела одна идея - подчинить весь христианский мир, от императоров до бродяг, римской церкви. Но так же, как церковь должна главенствовать в мире, так и папа должен главенствовать в церкви. Он судит всех, но сам отвечает только перед Богом, его слово не просто закон, но божественный закон. Неподчинение папе равносильно смертному греху. Никогда до тех пор идея верховной власти церкви и папы не выражалась в столь крайней форме, и никогда никто не пытался проводить ее в жизнь с такой твердостью. И все же подобный экстремизм оказался саморазрушительным. Столкнувшись с противниками уровня Генриха IV и Роберта Гвискара, столь же целеустремленными, как он сам, но гораздо более гибкими, Григорий познал на собственном горьком опыте, что его бескомпромиссность, проявлявшаяся даже в тех случаях, когда его принципы не были задеты, легко может привести его к полному краху.

В качестве одного из первых официальных шагов после занятия кафедры папа Григорий направил письмо с соболезнованиями Сишельгаите. Оно не включено в собрание его писем, но версия, приведенная у Аматуса, настолько соответствует всему,

---

[50] Гильдебранд или Хильдепранд - распространенное лангобардское имя. Его отца звали Боницо, что являлось сокращением от имени Бонипаарт, через семь столетий спустя превратившегося в Буонапарте. Наполеон был тоже лангобард по происхождению. У него с Гильдебрандом много общего.

что мы знаем об образе мыслей Григория, что, скорее всего, оно представляет собой подлинный текст. Оно гласит:

"Смерть герцога Роберта, дражайшего сына святой церкви Римской, оставила церковь в глубокой и неисцелимой печали. Кардиналы и весь римский сенат горюют о его смерти... Но, дабы Ваша светлость знала о нашей доброй воле, о глубокой и чистой любви, которую мы питали к Вашему мужу, мы ныне желаем, чтобы Вы известили Вашего сына, что святая церковь с радостью предоставит ему все то, что его отец получил от папы, нашего предшественника".

Это - по всем меркам крайне лицемерное письмо. Григорию не за что было любить Роберта. Герцог не пошевелил пальцем, чтобы помочь папству в недавних бедах, в то время как его брат Годфри и сын Годфри Роберт из Лорителло до сих пор грабили ценные церковные земли в Абрупцо. Однако папа действительно хотел, чтобы преемник Гвискара получил надлежащие образом подтверждение своих прав на титул и земли. Отвили являлись папскими вассалами, и следовало периодически им об этом напоминать. Рожер Борса, по слухам, деликатный и набожный молодой человек, и, возможно, он окажется более податлив, чем его буйный отец. В таких обстоятельствах папа навряд ли обрадовался, когда неделей позже получил ответ на свое письмо не от безутешной вдовы, но от самого Роберта Гвискара, уже почти поправившегося. Роберт был счастлив сообщить папе, а через него кардиналам и сенату, что сообщение о его смерти было безосновательным. Однако, продолжал он жизнерадостно, его очень тронули те добрые слова, которые папа о нем сказал, и ничего более не желает, кроме как оставаться самым преданным слугой его святейшества.

Роберт, наверное, веселился, диктуя свое письмо, но он также хотел нового формального подтверждения своих прав. Во время сицилийской экспедиции благоволение папы послужило лишь для того, чтобы поднять боевой дух армии, но теперь, когда интересы Роберта снова сосредоточились на его итальянских владениях - а возможно, он уже вынашивал планы новых масштабных предприятий за их пределами, - возобновление соглашения с Григорием могло существенно укрепить его власть. Это произвело бы впечатление на его наиболее буйных вассалов, и, что более важно, папа не мог бы отказать Роберту в помощи, если тот ее попросит. Через аббата Дезидерия из Монте-Кассино была назначена встреча между Григорием и Гвискаром на 10 августа 1073 г. в Беневенто.

Затея потерпела полное фиаско. Неизвестно, встретились ли вообще участники переговоров. Для начала возникли серьезные затруднения с протоколом. Папа желал принять Роберта в своем дворце в Беневенто, герцог, очевидно сильно опасаясь покушений, отказался входить в город и предложил, чтобы встреча состоялась вне городских стен - решение, которое Григорий счел неподобающим своему папскому достоинству. Бедный Дезидерий вынужден был выполнять неблагодарную роль посредника между этими двумя решительными и недоверчивыми людьми. Он убеждал и уговаривал то одного, то другого в беспощадном пекле кампанского августа, но, даже если его труды увенчались успехом и герцог с первосвященником в конце концов встретились, это принесло скорее вред, нежели пользу. Единственным результатом стал полный разрыв отношений между ними - и признание обеими сторонами, что союз невозможен и следует предпринять другие шаги.

Есть что-то загадочное во всем этом деле. Переписка между Гвискаром и папой не отличалась искренностью, но внешне была сердечной - даже чрезмерно - и свидетельствовала о готовности обеих сторон к диалогу. Что могло настолько радикально изменить ситуацию? Разрыв нельзя объяснить только подозрительностью Гвискара или гордостью Григория. Возможно, папа выставил в качестве основного условия любого соглашения, чтобы Роберт заставил своих людей - брата и племянника - прекратить

набеги на Абруццо, а герцог заявил, что не может или не желает этого делать. Определенно Григория занимала судьба Абруццо: вскоре он послал страдавшим от грабежей епископа, известного своими жестокими методами; двумя годами он одобрил действия этого клирика, приказавшего ослепить мятежных монахов и вырвать у них языки. Но неизвестно, обсуждался ли вопрос об Абруццо в Беневенто. Все, что мы знаем, это то, что папа, покинув город, отправился прямо в Капую; там он подтвердил права князя Ричарда на его владения и вскоре заключил с Ричардом военный союз против герцога Апулии.

Осенью 1073 г. Григорий в тревоге вернулся в Рим. Несколькими месяцами ранее, вскоре после того, как он стал папой, Григорий получил секретное и срочное послание из Константинополя от нового византийского императора Михаила VII. Восточная империя переживала кризис - самый серьезный за всю ее историю. За два года до этого, когда Роберт Гвискар, взяв Бари, уничтожил последний оплот греческого владычества в Италии, византийская армия под командованием императора Романа IV Диогена потерпела сокрушительное поражение от турок-сельджуков около армянского города Манцикерта. Захватчиками был теперь открыт путь в Малую Азию, а из Малой Азии рукой подать до столицы. Роман попал в плен к сельджукам; их предводитель Альп Арслан вскоре отпустил его на свободу, но по возвращении в Константинополь Роман обнаружил, что его пасынок Михаил сместил его с имперского трона. Он попытался вернуть себе власть, но вскоре понял, что усилия его тщетны, и признал нового императора, получив гарантии личной безопасности. Со своим опытом жизни в Константинополе он мог бы быть умнее. Несмотря на все гарантии, смещенному императору выжгли глаза докрасна раскаленным железом, и через пять недель он умер. Сам Михаил не принимал участия в этих событиях. Этот ученый затворник не имел склонности к политическим интригам и во всем слушался своего наставника и министра, блестящего, но крайне гнусного Михаила Пселла[51]. Вероятно, именно по совету Пселла император Михаил написал папе, умоляя его собрать крепостную армию и спасти восточный христианский мир от ужасной напасти в лице неверных.

На Григория письмо произвело глубокое впечатление. Невзирая на схизму, он считал себя ответственным перед Богом за весь христианский мир. Кроме того, он воспринял это письмо как ниспосланную свыше возможность вернуть византийцев под власть Рима и не хотел упускать ее. Однако он не мог начать крестовый поход на Восток, пока дома ему угрожал Роберт Гвискар и его нормандцы. Их следовало убрать с дороги раз и навсегда. Но как? Григорий не возлагал особых надежд на союз с Ричардом Капуанским, который он заключил в основном для того, чтобы не дать объединиться двум нормандским предводителям. Роберт Гвискар, безусловно, превосходил в могуществе своего соперника, но после трех лет непрекращающегося военного противостояния стало ясно, что ни один из них не сможет окончательно победить другого. На единственного союзника папы на юге Гизульфа из Салерно также рассчитывать не приходилось. Нормандцы уже отобрали у него большую часть территорий, которые некогда делали его княжество самым могущественным на полуострове, а теперь, с приближением зимы 1073 г., его ждала новая неприятность: Амальфи добровольно перешел под покровительство герцога Апулии. Виноват в этом был сам Гизульф. Он так и не простил жителям Амальфи ту роль, которую они сыграли в гибели его отца двадцать один год назад. Хотя у него не хватало сил, чтобы взять город, но он всеми возможными способами отравлял амальфийцам жизнь; много душераздирающих истории ходило о тех несчастных альфийских купцах, которых угораздило попасть в его руки[52]. Когда в 1073 г. герцог

[51] О характере Пселла можно судить по умирающему Роману. Будучи главным зачинщиком переворота и виновником гибели старика, он написал, что Роман получил счастливую возможность претерпеть мученичество, и заявил, что Господь лишил его глаз, ибо счел достойным узреть высший свет.

[52] Аматус рассказывает об одном несчастном страдальце, которого Гизульф держал в ледяной темнице, вырвав сперва правый глаз, а затем каждый день отрубая у него по одному пальцу. Он добавляет,

Сергии Амальфийский умер, оставив малолетнего наследника, его подданные поступили единственно разумным способом. Роберт, естественно, принял их предложение. Он ненавидел своего шурина Гизульфа и давно положил глаз на Салерно - если бы не родственные чувства Сишельгаиты, он нанес бы удар гораздо раньше. Подчинение Амальфи упрощало его задачу - оставалось только выбрать подходящий момент.

Новый и неожиданный успех Гвискара еще больше встревожил папу, и он немедля стал собирать армию. В начале 1074 г. папские посланники отправились из Рима на север к Беатрисе Тосканской и ее дочери Матильде, к мужу Матильды Годфри Горбатому Лотарингскому[53], к Аццо, маркизу Эсте, и Вильгельму, герцогу Бургундии, который должен был передать просьбу папы также графам Раймонду Тулузскому и Амадею Савойскому. Папа ясно выразил свои намерения и разъяснил, в каком порядке он собирается их исполнять. Он всячески подчеркивал, что собирает такую большую армию не для того, чтобы проливать христианскую кровь; он надеется, что само существование подобного войска устранит его врагов. Кроме того, добавлял он, "мы видим еще одну благую цель: как только нормандцы будут покорены, мы отправимся в Константинополь на помощь христианам, которые страдают от постоянных нападений сарацин, и умоляют нас о помощи".

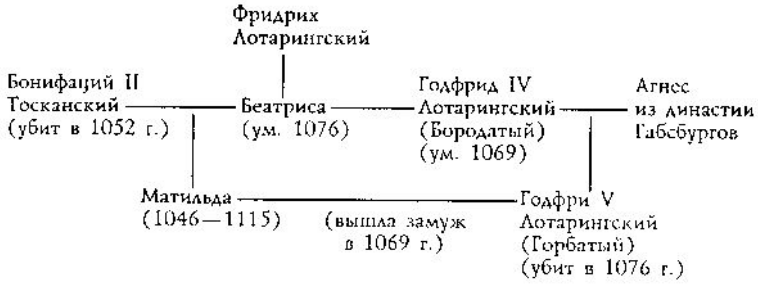
Судя по всему, адресаты этого послания откликнулись быстро. В марте папа смог объявить, что его армия соберется в июне около Витербо и оттуда выступит в поход против герцога Апулии и его сторонников - которых он на всякий случай отлучил от церкви. По мере того как все больше войск собиралось в условленном месте, настроение папы улучшалось, и в начале июня он настолько преисполнился уверенности, что решил дать своему врагу еще один шанс. Повелительно, как всегда, он предложил Роберту встретиться в Беневенто для последнего разговора.

Теперь пришла очередь Гвискара встревожиться. При Чивитате он и его братья вместе с Ричардом из Аверсы успешно разгромили папскую армию, но в те дни нормандцы выступали заодно. Теперь их единство раскололось, поскольку герцог Капуи заключил союз с папой. Роберт и его люди, сражаясь без союзников, должны были действовать осмотрительно. Но в конце концов, еще оставался шанс договориться. Ответ, который он отправил Григорию, был елейно смиренен. Его совесть чиста, он никогда не давал папе повода для обвинений или недоверия, и, конечно, он почтет за честь где угодно и когда угодно предстать перед его святейшеством. После этого в сопровождении большого эскорта - поскольку он по-прежнему не доверял Григорию - Роберт направился в Беневенто.

За его долгую и бурную жизнь Роберту Гвискару часто везло, но никогда ему не выпадало такой удачи, как в тот момент. Три дня он ждал у ворот города - папа не являлся. Как раз тогда, когда Григорий все продумал, и его армия была готова выступить

что императрица Агнеса, которая теперь проводила большую часть времени в южной Италии, лично предлагала сто фунтов золота и собственный палец в придачу в качестве выкупа, но ее мольбы не были услышаны.

[53] Связи между тосканской и лотарингской династиями были весьма запутанными с тех пор, как пасынок Беатрисы стал ее зятем. Они выглядели так:



в поход, в ее рядах вспыхнул раздор. Вина лежала опять-таки на Гизульфе из Салерно. В последние годы его корабли в море практически откровенно пиратствовали. Больше всех, вероятно, страдали амальфийцы, но многим пизанским купцам приходилось не легче. Поэтому, когда войско из Пизы, посланное графиней Матильдой, встретилось с Гизульфом, они не скрывали своих чувств по отношению к нему. Григорий, увидев, что происходит, поспешно отправил князя Салерно в Рим, но было поздно. Армия разделилась на сторонников Гизульфа и пизанцев. В течение нескольких дней все пришло в смятение.

Для папы это оказалось настоящим бедствием, а поскольку дело касалось его отношений с Гвискаром - еще и глубоким личным унижением. Кажется, все было против него. Армия, на которую он возлагал такие надежды, распалась, не сделав ни шага по нормандской территории, крестовый поход, обещанный византийскому императору и потому являвшийся для него делом чести, не мог состояться, и возможность объединить церкви под своей властью ускользала из его рук. Хуже всего было то, что он - наместник Христа на земле - выставил себя дураком перед своими врагами. Но на этом неприятности не кончились. Партия римской аристократии, как всегда недовольная, теперь активно плела против Григория заговор. Папа не знал, что один из его собственных кардиналов, примкнувший к заговорщикам, отправился к Роберту Гвискару и предложил тому императорскую корону в обмен на помощь, но Роберт, сочтя весь план неисполнимым, отказался в нем участвовать. Но даже если бы Григорий знал о происходящем, это не принесло бы ему утешения.

В канун Рождества 1075 г. враги нанесли удар. Папу стащили с алтаря в подземной часовне Святой Марии, где он служил мессу, и доставили в секретную тюрьму. Простые римляне вскоре нашли его и освободили. Григорий получил удовлетворение, лично спасши своего тюремщика от гнева толпы, но весь мир увидел, сколь шатко его положение. И теперь, когда он менее всего был к этому готов, Григорий ощутил первое дуновение величайшего урагана, от последствий которого он полностью так и не оправился. Молодой Генрих IV, король римлян и избранный император Запада, готовился отправиться в Италию, чтобы низложить папу и короновать самого себя императором.

Глава 15
ОТЛУЧЕНИЯ И ИНВЕСТИТУРЫ

> Генрих, не по узурпации, но по священной воле Божией король, Гильдебранду, не папе, но вероломному монаху.
>
> Это приветствие ты заслужил, сеятель вражды, ты, кого проклинают, вместо того чтобы благословлять в каждой святой обители и церкви... Архиепископов, епископов и священников ты попираешь, словно рабов, лишенных воли... Христос призвал нас на трон империи, но не тебя на папский престол. Ты занял его хитростью и обманом, презрев свои монашеские обеты, ты с помощью золота обрел покровителей, с помощью покровителей — войско и с помощью войска — престол мира, и, заняв его, ты нарушил мир...
>
> Я Генрих, милостью Божьей король, со всеми нашими епископами взываю к тебе: пади, пади!
>
> *Письмо Генриха IV папе Григорию. Вормс, 24 января 1076 г.*

Генрих IV вступил на трон Германии незадолго до своего шестилетия. Теперь ему исполнилось двадцать пять. Поначалу его правление обещало мало хорошего: его мать

императрица-регентша Агнесса совершенно не могла держать его в узде, и после буйного детства и порочного отрочества он к шестнадцати годам заслужил такую дурную репутацию, что от его прихода к власти все ждали только бед. Позднее мнение о нем стало меняться, но в течение всей своей несчастной жизни Генрих оставался человеком горячим, страстным и деспотичным. Становясь старше, он все более негодовал по поводу растущего высокомерия римской церкви, а в особенности — по поводу тех реформ, с помощью которых она пыталась лишить императора последних возможностей ее контролировать. Генрих был слишком юн, чтобы воспротивиться декрету Николая II, регулирующему выборы пап, но твердо решил, что эта сепаратистская тенденция не должна развиваться далее. Еще до того, как Гильдебранд занял престол святого Петра, стало ясно, что столкновение между церковью и империей неизбежно. Оно не замедлило произойти.

Местом действия стал Милан. Нигде в Италии стремление клириков освободиться от диктата Рима не проявлялось с такой силой, как в этой старой столице севера, ревностно хранившей собственные литургические традиции на протяжении семи веков, со времен святого Амвросия; и нигде новые римские установления, особенно те, которые касались симонии и безбрачия духовенства, не вызвали столь яростного возмущения догматиков. С другой стороны, в городском муниципалитете теперь главенствовала радикальная левая партия — патарины, — которая, отчасти по убеждениям, отчасти из недовольства тем фактом, что церковь владеет — уже на протяжении долгого времени — такими несметными богатствами и пользуется многочисленными привилегиями, стали фанатичными сторонниками реформы. Ситуация была взрывоопасной даже без вмешательства императора, но в 1072 г. во время спора за вакантное место архиепископа Милана Генрих подлил масла в огонь, официально утвердив в этой должности антиреформистского кандидата, хотя прекрасно знал, что Александр II уже одобрил кандидатуру выбранного согласно каноническому праву патарина. Это был открытый вызов, который церковь не могла игнорировать, и на Великопостном синоде 1075 г. Гильдебранд, к тому времени папа Григорий VII, категорически, под угрозой отлучения запретил и признал недействительными церковные назначения, исходящие от мирян. Разгневанный Генрих немедленно назначил двух новых германских епископов в итальянские епархии и добавил к ним про запас еще одного архиепископа Милана, хотя прежний императорский ставленник был еще жив.

Генрих IV отказался явиться в Рим и ответить за действия, а вместо этого созвал на совет в Ворсе всех германских епископов и 24 января 1076 г. официально лиши. Григория папского престола.

Король давно уже собирался приехать в Рим для имперской коронации, но его ссоры со сменявшими друг друга папами по поводу инвеститур этому препятствовали. После ее вета в Ворсме, однако, он увидел, что его поездка не може более откладываться. Григорий не реагировал на свое смешение с той яростью, которую ему приписали[54], но явно не ее бирался признавать решение совета.

---

[54] Писавшая в те времена, когда кастрация и нанесение увечий были обычными методами расправы в Константинополе, Анна Комнин пишет с патологическим любованием: «Он излил свой гнев на послов Генриха, сперва он их пытал, затем остриг их волосы ножницами, а потом совершил самое неподобающее надругательство, которое превосходит даже дерзость варваров, после чего отправил их вон. Мое женское и княжеское достоинство запрещают мне назвать безобразие, учиненное над ними, поскольку это недостойно не только высокопоставленного священнослужителя, но и любого, кто называет себя христианином. Я испытываю отвращение к этому варварскому обычаю и еще более к самому деянию, и я бы осквернила свое перо и бумагу, описав его яснее, а подтверждением варварской дерзости и того, что время в своем неумолимом движении рождает людей бесстыдных, готовых на любое зло, будет достаточно, если я скажу, что я не могу даже одним словом намекнуть на то, что он сделал. И это деяние высшего священнослужителя. О, справедливость!» (Алексиада, I, 1).

Значит, чтобы император и его совет не стали всеобщим посмешищем, следовало отстранить Григория силой и поставить на его место достойного преемника. Требовалась быстрая и хорошо организованная военная операция, а пока шли приготовления, надо было по возможности лишить папу поддержки в самой Италии. В северных областях это не представлялось возможным: грозная графиня Матильда Тосканская была ревностной поборницей церкви, ее преданность Григорию не вызывала сомнений. На юге, однако, ситуация выглядела более обнадеживающей. В частности, герцог Апулийский, похоже, не питал особой любви к папе. Он легко мог презреть свои феодальные обязательства, если сочтет это выгодным. При условии, что он и его люди согласятся принять участие в общей атаке на Рим, Григорий окажется в безвыходном положении.

О том, насколько важна была для Генриха поддержка Гвискара, можно судить по составу посольства — Григорий, епископ из Верчелли, один из самых твердых противников реформ, и Эберхард, его советник по делам Италии. Они встретились с Робертом, вероятно, в Мельфи в начале 1076 г. и официально предложили ему имперское утверждение всех его владений, может быть, даже упомянули о королевской короне. Но на герцога это не произвело впечатления. Он в данный момент чувствовал себя в безопасности — более того, ему неоткуда было ждать угроз в обозримом будущем. Он наслаждался полной свободой действий в своих владениях и не видел причин рисковать ею, давая Генриху новый повод вмешиваться в политику южной Италии. Его ответ звучал твердо, хотя немного ханжески. Бог даровал ему владения, он, Роберт, отобрал их у греков и сарацин и дорого заплатил за это нормандской кровью. За те небольшие участки его владений, которые когда-либо принадлежали империи, он согласен исполнять вассальный долг перед императором, «соблюдая все обязанности по отношению к церкви» — оговорка, которая, как он хорошо знал, лишала его преданность всякого смысла с точки зрения Генриха. Остальное остается в его руках, как всегда было, по соизволению Всевышнего.

Трудно поверить, что послы приняли за чистую монету утверждения Гвискара по поводу его преданности церкви, но они вернулись нагруженные дарами и довольные успехом. Даже если Роберт не собирался уступать настояниям Генриха, он ни в коем случае не хотел с ним ссориться. Назревало столкновение между двумя самыми могущественными силами Западной Европы. Его исход трудно было предсказать, но одно не вызывало сомнений — грядущая смута открывала перед нормандцами возможности для новых приобретений, которые не стоило упускать. Гвискар спешно отправил гонца к Ричарду Капуанскому. Их постоянные стычки всегда оканчивались ничем и шли во вред им обоим. Все нормандцы должны объединиться, если они хотят извлечь выгоду из приближающегося кризиса. Возможно, двум вождям стоит встретиться, чтобы обсудить спорные вопросы и положить конец вражде?

По дороге в Капую посланник столкнулся с одним из людей Ричарда, отправленным с подобным же поручением. Местом встречи был избран, вероятно, нейтральный Монте-Кас-сино, поскольку мы знаем, что аббат Дезидерий участвовал в ней в качестве посредника. Ему надоело, что земли его монастыря постоянно служат полем битвы, и он давно добивался примирения двух герцогов[55]. Фактически это оказалось не слишком трудно — гораздо легче, чем кошмарные дни переговоров Гвискара и папы три года назад. Ни одна из сторон не могла получить заметных преимуществ за счет другой, и оба участника искренне стремились прийти к соглашению, так что условия были достаточно просты. Оба вождя решили возвратить друг другу то, что ранее отвоевали, и вернуться к прежним границам. После того не осталось никаких препятствий к заключению союза.

---

[55] Шаландон считает (I, 243), что Дезидерий действовал по распоряжению папы. Это кажется неправдоподобным. При существующем положении дел Григорий едва ли обрадовался, обнаружив, что нормандцы вновь объединились, кроме того, он не мог заставить высокопоставленных церковных иерархов вести переговоры с отлученными.

Между тем папа Григорий действовал с обычной энергией. На Великопостном синоде в феврале 1076 г. он лишил всех мятежных епископов их кафедр и внес предложение об отлучении самого короля Генриха. В Германии это произвело сильнейшее впечатление. Со времен Феодосия Великого семью веками раньше ни один царствующий монарх не навлекал на себя проклятия церкви. Эта мера поставила могущественного императора на колени, и ныне нечто подобное угрожало Генриху. Чисто духовный аспект не слишком его беспокоил — эту проблему всегда можно было разрешить длительным покаянием, — но политические последствия были по-настоящему серьезны. Теоретически проклятие не только освобождало всех подданных короля от необходимости подчиняться ему и короне, но также делало их, в свою очередь, отлученными, если они станут иметь с ним дело или исполнять его повеления. Если бы это правило соблюдалось неукоснительно, государство Генриха оказалось бы разрушено и он не смог бы более оставаться на троне. Внезапно король почувствовал себя в изоляции. Он переоценил свои возможности.

Папа, наверное, испытал мрачное удовлетворение, наблюдая, как его противник отчаянно пытается вернуть себе лояльность тех, кто его окружает, но оно, возможно, поумерилось, когда в Рим пришли вести с юга. При том что Роберт и Ричард вновь объединились, позиции Григория в Италии оказались под угрозой. Генрих еще мог выпутаться из своих нынешних затруднений и направиться к Вечному городу, и, если это случится, важно, чтобы нормандская армия выступила на стороне папы. Ситуация, однако, осложнялась тем неприятным фактом, что герцог Апулийс-кий тоже был отлучен. Григорий, болезненно относившийся к любым посягательством на свой авторитет, не собирался делать первый шаг к снятию отлучения, но он мог по крайней мере намекнуть герцогу на подобную возможность. Уже в марте 1076 г. он пишет епископу Ачеренцы, поручив ему дать отпущение грехов графу Рожеру и его людям до их возвращения на Сицилию, добавляя — это, вероятно, и было истинной целью письма, — что, если Ро-жер заговорит о своем брате, он должен вспомнить, что двери церкви всегда открыты для любого истинно раскаявшегося, в том числе для Роберта. Папа готов «принять его с отеческой любовью... освободить его от пут отлучения и числить его по-прежнему среди своих овец Божиих».

Но в южную Италию пришла весна — прекрасное время для военной кампании, — и Роберта занимали иные мысли. Королю Генриху явно пришлось отложить свое путешествие до того времени, когда он вернет себе власть над собственными вассалами, между тем нормандская знать, объединившись, досадовала на то, что ей не удается реализовать свое преимущество. Пришло время герцогу Апулии и князю Капуи обратить свои взоры на Салерно, тем более что князь Гизульф вел себя из рук вон плохо. Сознание собственной беспомощности перед ненавистным зятем еде лало его еще более высокомерным и агрессивным. Он оттолкнул от себя всех союзников одного за другим, а его немногочисленные оставшиеся друзья, включая аббата Дезидерия и даже папу, который не хотел терять своего последнего сторонника в южной Италии, тщетно просили его, в его собственных интересах, быть благоразумным. В какой-то момент сама Сишельгаита, видя, что терпение Роберта скоро лопнет, попыталась привести брата в чувство, но Аматус, предвзято относящийся к Гизульфу, пишет, что герцог впал в безумную ярость и предупредил сестру, что она скоро наденет вдовью вуаль.

Для Гизульфа это был его последний шанс, и он им не воспользовался. В начале лета 1076 г. нормандские палатки раскинулись у стен города, а нормандский флот выстроился в линию у входа в залив. Осада Салерно началась.

Положение Гизульфа было безнадежным с самого начала. В Средневековье осажденные рассчитывали на спасение одним из трех способов. Их могло освободить войско союзников; либо они могли продержаться до того момента, когда осаждающие из-за нехватки припасов или времени снимут осаду и уйдут; кроме того, у них имелась

возможность самим предпринять вылазку и разбить врага в открытом бою. Но у жителей Салерно в 1076 г. не было надежды ни на один из вариантов. Все остальные лангобардские государства в южной Италии уже находились во власти нормандцев, а Гизульф давно настроил против себя своих итальянских соседей. Только папа питал к нему некоторые симпатии, но у папы не было армии, а даже если бы была, он наверняка не горел сейчас желанием ссориться с нормандцами. На второй вариант рассчитывать также не приходилось, поскольку окружающие земли были богаты и плодородны — кроме того, нормандской армии постоянно доставлял припасы собственный флот. Наконец, не было никакой надежды выстоять в открытом бою. Армия осаждавших включала в себя не только самые опытные и наилучшим образом обученные нормандские войска со всего полуострова; их дополняли крупные подразделения, состоявшие из апулийских и калабрийских греков и сарацин с Сицилии — последние с этого момента стали неотъемлемой частью армии Гвискара во всех операциях. Защитники Салерно существенно уступали противнику в численности, а вскоре они начали также голодать.

Долгие годы Гизульф был одной из самых ненавистных фигур в южной Италии, но только теперь темные стороны его натуры проявились во всей полноте. Предвидя нападение нормандцев, он приказал (под угрозой изгнания из города) каждому жителю Салерно запасти провизию в расчете на два года. Для этого не требовалось особой проницательности — всякий мог видеть, что, если Гизульф будет упорствовать в своей оголтелой антинормандской политике, нападение неизбежно последует — но предложенная мера избавляла горожан от проблем с едой в случае осады. Но после того, как враг занял позиции перед стенами города, Гизульф забрал по трети запасов каждого домовладения в собственные кладовые. Позже, не удовлетворившись этим, он послал своих людей реквизировать то малое, что осталось у горожан. В результате начался голод. Вначале, рассказывает Аматус, салернцы ели своих лошадей, собак кошек, но вскоре эта «еда» тоже закончилась. С началом зимы город стал вымирать. Гизульф открыл свои кладовые, но — вновь согласно Аматусу — его подвигла на это более корысть, нежели человеколюбие, поскольку мера пшеницы, еще недавно купленная за три византия, продавалась сорок четыре. Истощенные люди падали замертво на лицах и оставались лежать там, но князь не удостаивал их даже взглядом и бодро шествовал мимо, словно и не он был виноват. Мало кто жаловался, поскольку все знали, что жалобщиков в наказание ослепляли либо калечили каким-либо другим из любимых Гизульфом способов. Если его подданным предстояло погибнуть, они предпочитали тихую смерть.

В таких условиях продолжительное сопротивление было невозможно. Салерно продержался около шести месяцев. Затем 13 декабря 1076 г. изменнику открыли ворота города. Измученный гарнизон, вероятно довольный, что страдания его закончились, сдался без сопротивления, и последнее из великих лангобардских княжеств в южной Италии прекратило свое существование. Гизульф с одним из своих братьев, у которых (в отличие от горожан) еще оставалось достаточно сил и припасов, с небольшим числом сторонников укрылся в цитадели, развалины которой под неточным названием Кастелло-Норманно все еще возвышаются на холме в северо-западной части города. Там князь Салерно продержался до мая 1077 г., но в конце концов ему тоже пришлось сдаться.

Роберт не собирался вести переговоров. Он решил, что с этого времени Салерно станет его столицей. Этот самый крупный и густонаселенный итальянский город к югу от Рима в течение двух столетий был центром прославленного княжества; кроме того, в нем издавна располагалась знаменитая на всю Европу медицинская школа. Он вернет Салерно его древнее величие, и под его рукой город вступит в новый период могущества и процветания, символом которого станет роскошный храм, возведенный по уже продуманному Робертом плану. Потому герцог Апулийский просто потребовал себе все владения Гизульфа и двух его братьев, Ландульфа и Гвемара, и в придачу к ним еще одну вещь. Среди самых драгоценных реликвий Салерно числился зуб святого Матвея, священный, хотя и непривлекательный предмет, на который Роберт уже давно зарился и

который, как он знал, Гизульф взял с собой в цитадель. Теперь он приказал, чтобы князь отдал ему реликвию, однако высохший зуб, который вероломный Гизульф отправил победителю благоговейно завернутым в шелка, принадлежал не евангелисту, а недавно умершему салернскому еврею. Это была неуклюжая ложь. Роберт сразу послал за священником, который хорошо знал, как выглядит подлинная реликвия, и без колебаний объявил новое приобретение Роберта подделкой. Герцог направил Гизульфу послание, припугнув его, что, если он не отдаст подлинный зуб на следующий день, он поплатится за это своими собственными зубами. Князю некуда было деться. Остается только надеяться, что подлинность всех прочих реликвий, которые мы можем благоговейно созерцать в сокровищницах европейских соборов, столь же тщательно проверялась.

Гизульф, покинув Салерно, отправился прямиком в Капую. Роберт Гвискар с обычным для него великодушием представил бывшему князю не только свободу, но также деньги, лошадей и вьючных животных, дабы тот мог ею воспользоваться, но нрав Гизульфа было не так легко смягчить. Он надеялся подорвать единство нормандцев, которое его погубило, посеяв раздор между двумя вождями. Но его постигло разочарование. Ричард Капуанский никоим образом не возражал против того, что Салерно перейдет во владения герцога Апулийского, ибо это было понятно с самого начала. Ричард вовсе не интересовался Салерно. Его помыслы обращались *к* Неаполю — единственному городу, втиснувшемуся между территориями его и Роберта Гвис-кара, который ухитрился сохранить независимость. Роберт пообещал, в благодарность за помощь в наступлении на Гизульфа, поддержать Ричарда при осаде Неаполя, и аппулийский флот действительно уже прибыл и начал последовательную блокаду города. Короче говоря, князь Капуи был очень доволен союзом и немедля отослал прочь незваного гостя. Гизульфу оставалось только отправиться дальше на северо-запад к последнему своему другу — папе.

Григорий VII еще находился в Тоскане, где он наслаждался величайшим, если не единственным, триумфом за время своего неудачного понтификата. Его решение об отлучении Генриха оказалось даже более действенным, нежели он смел надеяться. Германские князья, собравшись в Трибуре в октябре 1076 г., согласились дать своему королю год и день с момента провозглашения отлучения, чтобы получить от папы отпущение грехов. Они назначили сейм в Аугсбурге в следующем феврале. Если к 22-му числу это го месяца отлучение не будет снято, они официально отрекутся от своих обязательств по отношению к Генриху и изберут нового короля на его место. Генриху оставалось только принять их решение. С его точки зрения, могло быть хуже. Все, что от него требовалось, — это покориться папе, и, если такова была цена королевства, он был готов ее заплатить. К счастью, один альпийский перевал — Монт-Се-низ — еще оставался свободен от снега. Генрих с женой и маленьким сыном прошел через него в разгар зимы и пересек Ломбардию и наконец отыскал папу в крепости Каносса, где тот гостил у своей сторонницы, графини Матильды, в ожидании эскорта, который должен был сопровождать его в Аугсбург. В течение трех дней король, как смиренный кающийся грешник, дожидался аудиенции папы, а Григорий — возможно, еще не определивший, что лучше сделать, но, безусловно, смаковавший каждый миг унижения своего противника, отказывался его принять. В итоге папа понял, что у него нет другого выбора, кроме как смягчиться и дать Генриху отпущение.

Авторы детских книжек по истории любят вставлять в свои сочинения рассказ о поездке Генриха в Каноссу, обычно сопровождаемый для большей наглядности олеографией, изображающей короля босого и одетого в рубище, мерзнущего на снегу перед запертыми дверями замка; весь сюжет преподносится как поучительной пример, говорящий о тщете мирских амбиций. В действительности триумф Григория был эфемерным, и Генрих знал это. Его унижение не имело ничего общего с раскаянием. Это был продуманный политический маневр, необходимый для сохранения короны, и Генрих вовсе не собирался исполнять обещания после того, как сиюминутная цель будет

достигнута. Папа тоже не строил иллюзий по поводу искренности короля. Если бы его совесть христианина позволила ему отказать человеку в отпущении грехов, он, без сомнения, с радостью бы это сделал. Он, безусловно, одержал моральную победу; но что толку в победе, после которой побежденный вернулся без тени смущения в свое королевство и развязал там кровавую воину против своих все еще мятежных вассалов, в то время как победитель оставался в тосканском замке, отрезанный от Германии яростной враждебностью лангобардских городов и бессильный вмешаться? Его торжество было сладостным, пока он им упивался, но оставило очень неприятный осадок.

Только в сентябре папа вернулся в Рим. Как всегда, его ждали там дурные новости. Сначала Гизульф поверил о падении Салерно. Затем пришли тревожные сообщения из Неаполя, осажденного армией Ричарда и флотом Роберта. Наиболее серьезной, однако, представлялась ситуация на востоке, где две нормандские армии под командованием племянника Гвискара Роберта из Лорителло и сына Ричарда Жордана вторгались все дальше в церковные земли Абруццо. Но худшее было еще впереди. 19 декабря герцог Апулийский напал на Беневенто. Папа пришел в ярость. Формально город являлся папской территорией со времен Карла Великого, чей дар обрел силу на деле, после того как беневентцы двадцать семь лет назад изгнали своих ничтожных правителей и добровольно перешли под покровительство старого наставника Григория, Льва IX. С этого времени Беневенто стал главным бастионом папства на юге Италии, с собственным папским дворцом, где жили его помощники и приближенные. Это неспровоцированное нападение несло в себе нечто худшее, чем просто объявление войны, это было оскорбление самого престола святого Петра.

Но и этим дело не ограничивалось. Помимо демонстрации своего презрения к папству, Роберт Гвискар, осаждая Беневенто, открыто насмехался над вердиктом папы об отлучении. Подобный же вердикт менее чем за год до этого заставил Генриха IV, наследника короны Западной Римской империи, унижаться в Каноссе, но на этого нормандского выскочку-разбойника отлучение никак не подействовало. Если какое-то воздействие и было, то скорее возбуждающее. Безусловно, жители Салерно, Неаполя, Абруццо — поскольку Роберт из Лорителло и его сторонники подпадали под отлучение, — а теперь и сам Беневенто могли усомниться в могуществе и авторитете церкви. И они имели на это право. У папы не было ни армии, ни достаточного влияния. В его распоряжении оставалось лишь одно оружие. Может быть, Гвискар и его дерзкие соотечественники не услышали его в первый раз. 3 марта 1078 г. папа отлучил их вновь.

В обычных обстоятельствах второй папский вердикт произвел бы не большее впечатление, чем предшествующий, но папа случайно угадал время. Через несколько дней после обнародования папского послания в Капуе князь Ричард заболел; месяцем позже, после исповеди, длившейся одиннадцать часов, и возвращения в лоно церкви, он умер, и расстановка сил в южноитальянской политике переменилась за одну ночь. Ричард, как и Роберт Гвискар, был вассалом папы, и его сын Жордан понял, что не стоит и думать о наследовании отцовских владений и титула, пока он остается под отлучением. Поспешно бросив осаду Неаполя и собственные военные операции в Абруццо, он отправился в Рим, чтобы примириться со своим сюзереном и уверить его в своей вечной преданности.

Роберт Гвискар по натуре не был сентиментален, но известие о смерти свойственника не могло оставить его полностью равнодушным. Они вдвоем прибыли из Нормандии более тридцати лет назад и вскоре достигли вершин власти. По свидетельству многих их подданных, они всегда возглавляли два больших нормандских сообщества на юге, превратив первые поселения в Аверсе и Мельфи в те богатые и могущественные государства, которые теперь возникли на их основе. Как все истинные нормандские бароны, большую часть времени они проводили на войне, но они сражались бок о бок столь же часто, как и лицом к лицу, а если в каких-то случаях обязательства оказывались нарушены или дружба предана — таковы были правила игры, ибо измена и хитрость

являлись неотъемлемой частью жизни, которую они знали. Обиды быстро забывались, каждый трезво оценивал и уважал способности другого, а последние два года они прожили как союзники, очень удачно и легко действуя заодно, что оказалось весьма выгодным для них обоих. Гвискару было теперь шестьдесят два года, для него смерть Ричарда означала конец целой эпохи.

Его решимость и амбиции не уменьшились, планы завоеваний, более дерзкие и масштабные, нежели все, что он осуществил до сих пор, зрели в его голове. Но он чувствовал, что сейчас стоит присмиреть. Молодой Жордан своим нелепым решением отправиться в Рим и покаяться, именно в тот момент, когда все шло хорошо, лишил нормандское наступление его ударной силы и превратил себя в послушное орудие папы. Что мешало Григорию заставить Жордана с его армией, сейчас ничем не занятой, отправиться на помощь Беневенто? Рисковать не стоило. Роберт приказал своим войскам отступить. Беневенто мог и подождать.

Опасения Роберта оправдались. Наконец папа нашел союзника — и, что еще более важно, союзника с армией — и был решительно настроен на то, чтобы извлечь из данного обстоятельства все возможные выгоды. Не прошло и трех месяцев после смерти Ричарда, как Григорий оказался в Капуе. Он, видимо, без труда сумел навязать свою волю молодому князю, одинокому, неопытному и с горечью сознававшему шаткость своего положения перед лицом Гневного и хищного герцога Апулии. Кроме того, папа пока не подтвердил его права на владения. Жордану, наверное, не нравились те предложения, которые делал ему папа, но он г находился не в той ситуации, чтобы спорить.

К счастью для обоих, Роберт Гвискар еще в начале года испортил отношения со своими самыми могущественными вассалами, заставив их оплатить роскошные празднества, которые тот устроил в честь одной из его дочерей и Гуго, сына маркиза Аццо из Эсте. Такие обязательства налагались на вассалов в феодальных обществах севера, но для нормандских баронов в Апулии, многие из которых помнили, как начинал Гвискар, и считали, что он ни на йоту не превосходит их ни знатностью происхождения, ни воспитанием, подобные вопросы показались непростительным высокомерием. Они заплатили, поскольку выбора не было, но, когда Жордан, безусловно по наущению папы и, вероятно, за его счет, стал зачинщиком нового бунта против герцога Апулии, они с готовностью откликнулись на его призыв.

Мятеж был организован хорошо и с размахом, он вспыхнул осенью 1078 г. одновременно в разных областях Калабрии и Апулии и вскоре охватил все владения Роберта Гвискара на материке. Нет необходимости вдаваться в детали. Восстания являлись обычным делом для южной Италии. Роберт никогда не был настолько могуществен, чтобы их предотвратить, и никогда не был настолько слаб, чтобы не суметь с ними справиться. Поэтому все восстания похожи друг на друга. Даже имена зачинщиков — такие, как Абеляр, Годфри из Конверсано или Петр из Трани, — повторялись, во многом благодаря тому, что Роберт редко мстил виновникам. В данном случае Гвискару хватило девяти месяцев, чтобы восстановить свою власть настолько, что он сумел через своего постоянного посредника Дезидерия склонить Жордана заключить сепаратный мир. Жордан практически не участвовал в мятеже, который сам развязал, возможно, его сердце никогда по-настоящему к этому не лежало, и он вскоре пожалел, что так легко подчинился давлению папы. Затем Роберт сосредоточил все свои усилия на Апулии, где после бурной военной кампании зимы 1078/79 г., в которой самым запоминающемся событием стала осада Трани, руководимая Сишельгаитой (сам Гвискар занимался Таранто), смел оставшихся мятежников. За следующее лето герцог Апулии окончательно навел порядок в своих владениях.

Папа Григорий из Рима наблюдал, как рушатся его надежды. Он, посвятивший жизнь служению Богу, провел семь лет своего понтификата в борьбе с окружившими его со всех сторон нечестивцами. Новое отлучение, которое он наложил на Генриха IV, в котором трудно было узнать давешнего кающегося грешника из Каноссы, оказалось гораз-

до менее действенным, чем первое. Его вторжение в Италию с требованием имперской короны представлялось реальной и близкой угрозой. Вновь папский престол оказался в опасности, и вновь, поскольку на Жордана рассчитывать не приходилось, ключевой фигурой являлся Роберт Гвискар. Он, как и Генрих, был дважды отлучен — с той разницей, что в его случае за первым отлучением не последовало раскаяние, — но это не мешало ему утверждать свою власть всякий раз, когда кто-то подвергал ее сомнению. Его позиции только упрочились. Ранее, когда папа задумал сделать герцога Апулийского своим союзником, гордость и старая боязнь потерять лицо помешали ему сделать решительный шаг. Теперь он не мог принять во внимание подобных тонкостей. Если он не договорится с герцогом Апулии, и побыстрее, это сделает Генрих IV, и Григорий окажется папой без кафедры. Уже в марте 1080 г. тон его реляций в этношении нормандцев слегка смягчился, а на Великопостном синоде этого же года он огласил новое предупреждение всем «нападающим на церковные земли и грабящим их», но на сей раз добавил примирительно: если кто-нибудь из поступающих так имеет основания жаловаться на жителей данных территорий, он должен изложить свои претензии местному властителю, а если он все же не добьется : справедливости, то сам может предпринять шаги, чтобы обрести то, что по праву ему принадлежит, — «не путем раз6оя, но так, как приличествует христианину».

Папа на сей раз держал нос по ветру. Весной он поручил Дезидерию начать серьезные переговоры с Робертом Гвискаром. Они прошли успешно, и 29 июня 1080 г. в Чепрано герцог Апулии наконец преклонил колени перед Григорием VII и принес ему клятву верности за все земли, которые он получил в держание от пап Николая и Александра. Вопрос о вновь завоеванных — и спорных — территориях Амальфи и Салерно не был окончательно решен, но это не очень волновало Роберта: его вполне устраивало то, что слова инвеституры подразумевали признание Григорием де-факто новых завоеваний. Прочие формальности можно было отложить на потом. Встреча в Чепрано стала очередной дипломатической победой Гвискара, и обе стороны отлично это сознавали. Григорий, вероятно, понял, насколько неразумно он поступал, отстаивая собственное достоинство в Беневенто семь лет назад, когда его позиции были относительно сильными. Но было слишком поздно заниматься самообвинениями подобного рода. Он нуждался в поддержке Роберта, и ему приходилось платить требуемую цену. Это была его единственная надежда пережить надвигающуюся бурю.

И действительно, в тот момент, когда герцог Апулий-ский во всеуслышание клялся папе в своей покорности и преданности, тучи уже сгущались, хотя ни папа, ни герцог не знали об этом. Четырьмя днями ранее в маленьком городе Бриксене — теперь Брессаноне — немного южнее от перевала Бреннер Генрих IV председательствовал на большом совете германских и лангобардских епископов. С общего согласия присутствующих Григория VII вновь отстранили, а архиепископ Виберто из Равенны под именем Климента III был провозглашен папой вместо него.

Глава 16
ПРОТИВ ВИЗАНТИИ

> О мудрейший и просвещеннейший из людей... Те, кто беседовал с Вами и хорошо Вас знают, высоко отзываются о Вашем уме и благочестии, которое Вы проявляете не только в вопросах веры, но и во всех Ваших делах. Вас характеризуют как человека очень осмотрительного и в то же время деятельного, с натурой простой, жизнерадостной. Потому в Вашем характере и в Ваших привычках я узнаю самого себя и предлагаю Вам чашу дружбы.
>
> *Император Михаил VII Роберту Гвискару*

Роберту Гвискару, скакавшему из Чепрано на юг к своей новой столице Салерно в июльские дни 1080 г., жизнь, должно быть, казалась столь же богатой и сияющей, как места, по которым он проезжал. Во всех его владениях царил мир, и все враги ему покорились. Его апулийские и калабрийские вассалы зализывали свои раны. После их последнего мятежа он обошелся с ними жестче, нежели обычно, и не ожидал более бед с этой стороны. Папа и князь Капуи вели себя одинаково хорошо. Конечно, король Генрих мог появиться в Риме, как он давно грозил, но Роберт не боялся короля Генриха, который был полезен уже тем, что самим своим существованием заставлял папу держаться в надлежащих рамках. Принесенная папе присяга отнюдь не обязывала герцога бить баклуши и ожидать германскую армию, которая могла вовсе не прийти. У него имелись более важные дела, и в шестьдесят четыре года он не мог позволить себе терять время.

Роберт давно мечтал — а за последние два года его мечты оформились в конкретные планы — о большом походе объединенной армии нормандцев на Византийскую империю. Греки были его самым старым и самым упорным врагом. Он вытеснил их из Италии, но даже теперь они не сложили оружие. Все его апулийские вассалы, поднимавшие мятежи, могли рассчитывать на поддержку из Константинополя, в то время как византийская провинция Иллирия, расположенная по другую сторону Адриатического моря, служила неизменным прибежищем и сборным пунктом для всех нормандцев и лангобардов, изгнанных из Италии. Теперь среди них находился его неугомонный племянник Абеляр. Одно это, по мнению Роберта, служило достаточным поводом для карательной экспедиции, но истинные причины лежали глубже.

Фактически все владения герцога на материке были отвоеваны у греков и хранили в себе дух византийской цивилизации. В результате нормандцы внезапно и тесно соприкоснулись с языком и религией, искусством, архитектурой и другими внешними проявлениями культуры более развитой и цепкой, чем все то, с чем они сталкивались в Европе. Всегда восприимчивые к чужеземным влияниям, они немедленно откликнулись. В Апулии, где большую часть населения составляли лангобарды, и влияние, и последствия ощущались слабее, но в Калабрии, где преобладали греческие традиции, нормандские правители сохранили почти все старые административные институты и законы и с большей готовностью перенимали византийские обычаи, нежели вводили свои собственные. После того как папа Николай подтвердил его титул герцога Калабрийского, Роберт Гвискар пошел еще дальше в этом направлении и охотно представлялся новым подданным как преемник василевса, рабски копировал имперские символы власти на своих печатях и даже надевал во время официальных церемоний точное подобие парадного императорского одеяния. У народов, близко знакомившихся с греками, нередко развивался (в том, что касалось культуры) некий комплекс неполноценности: так произошло с римлянами, позднее — с большинством славян, турки не избавились от него по сей день, и даже нормандцы, непобедимые, самоуверенные нормандцы не избежали общей участи. Они знали только одно лекарство — завоевание.

В последнее десятилетие сама Византия все более погружалась в хаос. Враги постоянно угрожали ее границам: венгры и руссы с севера и запада, турки-сельджуки с юга и с востока; а в самом ее сердце сменявшие друг друга неумелые правители и жадные чиновники привели страну на грань политического и экономического краха. Ее древняя слава сохранялась, но ее величие ушло. Никогда за семь с половиной веков ее истории положение Византийской империи не было столь плачевным, как летом 1080 г. Роберт Гвискар, по удачному совпадению, был, как никогда, силен. Константинополь, очевидно беспомощный, ждал его. Армию нужно было занять, то же касалось и флота. Флот, в качестве нового приобретения, все еще развлекал Роберта, но ему надоело использовать корабли для бесконечных блокад. Пришло время доверить им более важную роль и выяснить, что они могут реально сделать. Тридцать пять лет назад Роберт приехал в Италию

— шестой сын безвестного и обедневшего нормандского барона. Трон Восточной империи стал бы достойным завершением его жизненного пути.

События, происходившие в Константинополе в последние несколько лет, могли послужить если не оправданием, то хотя бы извинительным поводом для вторжения. Когда в начале лета 1073 г. император Михаил призывал папу помочь ему в борьбе против неверных, он не счел нужным упомянуть, что состоит также в переписке с герцогом Апулийским. Он написал Роберту несколькими месяцами ранее, в типично византийском витиеватом стиле, но без всякой ложной скромности. Другие властители, объяснял император, считают себя польщенными, если получают случайные заверения в его миролюбивых намерениях по отношению к ним, но герцог, который, как и он, является человеком истово верующим, не должен удивляться тому, что удостоился более пристального внимания императора. Что может быть лучше, чем военный союз, скрепленный браком по любви? Поэтому император предлагал, чтобы Роберт, придя в себя после испытанной великой радости, немедленно приступил к исполнению своих обязанностей союзника империи, к коим относятся защита ее границ, покровительство ее вассалам и непрестанная борьба с ее врагами. Взамен одна из дочерей герцога будет с почетом принята в Константинополе и отдана в жену родному брату императора.

Гискар, должно быть, порадовался, получив это письмо. Невзирая на тон, который он, вероятно, счел скорее забавным, чем обидным, оно свидетельствовало о его крепнущем авторитете. Даже при нынешнем состоянии Византии от брачного союза такого рода, как предлагал Михаил, не следовало так просто отказываться. С другой стороны, Гвискар всегда недолюбливал греков и не желал связываться с ними без необходимости. Поэтому он не ответил на послание. Император, явно удивленный таким равнодушием, предпринял новую попытку; он в своей лести дошел даже до того, что сравнил герцога Апулии с собой самим. Далее следовал панегирик брату, который, оказывается, отличался необычайной мудростью и доблестью и был столь красив, если стоило говорить о таких качествах, что мог бы служить статуей, воплощающей саму империю. Порфирородный, он являлся во всех отношениях идеальным женихом для одной — самой красивой, как император теперь позаботился уточнить, — из дочерей Роберта.

Это письмо было даже интереснее предыдущего, но Гвискар по-прежнему молчал. Только когда в конце 1074 г. прибыло третье послание, он начал проявлять интерес. Михаил пошел еще дальше. Он теперь предлагал герцогу в качестве зятя своего юного сына Константина и намерен был передоверить Роберту сорок четыре высших византийских титула, дабы он распределил их среди членов своей семьи и друзей; каждый титул давал право на получение годового пособия в двести фунтов золотом. Роберт более не колебался. Престолонаследие в Византии было всегда запутанным делом, но, несомненно, порфирородный[56] сын царствующего императора имел хорошие шансы унаследовать трон, а возможность увидеть родную дочь на престоле Византии была не из тех, которые Роберт согласился бы упустить. Предложение о титулах, позволявших главным помощникам герцога открыто получать взятки из Константинополя, вероятно, казалось герцогу не столь заманчивым, но на этот риск стоило пойти. Гвискар принял предложение Михаила, и вскоре несчастная будущая невеста отправилась в Константинополь, чтобы проходить курс обучения в имперской школе, пока ее жених не войдет в брачный возраст. Анна Комнин, писавшая спустя несколько лет[57], по-женски ревниво замечает, что юная Елена — она получила греческое имя, после того как вскоре по прибытии приняла православие, — оказалась далеко не такой красавицей, как надеялся император, а ее предполагаемый супруг боялся предстоящего брака, «как ребенок пугала». Анна сама впоследствии была помолвлена с Константином и страстно влюблена в него, поэтому она едва ли может

[56] Порфирородный — рожденный от царствующего императора. Порфирородность значила больше, чем первородство.

[57] Алексиада, I, 1.

считаться беспристрастным судией. Но остается, тем не менее, жестокое подозрение, что Елена унаследовала пугающую стать своих родителей.

В течение нескольких следующих лет Гвискар, занятый в Италии, не думал всерьез о византийских делах. В 1078 г. Михаил был, в свою очередь, низложен. Михаилу повезло больше, чем его предшественникам, ибо ему позволили уйти в монастырь — для него это была благодатная перемена; в монастырской келье этот книжник, наверное, чувствовал себя намного уютнее, чем в королевских покоях, и через несколько лет сделался архиепископом Эфеса. Его свержение, однако, повлияло на союз с нормандцами; и несчастная Елена также оказалась в монастыре, что, по-видимому, обрадовало ее существенно меньше, чем Михаила. Ее отец воспринял новость со смешанными чувствами. Его надежды стать тестем императора рухнули, с другой стороны, прежнее положение его дочери и ее нынешняя судьба давали ему прекрасный повод вмешаться. К несчастью, бунт Жордана вспыхнул прежде, чем Гвискар сумел предпринять какие-то решительные шаги, но к лету 1080 г., наведя порядок в собственных владениях, он мог всерьез приняться за приготовления. В данном случае задержка пошла ему только на пользу. В Константинополе положение дел неуклонно ухудшалось. Преемнику Михаила, престарелому вояке Никифору Ботаниатесу, не удалось остановить этот упадок, и по всей империи шла гражданская война между местными военачальниками, дравшимися за верховное главенство. Тем временем турки, натравливая оДних на других, быстро упрочили свои позиции и основали так называемый Румский султанат, охватывающий почти всю Малую Азию. В таких условиях хорошо продуманное нормандское вторжение имело все шансы на успех.

«Он призвал всех, включая отроков и стариков, со всей Ломбардии и Апулии к себе на службу. Там были мальчики и дряхлые старцы, которые никогда, даже во сне, не видели оружия, но теперь были облачены в доспехи, несли шиты, натягивали луки самым неискусным и неуклюжим образом и обычно падали вниз, когда им приказывали маршировать... Этот поступок Роберта напоминал безумие Ирода, если не был хуже, ибо последний обрушил свой гнев на младенцев, в то время как Роберт совершал насилие над отроками и старцами»[58].

Так Анна Комнин описывает приготовление Гвискара к войне; и в течение осени и зимы работа продолжалась. Корабли были отремонтированы, армия пополнена, хотя и не столь заметно, как предполагала Анна, и снабжена оружием и снаряжением. Папа Григорий, очевидно вспомнив свою неудачную попытку откликнуться на призыв Михаила семь лет назад, благословил Роберта на эту экспедицию и отпра вил распоряжение всем епископам южной Италии по мере сил поддерживать готовившееся предприятие. Желая воодушевить своих греческих подданных, Роберт даже умудрился отыскать дерзкого и, очевидно, фальшивого православного монаха, который явился в Салерно в разгар приготовлений и объявил себя не кем иным, как императором Михаилом собственной персоной, спасшимся из монастыря и обратившимся к своим отважным союзникам — нормандцам, чтобы они помогли ему вернуться на трон, принадлежавший ему по праву. Никто не воспринимал его особенно серьезно, но Гвискар, притворяясь, что полностью верит в его притязания, выказывал ему необыкновенное почтение в течение последующих месяцев.

Затем в декабре Роберт решил отправить посла в Константинополь. Некий граф Радульф был послан с повелением призвать Ботаниатеса к ответу за его обращение с Еленой, а также попытаться привлечь на свою сторону нормандцев, находившихся на императорской службе. Его миссия успеха не имела. Находясь в городе, он поддался очарованию самого блестящего из молодых византийских военачальников, одного из выдающихся политиков того времени — Алексея Комнина, в то время командовавшего западными армиями. Уже на обратном пути Радульф услышал новость, которая, вероятно,

[58] Алексиада, I, 14.

явилась для него полной неожиданностью: Алексей принудил несчастного старого Ботаниатеса[59] к отречению, поместил его, без особых возражений с его стороны, в монастырь и в Пасху 1081 г. сам был коронован императором.

Радульф застал своего господина в Бриндизи. Гвискар пребывал не в лучшем расположении духа. Папа, испугавшись, что Роберт оставит его без защиты один на один с королем Генрихом, резко изменил свое отношение к экспедиции и стал опять чинить Гвискару препятствия. Для начала он настоял на том, чтобы Роберт оставил ему некоторое количество войск, а теперь старался остановить все предприятие. Гвискар упорствовал. Он сознавал, что его позиции очень сильны. Папа знал, что герцог Апулии получил недавно от Генриха предложение, подобное тому, которое получал в свое время от Михаила: Генрих хотел связать браком своего сына Конрада с дочерью Гвискара; существовала реальная опасность, что папский вассал, получив новое отлучение, перейдет в стан врага, и Григорий не хотел рисковать. Но оставить все как есть тоже было нельзя, и он надоедал Роберту, всячески убеждая его отступить, как раз тогда, когда тому требовалось сосредоточить все силы и внимание на предстоящей кампании.

Доклад Радульфа не способствовал разрешению проблемы. Теперь, когда узурпатор Ботаниатес сам свергнут, говорил Радульф, нет более оснований для военной экспедиции. Новый император Алексей был другом Михаила и долго служил в охране юного Константина, которого он теперь сделал одним из своих приближенных. Алексей хочет дружбы с нормандцами, что до госпожи Елены, она будет при нем в такой же безопасности, как если бы вернулась в Салерно. Более того, продолжал Радульф, он обязан сообщить, что собственными глазами видел бывшего императора Михаила в монастыре и может с полной уверенностью утверждать, что человек, которого Роберт держит при себе и чьим просьбам он придает столько значения на деле жулик и самозванец. Роберту следует прогнать его прочь и направить к Алексею послов с предложениями мира и дружбы. Тогда Елена сможет все-таки выйти замуж за Константина или вернуться в лоно своей семьи; а он, герцог, предотвратит кровопролитие и отпустит воинов и корабельщиков по домам.

Роберт Гвискар был ужасен в гневе, а его бешеная злость на хитроумного Радульфа являла собой устрашающее зрелище. Посланец сказал то, что он менее всего желал услышать. Последнее, чего он хотел сейчас, — это мира с Константинополем. Его великолепно снаряженные войска находились в Бриндизи и Отранто, готовые к отплытию, величайшее из возможных Европе завоеваний ждало его. Роберта больше не интересовал брачный союз с Константином, тем более что тот уже не являлся наследником трона. Еще меньше он хотел возвращения дочери в Италию — у него их было еще шесть, а Елена наилучшим образом служила его целям, оставаясь там, где теперь находилась. Для него уличенный самозванец по-прежнему оставался Михаилом, — жаль, что он оказался таким плохим актером, — а Михаила он считал законным императором. Главное — отплыть прежде, чем Алексей выбьет у него почву из-под ног, вернув Елену, или — еще хуже — король Генрих появится в Риме. К счастью, Роберт уже переправил своего старшего сына Боэмунда с передовыми частями армии через Адриатику. Чем быстрее он присоединится к нему, тем лучше.

Боэмунду теперь исполнилось двадцать семь лет. Он пошел в своего отца — широкоплечий, с румяным лицом и густыми светлыми волосами, которые он коротко стриг в соответствии с модой молодого поколения его соотечественников. Всех поражал его огромный рост, который не скрывала даже легкая сутулость. Рост он также унаследовал от отца: нормандцы и греки по большей части низкорослы, и, если Роберта не было рядом, Боэмунд казался башней среди других рыцарей и их воинов. О его прежней жизни мы знаем мало. Ему было четыре года, когда Гвискар отослал от себя его мать

---

[59] Некоторое время спустя старый знакомый спросил у Ботаниатеса, возражает ли он против перемены в своей судьбе. Тот ответил: «Воздержание от мяса — единственное, что мне докучает: остальное не важно» (Алексиада, III, 1).

Альбераду, но та воспитала его как истинного нормандского рыцаря, и он сражался верно и мужественно — хотя и без заметного успеха — за своего отца во время восстания 1079 г. Теперь, получив впервые под свое командование целое войско, он решил показать, на что способен. Он уже захватил порт Валона, прямо напротив апулийской «пяты», там, где пролив, соединяющий Адриатику с Ионическим морем, наиболее узок. Закрытый залив у Валоны мог стать великолепной базой для основной части флота, когда она прибудет. Оттуда Боэмунд двинулся на юг к острову Корфу, но пробная атака показала, что местный гарнизон превосходит по силе его небольшое войско, и он благоразумно отступил в Бутринто, где ожидал теперь прибытия отца.

Основной флот отплыл во второй половине мая 1081 г. На кораблях, помимо моряков, находилось около тринадцати сотен нормандских рыцарей, большое войско сарацин, некоторое количество не слишком надежных греков и сколько-то разношерстных пеших воинов, общее число которых, вероятно, достигало нескольких тысяч. В Валоне к ним присоединилось несколько судов из Рагузы — рагузцы, как и многие другие обитатели Балкан, всегда радовались возможности досадить византийцам. Далее флот направился вдоль побережья к Корфу, где гарнизон, увидев, что сопротивление бесполезно, сдался без боя. Обеспечив себе таким образом базу, куда могли беспрепятственно поступать подкрепления из Италии, Гвискар мог начать военные действия. Его первой целью был Дураццо — древний римский Диррахий — столица и главный порт Иллирии, откуда построенная восемьсот лет назад дорога бежала на восток через Балканский полуостров, через Македонию и Фракию к Константинополю.

Но вскоре стало ясно, что поход будет не легким. Направлявшимся на север нормандским кораблям предстояло обогнуть мыс Акрокеравний — который древние благоговейно обходили стороной, ибо считалось, что именно откуда Юпитер Громовержец мечет свои молнии. У самого мыса на нормандский флот обрушился один из тех внезапных ураганов, которые так часто проносятся над Восточным Средиземноморьем в летние месяцы. Несколько судов затонули, а оставшиеся, изрядно потрепанные, через несколько дней собрались у Дураццо. Но едва он встал на рейд, с севера на горизонте показались корабли с высокими мачтами. По их особой оснастке — напоминавшей одновременно итальянскую и греческую — было ясно, что они принадлежат венецианцам. Венеция не только входила формально в состав Византийской империи; она поддерживала тесные торговые связи с Константинополем, и для того, чтобы защитить собственные торговые интересы, венецианцы всячески заботились о сохранении мира на Адриатике и за ее пределами. Это было на руку грекам, поскольку византийский флот находился в еще более жалком состоянии, чем армия, и ни в коей мере не мог охранять императорскую власть. Вот почему Алексей, услышав о том, что апулийцы высадились на его берегу, отправил срочное послание венецианскому дожу, не сомневаясь, что его призыв будет услышан. Венецианцы прибыли как раз вовремя, но под предлогом переговоров они смогли получить у нормандцев краткую отсрочку, необходимую, чтобы подготовиться к битве. Затем под покровом темноты они напали на апулийский флот.

Люди Гвискара сражались мужественно и решительно, но у них не было опыта морских сражений. Венецианцы применили старый византийский трюк, использованный еще Вели-зарием в Палермо за пять с половиной веков до описываемых событий, — подняли маленькие шлюпки с людьми на мачты, так что оттуда можно было стрелять по врагам, находившимся внизу; они также, вероятно, знади старый византийский секрет «греческого огня», поскольку Малатерра пишет, что они «пускали огонь, именуемый греческим, который не гасится водой; и сожгли один из наших кораблей среди морских волн». Нормандцы оказались в безнадежно невыгодном положении. После долгой битвы, в которой нормандцы потеряли много воинов и кораблей, венецианцы прорвались через заслон и укрылись в безопасной гавани Дураццо.

Но случившееся не обескуражило герцога Апулии, который теперь приступил к осаде города. Император назначил Георгия Палеолога, своего свойственника и одного из

храбрейших византийских военачальников, лично командовать гарнизоном Дураццо, с повелением задержать Гвискара до тех пор, пока он не соберет армию для борьбы с захватчиками, и воины Дураццо, зная, что освобождение не за горами, держались стойко. Осада продолжалась все лето; защитники крепости сами совершали частые вылазки — во время одной из них Палеолог сражался целый день, не обращая внимания на наконечник стрелы, застрявший в его голове. Затем, 15 октября, появилась византийская армия с императором Алексеем во главе.

Алексей Комнин происходил из старинной и знатной византийской семьи, которая уже дала Византии одного императора — его дядю Исаака I — и гордилась своими древними воинскими традициями. Когда в свои тридцать три года он с помощью блистательной комбинации взошел на престол, за его плечами уже были десятилетия военных кампаний в Эпире и Фракии, а также ближе к собственному дому — в Малой Азии. Кроме того, он знал тактику своих врагов. Среди беспутной толпы нормандцев, служивших тогда в Византии в качестве наемников, находился некий авантюрист по имени Руссель из Белёля. Послужной список Русселя не был безупречным, поскольку в 1071 г. при Манцикерте, увидев, что положение греков безнадежно, он отказался вести своих людей в битву; но он сумел каким-то образом вернуть себе расположение императора — опытных воинов было не так легко найти, — и вскоре император Михаил отправил его во главе смешанного отряда нормандской и французской конницы сражаться против турецких мародеров в Анатолии. Оказавшись далеко на занятой врагом территории, он вновь обманул доверие императора и со своими тремя сотнями верных последователей основал независимое нормандское государство — на манер тех, что существовали в южной Италии. Оно просуществовало недолго — император без труда уговорил сельджуков стереть его с лица земли в обмен на официальную передачу им той территории, которой они уже располагали, — но Руссель сумел бежать, и Алексея отправили на его поиски. Он обнаружил беглеца в Амасье, где тот радостно объявил себя правителем и был столь обожаем населением, что они согласились на его смещение только после того, как Алексей соврал им, что Русселя ослепили. Руссель провел какое-то время в темнице в Константинополе, но в 1077 г., когда армия Ботаниатеса подступала к столице, отчаявшийся Михаил дал своему пленнику еще один шанс, и Руссель, вновь получив под свою команду воинский отряд, наголову разбил мятежников, после чего стал предателем в третий раз и поддержал узурпатора.

По пути из Амасьи в Константинополь Алексей, в свою очередь, поддался обаянию Русселя, а позже, когда нормандец голодал в тюрьме, тайно передавал ему еду. Он также хорошо усвоил, сколь опасно недооценивать ум, хитрость. Руссель, вероятно, часто говорил с ним о Роберте Гвискаре, в чьей армии он в прошлом служил, и с тех пор, как разведчики донесли ему о намерениях Роберта, император понимал, что Византии придется напрячь все силы, чтобы выстоять в грядущей схватке. Он приложил все усилия, чтобы быстро собрать необходимую для обороны армию, и в том, что касалось численности, он вполне преуспел. Однако многие из его последователей были недостаточно обучены или недостаточно преданны, и Алексей, ведя их через извилистые ущелья Македонии к равнине перед Дураццо, наверняка терзался сомнениями.

Первая проблема была стратегической. Должна ли византийская армия осаждать нормандцев в их лагере, или их следует вызвать на битву? Многие из советников склонялись к первому варианту, но Алексей решил сражаться. Зима уже приближалась, и он не рассчитывал, что его войско сумеет долго держать осаду. 18 октября, через три дня после прибытия, император перешел в наступление. К тому времени Роберт Гвискар занял позиции чуть к северу от города и выстроил свои войска в боевой порядок, развернув строй в направлении Дураццо. Сам возглавлял центр; при нем находилась Сишельгаита в полном вооружении, а Боэмунд командовал на левом фланге, самом удаленном от берега.

Всякий раз, когда император лично отправлялся на войну, его сопровождала варяжская гвардия в полном составе. В то время она состояла по большей части из

англосаксов, покинувших свою страну после Гастингса и поступивших на службу в Византии. Многие из них пятнадцать лет ждали случая отомстить ненавистным нормандцам и дрались со всей силой и доблестью, на которые были способны. Они сражались пешими, поскольку секиры, их основное оружие, были слишком тяжелы, чтобы наносить ими удары с седла. Англосаксонские секиры обрушивались на лошадей и всадников, приводя в ужас апулийских рыцарей, из которых мало кто сталкивался с пешими воинами, не отступавшими перед кавалерией. Лошади тоже впали в панику, и вскоре нормандский правый фланг пришел в смятение, многие воины поскакали прямо в море, чтобы спастись от неминуемой гибели.

Тогда, если верить свидетельствам современников, положение спасла Сишельгаита. Эту историю, вероятно, лучше изложить словами Анны Комнин:

«Тут Гаита, жена Роберта, которая скакала бок о бок с ним и была второй Палладой, если не Афиной, увидела, что их воины бегут. Она в ярости обратилась к ним, призывая их громовым голосом на своем языке, в словах, достойных Гомера: «Далеко ли вы бежите? Остановитесь и успокойтесь, как пристало мужам!» Увидев, что воины продолжают отступать, она схватила длинное копье и, пустив лошадь в галоп, помчалась за беглецами, после чего те опомнились и вернулись на поле битвы»[60].

Левый фланг под командованием Боэмунда также поспешил на выручку с подразделением лучников, против которых варяги, чье оружие годилось только для близкого боя, были беззащитны. Они силком оторвались от основных сил греческой армии и, не имея возможности отступать, стояли насмерть. Под конец несколько измученных англосаксов, оставшихся в живых, бежали и укрылись в находившейся неподалеку церкви Архангела Михаила, но апулийцы немедленно предали ее огню — они ведь были далеко от Монте-Гаргано, — и последние из варягов погибли в пламени.

В центре император все еще храбро сражался, но цвет византийской армии погиб при Манцикерте, а разношерстному сборищу варварских наемников, которым он теперь располагал, не хватало, как он и опасался, ни дисциплины, ни самоотверженности, чтобы противостоять нормандцам из Апулии. Появление отряда из Дураццо под командованием Георгия Палеолога не спасло положение, а в довершение всего Алексей обнаружил, что его предал его вассал, сербский король Константин Бодин из Зеты, и союзное турецкое подразделение, на которое он очень рассчитывал. Никаких шансов на победу не осталось, византийская армия везде отступала. Император покинул поле боя. Отрезанный от своих людей, ослабевший от усталости и потери крови, сильно страдая от раны на лбу, он медленно, без эскорта поехал через горы в Охрид, чтобы прийти в себя и перегруппировать остатки своей армии.

После этой победы падение Дураццо было только вопросом времени, но, несмотря на то, что город остался без командующего — поскольку Георгий Палеолог не смог вовремя вернуться после вылазки, — он продержался еще четыре месяца. Только 21 февраля 1082 г. апулийцы вошли в ворота, и то из-за предательства одного венецианца, местного жителя, который, как пишет Малатерра, в награду попросил руки одной из племянниц Роберта. Но после Дураццо продвижение нормандцев ускорилось, население, узнавшее о поражении императора и не ожидавшее помощи от императорской армии (многие, кроме всего прочего, не испытывали нежных чувств к Византии), не оказывали сопротивления, и через несколько недель вся Иллирия была в руках Гвискара. Он двинулся на восток к Кастории, которая также немедленно сдалась. Это был самый важный город, захваченный после того, как Роберт покинул Дураццо; его капитуляция сулила хорошие перспективы на будущее. Эти перспективы стали казаться еще более радужными, когда выяснилось что гарнизон Кастории, поставленный лично императором, был укомплектован варягами. Если даже отборные войска империи не отваживались противостоять нормандцам, Константинополь был, можно считать, у них в руках.

---

[60] Алексиада, IV, 6.

Но в апреле, когда Роберт Гвискар еще находился в Кастории, пришли вести из Италии. Весь полуостров, сообщали гонцы, наводнен агентами Алексея. Апулия и Калабрия вновь взялись за оружие, и на сей раз к ним присоединились многие области Кампании. Посланцы привезли также письмо от папы Григория. Генрих стоял у его ворот. Присутствие герцога срочно требовалось в Риме.

Глава 17
ОТ РИМА ДО ВЕНОЗЫ

> Помните поэтому о святой римской церкви, Матери Вашей, которая любит Вас более других правителей и отметила Вас своим особым доверием. Помните, что Вы принесли ей клятву, а то, в чем Вы клялись, — то, что и без клятвы является Вашим христианским долгом, — Вы обязаны исполнить. Ибо Вам известно, сколь много вражды по отношению к церкви возбудил Генрих, так называемый король, и сколь необходима ей Ваша помощь. Посему действуйте немедля, ибо если сын пожелает бороться против несправедливости, церковь, его Мать, будет благодарна ему за его преданность и помощь.
>
> Мы сомневаемся, стоит ли приложить к этому письму нашу свинцовую печать, ибо она может таким образом попасть в руки наших врагов и они воспользуются ею для мошенничества.
>
> *Письмо Григория VII Роберту Гвискару*
> *1082 г.*

Роберт Гвискар начал свой византийский поход удивительно вовремя. Спустя неделю после его отплытия из Отранто в 1081 г. Генрих IV появился в предместьях Рима в сопровождении нового антипапы Климента. К счастью для Григория, он недооценил возможное сопротивление и взял с собой слишком маленькое войско; так что, когда он, к своему удивлению, обнаружил, что римляне намерены хранить верность своему понтифику, у него не оставалось другого выбора, кроме как вернуться в Ломбардию. Следующей весной, однако, он предпринял новую попытку, и, хотя она тоже закончилась неудачей, к тому времени настроения в южной Италии изменились. Продолжающиеся успехи Генриха в Германии, где он, судя по всему, подавил всю серьезную оппозицию, и в Ломбардии, где к нему обращались взоры самых воинственных представителей сепаратистских и реакционных сил, укрепили его авторитет; а при том, что Роберт Гвискар был далеко и, согласно сообщениям из надежных источников, продвигался все дальше, у нормандцев, лангобардов и итальянцев одновременно появилось и крепло ощущение, что их будущее связано с Западной империей. Жордан Капуанский один из первых сменил подданство; игнорируя неизбежное отлучение, он присягнул на верность Генриху и взамен получил от него официальное подтверждение своего княжеского титула; многие мелкие кампанийские бароны последовали его примеру. Так поступил даже аббат Дезидерий, который, по мере того как шли годы, начал выказывать опасное пренебрежение к моральным принципам, что принесло немало бед в будущем. В Апулии бедный Рожер Борса, которому Гискар доверил заботу о своих континентальных владениях на время своего отсутствия, был бессилен поддержать авторитет отца — особенно с тех пор, как Абеляр, Герман и их неугомонные друзья (многие из них воспользовались изменившимися обстоятельствами, чтобы вернуться из изгнания) снова подняли мятеж.

Когда в апреле 1082 г. — менее чем через год после от плытия — все эти вести достигли ушей герцога Апулийского в Кастории, он понял, что времени терять нельзя Возложив командование экспедицией на Боэмунда и поклявшись душой своего отца

Танкреда, что не будет мыться и бриться, пока не вернется в Грецию, Гвискар с небольшим эскортом поспешил к берегу, где ожидали его корабли, переплыл через пролив в Отранто и оттуда, остановившись только для того, чтобы принять под командование войска, которые ему сумел предоставить Рожер Борса, отправился в Рим. Там он обнаружил, что непосредственная опасность миновала, Генрих снова удалился из города — на сей раз в Тоскану, чтобы опустошать владения самого стойкого союзника папы, графини Матильды. Хотя он оставил антипапу в Тиволи с немецкими полками, Климент не представлял серьезной угрозы, пока его покровитель был далеко. Гвискар мог вернуться в Апулию и навести порядок в собственном доме.

Но Генрих не собирался оставлять Рим в покое. В начале 1083 г. он появился с еще большей армией и начал осаду Ватикана. Это была его третья попытка, и она оказалась удачной. Защитники устали от этих ежегодных атак, а их преданность поколебали византийские взятки, раздававшиеся напрямую римскими агентами Алексея или Генриха. Весной и в начале лета они держались, но 2 июня объединенный отряд миландцев и саксонцев, взобравшись на стены, перебил стражей и овладел одной из башен. В течение часа воины Генриха вступили в город, и началось ужасное, ожесточенное сражение внутри и вокруг собора Святого Петра. Папа Григорий, однако, опередил врагов. Он не собирался сдаваться. Поспешив в замок Сан-Анджело, он забаррикадировался там и приготовился к новой осаде.

Теперь для Генриха не составляло труда получить, наконец, имперскую корону, поскольку антипапа Климент с радостью провел бы церемонию, но в руках короля находился только Ватикан на правом берегу Тибра. Остальной Рим хранил верность Григорию, и Генрих знал, что его коронация, проведенная Климентом, не будет признана всеми, если истинный папа жив и находится в своей столице. Не могли бы сами римляне, которые, безусловно, выиграли бы от примирения, стать каким-то образом посредниками между ним и папой? Долг велит им постараться, сказал Генрих, и они постарались. Но Генрих вновь недооценил своего противника. Григорий оставался непоколебим. Абсолютно уверенный в своей правоте, а следовательно, и в Божьей помощи, он не сомневался, что рано или поздно победит. Если Генрих хочет коронации, он должен помнить — и соблюдать клятву, данную в Каноссе. Синод соберется в ближайшем ноябре и, без сомнения, обсудит дальнейшие необходимые действия. Пока больше говорить не о чем. Молча, с достоинством папа терпеливо ожидал в своей крепости, когда герцог Апулийский придет ему на помощь.

Гвискар, однако, не спешил. Это была не совсем его вина. В течение осени и зимы 1082 г. и первой половины 1083 г. он занимался подавлениелл мятежа в Апулии, толь ко 10 июня — неделю спустя после того, как императорские войска вступили в Ватикан, он отвоевал последнюю крепость — Каносу — у своего племянника Германа и положил конец восстанию. Война оказалась более тяжелой, чем он ожидал, — византийские деньги явно сыграли здесь свою роль, — и, если бы он не обратился к Рожеру с просьбой прислать необходимые подкрепления с Сицилии, она длилась бы еще дольше. Как только Роберт и Рожер смогли без риска покинуть Апулию, они действительно двинулись в сторону Рима, намереваясь нанести упреждающий удар Жордану из Капуи, но в этот момент великому графу пришлось срочно возвращаться на Сицилию вместе со своими людьми, а Роберт, зная, что у него недостаточно сил, чтобы противостоять Генриху в одиночку, отступил, чтобы подготовить большую экспедицию к следующему году. С его точки зрения, времени было достаточно. Клятва, принесенная в Чепрано, требовала, чтобы он помогал папе, но, даже не говоря о папе, его собственные позиции в Италии оказались бы под серьезной угрозой, если бы Генрих, коронованный императором и поддерживаемый послушным Климентом III, стал вмешиваться в южноитальянские дела. Но Генрих в это время находился в Тоскане, растрачивая силы в напрасных попытках подчинить графиню Матильду, а его собственная армия, Роберт отлично это знал, была мала и не особенно сильна. За шесть месяцев герцог мог собрать новое войско, с которым

он пошел бы на короля римлян, не опасаясь за исход. Попутно он освободил бы папу и, возможно, поставил бы свои условия. Григорию надо было просто подождать. В замке Сан-Анджело ему ничего не грозило. Еще несколько месяцев неудобств — и даже еще немного унижений — не принесут папе вреда.

Намеченный синод, как и было условлено, состоялся в ноябре. Он превратился в фарс. Король поклялся, что не помешает ни одному из епископов, оставшихся верными Григорию, присутствовать на синоде, но, когда приблизился назначенный день, он увидел, что папа со своей стороны не собирается допускать на собрание никого из имперских епископов, которых он отлучил, а следовательно, сдержать клятву означало бы просто стать орудием в руках Григория. Генрих никогда не допускал, чтобы данные обещания мешали ему проводить свою политику. Все наиболее яростные сторонники Григория, включая архиепископа Лионского и епископов Комо и Лекко, не были допущены в Рим, а папский легат, кардинал-епископ Одо из Остии, оказался в тюрьме. Напрасно гневный папа провозглашал новые отлучения и анафемы из своей крепости — Генрих их не замечал. Синод закончился, VI те немногие епископы, которые смогли на нем присутствовать, разъехались по своим резиденциям. Смехотворное предложение некоторых римских аристократов о том, чтобы папа, не проводя коронации Генриха, спустил бы ему на палке имперскую корону с бастиона Сан-Анджело, было воспринято как того заслуживало. Ситуация оставалась патовой.

А Роберт Гвискар не появлялся.

В начале весны 1084 г. Генрих решил поторопить события. Он никогда не договорится со своим упрямым противником, пока тот рассчитывает на помощь Роберта Гвискара. Но если он нападет на нормандцев неожиданно, застав их врасплох, он предотвратит их прибытие в Рим. Тогда Григорий наверняка станет более покладистым. В начале марта, оставив в Ватикане только маленький гарнизон, Генрих со своей армией направился в Апулию. Не успел он отойти достаточно далеко, как его нагнали посланцы из столицы. Римляне в конце концов устали от борьбы и прислали сказать ему, что не станут больше сопротивляться. Город отдается в его руки.

Сдаться именно в этот момент императорской армии было крайне глупо, и эта глупость решила судьбу не только папы Григория, но и Рима в целом. Если бы Генрих продолжил свой поход против герцога Апулии, он либо был бы разбит, либо, что более вероятно, спешно отступил бы на север. В любом случае нормандцы затем легко справились бы с гарнизоном, оставленным в Риме, и вошли бы в город как избавители, а не как завоеватели. Перейдя на другую сторону, когда именно в тот момент самый могущественный правитель в Италии, если не во всей Европе, готовился к походу, римляне навлекли на себя неминуемую беду. Им пришлось дорого заплатить за свою ошибку, но они могли обвинять только самих себя.

Поспешив назад со всей скоростью, которую могла развить его армия, Генрих 21 марта с триумфом вошел в Рим — сопровождаемый своей женой, многострадальной королевой Бертой из Турина, и антипапой Климентом — и обосновался в Латеранском дворце. Спустя три дня, в Вербное воскресенье, папа Григорий был официально смещен лангобардскими епископами и Климента провозгласили его преемником, а на Пасху 31 марта Генрих и Берта были коронованы имперской короной в соборе Святого Петра. Положение Григория стало отчаянным. Некоторые кварталы Рима оставались ему верны — Целиев холм и Палатинский холм, находившиеся в руках его племянника Рустика, и Тибрский остров, место погребения святого Варфоломея, где главенствовал верный Пьерлеони. Сам Капитолий также оставался за ним. Но эти последние оплоты оказались под ударом, и, если помощь не придет быстро, они не выстоят. Где Роберт Гвискар? Группа самых доверенных лиц отправилась на юг, чтобы найти его любой ценой и передать ему последний призыв сюзерена.

Когда Роберт услышал, что римляне сдались, уговаривать его не пришлось. Его собственное будущее, как и будущее папы, было поставлено на карту. Он, однако, все эти месяцы не терял времени даром, и теперь в его распоряжении имелась устрашающая армия — Вильгельм из Апулии оценивает ее численность примерно в шесть тысяч конных и тридцать тысяч пеших воинов, что, вероятно, не далеко от истины, — которую он повел к столице в начале мая. Для того чтобы придать папе мужества, он послал вперед аббата Дезидерия, и, наконец, 24 мая 1084 г. он проехал по Виа-Латина и примерно на месте нынешней площади Порта-Капена разбил свой лагерь под стенами Рима.

Генрих его не дождался. Дезидерий, как всегда твердо соблюдая нейтралитет, прежде чем сообщить папе о скором прибытии Роберта, отправился с той же вестью к императору, а его описание размеров и мощи новой армии Гвискара было достаточно красочным, чтобы заставить Генриха задуматься. Собрав на совет самых влиятельных горожан Рима, он объяснил им, что его присутствие срочно требуется в Ломбардии. Он, конечно, вернется, как только позволят обстоятельства, а пока он поручает им доблестно оборонять город от всех вражеских атак и показать себя достойными подданными империи, которая носит их имя. Затем, за три дня до того, как герцог Апулийский появился перед городскими воротами, император бежал вместе с женой, большей частью армии и перепуганным антипапой, суетившимся сзади.

Римляне, уже и так жалевшие о своей измене, оказались в безвыходном положении. Предав своего папу императору, они теперь сами оказались преданными. Нормандцы стояли у самого порога, и Рим впал в оцепенение. Было ясно, что бесполезно пытаться противостоять такой армии, особенно с учетом того, что у Григория все еще оставались многочисленные сторонники в городе, в то же время словно некое неясное предвидение грядущего мешало им открыть ворота. Еще три дня герцог Апулийский выжидал в своем лагере, чтобы удостовериться, что Генрих действительно бежал, и обсуждал дальнейшие планы с представителями папы. Затем, ночью 27 мая, под покровом темноты он бесшумно повел свою армию в обход стен, в северную часть города. На рассвете он пошел в атаку, и через несколько минут первый из его ударных отрядов ворвался во Фламиниевы ворота. Нормандцы встретились с отчаянным сопротивлением: весь квартал Марсова поля, лежащий за рекой напротив замка Сан-Анджело, был залит кровью. Но все быстро закончилось, нормандцы сбросили защитников города с моста, освободили папу из крепости и пронесли его с триумфом среди дымящихся руин Латерана.

Роберт Гвискар в этот день достиг вершины своей славы и власти. К 1084 г. мир уже видел, как два могущественнейших властелина Европы, императоры Востока и Запада, бежали при появлении Роберта, а теперь он протягивал изящную, хотя и запачканную кровью руку одному из самых грозных пап Средневековья и возводил законного понтифика на папскую кафедру. Во время благодарственной мессы в честь освобождения Григория мысли обоих, герцога и прелата, должно быть, возвращались в далекий день 1053 г., когда на равнине у Чивитате Отвили и их сторонники отстаивали перед римской церковью свое право оставаться в Италии. За тридцать с лишним лет, прошедших с того времени, они получили множество новых отлучений, но также не один раз спасали Рим. Папе представился еще один случай порадоваться, что их защита оказывалась столь действенной.

Но триумф был кратким. Хотя Рим являлся теперь только бледной тенью прежней столицы империи, он все же оставался богатейшим и самым населенным городом в центральной и южной частях полуострова, с точки зрения людей Гвискара, он предоставлял возможности для грабежа, какие мало кому из них выпадали ранее. Они этим воспользовались, и вся столица ныне стала ареной для грабежа и мародерства, перед которым меркли даже деяния сицилийских сарацин. Для римлян сарацины были слугами Антихриста. Капризные дети замолкали, слушая странные истории о злодействах неверных — об их жутких обычаях и непомерной жадности, о молниеносных набегах, во время

которых они налетали как ястребы с ясного неба, ничего не щадя, похищали женщин и девушек — и мальчиков тоже, и тысячами продавали их в рабство. Но самым ужасным был день в 846 г., когда их галеры проплыли вверх по Тибру и эти чудовища сорвали серебряные накладки с дверей собора Святого Петра. Но даже тогда они разграбили только правый берег реки. Теперь ни один квартал города не уцелел, а христиане были не лучше сарацин. На третий день, видя, что зверства и кровопролития не прекращаются, доведенные до отчаяния римляне внезапно и одновременно восстали против своих мучителей. Роберт Гвискар, застигнутый врасплох, оказался в западне. Его спас в последний момент Рожер Борса, который с редкой для него решительностью пробился через толпы людей с тысячей воинов на помощь отцу — но уже после того, как нормандцы, боровшиеся за свои жизни, подожгли город.

Это для Рима было великое бедствие — не имевшее аналогов в его истории со времен варварских нашествий шестью веками ранее. Церкви, дворцы, древние храмы рушились в пламени. Капитолий и Палатинский холм опустели, на всем пространстве между Колизеем и Латераном не осталось ни одного целого здания. Многие горожане погибли в своих жилищах, другие пытались бежать и пали от нормандских мечей или попали в плен и были проданы в рабство. Когда, наконец, дым рассеялся и влиятельные римляне, оставшиеся в живых, простерлись перед Гвискаром с обнаженным мечом, привязанным у их шей в знак покорности, их город являл собой горестную картину опустошения и отчаяния.

Можно спросить себя: о чем думал папа Григорий, глядя на закопченные развалины, на улицы, заваленные грудами камня и мертвыми телами, уже разлагавшимися на жарком июньском солнце? Он выиграл свою битву — до некоторой степени, — но какой ценой? Героические папы прошлого спасали свой город от захватчиков — Лев I от гуннов Аттилы, его тезка Григорий Великий от победоносных лангобардов; а он, хотя во многих отношениях более великий, чем они, обрек собственный город на разрушение. И однако, ни в письмах папы Григория, ни в современных этим событиям хрониках нет и намека на сожаления по поводу зла, которое он принес Риму. Его совесть была чиста. По его представлениям, он боролся за принцип, за великий и жизненно важный принцип, и благодаря его силе и мужеству этот принцип возобладал. Страдания людей были неизбежной расплатой, которую они навлекли на себя своим предательством. Свершилась Божья воля.

Вероятно, учитывая непомерную гордыню, которая была одной из главных и наиболее неприятных его черт, Григорий рассуждал именно так. Но и его ждало возмездие. Римляне, которые с таким воодушевлением провозгласили его папой одиннадцать лет назад и выносили тяготы осады и гражданской войны, сохраняя ему верность, теперь видели в нем — и не без оснований — главную причину своих несчастий и потерь и жаждали мести. Только присутствие Роберта Гвиска-ра удерживало их от того, чтобы разорвать некогда обожаемого папу на части. Но Роберт не испытывал никакого желания оставаться в Риме дольше, чем необходимо; помимо того, что он опасался новых мятежей, ему не терпелось завершить византийскую кампанию. За время своего злосчастного понтификата Григорию пришлось вытерпеть много унижений, но величайшее, как он увидел, судьба приберегла под конец. Когда нормандцы покидали Рим, он вынужден был уехать вместе с ними. Итак, он подготовился к отъезду и несколькими днями позже отправился вместе со своими освободителями в краткую и неубедительную вылазку против антипапы Климента, обосновавшегося в Тиволи. Они вернулись 28 июня, а в начале июля, сопровождаемый Робером Гвиска-ром и множеством нормандцев и сарацин, которые были одновременно его спасением и погибелью, папа выехал из Рима в последний раз — самый гордый из понтификов, он почти что бежал из города, который его ненавидел. Кавалькада направилась на юг, сперва в Монте-Кассино, затем — в Беневен-то, где папу ожидала новость, что Климент III, сразу после отъезда Григория, занял престол святого Петра, — и, наконец, в Салерно. Там папу поселили во

дворце, подобающем его достоинству, и здесь 25 мая 1085 г. он умер. Его похоронили в юго-восточной апсиде нового собора, построенного, согласно надписи на фасаде, сохранившейся до наших дней, «герцогом Робертом, величайшим из завоевателей, на собственные деньги». Папа освятил собор всего за несколько недель до смерти, и его надгробие можно видеть там по сей день.

Невзирая на недоверие ко всему институту папства, которое он нечаянно пробудил в последние годы своего понтификата, его достижения оказались более значительными, чем он полагал. Он сделал важные шаги на пути к установлению верховенства папы в церковной иерархии — практика светских назначений быстро вышла из употребления и исчезла полностью в следующем столетии — и даже если он не одержал подобной победы над империей, то по крайней мере высказал свои требования в такой форме, что их уже нельзя было просто игнорировать. Церковь показала зубы; и будущие императоры видели в ней грозную опасность. И все же, хотя он до последнего дня надеялся вернуться в Рим во главе армии и отвоевать папский престол, Григорий умер если не сломленным, то глубоко разочарованным, и его последние слова — «Я любил истину и ненавидел несправедливость, поэтому умираю в изгнании» — были горьким прощанием.

Осенью 1085 г. с новым флотом из ста пятидесяти кораблей герцог Апулийский вернулся в Грецию. Лишенные его руководства нормандские экспедиционные силы были на грани поражения. В течение года Боэмунд умудрялся поддерживать боевой дух армии и после двух важных побед при Янине и Арте продолжал наступление, так что Македония и большая часть Фессалии оказались под его контролем. Но весной 1083 г. Алексей перехитрил его в Лариссе, и после этого в войне произошел перелом. Приунывшая, тоскующая по родине, давно не получавшая платы, а теперь еще деморализованная огромными вознаграждениями, которые Алексей предлагал всем дезертирам, нормандская армия полностью утратила боеспособность. Боэмунд был вынужден вернуться в Италию, чтобы добыть еще денег, его главные военачальники сдались, как только он исчез из вида; после чего венецианский флот отбил Дураццо и Корфу, и к концу года нормандские территории ограничивались парой прибрежных островов и узкой полоской берега.

Прибытие Роберта и всех его сыновей — Боэмунда, Рожера Борсы и Ги, доставивших деньги, припасы и значительные подкрепления, воодушевило жалкие остатки прежней армии. Хотя Гвискару исполнилось шестьдесят восемь лет, его, казалось, не пугала перспектива начать кампанию заново, и он немедленно составил план отвоевания Корфу. Плохая погода задержала его корабли в Бутринто до ноября, а когда, наконец, они смогли выйти в море, путь им преградил объединенный греческий и венецианский флот. Нормандцы в течение трех дней дважды потерпели сокрушительное поражение, и их потери были настолько велики, что венецианцы отправили на родину гонцов в шлюпках с известием о победе. Теперь, однако, настала их очередь расплачиваться за то, что они недооценили Гвискара. После двух предшествующих столкновений немногие из кораблей Роберта вообще держали на воде, не говоря уже о том, чтобы ввязаться в третью битву. Но, увидев шлюпки, исчезающие за горизонтом, и поняв, что сейчас есть возможность застать врага врасплох, Роберт быстро собрал все свои суда, которые еще были на плаву, и повел свой потрепанный флот в решающую атаку. Он рассчитал точно. Венецианцы устали и не были готовы к бою; кроме того, тяжелые галеры, освобожденные от балласта и припасов, так высоко сидели в воде, что, когда в ходе битвы все воины и команда скапливались у одного борта, многие суда переворачивались. (Анна оценивает потери венецианцев и тринадцать тысяч человек и описывает скорее с патологическим удовольствием, нежели с исторической точностью увечья, которые Гвискар причинил двум с половиной тысячам своих пленников.) Корфу пал. Нормандские воины, расположившиеся на зимние квартиры на материке, чтобы

починить свои корабли и приготовиться к кампании следующего года, были радостны и полны надежд[61].

Но зимой появился новый враг, более жестокий, чем венецианцы и византийцы, вместе взятые, который положил конец не только экспедиции, но и тому, что Шаландон называет «первым, героическим периодом истории нормандцев в Италии». Это была эпидемия, возможно, тифа, и она губила людей немилосердно. Даже тем, кто выздоравливали, требовалось много недель, чтобы прийти в себя, и к весне пятьсот рыцарей умерло, а большая часть армии Роберта была обессилена. Однако даже теперь Гвискар не терял бодрости и уверенности. В его собственной семье заболел только Боэмунд — в соответствии со странной традицией, по которой мор поражает самых сильных, — которого отослали в Бари поправляться; в начале лета, решив вновь начать наступление, Роберт отправил Рожера Ворсу с передовыми силами занять Кефалонию.

Спустя несколько недель сам Гвискар собрался присоединиться к сыну, но по дороге на юг почувствовал, что и его настигла ужасная болезнь. К тому моменту, когда корабль достиг мыса Атер — самой северной оконечности острова, Гвискар был безнадежно болен. Уже не оставалось времени, чтобы плыть вдоль побережья туда, где его ждал сын, судно стало на якорь в маленькой бухте, до сих пор называемой в память о Роберте Фискардо. Здесь он и умер спустя шесть дней — 17 июля 1085 г. Верная Сишельгаита была рядом с ним. Он пережил папу Григория примерно на два месяца.

Анна Комнин рассказывает любопытную историю о том, как Роберт, будучи уже при смерти, посмотрел через море на остров Итака и спросил у местного жителя, что за разрушенный город там находится. Грек объяснил, что этот город некогда назывался Иерусалим, и Роберт внезапно вспомнил слова прорицателя, который предсказал ему: «Вплоть до Отера ты подчинишь себе все страны, но оттуда ты отправишься в Иерусалим и отдашь дань природе»[62]. История, надо полагать, вымышленная, но представляет определенный интерес в связи с тем, что является самым удивительным приобретением Гвискара — его посмертной легендарной репутацией крестоносца. Некоторые названия в северо-западной Греции, совпадающие с библейскими — Анна также упоминает маленькую гавань Иерихон, бывший Орикос, которую Роберт взял во время своей первой балканской кампании, — естественно запомнились и были неверно истолкованы менестрелями и жонглерами, которым вскоре предстояло петь о его подвигах. Г. Грегуар и Р. де Кизе убедительно показали, что различные эпизоды византийской экспедиции в итоге заняли свое место в «Песни о Роланде». Роберт действительно был прекрасным примером рыцаря «без страха», но даже самые восторженные его почитатели едва ли могли бы написать о нем «без упрека», и несколько удивительно находить его в числе легендарных безупречных паладинов. Но даже это не все. «Потом Гульельм и Реноар свой свет перед моими пронесли глазами, Роберт Гвискар и герцог Готефред» (Данте. Рай, XVIII).

Старый головорез удостоился, хотя и два века спустя, еще более почетного венца — специально отведенного ему места в данном «Раю».

Несмотря на притязания нового собора в Салерно, Роберт Гвискар всегда желал, чтобы его похоронили рядом с братьями в монастырской церкви Пресвятой Троицы в Венозе; поэтому его тело положили в соль и погрузили на корабль, который должен был доставить гроб вместе с Сишельгаитой и Рожером Борсой в Италию. Но бури, составлявшие неотъемлемую часть жизни Гвискара, не утихли даже после смерти. По пути через Адриатику судно, застигнутое внезапным штормом, чуть не пошло ко дну, и гроб соскользнул за борт. Его в конце концов подняли, но долгое пребывание в морской воде

---

[61] Анна далее рассказывает о четвертой битве, в которой венецианцы взяли реванш, но венецианские источники не подтверждают ее рассказ, а Дандоло в «Венецианской хронике» утверждает, что дож был свергнут в результате катастрофы при Корфу. Похоже, принцесса пыталась выдать желаемое за действительное.

[62] Холиншед рассказывает очень похожую историю о смерти Генриха IV Английского в 1413 г.

не пошло на пользу телу. В том состоянии, в котором оно находилось, его, очевидно, нельзя было везти дальше. Сердце и внутренности вынули, почтительно поместили в сосуд и захоронили в Отранто, а прочие бренные останки, успешно забальзамированные, отправились в свое последнее путешествие.

Веноза, пишет Гиббон, «более известна как родина Горация, нежели в качестве усыпальницы нормандских героев». Согласимся мы с ним или нет, нельзя не признать, что этот маленький городок сейчас представляет больший интерес для специалиста по античности, чем для медиевиста. От здания аббатства Пресвятой Троицы осталась только стена и несколько печальных, разрушенных колоннад. Церковь, которую брат Роберта Дрого в свою бытность графом Венозы превратил из скромной лангобардской базилики в здание, достойное того, чтобы служить усыпальницей де Отвилей, все еще стоит; сохранились и стены другой церкви, строительство которой начал Дрого и продолжил Роберт, но ни тот ни другой не дожили до его окончания. К сожалению, замечание в путеводителе Бедеккера, сделанное в 1883 г., что церковь, где похоронены Отвили, «недавно была отреставрирована с весьма сомнительным вкусом», более чем справедливо; немногое может сказать нам, как она выглядела, когда папа Николай освятил ее в 1058 г. или когда один Отвиль за другим обретали вечный покой под ее сенью. Явно подновленное надгробие Альберады, первой жены Роберта, с самоуничижительной эпитафией, сводящейся к тому, что, если кто-либо захочет найти ее сына Бо-эмунда, найдет его могилу в Каносе, видимо, располагалась в северном нефе, и мы (при некотором усилии) можем даже принять предположение Нормана Дугласа, что одно из блеклых фресковых пятен на стене слева — портрет Сишельгаиты. Но от самого Гвискара осталось еще меньше. Первоначальное надгробие давно исчезло, до нас дошла только эпитафия, сохраненная Уильямом Мальмсберийским: «Здесь лежит Гвискар, ужас мира, его руками тот, кого германцы, лигурийцы и даже сами римляне называли королем, был изгнан из Города. От его гнева ни парфяне, ни арабы, ни даже войско македонцев не спасли Алексея, которому оставалось только обратиться в бегство, но венецианцам не помогли ни бегство, ни защита океана». Исчезли также надгробия Вильгельма, Дрого и Хэмфри. В XVI в. останки четырех братьев захоронили под одной плитой, которую и сегодня можно видеть. На ней нет надписи. Единственным указанием служит строка из сочинения Вильгельма Апулийского, которую можно прочесть на стене: «Город Веноза озарен славой этих могил».

Под нажимом Сишельгаиты Рожер Ворса стал престолонаследником. Ему не хотелось оставлять Боэмунда, даже при его состоянии здоровья, в Италии, где бы он мог воспользоваться отсутствием единокровного брата и предъявить права на власть. Предоставив своим добираться до дома, кто как может, он вернулся вместе с матерью, чтобы официально вступить в права владения, в то время как некогда мощная армия, безнадежно деморализованная смертью Гвискара и смертельно уставшая от Балкан, начала всеобщее отступление, столь же невероятное, сколь и недостойное.

Опасения Рожера Борсы не были безосновательными. Бо-эмунд, как мы увидим, действительно заявил о своих правах на наследование и, даже будучи отвергнут в большей части южной Апулии, оставался серьезной занозой для своего сводного брата еще в течение десяти лет, пока не отплыл, чтобы завоевать высшую награду — и между прочим бессмертие — в Первый крестовый поход. После этого начались новые мятежи — нормандские и лангобардские, и, хотя анемичный молодой герцог как-то ухитрялся удерживаться на троне в течение всей своей несчастной жизни, упадок герцогства Апулии, который начался со смертью Гвискара, продолжался до того дня, когда в 1111 г. его сын также сошел в могилу. К счастью, луч света блеснул из Сицилии, но прежде чем мы перейдем к этим событиям, следует коротко рассказать о двух персонажах, которые теперь исчезнут из нашего повествования.

Сначала Сишельгаита. История к ней сурова. Ее жестокость на поле боя — качество, которыми историки восхищаются, когда речь идет о национальных героинях вроде Боадицеи или Жанны д'Арк, — снискала ей скорее осмеяние, нежели признание. Англо-нормандские хронисты XII в. Ордерик Виталий, Уильям Мальмсберийский и остальные единодушно обвиняют ее в отравлении мужа, а также Боэмунда. Эта смехотворная версия, абсолютно неправдоподобная, порождена тем, что она всегда желала видеть наследником своего мужа собственного сына Рожера Борсу, а не чистокровного нормандца Боэмунда. Ее стремления в конечном счете пошли на пользу нормандской Сицилии и самому Боэмунду, но привели к исчезновению герцогства Апулия как самостоятельного государства. Фактически при том что ее влияние на Роберта Гвискара было всегда значительным, она, хранила ему верность все четверть с лишним века своей семейной жизни, а история с отравлением, как и множество подобных слухов, которыми так часто сопровождались смерти средневековых властителей, не заслуживает внимания. Сишельгаита прожила еще пять лет, главным образом отстаивая трон своего сына от посягательств Боэмунда. Она умерла в 1090 г. в своем родном городе и похоронена в Монте-Кассино.

Наконец, надо сказать несколько слов о ее дочери Елене, заточенной в византийской келье, оказавшейся сначала орудием для амбиций отца, а затем патетической заложницей. Если верить Ордерику Виталию — а у нас нет никаких особых оснований ему верить, — она в какой-то момент сошлась с сестрой и две принцессы жили почти двадцать лет во дворце императора в Константинополе, где их обязанностью было каждое утро, когда император вставал с постели и мыл руки, подавать ему полотенце и гребень из слоновьей кости, чтобы расчесывать бороду. Утверждения Ордерика признаются позднейшими комментаторами неделикатными и невероятными. И это так. Более правдоподобная и печальная версия состоит в том, что бедная девушка оставалась в своей позолоченной клетке на милости сварливой настоятельницы вплоть до того времени, как ее отец умер, а мать была позабыта. Только тогда Алексей вернул ее, что он должен был сделать при вступлении на престол, ее семье. К этому времени ее шансы найти мужа были невелики, и нет никаких сведений о том, что она вышла замуж. Под конец она обосновалась при дворе Роже-ра в Сицилии. Он единственный из Отвилей проявил к ней сочувствие, и, хотя она не могла питать теплых чувств к греческим подданным дяди, ее осведомленность касательно их языка и обычаев была для Рожера бесценной. Возможно, это стало для нее утешением, но для девушки, которая могла бы быть императрицей, этого явно мало.

Глава 18
ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ

> О море! Ты прячешь за своими дальними берегами истинный рай. В моей родной стране я знал лишь радость, но никогда не несчастье.
>
> Там на заре моей жизни я видел солнце и его славе. Теперь в изгнании и в слезах я наблюдаю его закат. О, если бы я мог взойти на полумесяц, поплыть к берегам Сицилии и испепелить себя дыханием солнца.
>
> *Ибн Хамдис, изгнанный из Сиракуз после взятия их нормандцами*

В тот момент, когда смерть настигла Роберта Гвискара на острове Кефалония, его брат Рожер осаждал Сиракузы. Тринадцать лет, которые прошли со взятия Палермо, он подавлял сопротивление сарацин до тех пор, пока оно не ограничилось центром и юго-востоком острова. Но это была тяжелая борьба с противником, численность которого

варьировала между несоразмерной и подавляющей. Было мало открытых сражений, нормандцы действовали посредством неожиданных вылазок и засад; горстка рыцарей обрушивалась из горной цитадели на ничего не подозревающий город, опустошала его, уничтожала гарнизон и вновь быстро исчезала. Эта война предоставляла широкие возможности для личных подвигов; она до сих пор продолжается на стенках сицилийских крестьянских повозок, а также в лязге металлических доспехов и стуке падающих голов в тюрбанах на традиционных кукольных спектаклях в Палермо.

Постепенно враг был оттеснен. В 1077 г. пали две последние сарацинские крепости на западе. Осада Трапани внезапно закончилась, когда незаконный сын Рожера Жордан совершил набег на травянистый мыс, где защитники пасли своих овец и коров, и одним ударом лишил их основных запасов пищи. Соседняя крепость Эриче, взобравшаяся на головокружительную высоту, в миле или двух на восток, сдалась только после неспортивного вмешательства святого Юлиана, который внезапно появился со сворой ненасытных гончих псов и спустил их на неверных[63]. Через два года, в августе 1079 г., сдалась Таормина. Ее эмир долго полагал свою позицию неуязвимой, но, обнаружив себя в окружении двадцати двух нормандских крепостей и флота, перекрывавшего подходы с моря, он понял, что продолжать сопротивление бесполезно. За подчинением Таормины последовала капитуляция всех территорий вокруг Этны, и к концу 1079 г. часть Сицилии к северу от линии Агридженто — Катания, исключая по-прежнему неприступную Энну, признала нормандцев как своих правителей.

Но теперь продвижение вновь приостановилось. Небольшие мятежи среди сарацин Джиато[64] и Чинизи вспыхивали в конце 1079 г. и большую часть 1080-го, а в 1081 г. Рожер стал нужен во многих других местах. Ему никогда не позволяли забыть, что он прежде всего вассал своего брата. Если Роберт Гвискар звал его на помощь на материк, его долг был повиноваться. Но он не просто исполнил свои феодальные обязательства. Граф прекрасно знал, что снабжение и пополнение его армии зависит от ситуации в итальянских владениях Роберта, и, если бы произошла катастрофа в Апулии или — еще хуже — в Калабрии, он очень скоро не смог бы удерживать свои позиции на Сицилии. Но все равно, его, вероятно, злила необходимость раз за разом жертвовать с трудом обретенной инициативой, отвечая на призывы Гвискара. Он же потерял таким образом большую часть 1075 г.; тогда его зять Гуго из Джерси был убит, а армия потерпела серьезное поражение в походе против эмира Сиракуз, предпринятом вопреки строгим запретам Рожера, — а теперь, весной 1081 г., его помощь опять требовалась на материке. Роберт, уже готовый начать свою злополучную военную кампанию против Византийской империи, по понятным причинам сомневался в способностях Рожера Борсы и желал, чтобы его брат находился в Италии все время его отсутствия. Рожера подобная перспектива отнюдь не вдохновляла: на него ложилась ответственность сразу за три герцогства — поскольку сам он имел еще меньше иллюзий по поводу племянника — при том что лучшие войска Гвискара будут в Греции и в случае серьезных волнений его позиции окажутся безнадежно слабыми.

Следующие несколько дней доказали его правоту. Почти сразу же граф столкнулся с двумя одновременно вспыхнувшими бунтами. В Джераче в Калабрии нормандские бароны объединились с местными греками, а на Сицилии Бернарверт[65], эмир Сиракуз,

---

[63] Начиная с того дня восемь с половиной столетий это место именовалось Монте-Сан-Джулиано, только в 1934 г., когда Муссолини пытался оживить имперское прошлое, ему вернули прежнее имя. Оно было известно как крутизной своих обрывов, так и красотой женщин. «О них говорят, что очи очаровательнейшие на острове. Пусть Аллах отдаст их в руки правоверных», — набожно замечает Ибн Джубаир.

[64] Теперь с. Джузеппе-Иато.

[65] Эти форма имени эмира, приводимая Малатеррой, явно ошибочная, но сарацинские источники нам ничего не говорят. Наиболее вероятно, что его имя было Ибн аль-Варди, но Амари, крупнейший авторитет по сарацинам на Оипчлии, с этим не согласен.

захватил власть в Катании. Рожер был еще занят в Джераче; не ожидая его возвращения, его сын Жордан и два других предводителя Робер де Сурваль

И Элиас Картоми — последний почти наверняка крещеный сарацин — выступили с войском из ста шестидесяти рыцарей против Бернарверта и отобрали город. Таким образом, когда граф смог, наконец, вернуться на остров, вновь было спокойно, но он понимал, что не всякий раз ему будет так везти.

Той зимой Рожер еще укрепил оборонительные сооружения в Мессине — которую он справедливо полагал ключом к Сицилии. С приходом весны 1082 г. те же вести, которые заставили Роберта Гвискара поспешить из Касто-рии на материк, вынудили его вновь прибегнуть к помощи брата. Оставив Сицилию в распоряжении Жор дана, граф тотчас отправился в путь. На этот раз он понимал, что его присутствие очень важно, поскольку Гвискар столкнулся с одним из самых серьезных кризисов за всю эту жизнь. О дальнейших событиях было рассказано выше. Прошел год прежде, чем Рожер вернулся на Сицилию, и то лишь в силу совершенно особых обстоятельств. Летом 1083 г. Жордан, его собственный сын — действовавший столь решительно в Трапани и проявивший столько мужества за два года до этого в Катании, — объединился с некоторыми недовольными рыцарями и восстал против власти своего отца. Он уже овладел Мистреттой и Сан-Марко-д'Алунцио, первым нормандским замком, построенным на сицилийской земле, а теперь двигался к Тройне, где хранились сокровища графа.

Рожер поспешил назад на Сицилию. Его приезд остановил мятежников, и вскоре граф увидел, что основная опасность состоит уже не в быстро распространяющемся бунте, но скорее в том, что Жордан и его сторонники от отчаяния могут искать убежище среди мусульман. Поэтому, когда порядок был восстановлен, граф притворился, что готов забыть все дело. Основные зачинщики, решив, что их полностью простят, если они попросят, сдались. Только тогда граф объявил свое решение. Двенадцать главных сообщников его сына были ослеплены, а сам Жордан провел несколько дней в ожидании подобной же участи. Наконец отец простил его, и с тех пор он преданно служил ему до его смерти. Никогда больше на Сицилии никто не оспаривал власть графа Рожера.

Когда в 1081 г. Жордан отвоевал Катанию, он, к сожалению, не захватил самого Бернарверта, который укрылся в своей крепости в Сиракузах. С этого времени эмир притих, но летом 1084 г. — примерно в то время, когда Гвис-кар шел на Рим, — он опять взялся за старое. На сей раз объектом его атак стали не нормандские владения на Сицилии, а городки и деревни на калабрийском побережье. Никотера пострадала особенно сурово, как и окрестности Реджо, где сарацины, прежде чем уплыть, осквернили и сожгли две церкви. Но худшее злодеяние было впереди: в начале осени корабли Бернарверта подошли к монастырю Богоматери в Рокка-д'Асино[66], ворвались в него и с триумфом доставили всех монахинь в гарем эмира.

Это последнее преступление привнесло новый и зловещий элемент в борьбу двух сил. Хотя в первые годы Роберт Гвискар и Рожер (скорее из моральных соображений) подчеркивали крестоносный аспект сицилийского завоевания, с момента, когда Рожер начал строить систему управления обществом, объединяющим представителей разных народов, он всячески выказывал уважение к традициям ислама, а позднее искренне ими восхищался. Никто лучше его не знал, что жизнеспособное государство на Сицилии может быть создано только на основе полной религиозной терпимости, поэтому граф старательно внушал своим сарацинским подданным, что необходимые военные меры приме-нйются — часто с участием мусульманских подразделений, сражающихся на стороне нормандцев, — исключительно с целью политического объединения. Свобода религии гарантировалась завоеванным. С течением времени все больше сарацин на контролируемой нормандцами территории начали верить этим обещаниям; обрадованные возвращением к справедливому и действенному правлению, сулившему грядущее

[66] Селение не удалось идентифицировать.

процветание, были согласны соблюдать лояльность по отношению к Рожеру. Теперь, неожиданно, эмир Сиракуз сознательно пытался разжечь религиозную вражду. В Калабрии христианское общественное мнение ожесточалось против мусульман: если не устранить Бернарверта, конфессиональная вражда вскоре распространится и по Сицилии, и все труды Рожера пойдут прахом[67].

Рожер незамедлительно начал готовиться к большой военной кампании, сравнимой разве что с его походом на Таормину пять лет назад. Он трудился всю зиму и весну, и в середине мая 1035 г. все необходимое было сделано[68]. В среду 20 мая графский флот отплыл из Мессины. Той же ночью он достиг Таормины, в четверг был около Катании и вечером в пятницу корабли встали на якорь у мыса Сан-Кроче, примерно в пятнадцати милях к северу от Сиракуз, где Жордан — ныне полностью вернувший себе расположение отца — ожидал с кавалерией. Прежде чем двигаться дальше, Рожер решил провести разведку. Некий Филипп был послан вперед в небольшой шлюпке с двенадцатью сицилийцами, говорящими по-арабски, на борту — по большей части они, вероятно, сами были мусульманами. Филипп умудрился под покровом темноты не только зайти во вражескую гавань, но, поскольку его корабль приняли за местное судно, внедриться в середину флота Бернарверта. К воскресенью он вернулся с подробными сведениями о размерах и силе вражеского флота. Граф, соответственно, составил свои планы. Корабельщики и конники собрались на уединенном участке берега, чтобы послушать мессу и с наступлением ночи, исповедавшись и причастившись, тронулись в путь.

Битва состоялась на рассвете следующего дня у входа в гавань — в том самом месте, где корабли Сиракуз разгромили афинский флот почти точно пятнадцать веков назад. Сейчас они не были столь удачливы. Нормандские арбалетчики, выстроившись на палубе и взобравшись на мачты, могли стрелять и точно попадать в цель с большего расстояния, чем лучники Бернаверта, и эмир вскоре понял, что единственный его шанс — вступить в ближний бой с атакующими. Отдав приказ об общем наступлении, он повелел своему кормчему вести корабль прямо на фламандское судно Рожера. Он провел свой флот под градом стрел и врезался в нормандский строй, а затем, не дожидаясь, пока будут брошены крюки, попытался перепрыгнуть на палубу вражеского корабля. Это был храбрый, но роковой поступок. То ли он не рассчитал расстояние, то ли у него не хватило сил — он был серьезно ранен нормандским метательным копьем, — но эмир не допрыгнул. Он упал в море, его тяжелые доспехи довершили остальное.

Увидев, что их предводитель утонул, сиракузские моряки мгновенно растерялись. Большинство кораблей были захвачены на месте, другие отошли в гавань лишь для того, чтобы встретить Жордана и его людей, уже выстроившихся у внешней стены города. Осада продолжалась все жаркие летние месяцы. Напрасно защитники пытались сговориться с нормандцами, обещая отпустить всех христианских пленников, включая, надо полагать, несчастных монахинь Рокка-д'Асино; Рожер соглашался только на безоговорочную капитуляцию. Наконец в октябре старшая вдова Бернаверта с сыном и знатнейшими людьми города тайно пробрались на корабль и, прорвавшись сквозь нормандскую блокаду, бежали на юг в Ното. Их отбытие решило дело. Покинутые сиракузцы сдались.

Со смертью Бернаверта 25 мая 1085 г. — в тот самый день, когда папа Григорий почил в Салерно, — сарацинское сопротивление было сломлено. Эмир, хотя не обладал реальной властью вне окрестностей Сиракуз, был достаточно сильной личностью, чтобы захватить воображение и воспламенить сердца тех своих единоверцев, которые разделяли

---

[67] Шаландон заключает исходя из религиозных церемоний, которые сопровождали военные приготовления к сиракузской экспедиции, что Рожер сознательно разжигал страсти своих христианских подданных против неверных. Он недооценивает графа. Было в порядке вещей отслужить мессу, принести дары и другие сакральные церемонии перед началом военного похода, но попытка разжигать религиозные страсти в такую минуту шла бы вразрез со всей сицилийской политикой и могла привести к разрушительным последствиям.

[68] Амари, который относит эту экспедицию к 1086 г., не вполне точен в хронологии. Я следую Шаландону, чьи доводы кажутся неопровержимыми.

его чувства. Больше никого не осталось. Сарацины потеряли надежду: их боевой дух угас. Сиракузы, как мы сказали, держались еще несколько месяцев, но только в надежде добиться более выгодных условий. Другие крепости держались только до тех пор, пока Рожер, после смерти брата опять временно занятый континентальными делами, позволял им это делать.

В сентябре 1085 г., спустя неделю или две после того, как он опустил останки своего отца в могилу в Венозе, Рожер Бор-са созвал своих главных вассалов, чтобы они официально признали его герцогом Апулии и принесли ему клятву верности. Их признание, если таковое вообще имело место, было еще более неискренним, чем признание армии в Греции два месяца назад. Возвращение Отвилей все еще вызывало досаду почти у всех нормандских баронов южной Италии. Они волей-неволей проявляли лояльность к Роберту Гвискару, во-первых, потому, что у них не оставалось выбора, а во-вторых, потому, что они неохотно, но все же признавали его личное мужество, выдающиеся способности военачальника; но даже тогда они не колеблясь поднимали против него оружие при любом удобном случае. К его сыну, который не обладал никакими дарованиями Роберта и в чьих жилах текла, помимо нормандской, кровь презренных лангобардов, они не испытывали ни привязанности, ни уважения.

Но Сишельгаита знала свое дело. Она поговорила предварительно с самыми могущественными вассалами и .при необходимости подкупила их. Они со своей стороны с радостью дали согласие; если надо признавать верховного правителя, то чем слабее он будет, тем лучше. Только один человек твердо сопротивлялся избранию Рожера Борсы — Боэмунд. Столь же нетерпеливый и снедаемый амбициями, как некогда Гвискар, он ясно понимал, что имеет законное право и гораздо более подходит по характеру и способностям для того, чтобы наследовать отцовские владения. Не найдя сторонников среди своих друзей-вассалов, Боэмунд стал искать поддержки на стороне и нашел помощ- ника в лице Жордана из Капуи, который, естественно, не упустил возможности посеять смуту среди своих сильнейших соперников. Поддерживаемые капуанской армией — свежей и хорошо экипированной в противоположность изможденным скелетам, которые ковыляли домой из Греции с Рожером Борсой, — эти двое представляли собой устрашающую оппозицию, но Сишельгаита добилась для своего сына того, что (как она знала) будет решающим преимуществом, — защиты его дяди, бесспорно самой могучей фигуры в южной Италии со времени смерти Гвискара.

Рожер поддержал своего племянника и тезку из своекорыстных соображений, как и его апулийские вассалы. Хотя в последние годы он был реально правителем всей Сицилии, его брат сохранял за собой Валь-Демоне на северо-востоке, Палермо и половину Мессины, а также верховную власть над всем островом. Все это должно было перейти к его преемнику, и Рожер не хотел столкнуться с препятствием в лице нового правителя, который стал бы активно вмешиваться в сицилийские дела. Кроме того, Рожеру нужны были надежные связи с материком, а для этого требовалось обезопасить Калабрию. При том что Боэмунд и князь Капуи жаждали его крови, Рожер Борса едва ли был на это способен. И граф запросил свою цену. В обмен на поддержку он потребовал от племянника, чтобы тот уступил ему все калабрийские замки, которые в прошлом Рожер держал совместно с Робертом Гвискаром. Это было первое из множества соглашений, с помощью которых, оставаясь верным вассалом, мудрым советчиком и неизменным союзником, Рожер в течение следующих пятнадцати лет существенно укрепил собственную власть за счет племянника.

Граф оставил осаду Сиракуз, чтобы в Салерно принести присягу Рожеру Борее после его избрания. Церемония прошла без инцидентов, но как только вассалы разъехались, Боэмунд перешел в наступление. Он нанес удар по самой отдаленной и, вероятно, хуже всего защищенной части владений своего сводного брата — «пяте» Апулии. Промчавшись на юг из собственного замка в Таранто, Боэмунд захватил Орию и

Отранто едва ли не раньше, чем Рожер Борса узнал, что слу-Ечилось. Теперь он находился в таком положении, что мог диктовать условия, и новому герцогу оставалось только их принять. Мир был восстановлен лишь после того, как он уступил Боэмунду, помимо захваченных городов, также Галлиполи, Таранто и Бриндизи и большую часть территорий между Бриндизи и Коверсано вместе с титулом правителя Таранто. Рожер Борса нехорошо начал.

Его дядя при этом укрепил свои позиции. К весне 1086 г. Калабрия находилась под его контролем, между его племянниками с трудом, но установился мир, и граф Рожер мог уделить внимание Сицилии. 1 апреля его армия начала осаду Агридженто. Город пал 25 июля. Среди пленных были жена и дети некоего Ибн Хамуда, который наследовал старому Ибн аль-Хавассу в качестве эмира Энны. Ибн Хамуд был последним из сарацинских вождей, кто не подчинился нормандцам — главным образом потому, что те до сих пор не прилагали никаких усилий, чтобы его подчинить. Рожер, помнивший бесплодную осаду его неприступной крепости четверть века назад, всеми силами стремился прийти с ним к соглашению. Потому он отдал приказ, чтобы с его почтенными пленниками обращались уважительно, и немедленно начал обдумывать, как ему сговориться с эмиром.

Остаток года Рожер занимался тем, что прижимал Ро-жера Борсу — впервые посетившего Сицилию в качестве герцога, — восстанавливал укрепления Агридженто и утверждал главенство нормандцев на вновь завоеванных территориях. Он чувствовал, что лучше предоставить Ибн Хамуду время поразмыслить над ситуацией. Помимо Энны на Сицилии остались лишь два мелких очага сопротивления — Бутера и Ното, ни тот ни другой не устояли бы перед массированной атакой. Окончательное подчинение острова было, таким образом, близким и неизбежным. Эмир не мог более ожидать помощи извне, а при том, что его жена и сын находились в руках нормандцев, с его стороны было бы разумно пойти на примирение.

В начале 1087 г. с эскортом из сотни воинов, вооруженных копьями, Рожер поскакал из Агридженто к подножию горы, на которой стояла Энна, и пригласил Ибн Хамуда, обещав ему полную безопасность, спуститься для переговоров. Оказалось, что эмир полностью согласен со всем, что Рожер собирался ему сказать, готов сдаться и озабочен только тем, как сделать это, не уронив свое достоинство. Граф достаточно долго жил среди мусульман, чтобы понять серьезность проблемы, он хотел, чтобы капитуляция прошла по возможности гладко, и готов бы исполнить все, что Ибн Хамуд мог предложить. Решение вскоре нашлось, и Рожер со своими людьми довольный отбыл в Агридженто. Спустя несколько дней Ибн Хамуд вновь покинул крепость, на сей раз с отрядом воинов и в сопровождении значительного числа своих ближайших советников. Их путь лежал через узкое ущелье, но, как только они оказались там, их встретили и окружили превосходящие силы нормандцев. В таких обстоятельствах о сопротивлении не стоило и думать. Те, кто захватил их в плен, затем подошли к Энне; крепость, остававшаяся без эмира, армии и знати, сразу сдалась. Ибн Хамуд, к которому вернулась его семья, крестился — тот факт, что они с женой теперь оказывались в запретной степени родства, разумно оставили без внимания — и отбыл с Рожером в Калабрию, где граф, в соответствии со своей обычной практикой, наделил его крупным поместьем. Там он прожил оставшиеся годы, вдали от прежних сфер влияния, но счастливо, на манер любого другого христианского дворянина.

Тем временем на континенте возникла новая серьезная проблема. Прошло более года со смерти папы Григория, а постоянные трудности с преемственностью приняли размеры еще более угрожающие, чем бывало прежде. Антипапа Климент, не сумевший заслужить доверие римлян, был изгнан из города, и престол святого Петра опять остался пустым. Недостатка в кандидатах не было: Григорий назвал на смертном одре четырех — архиепископа Гуго Лионского, епископов Одо из Остии и Ансельма из Лукки и Дезидерия

из Монте-Кассино. Большинство кардиналов — так же как и население Рима — предпочитали Дезидерия. Как настоятель одного из крупнейших и наиболее почитаемых монастырей Европы, он явился человеком влиятельным, в его распоряжении имелись огромные богатства, его дипломатические таланты были хорошо известны, он давно пользовался уважением и доверием нормандцев, успешно посредничал между Робертом Гвискаром и Ричардом из Капуи в 1075 г., а спустя пять лет в Чепрано многое сделал для примирения Роберта с папой Григорием. Правда, выступая в качестве посредника между сыном Ричарда Жорданом и Генрихом IV в 1082 г. и заключив в том же году сепаратное соглашение с претендентом на императорскую корону, Дезидерий, как считали многие клирики, зашел в своей миротворческой деятельности слишком далеко и двенадцать месяцев находился за свои хлопоты под папским отлучением, но позже Григорий его простил, и теперь, когда политические страсти немного улеглись, хорошие личные отношения аббата с императором говорили только в его пользу. Дезидерий, таким образом, казался во всех отношениях подходящим кандидатом на папскую кафедру. Была только одна помеха: он категорически отказывался ее занять.

Его отношение вполне понятно. Он был по природе затворник, ученый и созерцатель. Сорок лет назад он с большим трудом сумел сменить палаты лангобардского принца на монашескую келью и в конце концов обосновался в Монте-Кассино; он стал прекрасным настоятелем, дал монастырю мир и спокойствие, столь необходимые после многих лет сражений, и обеспечил для себя возможность следовать образу жизни, для которого, как он верил, Бог его предназначил. Вся его политика, вся его успешная дипломатическая деятельность в итоге служили этим двум целям. Его монастырь рос и процветал, сокровищницы его постоянно пополнялись, и Дезидерий, воспользовавшись этим, превратил его из скопления обветшалых, разрушенных врагами и долго находившихся в небрежении зданий в самое восхитительное архитектурное сооружение на юге. Он сделал даже больше, пригласив из далекого Константинополя искусных мастеров, рисовавших фрески и создававших мозаики, а также «опус Александринум» — орнаментальные мраморные полы, которыми славятся многие церкви в южной Италии. Тем самым Дезидерий взял на себя роль покровителя искусств и проводника византийского культурного влияния, уникальную для Италии его времени[69].

Монте-Кассино, таким образом, стал жизнью Дезидерия; настоятель испытывал истинную радость, украшая свое аббатство, и величие монастыря — предел его желаний. Он не хотел менять уютную обитель на интриги и страсти, опасности, горячку и насилия папского Рима. Дезидерий знал также, что ему недостает силы характера и целеустремленности, которые явились самыми необходимыми качествами для папы. Человек деликатный и мирный, не обладал ни в коей мере железной твердостью Гильдебранда. Вдобавок его здоровье начинало сдавать. Ему было только пятьдесят восемь, но он догадывался, что ему не так долго осталось жить. Как только антипапа бежал, Дезидерий поспешил в Рим, чтобы добиться быстрого избрания какого-либо другого подходящего кандидата, и сделал все, чтобы убедить Жордана из Капуи и графиню Матильду поддержать его усилия. Но, увидев, что они твердо решили избрать его самого, он смог только повторить свой отказ и поскорее вернуться в любимый монастырь.

Его сторонники, однако, оказались упрямы, они даже думать не хотели о другом кандидате, так что папский престол пустовал около года. На Пасху 1086 г. все кардиналы

---

[69] Базилика Дезидерия в Монте-Кассино, освященная в 1071 г. папой Александром, в присутствии Гильдебранда, святого Петра Дамиани и главных нормандских и лангобардских предводителей южной Италии, за исключением Роберта Гвискара и Рожера, занятых осадой Палермо, к сожалению, разрушена. Влияние этого стиля, однако, прослеживается во внутреннем убранстве собора, построенного Робертом Гвискаром в Салерно. Он имеет форму римской базилики с атриумом, украшенным античными колоннами *ил* Пестума и мозаиками п византийском стиле, но итальянской работы. Тем более замечательна подлинная драгоценность Италии — маленькая церковь Сан-Анджело в Формисе, неподалеку от Капуи, чьи фрески и сейчас столь же ярки, как в день, когда они были написаны. По ним мы можем судить о том, какой живой и выразительной могла быть итальянская живопись романского стиля.

и самые влиятельные епископы собрались в Риме и послали Дезидерию официальное приглашение присоединиться к собранию. Он согласился с большой неохотой, и его сразу засыпали просьбами изменить свою точку зрения. Дезидерий оставался непреклонен. Наконец, в отчаянии собравшиеся согласились принять любого кандидата, которого он назовет. Дезидерий немедленно предложил Одо из Остии, добавив с характерной для него неуверенностью, что, если подобный выбор не будет сразу одобрен в Риме, он охотно предоставит новому папе убежище в Монте-Кассино на любой срок, на который потребуется. Но все было бесполезно. Чем больше Дезидерий говорил, тем больше у слушателей крепла решимость избрать его и никого другого. Кандидатура Одо была отвергнута на том основании, что его избрание противоречит каноническому праву, хотя все знали, что это чепуха. Римляне, без сомнения хорошо проинструктированные заранее и имеющие опыт в таких делах со времени избрания Гильдебранда тринадцатью годами ранее, громко ратовали за Дезидерия. Сопротивляющегося аббата препроводили в соседнюю церковь Святой Лючии, где он, к своему отчаянию, услышал, что его радостно провозглашают папой Виктором III. Красную ризу набросили на его плечи раньше, чем он успел этому воспротивиться, но никакими уговорами не удалось заставить его надеть другие знаки папского достоинства.

Спустя четыре дня в Риме начались беспорядки. Рожер Борса выбрал этот момент для того, чтобы освободить имперского префекта Рима, которого его отец заточил в темницу два года назад. Сделал ли он это, чтобы насолить Жордану из Капуи и папской курии (которая недавно отказалась утвердить кандидатуру нового архиепископа Салерно), или проявил обычную свою бестолковость, неизвестно, но он совершил большую глупость. Покладистый и благожелательный Дезидерий явился, с точки зрения нормандцев, лучшим кандидатом в папы, но теперь префект направился прямо в Рим, поднял старую имперскую фракцию и сорвал официальную церемонию в соборе Святого Петра. Худшие опасения нового папы подтвердились. Он, видимо, только обрадовался возможности доказать, что папская кафедра — не для него. Даже не пытаясь сопротивляться, он покинул Рим, сел на корабль, отправлявшийся в Террачину, откуда, официально объявив о своем отречении, вернулся в Монте-Кассино.

Теперь положение стало еше хуже. Кроме того, раздались первые голоса, враждебные Дезидерию. Гуго из Лиона и Одо из Остии, названные умирающим Григорием и полагавшие себя на редкость подходящими кандидатами для получения папской тиары, естественно, возмутились той манерой, в которой она была возложена на голову их коллеги, не желавшего ее и показавшего явную свою непригодность для столь ответственного поста. В октябре эти два недовольных прелата, сопровождаемые несколькими другими церковными иерархами, теперь разделявшими их мнения, прибыли в Салерно. Рожер Борса, все еще горевавший из-за своего архиепископа, с готовностью их принял, и, хотя мы не знаем, о чем они договорились, *с* этого времени популярность настоятеля стала падать. Разве он не заключил сепаратного договора с Генрихом IV, когда Генрих открыто угрожал не только Риму, но и самому папе? Разве он не был за это на год отлучен от церкви? Достоин ли этот человек быть наместником Христа на земле?

Эти инсинуации, исходившие из Салерно, рано или поздно должны были достичь ушей Дезидерия, благополучно возвратившегося в свое аббатство. Гораздо удивительней, что они произвели на него впечатление. Впервые со смерти Григория он выказал решимость. Быть может, мысль о том, что папский престол займет один из его недоброжелателей, подтолкнула настоятеля к действиям. Ему никогда не нравился Гуго из Лиона, который публично порицал его взаимоотношения с представителями империи, а Одо, чью кандидатуру он сам предлагал несколько месяцев назад, выбрал странный способ выразить свою благодарность. Но Дезидерий по натуре не был ревнив или мстителен. В течение тридцати лет его действия определялись только двумя соображениями — благом Монте-Кассино и стремлением вести мирную жизнь за монастырскими стенами, — и именно здесь следует искать объяснение шагам, которые

Дезидерий теперь предпринял. Возможно, Жордан, все еще его решительный сторонник, нашел единственный способ подтолкнуть Дезидерия к действиям и втолковал ему, что возвышение любого из его противников гибельно скажется на его собственном положении как аббата; подобные слухи могли дойти до него и из других, более надежных источников. Каковы бы ни были причины, Дезидерий взял себя в руки и, пользуясь данными ему правами, собрал синод в Капуе. В марте 1087 г. он официально объявил, что возвращается на папскую кафедру. Его противники внутри церкви немедленно выступили, уверенные, что их союзник Рожер Борса поддержит их, но Дезидерий тайно говорил с герцогом накануне вечером, и они к обоюдному удовольствию решили вопрос об архиепископе Салерно. Безответственный, как всегда, Рожер теперь высказался в пользу папы. Виктор без прежнего нежелания надел на себя папское облачение, которое некогда так яростно сбросил, и тотчас отбыл в Рим в сопровождении объединенного нормандского войска Апулии и Капуи.

Обстановка в Риме не улучшилась за время его отсутствия. Имперский префект, оставшийся после отъезда Дезидерия хозяином положения, вызвал антипапу Климента и вновь водворил его в Ватикане; и именно Ватикан, в особенности старый собор Святого Петра, теперь испытал на себе всю мощь нормандского удара. Его защитники делали все, что могли, но собор Святого Петра — это не Сант-Анджело, и они продержались недолго. Климент бежал в Пантеон и обосновался там, а 9 мая епископ Остии, смирившийся, наконец, с неизбежным, рукоположил Виктора III в базилике. Но и теперь папе рано было торжествовать. Сам Рим еще оставался в руках сторонников империи, а нормандцы, достигнув своей первоначальной цели, не желали снова вторгаться в старый город, где память о 1084 г. была еще слишком свежа. В таких обстоятельствах Виктору не составило труда убедить себя, что ему бесполезно оставаться при кафедре, и спустя две недели он вернулся в Монте-Кассино.

На этот раз он спасся от врагов, но Бог, который в других отношениях оказывал ему покровительство, по-прежнему не желал защитить его от друзей. Теперь графиня Матильда Тосканская появилась у ворот Рима с намерением изгнать Климента и его сторонников и настояла на том, чтобы Виктор лично при этом присутствовал. Измученный несчастный папа потащился в город и провел со своей незваной покровительницей два невыносимо жарких месяца в крепости Пьермоне на Тибрском острове[70].

Борьба шла с переменным успехом, кровопролитные схватки не приносили окончательной победы ни одной из сторон. В июле уже тяжело больной, папа отказался терпеть это все дальше и отбыл в монастырь, чтобы там 16 сентября умереть. Его похоронили в капитуле, но все аббатство, которое он обновлял и перестраивал, стало ему памятником. Монахи Мон-те-Кассино сохранили о нем добрую память, для остального мира его имя стало символом бессилия и упадка, наглядно подтвердивших две самоочевидные истины — во-первых, хорошие настоятели не обязательно становятся великими папами и, во-вторых, папству, как и во времена Григория, жизненно необходимы нормандские мечи.

Глава 19
ВЕЛИКИЙ ГРАФ

Всегда готовый к разговору,
мудрый в советах, дальновидный в делах.
Малатерра о Рожере, I, 19

[70] Средневековая башня, которая до сих пор возвышается на острове к югу от моста Фабричио, — часть старой крепости. Она ныне зовется Баш ней графини в память о Матильде. Пьерлеони впоследствии укрепили также театр Мярицелла прямо напротив острова, на левом берегу.

Семьдесят один год прошел с того дня, когда Мелус подошел к паломникам в пещере Архангела — семьдесят один год, в течение которых огромная волна, прокатившаяся по южной Италии, которая несла нормандцев на гребне и сметала всех остальных, ни разу не останавливалась в своем движении. Она пронесла их через Аверсу, Мельфи и Чивитате, через Мессину, Бари и Палермо и даже в сам Рим, поднимая их с каждым последующим десятилетием к новым высотам славы и власти, и, если случайно на год или два напор уменьшался, это всегда оказывалось только передышкой перед новым взлетом. В последние двенадцать лет века натиск ослабел. Прежний запал был утрачен. Словно само время устояло от бесконечной череды событий.

Так, по крайней мере, кажется историку. Для тех подданных герцога, которые населяли континентальную Италию в те годы, нынешняя жизнь практически не отличалась от прежней — разве что она стала немного скучнее после смерти Гвискара, поскольку его энергия и энтузиазм чувствовались далеко за пределами его непосредственного окружения, состоявшего из его личных вассалов, воинов и тех, на чьих судьбах впрямую сказывалась его политика. Но скука, увы, не означала безопасности. Старые раздоры между Рожером Борсой и Боэмундом вновь вспыхнули осенью 1087 г., и в течение последующих девяти лет трудно было найти область на юге, которая не пострадала от их соперничества. Внутренние усобицы никогда не приносят положительных результатов, они истощают страну физически и финансово, не представляя возможностей для экспансии или завоеваний или экономических выгод, но та междоусобица, которая захватила теперь полуостров, оказалась даже более бессмысленна, чем это обычно бывает, поскольку, хотя она позволила Боэмунду наложить руку на владения сводного брата, все эти приобретения он потерял, когда в 1096 г. отправился в Первый крестовый поход.

Но не только местное население сожалело об утрате былого порядка. Нашлись и другие люди, не имевшие прямого отношения к герцогству, которых все более беспокоила постигшая его анархия. Главным среди них был Одо, епископ Остии, который спустя шесть месяцев после смерти папы Виктора был избран его преемником на папской кафедре под именем Урбана II. Этот высокомерный ученый арис-тократ из Шампани, ревностный сторонник реформ, который был настоятелем в Клюни, прежде чем отправиться на юг и присоединиться к курии, имел мало общего со своим трогательным и несчастным предшественником. Он был непреклонным сторонником главенства папы в духе Григория — за исключением того, что обладал всем лоском и дипломатической тонкостью, которых так отчаянно не хватало человеку, ставшему для него идейным вдохновителем и примером для подражания. Поскольку Рим опять был в руках антипапы Климента и сторонников империи, Урбана избрали и посвятили в сан в Террачине, и он хорошо понимал, что помощь нормандцев понадобится ему, если он собирается возвращаться в столицу. В начале его понтификата, при том что герцог Апулии был целиком поглощен своими распрями с князем Таранто, ни о какой помощи не могло идти речи. Только после личного визита Урбана на Сицилию граф Рожер сумел в очередной раз установить временный мир между своими племянниками, что дало возможность организовать военную экспедицию в Рим, в составе которой в ноябре 1088 г. папа вошел в город. Но даже после этого он оказался, как прежде Виктор, заключен на крошечном Тибрском острове и следующей осенью снова был изгнан. Только на Пасху 1094 г. и то благодаря взятке он смог проникнуть в Латеранский дворец и, через шесть лет после посвящения, занять принадлежавшую ему по праву кафедру.

В течение этих шести лет Урбан в основном скитался по южной Италии, тем больше он убеждался, что реально наследником Гвискара стал граф Рожер, а не его племянник. Новый герцог Апулии был старательным, но бесполезным ничтожеством, презираемым и нормандцами и лангобардами; он пытался бороться по мере сил, но чем дальше, тем больше зависел от своего дяди и, сознавая свою бездарность, пытался найти утешение в церквях и монастырях, где его щедрость и несомненная набожность снискали

ему искреннее уважение. Боэмунд, со своей стороны, хотя уже проявил некоторые дарования своего отца, унаследовал также его неугомонность и безответственность. В глазах Урбана он был разбойником, поднявшим оружие против папского вассала, но его могущество быстро росло: в 1090 г. он умудрился захватить Бари и несколько городов в северной Калабрии и теперь контролировал не только «пяту Италии», но и всю область между Мельфи и заливом Таранто. Даже если удастся помешать ему разрушить юг, его влияние на полуострове всегда будет подрывным. На поддержку из княжества Капуи также не приходилось рассчитывать: Жордан умер в 1090 г., а его сын Ричард, еще маленький, был изгнан и жил теперь на чужбине.

В 1094 г. графу Рожеру исполнилось шестьдесят три года и он являлся неоспоримым хозяином Сицилии. Бутера признала его власть вскоре после визита Урбана в 1088 г., а Ното, последний бастион сарацин, добровольно сдался в 1091-м. В том же году, чтобы обезопасить себя от набегов с юга, Рожер провел экспедицию на Мальту, которая также подчинилась без боя. Из тех владений на Сицилии, которые Роберт Гвискар оставил за собой, половина Палермо, половина Мессины и большая часть Валь-Демоне формально являлись собственностью Рожера Борсы — другая половина Палермо была приобретена графом в обмен за помощь племяннику в осаде Козенцы. Но, хотя Рожер не получал доходов от этих территорий, его авторитет там был столь же высок, как везде на острове.

За два десятилетия, прошедшие со времени падения сицилийской столицы, характер его существенно изменился. В молодости он проявлял ту же горячность и непоседливость, что и другие Отвили, но, Гвискар до конца жизни оставался искателем приключений, Рожер превратился в зрелого и ответственного государственного деятеля. Более того, невзирая на свои завоевания, он был мирным человеком. За все то время, пока он медленно утверждал свою власть на острове, граф Сицилийский никогда не использовал военную силу в тех случаях, когда имелась возможность договориться, а если война оказывалась неизбежной, никогда не начинал военных действий, не будучи уверен в победе. Завоевание шло долго и заняло большую часть его взрослой жизни — зато он мог по мере продвижения закрепляться на новых территориях и сумел обеспечить себе уважение и доверие большинства подданных, независимо от их религии и национальной принадлежности. Роберту Гвискару такое было бы не под силу.

Для Роберта, надо признать, громадным и, возможно, непреодолимым препятствием всегда оказывались его вассалы. Завистливые, непокорные, постоянно недовольные его правилами, они были проклятием юга, главной помехой для его процветания и сплочения. У них, однако, имелось несомненное право находиться там, где они находились: семьи многих из них поселились в Италии прежде, чем первый из сыновей Танкреда покинул поместье своего отца. Гвискару приходилось мириться *с* их существованием как с неизбежным злом, поддерживать с ними наилучшие возможные отношения. На Сицилии дело обстояло иначе. Туда Отвили прибыли первыми, уже имея права, подтвержденные папой; они сами распределяли земли и титулы и с самого начала позаботились о том, чтобы предотвратить образование больших поместий, владельцы которых могли впоследствии представлять угрозу для их собственных позиций.

Итак, Рожер Сицилийский к началу последнего десятилетия XI в. сделался величайшим властителем на юге, более могущественным, чем любой правитель континентальной Италии. Папа Урбан, чье положение в Риме оставалось крайне сомнительным, поскольку замок Сант-Анджело находился в руках сторонников Климента до 1098 г., ясно сознавал, что в случае возникновения новой серьезной угрозы для папства только граф сможет сказать необходимую поддержку на юге. Рожер, честно сказать, был не самым удобным союзником. Он знал себе цену и затребовал с папы, как позже с племянника, большую плату. Однако ему хотелось усилить позиции латинской церкви на Сицилии. Без этого его нынешнее положение оказывалось затруднительным, а кроме того, он не мог бы рассчитывать на поддержку церкви во времена кризисов. Помимо этого он

хорошо понимал, что управлять тремя потенциально противостоящими друг другу группировками проще и спокойнее, чем двумя. Потому, заботясь о том, чтобы не обижать и не пугать греческую и исламскую общины, он всячески поощрял латинских клириков, которые прибыли на Сицилию в первые годы завоевания. В апреле 1073 г. латинская архиепископская кафедра была учреждена в Палермо, в течение следующих пятнадцати лет, по мере того как латинских клириков на острове становилось все больше, выходцы из Франции заняли епископские кафедры в Тройне, Мацаре, Агридженто, Сиракузах и Катании, а в 1085 г. первый сицилийский бенедиктинский монастырь был основан на средства самого Рожера на острове Липари.

Папство, хотя и довольное тем, что влияние римской церкви так быстро распространяется в землях, прежде находившихся вне ее досягаемости, поначалу следило за действиями Рожера с некоторым опасением. Григорий VII, как мы говорили, крайне неодобрительно относился к практике назначения епископов местными правителями, и, хотя великий граф в отличие от Генриха IV никогда не возводил вопросы инвеституры в ранг принципа, он явно не намеревался отказываться от жесткого личного контроля за церковными делами. К счастью, у Григория хватало других забот, чтобы еще думать о Сицилии; а Урбан, хотя придерживался близких взглядов на данный предмет[71], проявил нужную долю дипломатии, на которую его предшественник не был способен. Причина состояла не только в том, он нуждался в Рожере в качестве союзника. Для папы, который уже обдумывал идею массового общеевропейского крестового похода для освобождения Святой земли от неверных, едва ли имело смысл активно противостоять единственному победоносному крестоносцу Запада, вернувшему — после перерыва в два с половиной века — большую часть Сицилии в лоно христианства. В глубине души его могло посещать другое тяжкое сомнение: может ли он быть полностью уверен в преданности Рожера истинной вере? Разумеется, граф подчинил на Сицилии православные церкви латинским церковным иерархам, но он предпринял этот шаг скорее для самозащиты, чтобы не допустить усиления византийского влияния, чем из уважения к Риму. Более того, он основывал василианские монастыри в тревожащих количествах, а в Палермо и других местах ходили слухи о его возможном обращении. Урбан не мог рисковать.

Также он не мог позволить графу притязать на права, которые принадлежали ему самому, и, каким бы ни был первоначальный повод его визита к Рожеру в Тройну в 1088 г. — просьба о помощи в походе на Рим или, как предполагает Малатерра, обсуждение византийских предложений об окончании схизмы, — достаточно очевидно, что папа и граф пришли к обоюдовыгодному соглашению по всем вопросам, касающимся церкви на Сицилии. С этого времени Рожер — в обмен на признание верховенства папы в церковных делах — пользовался большой свободой в принятии решений от имени папы и только в крайних случаях — как при отказе Урбана основать епископскую кафедру в Липари в 1091 г. — подчинялся его воле.

Десять лет все шло гладко. За это время дочь Рожера Констанция вышла замуж за Конрада, мятежного сына Генриха IV, который вступил в союз с врагами отца, и вскоре Сицилия превратилась в важный оплот приверженцев папства. Затем, в 1097 г., Урбан просчитался. Не предупредив графа, он назначил Роберта, епископа Тройны и Мессины, своим легатом на Сицилии. С точки зрения Рожера, такой поступок являлся необоснованным и неприемлемым вмешательством в его дела. Несчастного Робера схватили в его собственной церкви и посадили под арест.

В иных обстоятельствах и с другими действующими лицами подобные события должны были привести к серьезному кризису в отношениях между Сицилией и папством, но Рожер и Урбан оба были блестящими дипломатами, и по счастливой случайности возможность уладить дело вскоре представилась. Несколькими месяцами раньше сын

---

[71] «Все, что он (Григорий) отвергал, я отвергаю, все, что он осуждал, я осуждаю, все, что он рассматривал как католическое, я принимаю, встаю на сторону тех, кого он поддерживал» (из циркулярного письма, написанного Урбаном сразу после избрания, в марте 1088 г.).

Жордана из Капуи Ричард, уже повзрослевший, обратился и к герцогу Апулии и к графу Сицилии с просьбой помочь ему отвоевать свое княжество, откуда он и его родные были изгнаны вскоре после смерти его отца. Они согласились — Рожер Борса в обмен на верховную власть над всеми капуанскими землями, его дядя при условии, что капуанцы откажутся от притязаний на Неаполь. Осада началась в мае 1098 г. и длилась сорок дней, и папе нетрудно было под предлогом посредничества отправиться к осажденному городу. Рожер принял его со всей любезностью, предоставил, как сообщают, шесть палаток в его распоряжение, а на последовавших переговорах — в которых участвовал в доказательство доброй воли графа сам епископ Робер, — он признал, что действовал слишком поспешно, и принес подобающие извинения. Пока продолжались переговоры, Капуя сдалась, и князь получил назад свой титул, папа и граф вместе вернулись в Салерно и здесь выработали формулу, которая породила больше спекуляций и жарких споров, чем любой другой эпизод взаимоотношений между Сицилией и Римом. Эта формула содержалась в письме, адресованном Урбаном 5 июля 1098 г. «своему дражайшему сыну, графу Калабрии и Сицилии». Папа в этом послании обещал, что ни один папский легат не будет назначен ни в одной из частей владений Рожера без официального разрешения самого графа или его непосредственных наследников, которыми Урбан формально передавал полномочия легатов. Он также предоставил Рожеру право в будущем по своему усмотрению выбирать епископов, которые станут представлять Сицилию на синодах.

Некоторые выдающиеся историки этого периода доказывают, что, обретя постоянный статус папского легата, великий граф обрел права, далеко превосходящие те, которыми пользовался кто-либо из мирских властителей христианского Запада[72]. Апологеты католицизма, с другой стороны, стремясь опровергнуть преувеличенные притязания позднейших сицилийских правителей, приложили огромные усилия, чтобы доказать, что на самом деле папа уступил очень мало. Недавние исследования подтверждают их правоту. Безусловно, статус легата был отобран у епископа Робера, но стоит заметить, что Урбан в письме не передавал его официально Рожеру, но позволил ему действовать вместо легата («Legati vice»). Более того, папское послание было просто письменным подтверждением более ранней устной договоренности. Папа мог основываться на своих обещаниях, данных незадолго до этого в Капуе и Салерно, действия Рожера по отношению к церкви в предшествующие десять лет свидетельствуют о том, что он приписал себе полномочия папского легата уже после визита Урбана в 1088 г. Этим объясняется его гнев по поводу назначения Робера — единственный случай в его жизни, когда он поднял руку на представителя духовенства.

Если мы принимаем современную интерпретацию письма папы, оно оказывается всего лишь записью соглашения десятилетней давности, выгодного для обеих сторон. Власть, предоставленная Рожеру, не была абсолютной и не долго оставалась уникальной: спустя несколько лет король Генрих II получил почти такие же права в отношении английской церкви. Но не стоит на этом основании ее недооценивать. У Рожера теперь имелись подтвержденные в письменной форме полномочия от Рима, позволявшие ему принимать решения по своему усмотрению, что было бы невозможно при наличии на Сицилии полноценного папского представительства. Он обрел таким образом реальную власть над латинской церковью на своих территориях, в той же мере, в какой он имел ее над православными и мусульманскими общинами. Если он и не добился столь блестящей дипломатической победы, как прежде предполагалось, то безусловно преуспел в достижении своих целей[73].

Папа Урбан не был единственным выдающимся церковным деятелем, появившимся под стенами Капуи в те летние дни 1098 г. Святой Ансельм, архиепископ

---

[72] Назовем только двух — Шаландона («История владычества нормандцев») и Каспара («Папские легаты в нормандско-сицилийском королевстве»).

[73] Этот вопрос всесторонне обсуждается Э. Жорданом в его книге «Церковная политика Рожера I и происхождение «Сицилийской легации».

Кентерберийский, лангобард по рождению, покинул в отчаянии Англию в предыдушем октябре — Вильгельм Руфус уже не в первый раз отравлял его жизнь — и находился неподалеку от осажденного города. Рожер Борса отправил ему письмо с приглашением посетить осаждающих. Как рассказывает друг и биограф Ансельма, монах Эадмер (сопровождавший его), Ансельм принял приглашение и оставался у Капуи вплоть до падения города, «живя в палатках, поставленных в стороне от шума и суеты военного лагеря». Вскоре после его приезда к нему присоединился папа. Дальнейшую историю лучше изложить словами Эадмера: «Святейший папа и Ансельм были соседями при осаде... они, казалось, жили одним домом, а не двумя, и каждый, кто по своей воле являлся с визитом к папе, навещал по пути Ансельма. В действительности многие, кто боялся приблизиться к папе, спешили зайти к Ансельму, ведомые той любовью, которая не знает страха. К величию папы допускались только богатые; человечность Ансельма давала приют всем без исключения. А кого я имею в виду под всеми? Даже язычников, наряду с христианами. Это были действительно язычники, поскольку граф Сицилии, вассал герцога Рожера, взял их с собой в количестве нескольких тысяч. Некоторые из них, говорю я вам, потрясенные рассказами о доброте Ансельма, которые ходили среди них, зачастили в наш лагерь. Они с благодарностью принимали пищу, которую Ансельм им предлагал, и возвращались к собственному народу, описывая его удивительную доброту. В результате он заслужил такое уважение среди них, что, когда мы проходили через их лагерь — поскольку они жили вместе в одном лагере — громадная толпа, воздевшая руки к небесам, призывала благословение на его голову, а затем поцеловала ему руку, по своему обычаю, они почтительно преклонили перед ним колени, благодаря его за доброту и щедрость. Многие из них даже, как нам стало известно, добровольно следовали поучениям Ансельма и возложили бы на себя узы христианской веры, если бы не боялись гнева своего графа. Ибо воистину он не желал, чтобы кто-то из них становился христианиномбезнаказанно. Из каких соображений — если позволительно употребить такое слово — он так поступал, меня не касается: пусть это остается между ним и Богом».

Эадмер не самый объективный биограф, и трудно поверить, что сарацинские войска графа Рожера были столь многочисленны и столь восторженны, как он описывает. В его рассказе содержится, однако, интересное упоминание о том, что граф не позволял сарацинам принимать христианство. В последующие годы правителей Сицилии не раз жестоко проклинали за то, что они хладнокровно посылали мусульманские войска на своих христианских врагов и яростно противились любым попыткам миссионерства. Фанатичным средневековым умам такая политика казалась аморальной, но она полностью оправдала себя на практике. Прежде всего, создав отборные войска из сарацинских воинов под командой сарацинских военачальников, использовавшие традиционные методы ведения войны, Рожер нашел полезное применение боевому духу и военным талантам своих мусульманских подданных; в результате они не чувствовали себя людьми второго сорта, а, напротив, гордились тем, что участвуют в делах нового сицилийского государства. Во-вторых, он знал, какое разрушительное воздействие оказывают любые религиозные санкции на боеспособность христианской армии. Его отношения с папством были вполне дружественными, но никто не ведал, сколь долго они такими останутся. Только при наличии сильного исламского подразделения в его войске он мог гарантировать, что в случае разрыва с папой в его распоряжении останется корпус первоклассных воинов, всецело ему преданных. Наконец, присутствие сарацинского подразделения делало армию графа самой сильной на полуострове, обеспечивая ей превосходство над войсками Капуи и даже армией графа Апулии.

Рожер со временем все больше проникался уважением к военному искусству сарацин, и одновременно нечто подобное происходило в административной сфере. По мере того как он завоевывал их доверие и они начинали признавать его в качестве своего правителя — при том, что их таланты и умения, особенно в финансовых и коммерческих делах, постепенно, проявлялись со всей очевидностью, — все больше мусульман

занимали высокие административные должности. В Палермо правителями всегда были христиане, хотя даже там глава носил арабский титул эмира, который вошел в латинский язык в форме «ammiratus», и от него произошло современное слово «адмирал». Но почти во всех областях острова, где население было полностью или в основном мусульманским, власть осталась в руках местных сарацинских эмиров. Соответственно, после того как в стране воцарился мир, ожили древние арабские традиции в области науки, искусства, философии: вновь появившихся поэтов, ученых и ремесленников прославляли и привечали, и тем самым были заложены основы для небывалого расцвета культуры на Сицилии в XII столетии, в который арабы внесли самый большой и ощутимый вклад.

Учитывая все это, едва ли стоит удивляться, что, когда в ноябре 1095 г. в Клермоне папа Урбан призвал правителей и народы христианского мира поднять оружие против сарацин и освободить Святую землю от языческой скверны, его слова не нашли отклика у графа Сицилии. Рыцари и бароны Апулии, в чьих сердцах не угасала старая нормандская страсть к перемене мест, отозвались сразу и с величайшим воодушевлением; дошло до того, что Рожер Борса, который — как всегда с дядиной помощью — осаждал мятежный Амальфи, когда весть о Крестовом походе достигла южной Италии, неожиданно обнаружил, что почти половина его войска дезертировала, и вынужден был снять осаду. Через несколько месяцев армия крестоносцев, пересекавшая полуостров, чтобы отплыть на кораблях дальше по дороге, невероятно пополнилась за счет нормандских воинов, которые сотнями присоединялись к ней. Ими предводительствовал великан Боэмунд, и среди его приближенных были, как минимум, еще пять внуков и два правнука Танкреда де Отвиля.

Герцогу Апулии, несмотря на злосчастное дезертирство его армии, этот великий исход казался даром Божьим, ибо благодаря ему он избавился от всех самых опасных и беспокойных обитателей своих владений. Но возбуждение и волнения этого лета не затронули его дядю. Рожер за свою жизнь уже пресытился крестовыми походами. Арабский историк Ибн аль-Атхир рассказывает, как примерно в это время графу предложили присоединиться к французской армии, отправлявшейся в военную экспедицию в Африку против Темима, зиридского султана из династии Зиридов в Махдии, на территории нынешнего Туниса. Аль-Атхир далее пишет:

«Получив эту весть, Рожер собрал своих соратников и спросил у них совета. Все ответили: «Воистину, это прекрасный план для всех, ибо тогда страны станут христианскими». Но Рожер поднял ногу и, издав неприличный звук, сказал: «Я считаю, что это не лучший совет... Когда эта армия будет здесь, мне придется предоставить корабли и еще многое другое, чтобы переправить в Африку их и мои собственные войска. Если мы завоюем эту страну, она будет принадлежать им, а мы должны будем посылать им провизию с Сицилии, и я потеряю деньги, получаемые каждый год от торговли. Если же, наоборот, поход закончится неудачей, они вернутся на Сицилию и станут надоедать мне здесь. Более того, Темим сможет обвинить меня в бесчестье, заявив, что я нарушил слово и порвал связи дружбы, существовавшие между нашими странами».

Ибн аль-Атхир писал примерно через сто лет после смерти Рожера. Факты у него немного спутались, эпизод, о котором идет речь, скорее всего, соотносится с отказом Рожера присоединиться к совместной пизанско-генуэзской экспедиции против Темима в 1086 г. Рассказ аль-Атхира ценен не столько как источник исторических сведений, сколько как свидетельство касательно репутации Рожера в арабском мире. Это также одна из немногих дошедших до нас историй, которые рисуют портрет — пусть неточный и схематичный — Рожера как человека. О его личности и частной жизни мы знаем до обидного мало. Единственное, что можно утверждать, — он в полной мере обладал плодовитостью Отвилей. В сохранившихся источниках упоминается о по крайней мере тринадцати, а может быть, семнадцати детях от разных матерей, на трех из этих женщин — его возлюбленная Юдифь из Эврё умерла молодой — Рожер последовательно был женат, но, возможно, список его потомков этим не исчерпывается. Об остальных чертах его

характера мы можем судить только исходя из того, что нам известно о его жизни и достижениях.

Но что это была за жизнь! К тому времени, когда Рожер умер 22 июня 1101 г. в своей континентальной столице в Милето, ему исполнилось семьдесят лет. Из них сорок четыре года он провел на юге, а сорок отдал Сицилии. Будучи младшим из Отвилей, он не имел даже тех щ преимуществ, которыми пользовались его братья, но к моменту смерти, будучи формально всего лишь графом, верным вассалом своего племянника, он считался одним из самых выдающихся государей Европы, и по меньшей мере три короля — Филипп Французский, Конрад Германский (сын Генриха IV)[74] и Кальман Венгерский — были его зятьями. Сицилия при его правлении преобразилась. Остров, некогда отчаявшийся и деморализованный, раздираемый междоусобицами, пришедший в запустение после двух столетий плохого правления, превратился в политически цельную, мирную и процветающую страну, где представители четырех народов — поскольку благодаря усилиям Рожера несколько процветающих лангобардских колоний были основаны в окрестностях Катании — и трех религий счастливо жили бок о бок при взаимном уважении и согласии. Именно в этом лежит важнейшее из достижений Рожера, и его значение выходит — во времени и пространстве — далеко за пределы Центрального Средиземноморья XI в. В феодальной Европе, где кровопролитие стало частью повседневной жизни, оглашаемой шумом тысяч мелких стычек, раздираемой схизмой и постоянно омраченной глобальным конфликтом между императором и папой, он оставил после себя страну — еще не нацию, — в которой бароны не были слишком бурными, а греческая и латинская церкви не боролись ни со светской властью, ни друг с другом. В то время, пока остальные обитатели континента тратили свои силы и позорили себя в крестовых походах, где циничное своекорыстие удивительным образом сочеталось *с* туманным идеализмом, Рожер — единственный из европейских правителей успевший познать на собственном опыте суетность крестоносного духа — стал поборником цивилизованного политического и религиозного мышления, при котором все народы, веры, языки и культуры в равной мере поддерживались и поощрялись. Подобный феномен, не имеющий параллелей в Средневековье, не часто встретишь и в другие эпохи, и образец, который граф Рожер Сицилийский предоставил Европе в XI в., может с выгодой быть использован большинством наций в современном мире.

Глава 20
АДЕЛАИДА

> В то время как другие христианские правители делали все возможное как лично, так и своими щедротами, чтобы защищать и подпитывать наше королевство, словно нежный росток, этот властитель и его наследники никогда до сего дня не обращались к нам со словами дружбы, несмотря на то что они лучше и наиболее удобно расположены, чтобы предоставить нам практическую помощь или совет. Они, по-видимому, всегда помнили обиды и таким образом наказывали весь народ за ошибку, которую, собственно, следовало бы приписать одному человеку.
>
> *Вильгельм Тирский, кн. XI*

[74] Конрад умер раньше своего отца, взбунтовавшись против него; но его признавали королем в Италии.

Ныне ничего не осталось от аббатства Пресвятой Троицы, основанного графом Рожером в Милето. Землетрясение, разрушившее город в 1783 г., не пощадило и его, и все, что сохранилось от могилы графа, — уцелел только древний саркофаг, который ныне хранится в археологическом музее в Неаполе. Монастырская церковь была не очень большой и не особенно грандиозной, но в этот день в конце июня 1101 г. она предоставила скорбящим физическое и духовное убежище; и когда окончилась заупокойная месса, молодая темноволосая женщина с двумя маленькими мальчиками вышла из прохладной тени на солнечный свет.

Графиня Аделаида была дочерью Манфреда, маркиза, брата великого Бонифация из Савоны. Она стала третьей женой Рожера в 1089 г.; ее мужу было под шестьдесят, но он, невзирая на то что двое сыновей и дюжина с лишним дочерей служили надежным подтверждением его мужественности, все еще не имел наследника. Жордан, которого он любил и который унаследовал все качества Отвилей, родился вне брака, в то время как Годфри, его единственный законный сын, был прокаженным и жил в заточении отдаленном монастыре. Поначалу казалось, что Аделаида не сумеет исполнить свой долг, и, когда с момента женитьбы прошло два года, юная графиня оставалась все такой же тоненькой, а по Сицилии распространился слух, что Жордан умер от лихорадки в Сиракузах[75], надежды Рожера на основание собственной династии представлялись совершенно несбыточными. Но в конце концов его молитвы были услышаны. В 1093 г. Аделаида родила сына — Симона, а двумя годами позже (22 декабря 1095 г.) подарила своему мужу другого, которого он с понятной гордостью — поскольку ему уже исполнилось шестьдесят четыре — назвал Рожером.

Вопрос о наследнике больше не стоял, но будущее Сицилии все еще выглядело безрадостным, и многие из собравшихся в тот день в церкви Пресвятой Троицы, вероятно, ловили себя на том, что их мысли уносятся от слов реквиема к предстоящим трудным годам. Симону исполнилось восемь лет, Рожеру — пять с половиной, страну ожидал долгий период регентства. Аделаида была молода, неопытна, к тому же женщина. Итальянка из далекой северной Лигурии, она не могла рассчитывать на преданность ни одного из народов, которые теперь оказались под ее властью, — нормандцев, греков, лангобардов, сарацин. Из языков она знала итальянский, латынь и чуть-чуть нормандский диалект французского. Как могла она справиться с одним из самых разнородных в культурном и национальном отношении государств Европы?

Сообщения хроник об этом периоде, к сожалению, удручающе скудны, и мы немногое можем сказать о том, как Аделаида решила вставшую перед ней трудную задачу. Орде-рик Виталий, сообщающий массу ложных сведений по разным другим поводам, но часто оказывающийся надежным источником, когда речь идет о южной Италии или Сицилии, сообщает, что она послала в Бургундию за неким Робертом, сыном герцога Роберта I, женила его на своей дочери — предположительно он имеет в виду одну из ее одиннадцати падчериц — и доверила ему правление Сицилией на следующие десять лет, после чего отравила его. Как мы видели на примере Сишельгаиты, Ордерик склонен приписывать вполне естественные смерти чьему-то злому умыслу, и эта часть его рассказа почти определенно неправда. В остальном кажется немного странным, что имя Роберта ни разу не упоминается в современных событиям местных источниках, хотя они столь кратки и отрывочны, что не позволяют нам сделать какое-нибудь твердое заключение. Из двух позднейших авторитетов в этом вопросе Амари отвергает версию Ордерика, как полностью выдуманную, а Шаландон, с оговорками, ее принимает. Мы можем выбирать.

Так или иначе, но Адеалида преуспела. В качестве доверенных лиц она приближала к себе в основном коренных сицилийцев греческого или арабского

[75] Камень с выбитой на нем записью о смерти Жордана и его похоронах до сих пор сохраняется в маленькой нормандской церкви Святой Марии в Мили-Сан-Пьетро, в нескольких милях к югу от Мессины. Она была построена графом Рожером в 1082 г., в числе других греческих церквей. Хотя она, к сожалению, обветшала и является частью разоренной фермы, ее стоит посетить.

происхождения, в то время как нормандские бароны — всегда более неугомонные, чем греки и сарацины, вместе взятые, — которые надеялись, воспользовавшись ее регентством, расширить свои права и привилегии, вскоре обнаружили свою ошибку. В результате графиня могла уделять большую часть времени своей главной обязанности — воспитанию двоих сыновей как достойных наследников отца. С этим она также отлично справлялась, насколько позволяла судьба. Но 28 сентября 1105 г. ее старший сын Симон умер и юный Рожер, которому не было еще десяти лет, стал графом Сицилии.

О детстве Рожера мы не знаем буквально ничего. Существует ничем не подтвержденная легенда о том, что в конце 1096 г. его крестил святой Бруно, основатель картузианского ордена, который жил тогда отшельником неподалеку от своего монастыря Ла-Торре в окрестностях Зквиллаче. Кроме того, имеется столь же недостоверное Свидетельство некоего Александра, аббата монастыря Сан-Зальваторе, расположенного около Телезе. Александр впоследствии написал тенденциозное и крайне бессвязное повествование о ранних годах правления Рожера. В частности, он рассказывает, что, когда их отец был еще жив, два мальчика часто боролись и Рожер, который всегда брал верх над старшим братом, заявлял, что Силиция будет принадлежать ему, предлагая в качестве компенсации Симону епископскую или, если он предпочитает, папскую кафедру. На этом основании аббат предполагает, что Рожер был рожден, чтобы править, — та же идея находит дополнительное подтверждение в несколько преувеличенном благочестии Рожера: мальчик никогда не отказывал в милостыне нищему или паломнику, но всегда вытряхивал из карманов все, что в них было, а затем просил у матери еще. К сожалению, Александр пользовался сведениями, полученными из вторых рук, и его сочинение, написанное по заказу сестры Рожера Матильды, зачастую тошнотворно подхалимское. Когда речь идет о более поздних временах, оно оказывается полезным и даже достаточно надежным источником, но для этого периода не является ни информативным, ни заслуживающим доверия, и только из-за отсутствия чего-то лучшего, чем эти обрывочные познания — если их можно таковыми считать, — оно попало на страницы этой книги.

В эти туманные, но, видимо, достаточно безмятежные годы происходили процессы безмерно важные как для будущего страны, так и для формирования ее властителя. Рожер I, как мы должны его теперь называть, будучи на Сицилии, большую часть свободного от военных операций времени проводил поначалу в Тройне, а позднее — в Мессине, откуда он мог присматривать за своими калабрийскими владениями; но личные предпочтения графа были навсегда отданы его старому континентальному замку в Милето. Здесь обычно жила его семья, и это место он, несмотря на частые отлучки, считал своим домом. Аделаида поступила иначе. В Калабрии она, без сомнения, ощущала себя неуютно в окружении нормандских баронов, которых она не любила и которым не доверяла. Мессина с этой точки зрения была лучше, но жизнь в этом маленьком городе текла слишком однообразно. Сан-Марко-д'Алунцио, где Рожер, судя по всему, провел часть своего детства, был еще меньше, хотя, вероятно, прохладней и здоровее в летние месяцы. На Сицилии имелась только одна истинная столица — Палермо, — этот город, население которого приближалось к тремстам тысячам, уже два века был сердцем острова; там процветали ремесла, и там же помещались дворцы, административные учреждения, арсеналы и даже монетный двор[76]. Когда именно графиня Аделаида окончательно перенесла свою резиденцию в Палермо, неясно. Возможно, это происходило в насколько этапов, но переселение полностью завершилось к тому моменту, в начале 1112 г., когда жители столицы стали свидетелями происходившей в старом дворце эмиров церемонии посвящения юного графа в рыцари. Это был великий день для Рожера. В грамоте,

[76] В течение всего нормандского периода сицилийскую казну и монетный двор обслуживали в основном мусульмане (хотя заведовали ими греки). На многих нормандских монетах сохранялись арабские и даже мусульманские надписи — хотя к ним иногда добавлялся крест или византийский девиз «Христос побеждает». Итальянское слово, обозначающее монетный двор, — «зекка» — прямое заимствование из арабского, относящееся к этому времени.

выпущенной в июне того же года, которой он и его мать предоставили привилегии архиепископу Палермо, он с полным правом мог именовать себя «Рожер, воин и граф».

Перемещение графской резиденции в Палермо стало последним шагом на пути возвращения сицилийцам и особенно сарацинам самоуважения. Этим было окончательно доказано, что завоеватели больше не рассматривают Сицилию как покоренную территорию. Аделаида и Рожер, переселившись в Палермо, дали всем понять, что они не только доверяют своим сарацинским подданным, но и полагаются на них в своих заботах о процветании и спокойствии страны. Еще более существенное воздействие переезд оказал на самого Рожера. Его отца воспитывали как нормандского рыцаря, и всю жизнь он оставался в первую очередь нормандским рыцарем. Сын, лишенный отцовского влияния с пяти лет, был прежде всего сицилийцем. Он не знал почти никого из нормандцев, не считая одного-двух близких родственников, его мать — итальянка, являвшаяся для него высшим авторитетом, предпочитала греков, и атмосфера, в которой он рос, была космополитически-средиземноморской; в качестве его наставников и секретарей выступали мусульмане и греки, а государственные дела обсуждались на трех языках в колоннадах из холодного мрамора, пока снаружи фонтаны били среди лимонных деревьев и муэдзины безостановочно созывали верующих на молитву. Все это окружение было бесконечно далеким от той жизни, которая подобала потомку Отвиля и родичу Гвискара, и привнесло в характер Рожера некую экзотичность, которую нельзя приписать только средиземноморской крови его матери. Эта кровь ясно узнавалась по его темным глазам и волосам, но те, кто в более поздние годы сходился с ним близко, или те правители, которые сталкивались с ним на дипломатическом поприще, понимали на собственном опыте, что граф Сицилии — не только южанин, он — человек с Востока.

Первый крестовый поход закончился громким, хотя и незаслуженным успехом. Путешествие по Европе и Малой Азии далось тяжело, и участники его пережили несколько неприятных моментов в Константинополе, когда император Алексей, резонно обеспокоенный присутствием боль шой, разнородной и очень неорганизованной армии у сво их ворот, настоял, чтобы крестоносцы принесли ему клят ву верности, прежде чем продолжат путь. В итоге, однако, все трудности были преодолены. Сельджуки потерпели сокрушительное поражение при Дорилее в Анатолии; в Эдессе и Антиохии возникли франкские княжества, и 15 июля 1099 г., творя ужасающие жестокости и зверства, воины Христовы ворвались в Иерусалим, где в церкви Гроба Господня сложили окровавленные руки в благодарственной молитве.

Один из крестоносцев был на голову выше прочих. Боэ-мунд, хотя и уступал по статусу столь могущественным правителям, как Готфрид Бульонский или Раймонд Тулузский, вскоре доказал свое превосходство как воин и дипломат. Он знал Балканы по прежним кампаниям, бегло говорил по-гречески, совершил героические деяния во время битвы у Дорилея и осады Антиохии. В Антиохии он VI остался, заслужив репутацию самого могущественного латинского властителя за морем. Это было блестящее достижение, которому мог бы позавидовать его отец, открывшее истинное величие Боэмунда и определившее его место в истории. Но он не долго пользовался плодами своей славы. Летом 1100 г. Боэмунд возглавил экспедицию против данишмендидов в верховьях Евфрата, в ходе которой он потерпел поражение и попал в плен. Спустя три года его выкупили и он вернулся в Антиохию только для того, чтобы обнаружить, что натиск сарацин с одной стороны и Алексея с графом Раймондом с другой до крайности ослабили его позиции. Только подкрепления из Европы могли спасти ситуацию. В 1105 г. Боэмунд появляется в Италии. Там и во Франции, где он в следующем году женился на дочери короля Филиппа Констанции, он сумел собрать новую армию, но его амбиции сбили его с толку, и вместо того, чтобы сразу двинуться на Восток, он неразумно решил пойти войной на Константинополь. Император, поддерживаемый, как всегда, венецианцами, вновь доказал свою силу, и в сентябре 1105 г. в ущелье, где протекает река Девол (в нынешней Албании), Боэмунд вынужден был просить мира. Алексей обошелся с ним достаточно

милосердно: ему позволили оставаться в Антиохии в качестве императорского вассала, хотя большая часть киликийского и сирийского побережий отходила императору, а латинский патриарх в Антиохии был заменен греческим. Для Боэмунда, однако, подобное унижение оказалось невыносимым. Он не вернулся на Восток, но отправился, полностью сломленный, в Апулию, где в 1111 г. умер. Его похоронили в Каносе, и посетители тамошнего кафедрального собора до сих пор могут видеть с внешней стороны южной стены любопытный мавзолей восточного типа — это самое раннее нормандское надгробие, сохранившееся в южной Италии[77]. За красивыми бронзовыми дверями, с выгравированными арабскими узорами и хвалебными надписями, открывается пустое внутреннее пространство — мы видим только маленькие колонны и сам надгробный камень, на котором выгравировано буквами, от грубоватого великолепия которых до сих пор захватывает дух, только одно слово «Боамундус».

Но когда звезда Боэмунда померкла, другая постепенно поднималась — звезда Балдуина из Булони, бывшего графа Эдесского, который в рождественский день 1100 г. в церкви Рождества Христова в Вифлееме был коронован королем Иерусалимским. В первое десятилетие своего правления Балдуин, хотя в молодости получил духовный сан, блестяще утверждал превосходство светской власти над церковной и многое сделал для превращения бедных и разобщенных территорий своего королевства в сильное сплоченное государство. В семейной жизни, однако, ему не везло. Он был неравнодушен к хорошеньким девушкам, и общая обстановка при его дворе, хотя не несла на себе явных пятен порока, все же не походила на монашескую аскезу. Однако армянская принцесса, которая стала второй женой Балдуина, по общему признанию, зашла слишком далеко. Слухи о ее общении с некими мусульманскими пиратами, в чьи лапы она попала — как говорили, не настолько неохотно, как можно было предположить, — по пути из Антиохии в Иерусалим, где ей предстояло взойти на трон, не слишком расположили к ней мужа; по прошествии нескольких лет, за которые она отнюдь не улучшила свою репутацию, Балдуин удалил ее от себя. Сперва он отправил ее в монастырь в Иерусалиме, а потом, по ее настойчивым просьбам, в Константинополь: свободные нравы столицы как нельзя более подходили ее вкусам. Балдуин с облегчением возобновил свою холостяцкую жизнь и продолжал ею наслаждаться до тех пор, пока в конце 1112г. не услышал, что графиня Аделаида с Сицилии, сложив с себя обязанности регентши, поскольку ее сын вырос, ищет второго мужа.

Несмотря на выгодные торговые связи с итальянскими купеческими республиками, Балдуин и его королевство испытывали постоянную нехватку средств. При этом всем было известно, что Аделаида за годы, проведенные на Сицилии, накопила огромное богатство, поскольку остров быстро стал одним из центров транзитной торговли между Европой и Левантом. У короля имелись также другие соображения. Сицилийский флот был силой, с которой приходилось считаться, и его поддержка безмерно усилила бы позиции Иерусалима среди соседних государств, сарацинских и христианских. Балдуин решился. Немедля он отправил посольство в Палермо с тем, чтобы официально просить руки графини.

И Аделаида согласилась. Ей никогда не нравились франки как народ, но разве могла какая-либо женщина отказаться от предложения стать королевой Иерусалима? Кроме того, она реально оценивала свои достоинства и знала, что вправе ставить собственные условия. Если Балдуин собирается получить выгоды от союза, она уж позаботится о том, чтобы ее сын Рожер не оказался в проигрыше. Аделаида дала согласие Балдуину, но при условии, что, если у них не будет детей — а она, в конце концов, уже не первой молодости, — корона Иерусалима перейдет к графу Сицилии. Балдуин, у которого не было наследников, не возражал, и летом 1113 г. графиня Аделаида отбыла на Восток.

---

[77] Они не должны также пропустить великолепный епископский трон конца XI в., поддерживаемый двумя мраморными слонами.

Ее путешествие не обошлось без приключений. Атака пиратов была успешно отбита, но в самом конце пути подался такой ужасный шторм, что три корабля, посланные Балдуином, чтобы сопровождать графиню, сбились с курса оказались в заливе Аскалона, находившемся в руках сарацин, из которого судам едва удалось вырваться. Но когда, наконец, силицийские корабли гордо вошли в гавань Акры, король и все собравшиеся увидели, что такую невесту стоило подождать. Альберт Аахенский, один из самых сведущих историков Первого крестового похода, не присутствовал в гавани тем августовским утром, но его описание происходившего там, составленное двадцать лет спустя, стоит процитировать, ибо картина, нарисованная им, по пышности сравнима разве что с прибытием Клеопатры.

«Ее сопровождали три триремы, каждая с пятью сотнями воинов, и семь судов, несущих золото, серебро, пурпур и большое количество драгоценных камней, а также великолепных одежд, не говоря об оружии, кирасах, мечах, шлемах, щитах, пламенеющих золотом, и прочем военном снаряжении, которое используют могущественные государи для служения и для защиты своих кораблей. У судна, которое высокородная дама выбрала для путешествия, была мачта, отделанная чистейшим золотом, и издалека сияла под лучами солнца, и нос и корма судна, также покрытые золотом и серебром и украшенные искусными ремесленниками, поражали всех, кто их видел. На одном из семи кораблей находились сарацинские лучники, очень рослые люди, облаченные в роскошные одеяния, все они предназначались в дар королю — ибо во всех землях Иерусалима не нашлось бы равных им в их искусстве».

Прибытие Аделаиды произвело впечатление на рыцарей латинского королевства, ибо немногие из западных стран были способны устроить подобный спектакль. Но Балдуинсделал все, что мог, чтобы организовать прием, достойный королевы.

«Король, узнав о прибытии знатной дамы, отправился и порт вместе со всеми князьями своего королевства и члена ми своего двора, великолепно и разнообразно одетыми; он был при всех королевских регалиях, за ним следовали лошади и мулы, покрытые пурпуром и золотом, рядом с ним шли музыканты, дувшие в трубы и игравшие на всевозможных инструментах, чтобы усладить слух. Король встретил принцессу, когда она сошла с судна; весь причал был покрыт краен выми разноцветными коврами, а улицы одеты пурпуром в честь высокородной дамы, которая сама обладала не мень шим богатством»[78].

Через несколько дней свадьба была отпразднована с не меньшей пышностью во дворце Акры и царственная чета проследовала через украшенные по такому случаю города и деревни в Иерусалим. Вскоре, однако, радость уступила место разочарованию. Воины Балдуина не получали платы несколько месяцев. Франкским баронам и рыцарям следовало выдать возмещение за земли, отнятые сарацинами; и ко времени, когда эти и другие огромные долги были выплачены, мало что осталось от огромного приданого Аделаиды. Королева со своей стороны обнаружила, что нормандцы и франки из заморских стран духовно не более близки ей, чем их соплеменники в южной Италии. Но главная проблема заключалась в том, что Балдуин, хотя он и прогнал свою предыдущую жену, формально с ней не разводился. Неожиданно суд общественного мнения обратился против Аделаиды — а также против патриарха Иерусалимского Арнульфа, которого, помимо его всем известной симонии, теперь обвиняли в пособничестве двоеженству.

Какое-то время Балдуин колебался. Адеалида наскучила ему, и он потратил все ее деньги, но связи с Сицилией были для него ценны, и он не решался прогнать жену. Весной 1117 г., однако, он опасно заболел, и Арнульф, который был смещен со своей кафедры, а затем возвращен на нее папой в обмен на обещание добиться изгнания королевы, сумел убедить его, что только этот шаг сможет избавить его от вечного проклятия. Выполнить другое предписание патриарха — вернуть в Иерусалим бывшую законную жену — не

[78] Альбер Аахенский, кн. XII.

представлялось возможным; она радовалась жизни в Константинополе и не собиралась возвращаться. Но судьба Аделаиды была решена. Балдуин, поправившись, остался тверд в своем решении, и несчастная королева, разоренная и униженная, отправилась домой, на Сицилию. Ей никогда особенно не нравился Балдуин, и она едва ли сожалела о том, что меняет суровый быт Палестины,на утонченность и уют Палермо, но нанесенного ей оскорбления ни она, ни ее сын не простили никогда. Аделаида умерла в следующем году, и ее похоронили в кафедральном соборе Патти, где ее надгробие — к сожалению, не то, которое было первоначально, до сих пор можно увидеть[79]. Относительно Рожера другой историк Крестовых походов — Вильгельм Тирский, писавший около 1170 г., — сообщает, что подобное обращение с его матерью «пробудило в нем неугасающую ненависть к королевству Иерусалимскому и его народу». Унижение Аделаиды, при всей его жестокости, было не единственной виной Балдуина; изгнав королеву, он также нарушил обещание, включенное в брачный контракт, — что при отсутствии у них общих детей корона Иерусалима после его смерти перейдет к Рожеру. И когда десятилетием позже король Сицилии впервые показал свою силу в Восточном Средиземноморье, он действовал не только как огорченный сын, мстящий за честь матери, но как обманутый и амбициозный монарх, восставший на узурпаторов своего королевства.

Глава 21
ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ

> О юный сын Али, о маленький лев из святого сада веры, для которого копья составляли живую изгородь! Ты показал свои оскаленные зубы и голубые кончики своих копий. Эти голубоглазые франки воистину не получат от тебя ни одного поцелуя.
>
> *Ибн Хамдис из Сиракуз*

Удача, которая сопутствовала графине Аделаиде в течение ее регенства — чтобы так потрясающе изменить ей впоследствии, — не оставляла и ее сына в крайне важные первые несколько лет его личного правления. Рожеру было шестнадцать с половиной, когда он принял власть, неопытный правитель разнородного государства, которое, хоть и процветало, всегда таило в себе опасность взрыва. Ему отчаянно требовался мирный, спокойный промежуток, чтобы размять мускулы, почувствовать собственную власть не просто как инструмент для управления, но как неотъемлемую часть своего существа.

И такой мирный период ему был дарован. Великий исход за море увлек за собой наиболее буйных из его континентальных вассалов и умерил накал политических страстей в южной Италии. Сицилии Крестовый поход принес только большее изобилие, и остров стал теперь богаче, чем когда-либо в истории. Еще до Крестового похода объем левантинской торговли — с такими городами, как Триполи, Александрия и Антиохия, а также с Константинополем неуклонно увеличивался, а нормандское завоевание юга сделало впервые за несколько столетий Мессинский пролив безопасным для христианских судов. Для итальянских торговых республик западного побережья это имело огромное значение; мы знаем, например, что в сентябре 1116 г. Рожер передал участок земли в Мессине генуэзскому консулу для строительства странноприимного дома, и, скорее всего, Пиза, Неаполь, Амальфи и другие города также получили свои участки. В таких условиях греки и сицилийские арабы — два народа, у которых коммерческий дух особенно развит, — не доставляли беспокойств; они были слишком заняты тем, чтобы делать деньги. И

[79] Сама надгробная плита явно ренессансная, хотя изображение на ней может быть оригинальным. Она находится в южном трансепте собора, в восточной стене. В надписи говорится, что Аделаида была матерью Рожера, но не упоминается о том, что она была королевой Иерусалимской, — часть ее жизни, о которой, без сомнения, и она, и Рожер предпочли забыть.

таким образом молодой граф мог расположиться удобно на своем троне, благодаря Бога за бесценный дар Крестового похода, от которого он, не будучи участником, в конечном счете получил наибольшую выгоду.

Эта новая вспышка военной и коммерческой активности в Средиземноморье воспламенила воображение Рожера и пробудила его честолюбие. Он знал, что не обладает военными дарованиями своего отца, а тем более дяди. Обучение военному делу и воинские забавы, которые занимали такое важное место в воспитании других юных нормандских рыцарей, не были в достаточной мере представлены в программе его собственного, руководимого женщиной образования. Этот факт только укрепил изначально присущую ему склонность к дипломатии, а не к войне, проявлявшуюся всю жизнь. Но нынешняя Сицилия совершенно не походила на ту «тихую заводь», какой она являлась полвека назад, когда началось ее завоевание. Ее экономический расцвет был молниеносным и ярким; Палермо, который и раньше имел облик преуспевающей столицы, теперь стал оживленным, как никогда, Мессина и Сиракузы резко выросли и разбогатели, остров вдруг сделался центром заново расширившегося и быстро развивающегося латинского мира. Рожер твердо решил, что его собственное политическое влияние должно расти в той же пропорции и что он, как некогда Роберт Гвискар, заставит государей Европы — и Азии и Африки тоже — с ним считаться.

В качестве первого шага следовало обратить богатство в могущество, а могущество для островного государства значило только одно — непобедимый флот. Сицилийский флот являлся существенной силой уже во времена Гвискара. Рожер I сохранил его, увеличил и успешно использовал в Сиракузах, на Мальте и в других местах, но только Рожер II сделал его тем, чем он стал. С этого времени и до заката нормандского господства на острове народ и флот былиедины и неразделимы, так что едва ли возможно вообразить одно без другого. Флот обеспечивал процветание Сицилии в мирные времена, являлся ее щитом и мечом в периоды войны, и в грядущие годы возможная поддержка или угроза с его стороны заставляли многие чужеземные державы задуматься.

Так же как флот представлял собой нечто большее, чем флот, его адмиралы были не просто адмиралы. Первоначально, как мы говорили, слово «ammiratus» никак не со-относилось с морем; оно представляло собой латинизован-ную форму арабского титула эмир и после смены графской резиденции стало применяться в основном к эмиру Па-лермо. В начале правления графа Рожера I эмир Палермо (с 1072 г. этот пост традиционно занимал грек-христианин) был только местным правителем. Он обладал большими полномочиями, поскольку в его ведении находились все сферы жизни города, который теперь, вероятно, заменил Кордову в качестве самого большого мусульманского центра в Европе, но его власть ограничивалась узкими географическими рамками. Однако со временем, а особенно в период регентства Аделаиды, его влияние настолько возросло, что распространилось на все владения графа в Сицилии и Калабрии. Перемещение графского двора в Палермо являлось первой и наиболее очевидной причиной этих изменений, но немалую роль здесь сыграли также характер и способности самого эмира. В то время эту должность занимал грек-христианин по имени Христодулос, известный из мусульманских хроник как Абдул Рахман аль-На-зрани. Эти два имени, очевидно, связаны — греческое значит «раб Христа», а арабское «раб Всемилостивого», «христианин», — и таким образом он мог быть обращенным арабом или даже, как предполагает Амари, членом одного из изначально христианских, но надолго отступивших от веры семейств, которые теперь вернулись к своей исконной религии. Так или иначе Христодулос, по-видимому, был выдающейся личностью своего времени; он получил последовательно титулы protonobilissimus (наиблагороднейший) и protonotary (наимудрейший) — новшества, свидетельствующие о том, что нормандцы сознательно следовали византийским образцам, — а вскоре стали главой совета. В качестве такового он стал ответственным за строительство флота — после чего, как естественное расширение обязанностей, ему было поручено верховное командование. Вероятно, его таланты лежали скорее в области

административной деятельности, нежели военного искусства, и, как мы вскоре увидим, он ничем не отличился в той единственной морской операции, которая описана в дошедших до нас источниках; этим, по-видимому, объясняется тот факт, что примерно с 1123 г. он постепенно отходит на второй план, уступив место своему более способному и решительному преемнику, Георгию из Антиохии.

Но в течение предшествующих пятнадцати лет Христодулос был главным лицом на Сицилии после графа и стал первым в блестящей череде сицилийских адмиралов, которые прославили свою страну и завещали свой титул миру.

Для историка первые годы правления Рожера представляют неразрешимую проблему. Источники столь малочисленны и содержащиеся в них сведения настолько недостоверны и малозначимы, что у нас нет надежды составить на их основе ясную картину. Только случайно, как в иерусалимском эпизоде, когда внешние связи Сицилии приводили ее в соприкосновение с сообществами, чей корпус источников более обширен, тонкий луч света пробивается сквозь мглу и позволяет нам увидеть на мгновение процветающую и быстро развивающуюся страну; в целом же этот период истории, вплоть до того момента, пока местные хронисты не начинают связный рассказ, представляется нам в образе еще затянутого дымкой, но уже сияющего летнего утра, когда сумеречный туман рассеивается, чтобы уступить место сверкающему хрустальному полдню.

Для молодого графа это, наверное, было счастливое и многообещающее время; он наблюдал, как возрастают его власть и богатство, учился ими пользоваться и наслаждаться и постепенно узнавал о собственных замечательных дарованиях. Разумеется, проблемы также возникали, и одной из главных являлся папа. Урбан умер в 1099 г., через две недели после того, как крестоносцы вошли в Иерусалим, но, по иронии судьбы, прежде чем весть о победе достигла Рима. Ему наследовал добродушный тосканский монах Пасхалий II. Говорили, что, когда Вильгельму Руфусу Английскому сказали, что новый папа напоминает по характеру архиепископа Ансельма, король воскликнул: «О боже! Тогда он не очень хорош» — замечание, хотя по-своему примечательное, едва ли справедливое по отношению к обоим священнослужителям. Пасхалий, возможно, отличался мягкостью нрава, вероятно, ему не хватало принципиальности, которая позволила бы ему выстоять после того, как западный император Генрих V заточил его на два месяца вместе с шестнадцатью кардиналами в 1111 г.[80], но он не был слабым, и он определенно не собирался хранить молчание, пока юный граф Сицилии присваивает себе привилегии, принадлежащие престолу святого Петра.

Рожер со своей стороны с самого начала держался крайне высокомерно. Уже в 1114г. он сместил архиепископа Козен-цы; у нас также есть основания считать, что он забыл об обещании, которое дал его отец в 1098 г. в обмен на легатские привилегии, что латинское духовенство на Сицилии будет подчиняться отныне только каноническому праву. К 1117 г. его отношения с папой еще ухудшились, поскольку именно Пасхалий настоял на изгнании его матери из Иерусалима, а значит, был наравне с Балдуином ответствен за ее унижение. В это время между Палермо и Римом шла довольно оживленная переписка, в ходе которой папа, по-видимому, постарался ограничить права, предоставлявшиеся по условиям соглашения 1098 г. Послание, которое он написал Рожеру по этому поводу, однако, сознательно написано в столь туманных выражениях, что скорее порождает проблемы, нежели их решает, и вдохновляет читающих на разнообразные спекуляции, даже в большей степени, чем заявление Урбана. Детальное обсуждение этой проблемы, к счастью, не входит в компетенцию историка[81], достаточно

[80] Утверждение Ордерика Виталия, что две тысячи нормандцев из Апу-лии поспешили ему на выручку и изгнали Генриха из Рима, совершенно безосновательно. Князь Рожер из Капуи пытался послать три сотни воинов; но на полдороге им преградил путь граф Тускуланский. Ордерик, вероятно, спутал 1111 г. с 1084 г.

[81] Такое обсуждение можно найти в упомянутой выше статье Э. Жордана.

сказать, что у нас нет никаких доказательств того, что в оставшиеся двадцать семь лет своего правления Рожер обращал на папское письмо хоть малейшее внимание.

Но скоро перед молодым графом встала более серьезная и неотложная проблема, на сей раз созданная им самим. Сознавая свое растущее могущество, уверенный в превосходстве на море, Рожер вскоре начал бросать алчные взоры на юг, в сторону африканского побережья. Сицилия поддерживала прекрасные отношения с Зиридами в Африке со времен его отца: Рожер I был связан договором с Темимом, князем Махдии, и отказался, по крайней мере в одном случае — во время подготовки пизанско-генуэзский экспедиции 1086 г., — напасть на него. Позже война между Зиридами и берберским племенем Бени-Хаммад опустошила большую часть плодородных североафриканских побережий и Сицилия экспортировала избытки зерна в пораженные голодом области на очень выгодных условиях. В обмен на остров стало поступать больше арабских товаров, и к тому времени, когда сын Темима Яхья умер в 1116 г., сицилийские торговцы прочно обосновались в Махдии и дружественные сицилийские и сарацинские суда непрерывно сновали туда-сюда через узкое море.

Но торговли для Рожера было недостаточно: его мысли обращались к завоеванию, ибо как иначе мог он утвердить себя в качестве правителя, достойного своего отца, своего дяди и своего имени Отвиль? Все, что ему требовалось, — это найти подходящий предлог, и в 1118 г. случай представился. Некий Рафи-ибн-Маккан-ибн-Камил, описываемый Амари как наполовину правитель, наполовину узурпатор африканского города Габеса, построил и снарядил большую галеру, чтобы самому получать прибыль от торговли. Яхья не возражал против этого и даже снабжал Рафи железом и древесиной для постройки судна, но его сын и наследник Али оказался не столь благодушным. Провозгласив, что торговые перевозки — прерогатива правителя, он предупредил Рафи, что его корабль будет конфискован, как только он покинет гавань, и в подтверждение своей угрозы послал десять собственных судов в Габес. Оскорбленный Рафи обратился к Рожеру. Он написал, что первым рейсом его судно должно было отправиться в Палермо, с грузом подарков в знак того высокого уважения, которое он всегда питал к графу Сицилии. Угрозы Али, таким образом, были оскорбительны не только для него, Рафи, но и для Рожера. Безусловно, за них следовало отомстить.

Рожер, без сомнения, воспринял заявление о подарках с тем скептицизмом, которого оно заслуживало. Он слишком долго жил среди арабов, чтобы покупаться на подобные вещи. Тем не менее уговаривать его не пришлось. Вскоре двадцать четыре его лучших военных корабля появились у Габеса, Али ждал их и следил за их приближением. Его боязливые советники убеждали его любой ценой сохранить союз с Сицилией, но он их не стал слушать. Он пошел на принцип и не собирался отступать. В ту же ночь нормандцы высадились, Рафи принял их хорошо и устроил в их честь большой пир, но едва они расселись за столом, двери резко распахнулись и в помещение ворвались воины Али с мечами в руках. Сицилийцы были застигнуты врасплох и не могли сопротивляться. Они едва сумели вернуться на свои корабли и, растерянные и униженные, отправились домой в Палермо. Али выиграл первый раунд[82].

Отношения между Сицилией и Зиридами резко ухудшились. Али начал с того, что бросил в темницу всех сицилийских купцов, находившихся на его территории, конфисковав их собственность. Правда, вскоре в качестве редкого для него проявления доброй воли он их отпустил, но Рожер немедленно потребовал дальнейших уступок, на которые, как он наверняка знал, Али не пойдет, а в случае отказа пообещал предпринять масштабную морскую атаку на Махдию. Али ответил неясными намеками на возможное

[82] Такова, по крайней мере, версия истории, рассказанная тунисским писателем ат-Тигани двести лет спустя. Ибн ат-Атир не упоминает о схватке, по его словам, сицилийцы просто увидели, что противник слишком силен, и отплыли назад, даже не высадившись на берег. Правду мы никогда не узнаем, хотя непохоже, чтобы флот Рожера, насчитывавший в два раза больше судов, чем было у Али, повел себя столь трусливо, как говорят оба хрониста.

совместное нападение на Сицилию силами его самого и его соседей альмаровидов, которые к тому времени контролировали южную Испанию и Португалию, Балеарские острова и всю Северную Африку к западу от Алжира. Война каралась неизбежной, и приготовления велись всерьез. Они еще продолжались, когда в июле 1121 г. Али внезапно умер. Его сыну Хасану едва исполнилось двенадцать лет, и государственные заботы были возложены на главного евнуха; возникшие в результате беспорядки — поскольку сарацинские эмиры были не более склонны к послушанию, чем нормандские бароны — привели к общей смуте, как это не раз происходило в южной Италии и в других местах. Если бы Рожер ударил в тот момент, Северная Африка оказалась бы в его руках, но он упустил свой шанс. По причинам, которые мы сейчас разбирать не будем, он как раз Г.тогда собрался совершить первый серьезный набег на Апулию, а к тому времени, когда он перегруппировал свои силы, ситуация в Махдии изменилась.

Апулийскую авантюру Рожера, как мы увидим в следующей главе, ни в коей мере нельзя счесть безуспешной, и она, вероятно, отвлекла бы его на несколько лет от североафриканских проблем, если бы не новый, неожиданный поворот событий, который сразу опустил его с неба на землю. Летом 1122 г. сарацинский флот под командованием капера по имени Абу Абдулла ибн Маймун, находившегося на службе альморавидов, совершил налет на город Никотеру и соседние с ним деревни на Калабрийском побережье. Впервые кто-то покушался на собственные владения Рожера — и впервые с того времени, как его отец сорок лет назад заключил соглашение с султаном Темимом, враги явились из Африки. Должно быть, многие жители Никотеры еще помнили страшный рейд Бернаверта из Сиракуз в 1084 г., но этот набег был еще ужасней. Арабы разграбили весь город, женщин и детей увезли, чтобы продать в рабство, а всякую ценную вещь, которую, по тем или иным причинам, не смогли доставить на корабли, сожгли или уничтожили иным способом.

В свое время Рожер не обратил внимания на угрозы Али по поводу союза с альморавидами, но теперь, справедливо или нет, он решил, что налет совершен по наущениям Махдии, и возложил всю вину на юного Хасана. Военные приготовления, приостановленные со смертью Али, возобновились с удвоенной энергией. Теперь речь шла уже не о расширении территорий, а о мести. Рожер призвал дополнительные морские и сухопутные силы из Италии, наложил эмбарго на все суда, приписанные к арабским портам в Африке или Испании, и к середине лета 1123 г. его флот был готов. Согласно официальному сарацинскому отчету, впоследствии составленному по распоряжению Хасана, он состоял из трехсот кораблей, на которых размещались в общей сложности более тысячи рыцарей и тридцать тысяч пеших воинов. Как всегда, цифры наверняка преувеличены, но, несомненно, подобное войско не собиралось на Сицилии с первых дней завоевания.

Учитывая масштаб, в котором задумывалась и осуществлялась экспедиция, кажется удивительным, что Рожер лично ее не возглавил. Ему было двадцать семь лет — возраст, в котором обычный нормандский рыцарь имел за плечами по меньшей мере десять лет тяжелых сражений. Он был женат пять лет — на Эльвире, дочери короля Альфонсо VI Кастильского, — и произвел на свет двух сыновей-наследников. И это было первое важное военное предприятие в его жизни. Нет никаких сведений о крупных кризисах где бы то ни было, которые заставили бы его остаться дома или отправиться в Апулию, на самом деле он, судя по всему, провел конец лета и осень 1123 г. достаточно праздно в восточной Сицилии и своих калабрийских владениях. И таким образом, в отсутствие каких-либо очевидных доказательств противоположного, мы можем заключить, что Рожер не возглавил экспедицию потому, что предпочел этого не делать. Всю жизнь он был более мыслителем, нежели воином, война являлась единственным искусством, в котором он никогда не выделялся. Хотя Рожер не отказывался от применения силы, как от инструмента политики, он всегда рассматривал себя самого в первую очередь как государственного деятеля и администратора и предпочитал по

возможности предоставлять сражаться другим людям, более подходящим по способностям и склонностям к этому делу. Разумеется, в некоторые моменты ему, как и прочим правителям его времени, приходилось лично участвовать в битвах. В таких случаях он обычно проявлял себя достаточно хорошо. Но в некоторых ситуациях становилось ясно, что у него телесная сила и бесстрашие никогда не были, как у его отца или дядей, неотъемлемой частью личности — и их приходилось призывать, когда требовалось, посредством обдуманного и сознательного усилия.

Потому экспедицией, которая отбыла из Марсалы в июле 1123 г., командовал адмирал Христодулос. Почти сразу разразился шторм — нормандцам всегда не везло с погодой, — и корабли вынуждены были пристать у Пантел-лерии, где войска времени даром не теряли и практиковались во всем том, что намеревались сделать с арабами в Махдии. Но вскоре они смогли снова выйти в море и 21 июля легли в дрейф около одного из маленьких островов, которые тогда назывались просто Абаси (песчаные) примерно в десяти милях к северу от Махдии[83]. Узкий пролив, который отделял их от материка, служил неплохой естественной преградой для вражеских атак, но одновременно сам находился под контролем замка, называвшегося Ад-Димас, который и стал первой целью сицилийцев. Прежде чем двинуться в атаку, Христодулос хотел собрать сведения о сарацинских силах в самой Махдии. Отряд кавалерии высадился на берег под покровом темноты и отправился на юг, к городу, а следующим утром адмирал лично повел двадцать три корабля на подобную вылазку, чтобы самому оценить возможность захвата города со стороны моря.

Это заняло немного времени, самой беглой проверки оказалось достаточно, чтобы убедиться, что в этом плане Махдия, очевидно, неприступна. Для командующего, который рассчитывал в основном на свою силу на море, это был серьезный удар, но худшее ждало его впереди. Когда он вернулся на остров, выяснилось, что сицилийский лагерь разорен. Каким-то образом арабские налетчики сумели пересечь пролив, перебили стражей, разграбили склад оружия и снаряжения и возвратились на берег с богатой добычей. Внезапно Христодулос понял, что экспедиции грозит полный провал. Этой ночью в разоренном сицилийском лагере царило глубокое уныние.

Но молодой помощник адмирала Георгий Антиохийский не терял времени даром. Этот необыкновенный человек, чье воображение и способность к решительным действиям вскоре сделали его знаменитым во всем Средиземноморье, родился в Антиохии в семье греков, но в юности вместе с отцом отправился в Северную Африку, где оба служили у султана Темима. После смерти Темима у Георгия не сложились отношения с его преемником Яхь-ей; возможно, также он осознал, что ключ к владычеству в Средиземноморье находится в Палермо, а не в Махдии. Однажды утром в 1108 г., когда его мусульманские начальники все были на молитве, он под видом корабельщика проскользнул на сицилийский корабль, стоявший в гавани. Тот доставил его в Палермо, где Георгий пошел прямо во дворец и нанялся на службу. В течение нескольких лет, сперва на поприще сбора налогов, а позже занимаясь вопросами торговли в Египте, Георгий проявил себя одним из способнейших и самых преданных служащих и снискал расположение Христодулоса и самого графа. И неудивительно, ибо он обладал редким сочетанием разных качеств. Это был искусный организатор, христианин, свободно говоривший на греческом и арабском, и прекрасный моряк, чьи познания о плаваниях в прибрежных водах Африки не уступали его осведомленности в политических, экономических и дипломатических делах. Когда Христодулос готовил экспедицию против Махдии, он без колебаний назначил талантливого молодого левантийца своим заместителем.

---

[83] Существуют разные мнения по поводу того, что это в точности были за острова. Я сам склонен отождествлять их с группой Куриа, но в этих местах множество мелей и песчаных островков и рельеф дна в целом мог измениться за восемь веков.

Георгий незамедлительно доказал, что командующий не ошибся. Неведомыми способами он привлек на свою сторону командиров гарнизона Ад-Димаса, и на третий день после прибытия сицилийцы овладели замком без борьбы и оставили там своих воинов — в количестве (согласно ат-Тигани) ста человек. Это было в каком-то смысле победой, но даже она вскоре обернулась поражением. За два года, прошедшие со смерти Али, Хасан, хотя ему едва исполнилось четырнадцать, сумел укрепить свою власть в большей части страны, и это неспровоцированное вторжение — поскольку он, по всей видимости, не имел никакого отношения к набегу на Никотеру — дало ему необходимый повод, чтобы собрать всех колеблющихся под свои знамена. При первых вестях о приближении сицилийского флота он провозгласил джихад — священную войну против неверных, — и 26 июля, в четвертую ночь после высадки сицилийцев, он нанес удар. Его армия спокойно подошла с юга под покровом тьмы и затем внезапно с криком «Акбар Аллах», который, как уверяют хроникеры, сотрясал землю, бросилась на Ад-Димас. Рассказывая о последовавшей битве, мы снова вынуждены полагаться на позднейшие арабские источники, хотя ат-Тигани воспроизводит текст официального отчета, распространенного Хасаном сразу после победы. Мы можемпотому относиться с подозрением, если не с полным недоверием, ко всем описаниям панического ужаса, охватившего захватчиков, их стремительного бегства к кораблям и обезумевших всадников, которые останавливались только для того, чтобы перерезать глотки лошадям, дабы те не достались сарацинам. Но определенно, Рожер и его советники опять просчитались. Гордясь своим флотом, они не позаботились о том, чтобы подготовить достойную сухопутную армию, и недооценивали силу африканцев. Это было их второе унижение за пять лет, и в данном случае, побитые четырнадцатилетним мальчиком, они, помимо всего прочего, потеряли репутацию.

Находясь в безопасности на борту своих кораблей вне досягаемости лучников Хасана, сицилийцы немного воспрянули духом — достаточно, по крайней мере для того, чтобы оценить ситуацию. Их главной заботой теперь был гарнизон, все еще державшийся в Ад-Димасе. Христодулос не хотел бросать воинов на произвол судьбы, даже не попытавшись их спасти. Неделю его суда стояли на рейде у берега, ожидая удобного случая, но напрасно. Мусульмане понимали намерения сицилийцев и неусыпно стерегли замок. Наконец, когда припасы стали иссякать, адмирал понял, что положение безнадежно. Он отдал приказ об отступлении, и его флот поднял паруса и исчез на севере за горизонтом. Во всей этой малодостойной кампании лишь оставшемуся в крепости гарнизону довелось проявить первый — и последний — проблеск сицилийского боевого духа. После того как все попытки откупиться от сарацин провалились, они решили продать свои жизни дорого. Они держались сколько могли, а 10 августа запасы еды и воды почти кончились, они вышли из Ад-Димаса с мечами в руках, дали бой и погибли все до одного. Тем временем их соратники, возвращавшиеся домой, вновь попали в шторм, многие корабли затонули, и из трехсот судов, которые столь самонадеянно отплыли из Марсалы месяцем раньше, только сто — согласно заявлению Хасана — вернулось на Сицилию.

За одну ночь юный Хасан — чье понимание важности общественного мнения и умение его использовать выдают в нем правителя, намного опередившего свое время, — "превратился в героя ислама, воспеваемого поэтами от Кордовы до Багдада. Рожер, со своей стороны, потерял престиж и не скоро сумел восстановить его. Первое серьезное воен-Г ное предприятие в его правление и первый в выход на международную арену, с желанием показать себя величайшей силой в Европе, окончился фиаско. Рожер, похоже, не стал искать козлов отпущения. Христодулос, который в наибольшей степени был ответствен за случившуюся катастрофу, с этого времени стал утрачивать влияние, но он не потерял ни своего поста, ни расположения графа. Георгий из Антиохии, чьи усилия обеспечили захват Ад-Димаса — единственную, хотя и кратковременную победу за всю кампанию, — сохранил безупречную репутацию. Но для всех христиан Сицилии это был жестокий удар, и арабский историк, современник тех событий, рассказывает со слов

очевидцев о «франкских рыцарях» в приемной Рожера, которые рвали на себе бороды, пока кровь не начинала течь по их лицам, и клялись отомстить[84]. Сам граф, хотя и не подавал вида, вероятно, испытывал те же чувства. Он был мстителен и никогда не забывал обид. Но он обладал также достаточной выдержкой и не собирался далее рисковать своей репутацией, предприняв третью атаку — по крайней мере в тот момент. Вражда с Хасаном продолжалась несколько лет, но от случая к случаю; союз, который Рожер заключил в 1128 г. с графом Раймондом Барселонским, был направлен скорее против альморавидов в Испании, нежели против Зиридов, и при всех условиях не привел ни к чему. Кроме того, у Рожера нашлось множество других дел. Ему предстояло пережить много триумфов и бедствий до того дня, ровно через четверть века, когда Георгий из Антиохии гордо внес сицилийское знамя в Махдию и подвел черту под этим спором.

Глава 22
ВОССОЕДИНЕНИЕ

> Города герцогства — Салерно, Троя, Мельфи, Веноза и другие, оставшиеся без защиты своего господина, попадали во власть то одного тирана, то другого. И каждый поступал по своему разумению, ибо никто ему не говорил «нет». И, не боясь наказания в этой жизни, люди творили зло все более свободно. И не только путники опасались за свою жизнь, но и землепашцы не могли спокойно засевать свои поля и собирать урожай. Что еще могу я сказать? Если Бог не оставил в живых потомкои Гвискара, способных поддержать герцогскую власть, вся страна неизбежно должна погибнуть от собственной слабости и жестокости.
>
> *Александр из Телезе. Кн. I, гл. I*

В течение сорока с лишним лет, которые протекли после смерти Робера Гвискара, герцогство Апулия переживало резкий и непреодолимый упадок. Рожер Борса, с трудом тащась по степям своего отца, прилагал все усилия, чтобы сохранить единство герцогства, и после подчинения Капуи в 1098 г. мог даже похвастать формальным господством над всей южной Италией, которого не добился даже Роберт. Но подчинение Капуи, как и большинство его успехов, было достигнуто только благодаря любезности его дяди, графа Сицилии, который взамен всегда требовал территориальных уступок, а когда после смерти графа бедный герцог Апулии лишился сицилийской помощи, в его наследственных владениях очень быстро воцарился хаос. Рожер Бора: умер в феврале 1111 г. за неделю до смерти старого врага Боэмунда и через десять дней после того, как папа Пасха лий, напрасно рассчитывавший на помощь нормандцев, был захвачен в плен безжалостным Генрихом V. Рожера похоронили в Салерно, в соборе, построенном его отцом. Его гробница — не вполне уместный саркофаг IV в. с резными изображениями Диониса и Ариадны, но с барельефом, на котором представлен последний владелец, — находится и южном нефе. Неумелый и бездарный правитель, он был на свой лад добрым и честным человеком, но его смерть едва ли оплакивал кто-то, кроме членов его собственной семьи и клириков тех церквей и монастырей, которые он так любил

[84] Абу эс-Салт, цитируемый Амяри, «История мусульман в Сицилии», т. III, с. 387.

одаривать, — в особенности аббатства Ла-Кава близ Салерно, где до сих пор после повечерия возносятся молитвы за упокой его души[85].

Ему наследовал ребенок — младший и единственный оставшийся в живых из его трех сыновей. Мальчика звали Вильгельм, и мать Алаина Фландрская приняла регентство. Это был не самый удачный вариант при данном положении дел, когда герцогству, как никогда, требовалась сильная рука. Смерть Боэмунда пришлась еще более некстати: останься он в живых, он мог бы захватить власть и спасти герцогство, в результате он сам оставил свою вдову Констанцию Французскую править в Таранто от имени его маленького сына Боэмунда II. Итак, при хаосе в стране, папе в тюрьме и волевом и решительном императоре в нескольких милях от Рима южная Италия оказалась под формальным правлением трех женщин — Аделаиды, Алаины и Констанции — все трое были чужестранки, и двое не имели ни малейшего опыта в политике и государственных делах. Нет ничего удивительного, что, особенно среди лангобардского населения, общее ощущение крушения и безнадежности вылилось в могучую вспышку антинормандских чувств. Какие выгоды, спрашивали люди, эти разбойники принесли Италии? За столетие, прошедшее с их первого появления, едва ли хоть один год обходился без разграбленных городов и опустошенных полей, без новых страниц в печальной истории кровопролитий и насилия на юге. Они уничтожили старое лангобардское наследие, но не сумели построить что-либо прочное. Единственной надеждой для страны оставался Генрих, император, который, разобравшись столь удачно с папой, теперь, без сомнения, должен был обратить свое внимание на нормандцев.

Но Генрих этого не сделал. Вместо этого он отправился со своей армией на север, оставив и папу Пасхалия — ныне вновь свободного и обретавшего все большее влияние с каждым шагом, отдалявшим императора от Рима, — и нормандцев, единственных союзников папства на юге. Зависимость папы от силы нормандского оружия возросла еще больше после смерти в 1115 г. семидесятилетней Матильды Тосканской, а тем временем герцогство Апулия стремительно катилось к полному крушению. Регентша Алаина умерла в 1115 г. Ее сын Вильгельм, которого Ромуальд, архиепископ Салерно, описывает как «щедрого, доброго, скромного и терпеливого, набожного и милосердного человека, очень любимого своим народом», также, по-видимому, покровительствовал церкви и духовенству. К сожалению, добрый архиепископ говорил в тех же словах и о Рожере Борее, а Вильгельм вскоре проявил себя даже более бездарным и бестолковым правителем, чем его отец. Если Рожер Борса пытался вмешиваться в происходящее — иногда, с помощью дяди, успешно, — Вильгельм даже не пробовал это сделать. Когда Генрих V вновь напал на Рим в 1117 г., герцог Апулийский не ударил палец о палец, чтобы помочь папе — своему сюзерену, который тремя годами ранее утвердил его во всех правах и титулах. В Капую, а не в Салерно пришлось обратиться несчастному папе в трудный час. Такую же безучастность Вильгельм выказывал и когда речь шла о его собственных владениях. По всей южной Италии его вассалы вершили суд по своей воле, распри и раздоры не прекращались, и даже длительная междоусобица в Бари, закончившаяся убийством архиепископа, заключением в тюрьму княгини Констанции и возведением на трон узурпатора Гримоальда, вызвала лишь робкий протест внука Гвискара.

Такова была ситуация, когда в 1121 г. Рожер Сицилийский счел, что пора вмешаться. Почему он выбрал именно этот момент, не совсем понятно, также мы не знаем точно всего района боевых действий, хотя, вероятнее всего, и него входили те области Калабрии, которые отец Рожера не успел затребовать в благодарность за помощь. Но, каковы бы ни были детали, экспедиция оказалась даже более успешной, чем рассчитывал Рожер. Игнорируя мольбы нового папы Геласия II, который всеми силами убеждал своего

[85] В письме, датированном Днем святого Валентина 1966 г., хранитель монастырского архива его преосвященство Анжело Мифсуд пишет, что «благодарность монахов Ла-Кавы к своему прославленному благодетелю не иссякла и всегда жила в их сердцах».

бездеятельного соседа противостоять угрозам со стороны Сицилии, за следующий год граф Сицилийский заключил со своим кузеном, как минимум, три сепаратных договора. Это не составило труда. Вильгельм, помимо того что был плохим воином, постоянно и безнадежно нуждался в деньгах, так что, когда ему удавалось собрать армию, он обнаруживал, что не способен ей платить. Рожер, со своей стороны, всегда предпочитал добиваться своего с помощью золота, а не кровопролития; судя по всему, все три раза переговоры велись в основном по поводу финансовых вопросов. Последний договор был заключен по инициативе Вильгельма, просившего о помощи, и рассказ хрониста об этом происшествии открывает нам многое касательно характера самого герцога и состояния дел в герцогстве.

«И когда Вильгельм прибыл к графу Сицилии, он зарыдал, говоря: «Благородный граф, я взываю к вам теперь во имя нашего родства и по причине вашего великого богатства и могущества. Я пришел свидетельствовать против графа Жордана (из Ариано) и просить вашей помощи в мести ему за меня. Ибо недавно, когда я входил в город Нус-ко, граф Жордан появился у ворот с командой рыцарей; он угрожал мне и оскорблял меня, крича: «Я укорочу твое одеяние!», после чего он разграбил все мои земли в Нуско. Поскольку у меня не достаточно сил, чтобы противостоять ему, я был вынужден стерпеть его оскорбления, но теперь я жажду мести»[86].

Рожер, как обычно, запросил свою цену и к лету 1122 г. получил в свое полное владение не только всю оставшуюся часть Калабрии — сперва заложенную за шестьдесят тысяч византинов, а позже отданную ему в собственность, — но также Палермо и Мессину, которые прежде он формально делил пополам с герцогом. Он продолжал оказывать давление на своего кузена — в особенности из-за территории Монте-скальозо, на подъеме итальянского «сапога», — но основная цель была достигнута. Остальное являлось только вопросом времени.

Ему не пришлось долго ждать. В следующие два или три года стало ясно, что герцог Вильгельм и его лангобардская жена не могут произвести на свет наследника, а на самом Вильгельме уже лежала печать смерти. В 1125 г. граф предложил ему встретиться в Мессине, чтобы обсудить будущее его герцогства, и там в обмен на крупную денежную помощь Вильгельм признал Рожера своим наследником.

25 июля 1127 г. в возрасте тридцати лет герцог Вильгельм Апулийский в свой черед умер в Салерно. Жена герцога Гаительгрима, любившая его, отрезала волосы, чтобы покрыть его тело. Его похоронили, как и его отца, в античном саркофаге в соборе[87]. Подобно Рожеру Борее Вильгельм, по-видимому, был достаточно популярен как человек. Фаль-ко, лангобардский хронист из Беневенто, который ненавидел нормандцев и все их деяния и достижения, оставил нам трогательный рассказ о том, как жители Салерно стекались во дворец, чтобы взглянуть в последний раз на правителя, «который был оплакиваем более, чем какой-либо герцог или император до него». Но Вильгельм оказался недостоин своего имени и трона, и с его смертью некогда великое герцогство Апулийское бесславно прекратило свое существование.

Он умер так же бестолково, как и жил, поскольку, занимаясь до последнего вздоха пожертвованиями в пользу Монте-Кассино, Ла-Кавы и других своих любимых монастырей и церквей, он забыл, сознательно или нет, подтвердить обещание, данное Рожеру насчет наследства. Никаких упоминаний об этой договоренности не было в его завещании, хуже того, его отчаянное стремление доставить удовольствие всем привело к тому, что он сделал подобные посулы еще многим. Имеется свидетельство, что умирающий герцог в приступе набожности вдобавок ко всем прежним завещаниям оставил свои

---

[86] Фалько из Беневенто.

[87] Саркофаг, передняя стенка которого украшена рельефом, изображающим Мелеагра и кабана, римский, III в., находится п аркаде перед главным входом.

владения Святому престолу[88], в то время как Вильгельм Тирский, прославленный историк латинского королевства в Палестине, упоминает о соглашении, заключенном между Вильгельмом Апулийским и Боэмундом II перед отбытием последнего в Святую землю в 1126 г., по которому тот из двоих, то умрет первым, если у него не будет наследников, завещает владения другому. Итак, после смерти кузена Рожер, вопреки ожиданиям, оказался отнюдь не единственным и неоспоримым наследником южной Италии, но только одним из соперничающих претендентов.

К этому времени молодой Боэмунд находился слишком далеко, чтобы о нем беспокоиться, но обойти папу Гонория II оказалось гораздо труднее. В течение более чем шестидесяти лет, с тех самых пор, когда Александр II счел выгодным настраивать Роберта Гвискара и Ричарда из Капуи друг против друга, политика пап была направлена на то, чтобы не позволять нормандцам объединиться; Гонорий[89], человек низкого происхождения, но замечательных способностей, хорошо понимал опасность того, чтобы позволить графу Сицилии прибрать к рукам герцогство кузена и тем самым подпустить влиятельного, своевольного и честолюбивого правителя к самым границам папского государства. Более того, ему как сюзерену всей южной Италии даже не требовалось предъявлять свои права на владения герцога Вильгельма, достаточно было доказать, что притязания Рожера не имеют силы, и герцогство Апулия перешло бы к нему. Он полагал также, что может рассчитывать на поддержку нормандских баронов. Некоторые из баронов уже воспользовались смертью герцога Вильгельма, чтобы формально провозгласить свою независимость, которой они давно уже пользовались на практике, а многие другие стремились предотвратить укрепление герцогства как целостного государства в твердых руках графа Сицилийского.

Рожер понимал, что при наличии такой оппозиции его шанс заключается в том, чтобы поставить папу и его союзников перед свершившимся фактом, и в первые дни августа он отплыл с наспех собранным флотом в Салерно. Его встретили весьма прохладно. Всеобщая скорбь по поводу смерти Вильгельма не помешала антинормандской фракции немедленно захватить власть в городе; ворота Салерно оказались закрыты, а на заявления глашатая, что его господин пришел с миром, дабы вступить во владение герцогством по праву наследования, подтвержденному лично покойным герцогом, салернцы отвечали, что они страдали слишком много и слишком долго от нормандской оккупации и не желают с ней больше мириться. Но графа это не смутило. День за днем со спокойной решимостью он настаивал на своих притязаниях. Напряжение постепенно росло, старейшины города, вначале любезные, вели себя все более враждебно, но, даже когда один из главных участников переговоров был убит толпой салернцев, Рожер сохранял спокойствие. И все время его корабли прочно стояли на якорях в заливе на виду у горожан.

В конце концов его терпение было вознаграждено. Он сумел тайно связаться с пронормандской партией в городе, возглавляемой архиепископом Ромуальдом, и те убедили своих непокорных сограждан подчиниться неизбежному. В сложившихся обстоятельствах Салерно ни в коем случае не мог сохранить независимость, безусловно, было мудрее провести переговоры, пока граф еще выдвигал приемлемые условия, нежели подвергнуться осаде вроде той, с помощью которой его дядя взял город полвека назад. На десятый день салернцы предложили соглашение. Они обещали принять Рожера в качестве своего герцога на трех условиях: первое — укрепления и замок останутся в их руках, второе — горожан не будут заставлять нести военную службу дальше, чем в двух днях пути от Салерно, третье — ни одного салернца не бросят в тюрьму без их собственного суда. Рожер не мог терять времени, он согласился. Горожане открыли ворота, и он

---

[88] Оно содержится в сочинении Вальтера из Теруананна «Жизнь Карла, графа Фландрского». Сведения, присутствующие у Ордерика Виталия (кн. XII, гл. 44), придают дополнительный вес этому рассказу.

[89] Не следует путать его с антипапой Гонорием II, который так осложнил жизнь Александра II примерно за шестьдесят лет до того.

церемониально въехал в город, где епископ Капаччио, традиционно возводивший на трон салернских князей, помазал его герцогом Апулии. Это была почти бескровная победа, победа терпения и дипломатии, во вкусе Рожера, и сразу после этого подобным же образом покорился Амальфи.

Тем временем граф Райнульф Алифанский, муж сводной растры Рожера Матильды, поспешил на юг, чтобы приветствовать шурина и предложить ему свою поддержку. Взамен он просил, чтобы новый герцог даровал ему сюзеренитет над его соседом графом Ариано. Требование пришлось ко времени, граф Жордан Арианский, враг герцога Вильгельма, был убит на прошлой неделе, а его сын едва ли обладал достаточным могуществом, чтобы сопротивляться. Рожер не желал дальнейшего усиления Райнульфа, которому он откровенно и с полным на то основанием не доверял, но он нуждался в его помощи. Вновь он согласился. Об этом решении ему пришлось сожалеть.

Вести об успехе Рожера застали папу Гонория в Беневенто, откуда он внимательно наблюдал за развитием событий. Он не был готов к такому повороту событий, но Ктеперь тоже перешел к решительным действиям и отправил послание Рожеру в Салерно, формально запретив ему страхом отлучения принимать герцогский титул. Он мог этого и не делать, всего через два дня после его прибытия отряд из четырех сотен рыцарей во главе с Рожером появился под стенами Беневенто. Второй раз за неделю Рожер застал папу врасплох, но на этот раз он сам был не меньше удивлен. Он отправился в Беневенто, посколькуполучил послание от неких своих сторонников в городе, поздравлявших его с успехом и уверявших в своей доброй воле. Вероятно, он стал после этого думать, что даже этот аванпост папской власти на юге может с легкостью перейти в его руки, в таком случае присутствие Гонория в его дворце оказалось для него крайне неприятной неожиданностью.

Рожер не желал ссориться с папой, пока оставалась хоть малейшая надежда получить его признание, но Гонорий не походил на жителей Салерно — разумные доводы, обещания и подкупы в равной степени оставляли его равнодушным. В таких обстоятельствах не имело смысла задерживаться в Беневенто. Поручив верным ему местным баронам впредь до дальнейших распоряжений обеспечивать работой папскую армию, разоряя город и окрестности, граф отбыл со своими войсками в Трою. Из этого города, являвшегося вратами Апулии и видевшего один из первых триумфов нормандцев в Италии, он двинулся в Мельфи, примерно сто лет назад послуживший колыбелью его нового герцогства, и, проезжая верхом по Апулийской равнине, он, должно быть, видел на горизонте темный горб Гаргано, в глубинах которой таилась пещера архангела. Рожер, вероятно, читал в юности историю Малатерры, и, узрев воочию страну, которую так хорошо знал понаслышке, он еше больше уверился, что он, и только он должен ею править. Жители городов и деревень, через которые он проезжал, похоже, разделяли его мнение, пока он продолжал свой путь вдоль подножия гор на юго-восток, его везде приветствовали с нескрываемой радостью. Конец августа застал Рожера с большой свитой епископов, баронов и знати, включая эмиров Христодулоса и Георгия Антиохийского, в Монтескальозо; оттуда, медленно двигаясь по покорной Калабрии, он добрался до Реджо, где получил официальное признание своих калабрийских притязаний, и до наступления зимы вернулся на Сицилию.

Неожиданно теплый прием, который Рожер встречал по всему герцогству с момента, когда он покинул Салерно, убедил новоиспеченного герцога в прочности его положения. Только папа еще противостоял ему, но даже папа рано или поздно должен был внять голосу разума. А если и нет, какой вред мог он причинить без единого сильного союзника на юге? Так, вероятно, рассуждал Рожер, иначе он никогда бы не рискнул вернуться на Сицилию и оставить поле боя в полном распоряжении врагов.

Молниеносное продвижение Рожера давало ему преимущество неожиданности, но в самой этой быстроте таилась опасность. Города, где он останавливался, бароны, через чьи владения он проезжал, не имели возможности оценить ситуацию или посоветоваться друг с другом. Неподготовленные и ничего не решившие, они были вынуждены на словах признавать его притязания — обязанность, которую они выполняли тем более охотно, что знали: все эти претензии не имеют силы до тех пор, пока не признаны папой. А Рожер, упоенный своим успехом, им верил.

Гонорий был тяжел на подъем, и вдобавок ему мешали постоянные вылазки сторонников Рожера в окрестностях Беневенто. Однако времени он не терял и к концу октября привлек на свою сторону большинство влиятельных баронов юга — Гримоальда из Бари, Роберта, Танкреда и Александра из Конверсано, Годфри из Андрии, Рожера из Ариано и изменника Райнульфа Алифанского, который всего два месяца назад поклялся в верности новому герцогу. Тем временем горожане Трои, наставляемые своим епископом Вильгельмом[90], также пересмотрел свои убеждения, и именно в Трое разбойничья шайка Гонория — все члены которой имели в прошлом богатый опыт измен и мятежей — собралась в ноябре и в присутствии самого папы официально провозгласила союз против узурпатора. Спустя несколько недель к их рядам примкнул князь Роберт II Капуанский, который только что наследовал своему отцу и официально вступил на престол 30 декабря. Он был, как сообщает Фалько, «деликатного сложения, не мог переносить ни трудов, ни тягот». Но Гонорий, радуясь представившейся возможности возродить старую апулийско-капу-анскую вражду, поспешил воспользоваться ситуацией. Не сумев добиться, отмечает Фалько, каких-то хороших или полезных результатов в Беневенто, он отправился в Капую, чтобы лично присутствовать на церемонии княжеской церемонии и здесь, перед собравшимися вассалами Робера, разразился страстной речью о злодеяниях, совершенных людьми Рожера по отношению к жителям Беневенто, после чего отлучил графа от церкви и даровал индульгенции всем, кто поднимет оружие против него. Предприятие начинало обретать черты крестового похода.

В далеком Палермо Рожер понял свою ошибку. Снова, как в Северной Африке три года назад, он недооценил противника. Но на этот раз проявлял меньше рвения. Очень характерно для него, что даже теперь, когда папская лига уже собрала свои силы, он попытался подкупить Гонория уступкой двух городов — Трои и Монтефуско — и значительной суммой денег. Только когда эти попытки провалились, он начал серьезные приготовления к войне и по-прежнему не особенно спешил. Только в мае 1128 г. он вернулся с армией, насчитывающей две тысячи рыцарей и пятнадцать сотен лучников, на материк. Его план состоял в том, чтобы укрепиться на юге герцогства, где влияние лиги было слабее всего, прежде чем выступить против основных сил оппозиции на севере. Пройдя маршем через Калабрию, где его права не подвергались сомнению, он ударил по «пяте Италии», по тем областям, которые его кузен Боэмунд перед отбытием в Святую землю оставил на совместное попечение папы и Александра из Конверсано. Это было мудрое решение. Таранто, Отранто и Бриндизи подчинились без возражений, и к середине июня Рожер стал полновластным хозяином всей Италии к югу от линии Бриндизи — Салерно.

Папа тем временем столкнулся с серьезными затруднениями. Райнульф Алифанский и Роберт Капуанский — первый из своих интересов, а второй по малодушию — угрожали выйти из лиги, и сторонники Рожера усиливали натиск на Беневенто. Только к середине лета Гонорий, удостоверившись в надежности своих союзников, повел их на помощь городу; и лишь после этого он смог сосредоточить внимание на Рожере в Апулии. В начале июля папа со своей армией подошел к Бари, так и не обнаружив никаких

---

[90] Портрет епископа Вильгельма до сих пор можно видеть на бронзовых дверях кафедрального собора в Трое, которые датируются 1119 г. Рядом находится льстивая надпись, характеризующая его как «освободителя родины», с добавлением, что в год смерти герцога Вильгельма Салернского народ Трои разрушил свою цитадель и укрепил город, во им свободы, стенами и частоколом.

признаков присутствия врага; затем, повернув на юго-запад, он приблизился к некоему месту, носящему название Брадано, до сей поры не опознанному, где мелкую реку с каменистым дном легко было перейти вброд, и здесь он увидел поджидающих его сицилийцев, которые выстроили укрепления на холмах на дальнем берегу реки.

Войско Рожера занимало более выгодную позицию, его армия была свежей и отдохнувшей, а его сарацинские подразделения рвались в бой. Однако он не стал атаковать. Александр из Телезе лицемерно предполагает, что его удержало уважение к папе, но это кажется в высшей степени неправдоподобным. Гораздо более вероятно, что размеры папской армии вместе *с* его инстинктивным отвращением к бессмысленному кровопролитию заставили графа искать других, лучших путей для достижения собственных целей. Он оказался прав. Больше месяца две армии стояли друг против друга, и все попытки выбить сицилийцев их выгодной позиции проваливались. Тем временем феодальные воины Гонория, которые могли быть призваны ежегодно на ограниченный срок, начали терять терпение; между членами лиги, как водится, вспыхивали ссоры, а жестокое июльское солнце беспощадно сжигало незащищенный папский лагерь. В своем тенистом укрытии на противоположном холмистом берегу Рожер мог в красках представить себе замешательство папы, поэтому он неудивился, когда однажды вечером к нему явился посланец с вестью о том, что его святейшество не против провести переговоры.

И действительно, у Гонория не было выбора. Он теперь стал понимать то, что Рожер, вероятно, давно знал: организованный им союз слишком непрочен, отдельные его члены слишком привыкли к независимости и беззаконию, чтобы забыть свои разногласия ради общего дела. Они уже схватили за грудки друг друга, вскоре могли схватить и его, папу; а Роберт Капуанский, который, как можно было предвидеть, заболел и лежал стеная в своей палатке, далеко не единственный призывал сдаться. Папа также увидел, что столкнулся с противником слишком сильным, чтобы его сокрушить, к тому же имевшим моральное право добиваться своего — слишком неоспоримое, чтобы с ним не считаться. Южной Италии нужен был мир — это не вызывало сомнений. Граф Сицилии, хотя и нес с собой войну, пока герцогство его отвергало, являлся тем единственным человеком, который мог этого добиться, если бы ему предоставили возможность. Разумеется, иметь такую грозную фигуру в качестве соседа было рискованно, но на такой риск следовало пойти.

Переговоры, которые вели от лица папы его секретарь кардинал Аймери из Святой Марии Новеллы и Ченчий Франджипани, состоялась вечером с соблюдением полной секретности, поскольку Гонорий, естественно, стремился, чтобы его союзники не узнали о его предательстве до того, как он уяснит свое положение. Этот гордый человек теперь думал только о том, чтобы спасти собственный престиж, не заботясь о чьих бы то ни было еще интересах. Рожер тоже хорошо знал, чего он хочет — подтверждения его прав как герцога Апулии, как всегда, под папским сюзеренитетом, но без других обязательств. На этих условиях и при том, что его собственное достоинство не пострадает, он был го тов пойти навстречу пожеланиям папы, поскольку не со бирался унижать его без необходимости. Итак, папа и граф Сицилии договорились. Здесь и сейчас ничего не было сделано, но Рожеру дали понять, что, если он сам приедет в Беневенто и попросит инвеституры, ему не откажут. Бароны лиги, узнавшие о прекращении войны и каким-то образом удержавшиеся от мщения папе, разъехались в гневе, а Гонорий отправился в Беневенто ожидать своего знаменитого гостя.

Рожер прибыл утром 20 августа и разбил лагерь на Мон-те-Сан-Феличе сразу за городом. Три последующих дня прошли в обсуждении деталей. Вопрос о передаче папе городов Троя и Монтефуско, которые ему предлагались несколько месяцев назад, больше не стоял, но Рожер охотно поклялся уважать папский статус Беневенто и даже — если его святейшество настаивает — гарантировать независимость Капуи. Эта последняя уступка — отчаянная попытка Гонория сохранить традиционный баланс сил, которому он всегда

придавал такое значение, — наверное, вызывала у Рожера досаду, определенно Роберт Капуанский не заслужил такое вознаграждение. Но в данный момент это не имело значения — при необходимости всегда оставалась возможность передоговориться.

К вечеру 22 августа все было улажено. На одном пункте, однако, граф твердо настаивал: он не соглашался, чтобы церемония происходила на папской территории. Поэтому решили, что он встретит Гонория за стенами Беневенто, на мосту через реку Сабато. Вскоре после заката при свете бесчисленных факелов и в присутствии, согласно Фалько, двадцати тысяч зрителей папа подтвердил права Рожера, вручив ему копье и знамя, точно так же как папа Николай подтвердил права Роберта Гвискара примерно семьдесят лет назад; а герцог Апулии, получивший наконец свой титул, вложил руки в руки своего сюзерена и поклялся ему в верности. Снова, как во времена Роберта, Апулия, Калабрия и Сицилия оказались под властью одного правителя. И этому правителю было только тридцать два года. Оставалось сделать всего один шаг.

Глава 23
КОРОНАЦИЯ

> Итак, когда герцог был введен в королевском облачении в собор и там помазан свя именным елеем и утвержден в королевском до стоинстве, блеск его величия и великолепие его облика были таковы, что слова бессильны вы разить их, а воображение представить. Поистине всем, кто видел его, казалось, что все богатство и почести мира слились воедино.
>
> *Александр из Телзе, гл. IV*

Утвердив Рожера в правах на все территории, которыми прежде владел Роберт Гвискар, папа Гонорий признал себя побежденным, но не все южные бароны были готовы так легко сдаться. Новый герцог был умен — всякий мог это видеть — и хитрее, чем даже его дядя. Его репутация военачальника, однако, вызывала большие сомнения. С первого вмешательства в континентальные дела он проявлял подозрительное нежелание вступать в битву. Все его победы обеспечивались подкупами, дипломатией, быстротой передвижения и терпеливым ожиданием, ему еще предстояло утвердить себя как воина перед лицом решительного врага. Кроме того, даже Гвискар не сумел добиться сколько-нибудь прочного мира в своих владениях, а Гвискару не требовалось приглядывать также за Сицилией. При столь обширной и столь отдаленной территории, находившейся под его непосредственной властью вдобавок к материковым владениям, — и при том, что он явно не собирался пере носить свою столицу, новому герцогу было еще труднее утвердить свое главенство. В военном отношении папская инвеститура практически ничего не давала. Он мог отныне пользоваться поддержкой папы, но последние события показали, как мало она значила с точки зрения реальной власти. И хотя в южной Италии у него было много ненадежных друзей, которые склонялись перед ним, пока он проходил, не было ни одного города или селения на полуострове, на чью преданность Рожер мог полностью рассчитывать в трудную минуту. И вот бароны и города Апулии вновь поднялись против своего господина, и в новых владениях Рожера в тот исторический вечер, когда папа Гонорий поручил их его заботам, уже разгорался мятеж.

Рожер начинал привыкать к подобному состоянию дел. Характерно, что он смотрел на свое герцогство скорее глазами управляющего, нежели воина, и давно знал, что в Апулии с ее огромными фьефами и традиционной ненавистью к централизованной власти ему предстоит решать более серьезную административную проблему, нежели те, с которыми он сталкивался на Сицилии. Ему надо было преуспеть в том, в чем потерпел

неудачу его дядя, и впервые за столетия установить по всему югу сильное и реально действующее правление, основанное на твердом соблюдении закона. Такая задача не решалась за вечер. Но Рожер понимал, что тот самый дух независимости, который порождал проблему, сделает возможным ее решение, поскольку его враги никогда не сумеют объединиться. Даже под предводительством папы они не могли выступить согласованно, а теперь, когда они его лишились, их действия оказывались еще более неэффективными. Несколько оставшихся летних недель Рожер провел укрепляя свои позиции на севере, затем, когда приблизилась зима, он вернулся через Салерно на Сицилию.

Весной 1129 г. он возвратился с армией из трех тысяч рыцарей и вдвое большим числом пеших воинов, включая лучников и отряды сарацин. Далее все шло так, как Рожер предполагал. Бриндизи под умелым командованием его родственника, молодого Годфри из Конверсано[91], сдерживал его натиск, пока осажденные не вынуждены были сдаться из-за голода, но немногие другие города проявляли подобную стойкость. Пока армия Рожера двигалась вдоль берега, подавляя всякое сопротивление, которое встречалось на ее пути, шестьдесят кораблей под командой Георгия Антиохийского перекрыли подходы к Бари. Его князь-самозванец Гримоальд был в числе самых решительных и могущественных мятежников, но в начале августа и он сдался. Его подчинение привело к капитуляции Александра, Танкреда и Годфри из Конверсано, и с мятежом было покончено.

Или почти покончено. Один важный город оставался непокоренным. Жители Трои, которой менее чем за два года до того папа в обмен на поддержку даровал самоуправление, не желали так быстро отказываться от обретенных привилегий. Когда Гонорий их предал, они отчаянно искали себе новых покровителей. Сперва они обратились к Капуе, но князь Роберт, как можно было ожидать, не захотел ссориться с герцогом Апулии. Понятно, что другие бароны в большинстве своем разделяли его позицию, и троянцы уже потеряли надежду найти защитника, когда неожиданно перед их воротами появился человек, который никогда не упускал случая увеличить свои имения, чего бы это ни стоило, — шурин Рожера, изменник Райнульф Алифанский. Они охотно приняли его условия — покровительство в обмен на владения, — и Райнульф вошел в город вместе со своими сторонниками. Но в течение нескольких дней его новые подданные поняли, как опрометчиво поступили. Ро-жер уже приближался. Он не стал атаковать Трою — в этом теперь не было необходимости. Нападения на один из замков за стенами города оказалось достаточно, чтобы Райнульф поспешил к нему с мирными предложениями, и они быстро договорились. Граф Алифанский мог оставить за собой Трою при условии, что он будет держать ее как фьеф от своего зятя. Это соглашение вполне устраивало обе стороны. Только горожане Трои, которые в результате получили двух сеньоров вместо одного, имели основания жаловаться. Но им некого было винить, кроме себя. Если бы они лучше знали Райнульфа, они бы догадались, что он вовсе не намеревался противостоять герцогу и желал только погреть руки на сделке. Но теперь было поздно. Дважды преданная Троя сопротивлялась еще несколько дней, а потом сдалась.

Может показаться удивительным, что Рожер отпустил Райнульфа с миром после такого откровенного трюка, особенно с учетом того, что тот проделывал в последние два года. Но на самом деле граф Алифанский, при всей его ненадежности, не меньше заслуживал доверия, чем большинство других вассалов — на самом деле даже чуть более, если семейные связи что-то значили, — а этих вассалов надо было каким-то образом прибрать к рукам. Задача Рожера состояла в том, чтобы завоевать их поддержку, а не отталкивать их от себя. Он обошелся со своим шурином так, как поступал обычно с разбитыми мятежниками. Внешне по крайней мере — поскольку никто не знал, о чем он думает, — он не держал на них зла. Несколько раз — как в Бриндизи или в следующем году в Салерно — он помешал в городской цитадели сицилийский гарнизон, чтобы

[91] Этот Годфри, которого аббат из Телезе называет просто «сыном графа Александра», мог принадлежать к династии Клермона, а не Конверсано, но последнее более вероятно.

предотвратить дальнейшие выступления против своей власти, но здесь, как и в других местах, мятежные властители получили полное прощение и были утверждены в правах — даже Гримоальд из Бари — на свои прежние владения.

Только по отношению к дезертирам из его собственной армии Рожер проявлял твердость. Несколькими неделями ранее один из его кузенов Роберт из Грантмеснила[92] ушел вместе со своими людьми с осады Монтальто под мнимым предлогом, что его фьеф слишком мал, а сам он слишком беден, чтобы выдержать длительную военную кампанию. По поводу продолжительности обязательной службы вассала сеньору обычно раздавались многочисленные сетования и возникали раздоры, но эта служба являлась важнейшей и неизменной основой феодальной системы. Рожер даже проявил сочувствие и пообещал увеличить владения родича после подавления бунта. Но Роберт все равно покинул расположение войска. Когда осада закончилась, Рожер загнал Роберта в его замок в Лагопезоле и принудил сдаться. Затем перед собранием рыцарей Роберт был подвергнут публичному порицанию; после чего Рожер позволил ему вернуться в Нормандию при условии, что он откажется от всех южных фьефов. Потребовался еще год и новая военная кампания, чтобы окончательно выдворить беспокойного графа из Италии, но его судьба послужила полезным примером для других. Вассал, присягнувший на верность своему господину, был связан с ним определенными обязательствами. Пока Рожер II остается герцогом Апулии, он не потерпит никаких отказов от исполнения этих обязательств.

В сентябре 1129 г. герцог Рожер, окончательно утвердивший свою власть, собрал всех епископов, аббатов и графов Апулии и Калабрии в Мельфи. Это было первое из серии подобных собраний, созывавшихся в правление Роже-ра, и оно послужило тому, чтобы заложить основы власти Рожера в южной Италии. Каждый из его вассалов по очереди приносил, в присутствии своих сотоварищей, клятву, не только подтверждавшую его обычные феодальные обязательства, но, ради установления мира, существенно расширявшую его обязанности. Точные слова этой присяги, увы, до нас не дошли, но, судя по всему, она состояла из трех частей. Она начиналась с обычной клятвы в верности и повиновении, во-первых, самому герцогу, а затем двум старшим сыновьям, сопровождавшим его, — юному Роже-ру, которому было тогда одиннадцать лет, и Танкреду, годом или двумя младше. Далее следовало специальное обязательство соблюдать герцогский указ, тогда же провозглашенный и запрещающий междоусобные войны — любимое занятие рыцарей, отнимавшее так много их времени и сил. Наконец, графы должны были пообещать заботиться о порядке и справедливости в своих владениях, отказывая в помощи ворам, грабителям и всем, кто стремится разорять землю, и передавая их герцогскому суду, в тех местах, где он будет учрежден, и покровительствуя всем, кто ниже их по титулу, духовным лицам и мирянам, а также пилигримам, странникам и торговцам.

За этой краткой, но содержательной присягой стояло даже больше, чем кажется на первый взгляд. Клятва в верности не была чем-то необычным; однако представляется весьма интересным, что Рожер включил в число лиц, к которым она обращена, двух юных наследников, таким образом подтвердив их потенциальные права на власть — и, возможно, сделав первый шаг к своей будущей практике назначения сыновей наместниками на материке. Он также со всей ясностью дал понять, что требует от вассалов не просто исполнения формальности. В последующие годы он заставлял не только баронов и рыцарей, но и всех своих свободных подданных повторять клятву снова и снова, как постоянное напоминание об их долге. Не являлась ли подобная настойчивость начальным движением к возвышенной, полумистической концепции монархии в византийском стиле, которая так соответствовала его восточному духу и которую он так успешно воплотил в дальнейшем? Возможно. Но несомненно, Рожер,

---

[92] Сын Вильгельма из Грантмеснила и дочери Гвискара Мабиллы. Его не следует пугать с его тезкой, опекуном первой жены Рожера I Юдифь.

сознательно или нет, «подготовил почву для того расширительного толкования измены, которое было характерно в XII в. для сицилийского королевства»[93].

Но реальное значение собрания в Мельфи заключается не в первой, а во второй части присяги вассалов. Раньше иногда случалось, что бароны южной Италии клялись — обычно на очень краткий срок — уважать права и собственность : нерыцарских сословий, но они всегда сохраняли за собой : право на вражду, по которому они могли вести — и вели — войны друг с другом, сколько их душам было угодно. Только когда папа провозглашал так называемый «Божий мир», им иногда приходилось умерять свою воинственность. Последние трое пап — Урбан, Пасхалий и Геласий — старались подобными мерами помешать Апулии власть в анархию; но ни один из них не добился заметных успехов, хотя бы потому, что установление «Божьего мира» зависело полностью от клятв, добровольно приносимых заинтересованными сторонами. Теперь ситуация изменилась. Право на междоусобные войны отменялось сверху, сразу и навсегда — практика беспрецедентная для Европы того времени (исключая Англию и Нормандию). Клятва, подтверждающая запрет, приносилась Рожеру лично; и таким образом устанавливался «герцогский мир», и герцог нес полную ответственность как за его поддержание, так и за наказание тех, кто его нарушит, — поскольку третья часть присяги с упоминанием о передаче злодеев герцогскому суду ясно показывала, что Рожер не собирался, даже теперь, полагаться исключительно на честность своих феодалов. Он начал создавать собственные уложение с наказаниями и намеревался сделать его действенным. Первое большое собрание в Мельфи, на котором в 1043 г. первое поколение нормандских баронов во главе с дядей Рожера Вильгельмом Железная Рука и Гвемар Салернский в качестве их сюзерена разделили завоеванные территории на двенадцать графств Апулии, давно стало историей. Но возможно, в маленьких горных поселениях еще жили несколько стариков, которые смутно помнили августовский день ровно семьдесят лет назад, когда Роберт Гвискар, великан в расцвете сил, получил три герцогства от папы Николая II. Оба эти события открыли новые главы в героической истории нормандского владычества в южной Италии. Теперь произошло третье. На этот раз не было ни подтверждения прав, ни распределения фьефов; но любой нормандский рыцарь и барон удостоверился со всей ясностью, что одна эпоха окончилась, а другая начинается. Эту новость не все восприняли с радостью. Прежние порядки, наследие бестолкового Рожера Борсы и его сына, оказались разрушительными для страны в целом, но привилегированным сословиям часто представлялись вполне приемлемыми и даже выгодными. Теперь, впервые за сорок пять лет, южная Италия попала в руки сильного человека, способного и желавшего править. В будущем все должно было пойти по-другому.

Год 1129-й, подлинный «год чудес» для Рожера, завершился еше одним триумфом. Статус Капулии был неопределенен с момента смерти ее князя Ричарда II в 1106 г. За восемь лет до этого Ричард признал сюзеренитет герцога Апулийского в благодарность за помощь в возвращении к власти; но его наследники, кажется, не последовали его примеру, и ни у Рожера Борсы, ни у герцога Вильгельма не хватило духу заявить о своих притязаниях. Капуя снова стала независимым государством — суверенитет которого Рожер, по условиям бене-вентской инвеституры, обязался уважать. Вопрос о том, сколько времени он бы это делал, остается открытым: Капуя, хотя и сделалась бледной тенью прошлого, не представлявшей ощутимой военной угрозы, оставалась вечной занозой и препятствием к объединению юга, что раньше или позже надоело бы Рожеру. К счастью, обстоятельства решили за него. Бесхарактерный юный Роберт, оставшись без союзников, решил, пока не поздно, договориться с соседом и добровольно признал герцога своим законным сюзереном.

---

[93] Ивлин Джемисон, «Нормандское правление в Апулии и Капуе».

Непрошеное подчинение, которое реально означало присоединение Капуи к герцогству Апулия и таким образом сделало Рожера неоспоримым хозяином нормандского юга, наглядно доказало, что все попытки Гонория поддерживать неубедительный баланс сил потерпели крах; и на это можно было ожидать гневную реакцию из Рима. Но к тому моменту, когда весть о капитуляции князя Роберта достигла Латерана, Гонорий лежал безнадежно больной; и в последующие месяцы, которые принесли герцогу Апулии величайшую награду в его жизни, папская курия занималась другими, более неотложными делами.

Еврейская колония существовала в Риме со времен Помпея. Возникшая сначала за Тибром, в Средневековье она переместилась на левый берег реки и занимала тот самый квартал, прямо напротив острова, который позже папа Павел IV выделил под гетто и где доныне стоит синагога. Сейчас этот квартал, обитатели которого медленно приходят в себя после недавних страданий, выглядит довольно убого; но в начале XII в. римские евреи благодаря своему огромному богатству являлись влиятельной и авторитетной силой в папском городе. Наиболее уважаемой из влиятельных еврейских семей была семья Пьерлеони, чьи тесные связи со сменявшими друг друга папами заставили их более полувека назад принять христианство; и с этого времени продолжающееся папское покровительство, дополненное пышностью и великолепием, которыми члены семейства себя окружали, обеспечили им такое социальное и финансовое положение, которое позволяло Пьерлеони держать себя на равных с представителями самых блестящих аристократических родов Рима.

Недоставало только одного пункта — но самого важного. Пьерлеони до сих пор не дали миру ни одного папы. С учетом всех обстоятельств подобное упущение казалось вполне объяснимым, но его следовало исправить. В течение нескольких лет взоры членов рода с надеждой обращались к самому блестящему из их отпрысков, некоему Петру ди Пьерлеони, который быстро поднимался в церковной иерархии. Он обладал всеми необходимыми качествами. Его отец был доверенным лицом Григория VII, а сам он после обучения в Париже у самого великого Абеляра стал монахом в Клюни. В 1120 г. его отозвали в Рим, где Пасхалий II по просьбе его отца сделал его кардиналом, после чего Петр последовательно служил папским легатом во Франции, а затем в Англии. Он появился при дворе Генриха I Английского со столь блестящей свитой, что, по-видимому, произвел на короля сильное впечатление: если верить Уильяму Мальмсберийскому, кардинал вернулся в Рим с таким количеством богатых даров, что поразил даже членов курии. Фактически нет оснований предполагать, что Пьерлеони был более продажен, чем другие современные ему князья церкви; наоборот, его истинная набожность и безупречное клюнийское прошлое делали его убежденным сторонником реформ[94]. Но он был одаренным, волевым и очень честолюбивым человеком; и как всякий потенциальный кандидат на престол святого Петра, имел врагов. Из них наибольшую опасность представляли последователи Гильдебранда — то, что можно назвать левым крылом курии, — которые опасались, что папа Пьерлеони вернет папство к старому образу действий и оно станет вновь инструментом — или даже игрушкой — римской аристократии; и наиболее непримиримые соперники семейства Пьерлеони, другой устрашающий выводок выскочек — Франджипани.

К началу февраля 1130 г. стало ясно, папа Гонорий умирает и кардинал Пьерлеони, который пользовался поддержкой многих членов коллегии кардиналов, большей части аристократии и практически всех низших сословий в Риме, среди которых его тонко просчитанная щедрость вошла в поговорку, имел все шансы стать его преемником. Но оп-

[94] Другие, более громкие обвинения столь могучих прелатов, как Манфред из Мантуи или Арнульф из Лизиё (который написал книгу под названием инвектива), состоящие в том, что кардинал соблазнял монахинь, спал со своей сестрой и т. д., можно не принимать во внимание, ибо они являют собой нормальные, привычные примеры церковной полемики времен схизмы.

позиция не желала упускать случая. Противники Пьерлеони под предводительством Аймери[95], которого мы последний раз встречали, когда он вместе с Ченчием Франджипани вел переговоры с Рожером II на берегах Брадано, захватили умирающего понтифика и доставили его в монастырь Святого Андрея в центре квартала Франджипани; таким образом они получили возможность скрывать его смерть до нужного им момента. Затем 11 февраля Аймери собрал в монастыре верных ему кардиналов и начал подготовку к новым выборам. Такая процедура, помимо того что она была откровенно бесчестной, являлась также прямым нарушением декрета Николая от 1059 г. и вызвала возмущение остальной курии. Бормоча проклятия в адрес «всех тех, кто проводит выборы до похорон Гонория», они сразу же назначили комиссию из восьми выборщиков от всех партий, которая, объявили они, соберется в церкви Святого Адриана — не Святого Андрея — тогда, и только тогда, когда папа упокоится в могиле.

Отказ проводить выборы в церкви Святого Андрея, очевидно, вызывался нежеланием кардинала Пьерлеони и его сторонников отдавать себя на милость Франджипани, но, когда они пробыли к церкви Святого Адриана, ситуация там оказалась не лучше. Люди Аймери уже заняли здание и забаррикадировались в нем. Разгневанные соратники Пьерлеони повернули назад; кроме того, к ним присоединились некоторые другие кардиналы, которые не питали большой любви к Пьерлеони, но возмущались поведением папского секретаря — все они собрались теперь в старой церкви Святого Марка в ожидании дальнейших событий.

13 февраля по Риму поползли слухи, что папа наконец умер и что эта новость сознательно скрывается. Рассерженная толпа собралась у монастыря Святого Андрея и разошлась только тогда, когда бедный Гонорий, дрожащий и изможденный, вышел на балкон. Это было его последнее появление на публике. Напряжение оказалось для него слишком большим, и к ночи он умер. В теории его тело должно было лежать три дня; но, поскольку выборы нового папы не могли состояться до погребения старого, Аймери не имел времени для таких сантиментов. Неостывшее тело опустили во временную могилу во дворе монастыря, а рано поутру на следующий день папский секретарь и те, кто разделял его взгляды, избрали на папство Григория, кардинала-дьякона церкви Святого Анд-жело. Он был срочно доставлен в Латерану и официально, хотя несколько поспешно, возведен на престол святого Петра под именем Иннокентия II; после чего удалился в монастырь Святой Марии в Палладио — ныне Святого Себастиана в Палллариа, — где, благодаря Франджипани, он мог чувствовать себя в безопасности.

Очаровательная базилика Святого Марка в Риме, относящаяся к IX в., пострадала, как и другие ей подобные, от барочной реставрации; но большая мозаика в апсиде по-прежнему радует глаз своим великолепием, а сама церковь кажется мирной и тихой гаванью после суматохи Пьяццо-Венезиа. Но утром Дня святого Валентина 1130 г., когда весть о смерти Гонория и вступлении на папскую кафедру Иннокентия дошла до тех, кто собрался в этих стенах, обстановка здесь была совершенно иной. Народа становилось все больше — сюда пришли фактически все высшие церковные иерархи (кроме тех, кто находился с Аймери), в том числе двадцать четыре кардинала, — а также большинство знати и такое количество горожан, сколько смогло протиснуться в двери. Кардиналы единодушно объявили все процедуры, проведенные в монастыре Святого Андрея и в Латеране, неканоничными и провозгласили кардинала Пьерлеони истинным папой. Тот сразу согласился и принял имя Анаклета II. На рассвете в Риме не было папы. К полудню их было двое.

Трудно сказать, какой из кандидатов — Иннокентий или Анаклет — с большим правом мог именоваться папой. Анаклет, определенно, обладал большим числом сторонников среди кардиналов и в церкви вообще. Однако в число тех, кто голосовал за Иннокентия, хотя их и было меньше, входило большинство «комиссии восьми»,

[95] Аймери был француз, а потому я предпочитаю использовать французскую форму его имени. Его часто называют Альмерик или Хаймерик на немецкий манер.

назначенной коллегией кардиналов. Их способ действий при исполнении своих обязанностей был, мягко говоря, сомнительным, но тогда и избрание Анаклета едва ли могло считаться каноническим. Оно произошло, помимо всего прочего, когда другой папа был выбран и утвержден.

В самом Риме, задобренном многолетними подачками, Анаклет пользовался огромной популярностью. К 15 февраля он и его партия захватили Латеран, а 16-го заняли сам собор Святого Петра. Здесь спустя неделю Анакнет принял официальное посвящение — в то время как его сопернику, чье убежище уже стало объектом вооруженного нападения сторонников Анаклета, пришлось довольствоваться более скромной церемонией в церкви Святой Марии Новеллы. С каждым днем Анаклет укреплял свои позиции, в то время как его помощники раздавали подачки все более щедрой рукой, пока наконец его золото — запасы которого пополнялись, согласно утверждениям врагов, за счет ограблении главных римских церквей — не просочилось в сам оплот Франджипани. Иннокентию, покинутому своими последними защитниками, оставалось только бежать. Уже в начале апреля он помечает свои письма как составленные в Трастевере; а месяц спустя он тайно нанял две галеры, на которых, сопровождаемый всеми верными ему кардиналами, кроме одного, бежал вниз по Тибру.

Бегство оказалось его спасением. Анаклет мог подкупить Рим, но везде в Италии симпатии населения были на стороне Иннокентия. В Пизе и в Генуе его приветствовали громовыми криками; и пока его соперник господствовал в Латеране, он мог спокойно искать в тех областях, поддержка которых имела наибольший вес, — за Альпами. Из Генуи он отправился на корабле во Францию, и к тому времени, когда судно прибыло в маленькую гавань Сен-Жилль в Провансе, Иннокентий вновь обрел прежнюю самоуверенность. У него имелись на то основания. Увидев ожидающую его в Сен-Жилле депутацию из Клюни с шестьюдесятью лошадьми и мулами, готовую доставить его за две сотни миль п монастырь, он, вероятно, счел, что по крайней мере во Франции его битва практически выиграна. Если самый влиятельный из французских монастырей готов поддержать его против одного из своих собственных сынов, ему нечего было опасаться препятствий со стороны других, и, когда собор, собравшийся в Этампе в конце лета, чтобы вынести окончательное решение, высказался в пользу Иннокентия, это стало не больше чем констатацией свершившегося факта.

О Франции, таким образом, можно было не беспокоиться; но что скажет империя? Именно здесь лежал ключ к окончательной победе Иннокентия; но Лотарь Саксонский, король Германии, не спешил принимать решение. Судя по его пристрастиям и предшествующему опыту, он должен был отнестись к Иннокентию достаточно благоприятно: Лотарь долго поддерживал церковную и папистскую фракцию среди германских князей и пользовался поддержкой Гоно-рия и секретаря Аймери. С другой стороны, он до сих пор отчаянно боролся за власть с Конрадом Гогенштауфеном, которого избрали королем в противовес ему три года назад, и ему приходилось тщательно взвешивать свои действия. Кроме того, его имперская коронация в Риме еще не состоялась. Ссориться с папой, который реально держит в руках Вечный город, было для него рискованно.

Иннокентий, однако, не слишком беспокоился, поскольку его судьба находилась в твердых руках самого могущественного из всех адвокатов, властителя дум XII в. — святого Бернара Клервосского. В дальнейшем мы вглядимся пристальнее в святого Бернара, чье влияние на европейскую историю в последующую четверть века было столь огромным и, во многих отношениях, столь разрушительным. Пока достаточно сказать, что он использовал всю свою грозную энергию, весь свой моральный и политический авторитет, чтобы поддержать Иннокентия. С таким покровителем папа спокойно мог набраться терпения и предоставить событиям идти своим чередом.

Этого, однако, нельзя сказать об Анаклете. Он тоже сознавал необходимость международного признания, особенно в Северной Европе; но в то время, как Иннокентий

мог искать поддержки лично, ему приходилось полагаться на переписку, и эта его деятельность не приносила успеха. Желая склонить на всю сторону короля Лотаря, Анаклет дошел даже до того, что отлучил его соперника Конрада от церкви, но на короля это не произвело впечатления, и он не счел нужным хотя бы ответить на последовавшие за отлучением письма. Во Франции его легаты также получили от ворот поворот; и теперь, по мере того как к нему доходили известия о новых и новых заявлениях в поддержку Иннокентия, он начинал все больше тревожиться. Сила оппозиции оказалась гораздо большей, чем он ожидал; что хуже — не только светские правители, но и деятели церкви встали на сторону его противника. За последние пятьдесят лет, главным образом благодаря клюнийским реформам и влиянию Гильдебранда, церковь сбросила оковы, наложенные на нее римской аристократией и германскими правителями, и неожиданно выросла в могущественную и сплоченную интернациональную силу. Одновременно как грибы возникали религиозные ордена, которые придавали ейдейственность и боевой дух. Клюни под руководством аббата Петра Достопочтенного, Премонтре под руководством Нормберта Магдебургского (это он заставил Лотаря оставить письмо Анаклета без ответа), Сито под руководством святого Бернара — все это были живые позитивные силы. Все три монастыря объединились в поддержку Иннокентия и увлекли за собой большую часть церкви.

И тогда Анаклет избрал единственный доступный ему путь: как многие другие отчаявшиеся папы в прошлом, он обратился к нормандцам. В сентябре ИЗО г., примерно в то время, когда собор в Этампе принял решение в пользу Иннокентия, Анаклет отбыл из Рима через Беневенто в Авелино, где его ожидал Рожер. Переговоры завершились быстро. Возможно, их тщательно подготовили заранее; впрочем, обсуждавшиеся вопросы были достаточно просты и не требовали длительных дискуссий. Герцог Апулии предоставлял Анаклету поддержку; взамен он просил лишь одно — королевскую корону.

Это требование диктовалось соображениями более глубокими, чем личное тщеславие. Рожер ставил перед собой задачу сплотить все нормандские владения на юге в одну державу. Возникающее в результате государство могло быть только королевством; сохранять самоопределение трех отдельных герцогств значило сеять семена будущего раскола. Кроме того, не будучи королем, как он мог общаться на равных с правителями Европы и Востока? Соображения внутренней политики требовали того же. Рожеру следовало иметь титул, который поставил бы его выше его старших вассалов, князей Капуи и Бари, и привязал бы всех его ленников прочнее, чем обычные вассальные обязательства перед герцогом. Короче говоря, ему нужно было королевское достоинство не только само по себе, но также из-за мистического ореола, который его окружает. Но папа оставался и должен был оставаться его сюзереном; мало того, Рожер понимал, что, если он примет королевскую корону без благословения папы, его авторитет, далеко не окрепший, окажется под серьезной угрозой.

Анаклет отнесся к просьбе с пониманием. Поскольку герцог Апулии, судя по всему, оказывался его единственным союзником, папе хотелось по возможности усилить его позиции. И права Рожера не вызывали сомнений. Не было причин медлить. 27 сентября, вернувшись в Беневенто, папа Анаклет издал буллу, гарантировавшую Рожеру и его наследникам корону Сицилии, Калабрии, Апулии, гарантировавшую власть над всеми землями, которые герцоги Апулии держали когда-либо от Святого престола, а также верховное главенство над Капуей, «почтение» Неаполя — намеренно двусмысленное выражение, поскольку Неаполь формально все еще оставался независимым и сохранял некие смутные провизантийские симпатии, поэтому папа не мог им распоряжаться — и помощь со стороны папского города Беневенто во время войны. Столица королевства должна была располагаться на Сицилии, и коронационную церемонию могли провести сицилийские архиепископы. В обмен Рожер поклялся в верности Анаклету, как папе, и обязался выплачивать ежегодную дань в размере шестисот скифатов — сумма примерно эквивалентная 160 унциям золота.

Рожеру оставалось только отдать соответствующие распоряжения собственным вассалам. Он позаботился о том, чтобы никто не мог в настоящем или будущем счесть его узурпатором. Поэтому, вернувшись в Салерно, он созвал новое собрание, почти такое же представительное, как собрание в Мельфи в предыдущем году, с участием всех высокопоставленных и уважаемых представителей знати и духовенства, а возможно, и представителей крупных городов. Он изложил им свои предложения относительно собственного нового статуса, которые они единодушно приняли. Это, скорее всего, была формальность, но подобная формальность в течение двух веков обязательно предшествовала коронациям в Англии[96], Франции и Германии и представлялась Рожеру жизненно важной. Хотя в силу личных склонностей и воспитания его самого более привлекала византийская концепция абсолютизма, он понимал, что может получить поддержку своих нормандских баронов, только основав королевство по всем правилам, как их понимали на Западе. После провозглашения его королем в Салерно его притязания были безупречными с точки зрения закона и морали. У него имелось одобрение и церкви и государства, его сюзерена и его вассалов. Он мог спокойно сделать следующий шаг.

«Можно было подумать, — писал аббат из Телезе, который сам стал свидетелем происходящего, — что коронуют весь город». Улицы были покрыты коврами, балконы и террасы увиты гирляндами разных цветов. Палермо заполонили королевские вассалы, важные и скромные, из Апулии и Калабрии, все получившие приглашение посетить столицу в этот великий день и стремившиеся превзойти соперников великолепием свиты и блеском антуража; богатые купцы, которые увидели небывалую возможность получить прибыль; ремесленники и мастеровые, горожане и крестьяне из всех уголков королевства, влекомые любопытством, воодушевлением, удивлением; итальянцы, немцы, нормандцы, греки, лангобарды, испанцы, сарацины, увеличившие разноголосицу и разноцветье и без того самого экзотического и космополитического города в Европе.

Через все эти толпы в Рождество 1130 г. король Рожер II Сицилийский проследовал на коронацию. В соборе его ждали архиепископ Палермо и все высшие латинские иерархи его королевства вместе с представителями греческой церкви, которых он не обошел своей милостью. Посланник Анаклета помазал его священным елеем; затем князь Роберт Капу-анский, его главный вассал, возложил корону на его голову. Наконец тяжелые двери собора распахнулись, и, впервые в истории, народ Сицилии узрел своего короля.

Бодрящий зимний воздух дрожал от приветственных криков, колокольного звона и бренчания золотой и серебряной сбруи нескончаемой кавалькады, которая провожала короля обратно во дворец. Туда последовали его гости; и в большом зале, светившемся от алых и пурпурных драпировок, Рожер устроил пир, подобного которому в Палермо никогда не видели. Аббат вспоминает с изумлением, что все блюда для мяса и чаши для вина были из чистейшего серебра или золота, а все слуги — даже те, кто прислуживал за столом, — щеголяли в шелковых одеяниях. Теперь, когда Рожер стал наконец королем, он находил и приятным, и политически выгодным жить по-королевски.

Описание коронации чаще открывает, а не заканчивает повествование. Коронация Рожера является одновременно началом и концом. Ему предстояло царствовать еще двадцать три года, и большую часть этого срока он продолжал делать то же, что и раньше, — укреплять собственные позиции и позиции своей страны, настраивая сменявших друг друга пап и императоров друг против друга и непрерывно борясь, как боролись до него отец и дядя, за то, чтобы держать в руках непокорных вассалов. Но *25* декабря 1130 г. представляет собой не просто удобную промежуточную точку, на которой можно остановиться и перевести дыхание. В этот день цель, к которой Отвили стремились как долго — подсознательно, быть может, но стремились, — оказалась достигнута; с этих пор Сицилия обрела новую уверенность, новое сознание своего места в Европе и миссии,

[96] Избрание монарха до сих пор, восемь веков спустя, является частью обязательной английской коронационной церемонии.

которую она должна выполнить. Хроники стали более полными и информативными; характеры обрели плоть и кровь, и великая культура, которая стала главным наследием, оставленным миру нормандской Сицилией, достигла высшего расцвета. Годы приобретений закончились, начались годы величия.

ЗАМЕТКИ ОБ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Аматус (Эме) из Монте-Кассино

Аматус, монах, жил в монастыре Монте-Кассино во второй половине XI в. Он предположительно был очевидцем многих событий, описанных в его хронике, и, соответственно, его сочинение является наилучшим источником сведений об истории нормандских завоеваний в Италии в период от начала до 1080 г. Его главной целью, по его собственному признанию, было рассказать о славных деяниях Роберта Гвискара и Ричарда из Капуи, но факты он, похоже, излагает достаточно точно.

Оригинальный латинский текст сочинения Аматуса утерян, но в Национальной библиотеке в Париже имеются две копии начала XIV в. в переводе на старофранцузский. Насколько мне известно, на английский язык это произведение никогда не переводилось.

Жоффрей Малатерра

Бенедиктинский монах нормандского происхождения, Малатерра прибыл в Апулию молодым человеком и позже обосновался в созданном Робертом Гвискаром монастыре Святой Ефимии, откуда впоследствии переселился в дочерний монастырь Святой Агаты в Катании. В самом начале сочинения он заявляет, что пишет по повелению графа Рожера I и что его хроника основана не на документах, а на устных преданиях и рассказах очевидцев; потому неудивительно, что в первой части сочинения обнаруживается множество нежностей. После 1060 г., однако, повествование становится четче. Если не считать длинного рассказа о византийской экспедиции Роберта Гвискара, Малатерра пишет исключительно о Рожере и сицилийских делах; возможно, по воспоминаниям самого графа. Во всяком случае, это лучший — и практически единственный — источник, сообщающий о сицилийских войнах Рожера, и, ввиду его полуофициального характера, достоин доверия. Хроника Малатерры заканчивается на 1099 г. Не существует никаких английских или французских переводов.

Вильгельм Апулийский

Поэтическая хроника Вильгельма Апулийского написана по настоянию папы Урбана II и посвящена Рожеру Борее. Ее можно датировать с большой вероятностью последними годами XI в., скорее всего, периодом между 1095-м и 1099 гг. Он рассказывает историю с начала и вплоть до смерти Роберта Гвискара и возвращения Рожера Борсы и армии в Италию. В отличие от других пронормандских хронистов, Вильгельм был итальянцем; Шаландон предполагает, что хронист происходил из Джовинаццо, к которому он явно пристрастен. Вильгельм опирался в основном на местные источники, поэтому он особенно полезен, когда дело касается событий в Апулии, и менее хорош, когда речь идет о западной Италии и Сицилии. Две главные его темы — восхваление нормандцев как избранных Богом наследников византийцев и прославление дома Отвилей. Существует французский перевод Маргерит Матье.

Лев из Остии

Лев Марсиканик происходил из аристократического рода из Марки и появился в Монте-Кассино примерно в 1061 г. Сорок лет спустя Пасхалий II сделал его кардиналом — епископом Остии. Он был другом аббата Дезидерия, по просьбе которого и написал хронику монастыря. Она посвящена Дезидерию. Хотя хроника писалась после 1098 г., в первом ее варианте Лев ни словом не упоминает об Аматусе и базируется на документах и устной традиции; позже, однако, он, кажется, ознакомился с трудом своего предшественника и соответственно переписал собственное со-чинение, доведя рассказ до 1075 г. Далее хроника была продолжена Петром Диаконом, который, хотя ему предстояло стать библиотекарем монастыря и играть важную роль в его делах, оказался неаккуратным и не заслуживающим доверия хронистом. Ша-ландон с редкой для него пристрастностью говорит о его «отвратительной репутации». Собственное сочинение Льва, однако, содержит важные сведения и весьма ценно. Английских или французских переводов не существует.

Фалько из Беневенто

Член одного из влиятельных семей Беневенто, придворный но-тарий и писец, Фалько писал историю своего города и южной Италии примерно в период между 1102-м и 1139 гг. Хроника интересна не только благодаря собственным достоинствам — это основательное, четко выстроенное и живо написанное сочинение повествует о событиях, которым автор был очевидцем, — но также потому, что отражает мнение лангобардского патриота, для которого нормандцы были шайкой невежественных разбойников. Существует итальянский перевод.

Александр из Телезе

Александр, аббат из монастыря Святого Сальваторе около Телезе, писал свою хронику по заказу графини Матильды, сестры Рожера II. В первой части, где якобы излагается биография Рожера, рассказ схематичен и краток; о регентстве Аделаиды не говорится вовсе. Повествование становится интересным только начиная с 1127 г., с событий, приведших к возникновению Сицилийского королевства. С этого момента вплоть до 1136 г., когда Александр внезапно замолкает, его сочинение является ценным источником, хотя следует принимать во внимание его крайнюю тенденциозность. Для него Рожер — божественный избранник, призванный принести мир и порядок на юг, после наказания за прежние несправедливости. Невзирая на свое положение, аббат не питал большого уважения к папе и даже попрекал Гонория II за высокомерие. Существует итальянский перевод.